

Великий **КОНАН**

КОНАН И ОВИТЕЛЬ ДРАКОНОВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОСЛАНИЕ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕРИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРСАЕВ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОИ 9	КОНАН И КАРТЕЛИ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРА 11	КОНАН И КОРЕВЫЕ КАМНИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙКОМ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГЛУБИНО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ВЛАДИМИРА СТРЕЛА 15	КОНАН И ПОСЛАНИЕ ОТ НЕДАВНО 16	КОНАН И ТАЛАНТЫ ЗЛА И НЕДАВНО 17	КОНАН И БИЧ НЕПРАВА 18	КОНАН И ПОСЛАНИЕ ПАВЛОВИЧ АУШ 19	КОНАН И ИСТОРИЯ СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАФИМ АРИМАНА 21
КОНАН И БАТРОСОВ СКО 22	КОНАН И ПОВЕЛИЕ ПЕЩЕРЫ 23	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 24	КОНАН И ПОВЕЛИЕ КОРСАЕВ 25	КОНАН И РУССКИЙ ОСТРЕВ 26	КОНАН И ПОВЕЛИЕ БЕЗНАМ 27	КОНАН И ЗАТОВЫ ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОСА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛЛАХИМ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАДОСТЬ МАСА 32	КОНАН И ЧАША ВЕЩНОСТИ 33	КОНАН И АЛЛАХИМ СТРАК 34	КОНАН И ПОСЛАНИЕ ГЛУБИНЫ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА ВЕЩНОСТИ 37	КОНАН И ПОСЛАНИЕ ПЛОТИ 38	КОНАН И ВРЕМЯ ПРОКЛЯТИЯ 39	КОНАН И ОКОНЫ ВЕЩНОСТИ 40	КОНАН И ВЛАДИМИР НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВО 42

Роман

КОНАН И ОВИТЕЛЬ ДРАКОНОВ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2001

УДК 820 (73)
ББК 84.7 (США)
К66

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

*Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой
книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой
информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Корриган П., О'Найт Н., Хьюз Н.

К66 Конан и обитель драконов: Роман и повесть. — М.: ООО
«Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2001. —
512 с. — (Конан).

ISBN 5-17-005803-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-048-0 («Северо-Запад Пресс»)

Бесстрашный варвар-киммериец не ведает покоя! Новые приключения ждут его в Зингаре, где Конан помогает баронессе Орландо освободить замок, захваченный оборотнями, и разрушить планы безумного жреца. Роман П. Корригана «Закон стай» написан в лучших традициях «меча и магии».

Повесть «Обитель драконов» продолжает цикл «Наемники Коронь» и рассказывает о событиях, развернувшихся с приездом Конана в столице Немедии.

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2000

Глава первая

Вечернем небе уже сгустились сумерки, когда в межгорную долину вползла тяжелая черная туча. Где-то вдали зарокотал гром. Порывы ветра принялись безжалостно трепать деревья в оливковой роще, ломая цветущие ветви, и вскоре в небе уже кружил снегопад из оборванных лепестков. Стеной хлынул дождь.

Дозорные на стенах старого замка сначала обрадовались грозе — им опостылела удушливая жара, безраздельно царившая в этих местах последнее время. Они срывали с себя одежду, запрокидывали к небу лица и подставляли разгоряченные зноем тела под освежающие струи воды... Но вскоре радость стражников пошла на убыль.

Дороги вокруг замка превратились в полноводные реки, тропинки — в ручейки, и уже казалось невероятным, что там, где все теперь пребывало во власти бушующего потока, недавно

была иссушенная солнцем земля с пожелтевшей чахлой травой.

Наконец настал миг, когда стражники решили перебраться в башню: сухо и обзор не хуже. Да и было бы чего опасаться — в такую-то непогоду хозяин собаку на двор не выгонит — какие тут злоумышленники! Так думали стражники. И ошибались.

Прячась в тени старых стен, к подножию главной башни подкатила обтянутая плотной холстиной повозка. Из-под полога выскользнула человеческая фигура, с головы до ног закутанная в серый плащ. Каждый шаг давался человеку с трудом. Сапоги, полные воды, громко чавкали, раскисшая почва выскальзывала из-под ног. Понурая лошадка испуганно вырывалась из рук возницы при каждом новом раскате грома, колеса повозки увязали в грязи.

Все это вызывало естественное негодование, и с уст выбивающегося из сил человека то и дело срывались длинные витиеватые ругательства. Проклятия были отнюдь не грозными — скорее жалобными и плаксивыми. В них звучало робкое обращение к богам, с просьбой прекратить творящееся безобразие. При этом жалобщик совершенно упускал из виду, что именно разгулу стихии он и обязан своим здесь беспрепятственным появлением.

Уныло посмотрев на каменную кладку стены, человек развернул телегу и поставил под дождь ладонь, втайне надеясь, что боги услышали его мольбы, и гроза вот-вот прекратится. Но ливень

не ослабевал. Человек вздохнул и сдернул с повозки холстину, обнажая прятавшееся под ней хитроумное устройство.

Затем, ловко приладив к конструкции подозрную трубу с прозрачным кристалликом горного хрусталя, направил ее на единственное освещенное в замке окно. В трубу он разглядел глубокую черную трещину, зияющую прямо над оконной нишей. С уст человека сорвалось одобрителное мычание. Он потянулся к рычагу.

Внезапно рука его замерла, а на лице возникла недовольная гримаса: при расчетах не были учтены сила дождя и ветра. Пришлось перенастраивать машину. После долгих мучительных трудов, сопровождавшихся нетерпеливым поскуливанием, он закончил свою работу... Теперь все казалось в порядке, и рука плавно потянула за рычаг. Раздался щелчок освобождаемой пружины, и вверх, навстречу нескончаемым струям воды, понесся гарпун, увлекая за собой пеньковый канат, конец которого был прикреплен к хвостовой части оружия. Разматываясь, зажужжала, разбрасывая во все стороны брызги, бобина. Завершив полет, гарпун впился в стену, попав точно в трещину. Стрелок подергал за бечевку и удовлетворенно хмыкнул. В яблочко!

В следующий миг к канату был прикреплен ранец с замком. Человек запрыгал на месте, пытаясь освободиться от насквозь промокшего плаща, а когда ему это удалось, накинул на себя ремни ранца и принялся крутить оказавшееся на груди колесико. Подъем начался.

Звали этого умельца Тиврано, но в последнее время к нему обращались по кличке Клок Шерсти — в банде «волков», членом которой он состоял, не принято было употребление настоящих имен.

До того как встать на путь разбоя, Тиврано, будучи крестьянином, заслужил репутацию взятого неудачника.

За какое бы дело он ни брался — заканчивалось оно неизменно плохо. Неурожай на его скудном поле считался обычным явлением, кролики дохли не реже двух раз в год, жена попалась злющая и сварливая, детей не прижили. Как говорится: куда ни кинь — всюду клин.

Однажды, по завершении летней страды, селяне поехали в город, продать излишки урожая. После долгих уговоров прихватили с собой и Тиврано. В лесу на обоз напали. Не успели разбойники убраться с добычей, как крестьяне прогнали главную, по их мнению, причину их невезения — своего непутевого земляка.

Деваться Тиврано было некуда, вот он и прибил к бандитам. Начали головорезы с того, что тщательно обыскали своего будущего сотоварища: вдруг чего утаил? В результате обыска, в одном из карманов обнаружили обрывок собачьей шкуры. Весть об этой находке быстро распространилась, и вскоре к новичку неотвязно пристала кличка: Клок Шерсти.

В банде Шрама дела бывшего земледельца тоже пошли не лучшим образом. В засады с его участием никто и никогда не попадал, а единич-

ные жертвы, случайно пойманные в лесу, всегда оказывались без денег и богатых родственников, с которых можно бы было потребовать выкуп. К тому же выяснилось, что с военным делом Тиврано, мягко говоря, не в ладах. Меч постоянно вываливался у него из рук, а стрелы исчезали в лесной глуши, успешно минуя мишень.

Дала о себе знать и природная трусость. Звуки битвы вызывали у новоявленного романтика с большой дороги стойкую дрожь в коленках.

После целой череды провалов, происшедших по его вине, разбойники начали сторониться общества Клока Шерсти. Бедолага совсем приуныл, и тут его, специальным указанием главаря шайки, приставили к осадной технике.

Зажиточные горожане и фермеры, как известно, предпочитают жить в укрепленных домах, превращая их в неприступные крепости, и тем, кто любит поживиться за чужой счет, приходится этот факт учитывать. Поэтому когда в руки разбойников попали две осадные машины: одна с гарпуном, другая с катапультой, вопрос состоял не в том, использовать трофеи по их прямому назначению или нет, а в том, кто будет отвечать за эти сложные механизмы. После недолгого обсуждения бандиты единогласно сошлись на кандидатуре Клока Шерсти. Решающую роль в назначении сыграло то обстоятельство, что бывший крестьянин оказался единственным грамотным членом шайки.

И Тиврано занялся техникой. Сначала с неохотой, потом — с нарастающим интересом, а

вскоре, его уже было не оторвать от механических игрушек.

Появились новации. Сперва Клок Шерсти повысил дальность и точность стрельбы катапульты. Вместе с метким выстрелом, отправившим в пропасть отряд королевских солдат, вернулось уважение товарищей. А взять штурмом замок барона Сантоса Орlando без механического приспособления, способного поднимать людей на крепостную стену, вообще бы не удалось. От былого пренебрежения не осталось следа, Клока Шерсти чуть ли не на руках носили.

Однако странная штука человеческая натура: чем больше репутация Тиврано возрастала в глазах его нынешних приятелей, тем настойчивее заявляло о себе желание снискать признание у людей честных. Все чаще вспоминалась ему родная деревня. Подогревались подобные настроения и денежными неурядицами: вопреки расхожему мнению, голодные дни в разбойничьей жизни отнюдь не являлись редкостью.

И Тиврано решился. Вскоре представился подходящий случай. Ремина, дочь барона Орlando, предложила за свое освобождение такую сумму, что если все получится, как задумано, пора бедности и ежедневного риска за гроши останется далеко позади. О возможности неудачного исхода Тиврано старался не думать. Во-первых, его соратники весьма жестоко обходились с предателями, а во-вторых — ну не может же не везти вечно! А когда все останется позади... Он вернется в родное село богатым человеком, где отныне

никому и в голову не придет назвать его неудачником. Купит новый дом, да не какую-то там глиняную лачугу, а настоящий — каменный, в два этажа. Нет. Не купит — а сам построит! С его-то тягой к технике, да заработанными деньгами можно такое наворотить... Когда селяне увидят его дом, сразу ахнут. Да, в мирной жизни он будет строить дома... А если немного подфартит, то, возможно, он даже станет зятем барона...

Бывший крестьянин так замечтался, что сорвал колесико и чуть было не полетел вниз. Судорожно вцепившись в канат, он беспомощно раскачивался на ветру, боясь пошевелиться. Потом, осмелев, трясущимися руками восстановил механизм и продолжил подъем.

Благодаря вере в предстоящий успех, Тиврано стоически переносил все сопряженные с подъемом трудности. Казалось, его совершенно не волнуют стертые до крови руки, ставшая неимоверно тяжелой, насквозь промокшая одежда и пронизывающий до костей ветер. За все время подъема с его уст не сорвалось ни единого сто-на.

Вот и окно. Размотав заранее припасенную веревку, Тиврано привязал один конец ее к канату, а другой скинул внутрь помещения — окно находилось под самой крышей.

Вскоре незванный посетитель уже стоял в центре огромной залы, служившей прежним хозяевам замка кабинетом. На покрытых плесенью стенах полыхали смолистые факелы, свет кото-

рых, из-за конического, уходящего ввысь потолка, навевал не радостно-гостеприимное, а скорее торжественно-гнетущее настроение. «И как только здесь люди живут?» — поежился Тиврано. — «Нет, в моем доме таких потолков не будет!» Набрав в грудь побольше воздуха, Клок Шерсти настороженно огляделся по сторонам.

Экзотическое оружие, развешанное на стенах кабинета, заваленный исписанными свитками и гусиными перьями стол — все это его не заинтересовало. Установленный неподалеку от стола треножник, в основании которого чадили огромных размеров восковые свечи, тоже не привлек внимания бывшего земледельца.

В другом конце помещения, у стены, на цепях висел человек. Узнику, судя по многочисленным ранам, покрывавшим все его тело, крепко досталось. В этот миг несчастный поднял голову, и Тиврано сразу же узнал этого человека, хотя и видел всего один раз. Он оцепенел и с трудом проглотил подкативший к горлу комок. Когда Ремина узнает о том, что он не помог ее отцу... Планы насчет женитьбы придется малость подкорректировать. А жаль! Конечно, можно сделать вид, будто не заметил вельможного пленника... Тут взгляд ночного гостя упал на статуэтку, что покоилась на вершине треножника, и надобность в притворстве отпала — Тиврано и в самом деле забыл обо всем на свете.

Это была на редкость безобразная фигурка, изображавшая двухголовое, похожее на волка чудовище.

Бывший крестьянин, а теперь уже и бывший разбойник, довольно облизнулся: перед ним находился Двуглавый Зверь — цель его визита!

Осторожно обогнув горящие свечи, он вытянул дрожащую от возбуждения руку, и вот уже каменное божество очутилось в его теплой повлажневшей ладони. Бережно замотав фигурку в чистую тряпицу, Тиврано с радостным вздохом спрятал ее за пазуху. Эта часть плана, можно считать, им выполнена.

Вдруг за дверью раздались размеренные тяжелые шаги. Экая неприятность — маг возвращался раньше времени! Скрипнув, поползла в сторону украшенная богатой чеканкой дверь.

Воришка, закусив губу, посмотрел на веревку, оценивая расстояние до спасительного окна. «Проклятье, не успеть!»

Неожиданно дверь замерла, не дойдя и до середины. В коридоре послышались другие шаги — торопливые, частые. И чей-то встревоженный голос произнес:

— Повелитель, девчонка сбежала.

— Что?!

— Во время обхода стражники заметили, что дверь в ее покои не заперта...

— Я же приказал, чтобы ее день и ночь стерегли!

— Ее и охраняли. Но охранник, Клок Шерсти, исчез вместе с девушкой. Думаю, побег был им подстроен — пропала также осадная телега, а с ней никто, кроме нашего грамотея, не мог управиться. Интересно, зачем она ему понадобилась?

Не собираются же они вдвоем штурмовать замок? Эх, попадись он мне!..

Барон тяжело застонал, громыкнув цепями. Воришка с ужасом уставился на узника. Не увидеть в его глазах мольбу о помощи мог только слепой.

— Так найдите их! — строго распорядился маг.

— В такую непогоду?! Да даже если они будут в нескольких шагах, мои люди все равно их не заметят!

— Шрам, ты хочешь сказать, что из-за твоего ротозейства я должен отказаться от собственных планов и тратить время на поиски беглецов?!

— Что вы, повелитель, конечно, нет. Я лишь надеялся, что вы воспользуетесь Двуглавым Зверем...

Незадачливый воришка почувствовал, что от страха весь покрылся мурашками. Статуэтка сразу стала неимоверно тяжелой. Взгляд его затравленно забегал по залу в поисках какого-нибудь укрытия. Как назло, вокруг ничего такого не оказалось.

Тиврано с надеждой посмотрел на пленника. Конечно, барон тоже слышал весь разговор за дверью и догадался, что перед ним и есть спаситель его дочери. Глаза этих так непохожих друг на друга людей встретились. Губы узника скривились в усмешке. Клок Шерсти негромко выругался — висит на цепях, да еще издевается!..

Наконец тревога за судьбу дочери сыграла свою роль, и пленник сжался над разбойником. Острый взгляд, пронизывающий воришку

насквозь, застыл на стене с оружием. Тиврано тоже взглянул на стену и в недоумении пожал плечами. Взор барона остановился на висящей посреди прочего оружия алебарде. Клок Шерсти на цыпочках подошел к стене и повернулся к пленнику: что дальше? Но барон потерял сознание — сказались потраченные на Тиврано усилия. Похититель в который раз замысловато выругался.

В этот момент разговор в коридоре закончился, дверь настежь распахнулась, и на Тиврано с изумлением уставились две пары глаз. Терять было нечего, и ночной визитер, что было сил, впился в алебарду обоими руками. Происшедшее далее удивило его едва ли не больше остальных: часть стены вдруг повернулась вокруг своей оси, и он очутился в крохотной комнатухе, единственной достопримечательностью которой являлась насквозь проржавевшая железная лестница. Лестница вела куда-то вниз, в бездонную черноту ненастной ночи...

* * *

На следующее утро расположенная неподалеку от замка оливковая роща источала такой аромат, что воздух в ней казался густым и пряным.

На дорогу, пролежавшую через долину, выбрался одинокий путник.

Это был рослый загорелый мужчина крепкого телосложения. Его одежда состояла из кожаной куртки и протертых до дыр штанов. Длинные черные волосы на затылке стягивал сыромятный ремень. Цепкий вдумчивый взгляд си-

них глаз, ироничная, чуть с горчинкой улыбка, временами будто крадучись возникавшая на его устах, свидетельствовали о богатом жизненном опыте, а горделивая осанка и полные львиной грации движения выдавали уверенного в своих силах человека. Возраст путника с трудом поддавался определению. Не боясь ошибиться, о нем можно было сказать лишь одно, что беспечная юность его, увы, уже пронеслась, а седовласая старость еще не наступила.

На миг остановившись, обладатель могучей фигуры поправил сползшее с плеча седло, глубоко вздохнул, наслаждаясь пьянящим благоуханием рощи, огляделся по сторонам и уверенно зашагал по раскисшей дороге.

Имя он носил Конан, а родом был из Киммерии. Поблекшая рукоять закинутого за спину меча, кожаные ножны, засаленные от частого употребления, да тот особый хищный взгляд не оставляли сомнений в выбранном им ремесле — на жизнь Конан зарабатывал своим оружием.

После переполоха, устроенного не без его участия при одном могущественном королевском дворе, киммерийцу требовались две вещи: скрытая от людских глаз берлога, где можно отсижеться, и деньги. Еще пригодилась бы лошадь, ибо свою он потерял во время переправы через горную реку.

По привычке, в прошлом частенько спасавшей ему жизнь, воин-варвар, не сбавляя темпа движения, вглядывался в затейливые узоры, оставленные бесчисленным количеством ног на доро-

ге. Вначале ему повстречались отпечатки заячьих лап. Потом, преследуя косого, пробежала лисица. Оставил ямки от копыт выбравшийся на обочину пощипать свежие побеги листвы олень. Некоторое время назад на запад промчался всадник. Были и другие следы. Одни удавалось прочесть сразу, иные требовали тщательного изучения.

Неожиданно на глаза киммерийцу попалось кое-что, привлечшее его внимание. Конан остановился.

Четко проступающие отпечатки двух пар ног. Мужчина и женщина — без труда определил северянин. Сначала люди просто шли по дороге, потом вдруг бросились бежать, будто сами демоны гнались за ними, и все для того, чтобы скрыться в лесу. Вряд ли это произошло случайно. Варвар нагнулся и провел рукой по влажной земле. Мужчина вооружен, а женщина — налегке. Парочка была здесь совсем недавно: след не успел потерять четкость, а ямки — заполниться водой. Сделав пару шагов, киммериец обратил внимание на сломанную ветку кустарника, росшего недалеко от дороги. Как раз к нему и вели следы. А еще через несколько шагов черед свернуть с проторенного пути и устремиться в погоню за беглецами настал для отпечатков лошадиных копыт.

«Если за ними гнался разбойник, то, возможно, я не останусь без работы, а значит, будет на ночь крыша над головой, кувшин вина и добрый ужин.»

Киммериец ненадолго задумался. С одной стороны, впутываться в историю без малейшего понятия, что это за история, не особенно ему улыбалось, с другой — никуда не впутываясь, можно спокойно дожить до старости, но так денег точно не заработаешь.

Внутренняя борьба в душе северянина длилась недолго, варвар поправил седло на плече, и, замурлыкав веселый мотивчик, слышанный им на одном из постоянных дворов Пуантена, уверенно свернул с дороги.

Как и следовало ожидать, сразу за кустарником следы всадника последовали за четкой цепочкой следов беглецов. Хмыкнув насчет шансов преследователя настичь свою жертву, следопыт перешел на бег.

Еще в детстве ему довелось присутствовать при споре двух бывалых воинов. Предметом спора послужил вроде бы очевидный вопрос, кто быстрее: человек или лошадь.

— Даже если человека должным образом тренировать, — размахивая руками, кричал один из спорщиков, высокий сухопарый бритунец, — он все равно проиграет!

Его оппонент, среднего роста немедиец, с готовностью согласился, но тут же добавил с лукавой улыбкой:

— Но верно это лишь на короткой дистанции. Если же расстояние увеличить, да еще и место выбрать в горах — все будет решать не скорость, а выносливость. А не родилось на белом свете зверя выносливее человека!

Трудно сказать, послужил услышанный много лет назад спор причиной принятого мальчиком решения, или явился лишь поводом, а причина находилась где-то глубже, но с тех самых пор Конан приучил себя передвигаться бегом, где это было необходимо. Он мог бежать день и ночь, есть прямо на ходу, и не чувствовал при этом усталости. Вот и сейчас, подобно легкому дуновению ветерка, киммериец стремительно заскользил от дерева к дереву, не теряя следа из виду.

Срывая по пути зеленые ягоды ежевики, северянин выбрался к расщелине, образовавшейся между двух отвесных скал, заросших молодыми побегами папоротника. Вершина горы стыдливо укрылась густой листвой, а склон у подножия, напротив, оказался открытым. Место наверху — для засады лучше не придумаешь.

Кром! Оказывается, он до сих пор насвистывал мелодию пуантенских музыкантов. Конан досадливо поморщился. В сложившихся обстоятельствах подобная беспечность могла стоить жизни...

Отметив про себя, что с вершины хорошо просматривались оба склона, следопыт двинулся дальше.

Из-за горы послышалось негромкое лошадиное ржание. Северянин пригнулся к земле и, освободившись от седла, потянулся за мечом. Рука ощутила знакомый холод металла. Держа оружие наготове, воин-варвар стал осторожно взбираться по пологому откосу. Вот и вершина. Никого. Внизу, за пологом ветвей, шло какое-то движе-

ние. Конан взгляделся в промежутки между деревьями. На крохотной лужайке, мирно пощипывая травку, паслась кобыла под седлом.

«Иранистанских кровей...— Лицо северянина удивленно вытянулось.— Слишком дорогая лошадка, чтобы вот так, запросто, разгуливать одной по лесу.»

«Лошадка» тревожно фыркнула и, подняв голову, замерла, постригивая чуткими ушами, но вскоре успокоилась и вернулась к прерванному занятию. Киммериец, осторожно раздвигая ветки,— со стороны могло показаться, что их колышет ветер,— стал спускаться вниз. Внезапно раздался полный муки человеческий стон. Конан ускорил шаги и вскоре оказался в низине.

Раненый лежал в густой траве, у ног кобылы, уткнувшись лицом в мягкую землю. Досталось ему крепко: из спины, прямо напротив сердца торчал черенок арбалетной стрелы.

Киммериец наклонился, снял с пояса баклажку с водой и осторожно перевернул человека.

Несколько капель воды вернули ему сознание. Раздался клекот, на губах выступила густая розовая пена. Конан удрученно покачал головой: человек умирал. Помутневший взгляд его остановился на киммерийце, и в этот момент раненый, сквозь клочья пены, едва слышно прохрипел:

— За что?.. Последний кого в жизни вижу — презренный варвар!

Умиравший закусил губу, его тело выгнулось дугой, дернулось и затихло. Следопыт напряжен-

но вздохнул. Слова незнакомца не задели его самолюбия. Тот, кто готовится предстать перед богами, вообще заслуживает снисхождения, к тому же парень явно бредил.

Будучи родом из далекой Киммерии, Конан давно свyksя с расхожим представлением о своей родине, как о дремучей варварской стране, а о себе самом — как о тупом, кровожадном дикаре, пожирающим печень своих врагов. Он больше не бросался на представителей так называемых «цивилизованных народов», если те неосторожно высказывались насчет его происхождения, пристрастий или общественного положения. Но до сих пор это касалось либо напыщенных глупцов, которым все равно ничего не докажешь и на мнение которых Конану было плевать, либо выскочек и забияк, пытавшихся таким способом оскорбить северянина и вызвать на поединок. Последних Конан не понимал. Если людям хочется подраться, почему не сказать об этом напрямик, он в такого рода удовольствиях никогда и никому не отказывал...

Однако в данном случае — перед ним находился умирающий. А Конан очень серьезно относился к древнему поверью, согласно которому устами уходящих из жизни вещают сами боги. Неужели Кромю не все равно, в кого вдыхать искру жизни? Но чем тогда отличается он, Конан, от других людей? Не в одной же внешности дело!..

Дав себе слово, впоследствии поразмыслить над этим вопросом, Конан настороженно огля-

делся. Ничего подозрительного не заметив, он тщательно обыскал всю поляну. Вскоре удалось выйти на следы беглецов, тянущиеся в обратном направлении, к дороге.

Варвар постоял, в задумчивости шевеля губами, потом пожал плечами и направился за оставленным седлом.

Поднявшись на вершину горы, киммериец принялся восстанавливать картину происшедшего.

Арбалетчик поджидал всадника именно здесь, в расщелине между скал: вон на дереве сломана ветка — очевидно, он использовал ее для упора при стрельбе, да и трава там примята, словно злоумышленник провел тут всю ночь...

А вот здесь его ждала девушка, тонкий запах ее благовоний еще витал в воздухе. Значит, она знатного происхождения — крестьяне не пользуются дорогими маслами.

А это уже вдвойне интересней. Что заставило ее бежать и искать убежища в лесу? Кто этот человек, гнавшийся за беглецами? Да и сами беглецы — весьма странная пара... Вопросы, кругом вопросы, ответы на которые киммериец пока не нашел.

Тщательно исследовав место трагедии, Конан медленно привстал с колен и отряхнулся. Потом недоуменно покачал головой. В момент выстрела, арбалетчик испытывает отдачу, и пятки глубже, чем обычно вдавливаются в грунт. Именно этих следов, он, несмотря на все старания, так и не обнаружил. Ветка-упор тоже пропала, будто

стрелок взял ее с собой. Конан пребывал в полнейшем смятении.

Существовала и еще одна загадка: путешествовать верхом с точки зрения большинства людей предпочтительнее, нежели пешком. Тогда, спрашивается, почему беглецы махнули рукой, на оставшуюся без хозяина лошадь?

Сделав несколько шагов в сторону, Конан неожиданно наткнулся на потерянную ветку, а вместе с ней нашелся и ответ на другой вопрос. Он вглядывался не в те следы. Стрелком оказалась женщина!

Конан снова спустился к убитому. Обернувшись, он мысленно представил полет стрелы. И невольно поежился.

Не хотелось бы оказаться мишенью, когда оружие в руках у такой воительницы! Стрела попала прямо в сердце, до того миновав узкий промежуток между двумя толстыми соснами. И это на расстоянии свыше сотни шагов!

В следующее мгновение руки варвара сновисто пробежали по карманам мертвеца. Найденный кошелек оказался полным золота и серебра.

Северянин присвистнул. Недурно! Тянет не меньше, чем на сотню монет. И такая удача в самом начале дня! Без каких-либо угрызений совести — мертвым золото ни к чему — он положил кошелек к себе в карман.

Больше ничего интересного найти не удалось, и киммериец уже собирался уходить, но в этот момент голова несчастного безвольно упала на бок, вызвав у варвара новый присвист удивле-

ния. На щеке убитого красовалась татуировка с изображением оскаленной волчьей пасти.

Конану еще в Пуантене доводилось слышать про бандитов из клана «Волка», и именно эти края называли их вотчиной. О них ходило немало историй, из которых вовсе не следовало, что «волки» безнаказанно спускают убийство своих собратьев. Теперь становилось понятно, почему убийцы оставили лошадь. Лучше идти на своих ногах, чем ехать верхом на такой улике.

Конан задумался, решая как ему поступить дальше. «Лошадка слишком хороша, чтобы бросить ее в лесу. Это с одной стороны... А с другой — она обещает серьезные неприятности: «волки», наверное, уже ищут своего исчезнувшего приятеля...»

Варвар не боялся возможной потасовки — для чего же еще старик Кром дает жизнь мужчине, как не для славных драк?! Не нравилось киммерийцу другое: шум мог привлечь к нему совершенно нежелательное внимание. В Зингаре вряд ли забыли, как он спас ее бывшего короля Фер-друго. И нынешний властитель не скажет ему за это спасибо. А какого бы высокого мнения Конан о себе ни был, он прекрасно понимал, что с целой армией ему не справиться.

Имелась и еще одна причина для беспокойства: те, кто рассказывал киммерийцу про грозный разбойничий клан, наводящий ужас на всю округу, неизменно связывали его появление с небывалым разгулом магии в этих краях. Даже запрет на нее был снят как раз тогда, когда «вол-

ки» впервые дали знать о себе. У Конана с магией, равно как и с адептами этого древнего искусства, были давние счеты. Именно эти таинственные силы он посчитал виновными в уничтожении родного племени. Конан, тогда, отомстил за сородичей и дал себе обет: больше не иметь с чародеями никакого дела. Но жизнь, словно в насмешку, постоянно сталкивала его с ними. В результате, не привыкшему отступать киммерийцу, много раз приходилось обнажать меч против выходцев из царства тьмы.

Неожиданно решение пришло ему в голову: лошадь он, конечно, возьмет, но настолько быстро минует эти места, что на неприятности не останется времени. Варвар стряхнул с себя оцепенение и принялся переседлывать лошадь.

* * *

Овражек — небольшой городок у подножия величественных Рабирийских гор оказался глухим захолустьем. Пара постоянных дворов, убогие торговые ряды, покосившиеся дома вдоль кривых грязных улочек, да провонявшая запахом пота и кислого пива таверна. И если на базаре кто-то стянул у почтенной хозяйки несколько медяков... у той самой Унны, что изменяет своему муженьку с сыном шорника, то эту новость горожане обсуждают неделю.

Вообще-то, деньги теперь у киммерийца водились, и дабы проверить, что происшествие в лесу ему не приснилось, Конан пощупал кошелек, спрятанный под одеждой. Но вот вопрос: надол-

го ли их хватит? А насчет заработка в здешних краях — северянин с тоской огляделся по сторонам — крайне сомнительно.

Поднявшись по расхлябанной лестнице таверны «В гостях у Понтикуса» — так называлось самое приличное с виду заведение, сочетавшее в себе питейный зал и постоянный двор — Конан еще с порога заметил хозяина — плешивого заморанца, резво снующего между столами. Найдя свободный угол, киммериец поудобнее расположился, и поманил хозяина золотым.

Бросив на гостя пронизательный взгляд, маленьких, слегка раскосых глаз, прилепившихся к огромному орлиному носу на пол-лица, плешивый должным образом оценил жест нового посетителя и скрылся в кухонной пристройке. Вскоре он появился, неся поднос с головкой козьего сыра, свежей зеленью и кувшином вина. Маслянистые глазки Понтикуса без особого энтузиазма задержались на дырявых штанах и поношенной куртке варвара, что, однако, не нашло отражения в его заискивающем сладком голосе:

— Изволите ли еще чего-нибудь, господин?

— Свежего хлеба и жареного кролика — как у того торговца, что сидит напротив, впрочем... можно и пожирнее, да, и еще кувшин вина. Распорядись также, чтобы позаботились о моей лошади.

— Будет исполнено, господин, — хозяин низко поклонился, но уходить не спешил.

Конан почувствовал на себе его хитрый выжидающий взгляд. Заморанец подчеркнуто презри-

тельно уставился на его протертую, давно не стиранную штанину.

Киммериец широким жестом вытащил из-за пазухи кошелек и небрежно бросил его на стол. Монеты мелодично звякнули.

При этом завораживающем звуке в Понтикуса, казалось, вселилась демоническая сила. Торопливо смахнув грязной тряпкой крошки со стола, он стремглав бросился выполнять полученный заказ.

Дождавшись, пока глаза привыкнут к полумраку зала, Конан осмотрелся.

На сцене, под заунывную музыку извивалась перерезавшая танцовщица, демонстрируя подгулявшей публике свои сомнительные прелести. Впрочем, старалась девица на совесть, и подвыпившая компания лесорубов осыпала ее медяками. Прямо перед столиком северянина, настороженно поглядывая по сторонам, доедал жаркое купец, судя по длиннополному одеянию и широкому кушаку — уроженец Офира. Справа от варвара, вдоль длинного дубового стола, расположились рабочие с рынка: весовщики, носильщики, возницы. Они вели себя степенно, речь их была тягучей и размеренной, на странной смеси нескольких языков. У дальней стены, громко разговаривая и стуча кружками, налегали на вино молодые подмастерья, загрубевшие руки и покрытые сажей лица которых, выдавали в них будущих кузнецов. Еще левее, жадно пялился на танцовщицу в конец ослотившийся меняла. Было видно, как по его отвислым губам текут слюни,

и лишь присутствие лесорубов, остужало его сладострастный пыл.

Переведя взор ближе к входу в таверну, Конан сразу увидел ее. Увлеченная разговором с сидящим спиной к киммерийцу мужчиной, она небрежным жестом поправляла выбивавшуюся из-под капюшона прядь белокурых волос. Прядь, демонстрируя, с точки зрения хозяйки, совершенно неуместное упрямство, опять выскакивала, и все начиналось с начала.

Что-то в девушке сразу привлекло к себе внимание северянина.

Не одежда. Длинный плащ, скрывавший ладную фигурку, не отличался ни дороговизной материи, ни изяществом отделки. И не лицо. Правильной формы, с тонкими чертами, оно было весьма привлекательным, однако Конан за свою жизнь успел достаточно насмотреться на женскую красоту, чтобы как-то по-особому на нее реагировать.

Выделялся взгляд. Гордый, неприступный, и одновременно трогательно беззащитный. Он абсолютно не вписывался в полную алчности и похоти атмосферу заведения. И девушка это осознала, хоть и старалась держаться непринужденно.

Заметив, что вызвала интерес северянина, незнакомка положила маленькую точеную ладонь на мясистую руку своего друга и что-то горячо зашептала ему на ухо. Мужчина возразил. Блондинка настаивала. Наконец ее спутник сдался и, спустя мгновение, оба встали из-за стола. Звяк-

нуло оружие — из мешка, заброшенного мужчиной за спину, торчали приклад арбалета и рукоять короткого, изогнутого меча. Мгновением раньше прямой тяжелый кинжал, которым спутник девушки отрезал куски ветчины, нашел свое место за отворотом его сапога. Киммериец был почти уверен, что это те самые беглецы, на чьи следы он наткнулся в лесу.

Конан провожал их взглядом до самых дверей, стараясь не упускать из виду пробирающуюся к выходу пару. Отсвет факела на мгновение выхватил лицо мужчины. Понурый, бегающий взгляд, вымученная улыбка. И что только такая красавица в нем нашла?

«Воистину,— подумал киммериец,— женщин нам понять не дано».

Звякнув кольчугой, мужчина заискивающе распахнул перед спутницей дверь...

Послышался шум упавшей табуретки, вернувшийся варвара в таверну: меняле надоела пассивная роль зрителя, и он, едва переставляя заплетаются ноги, направился к сцене. Но видно боги были равнодушны к его страданиям: по дороге менялу перехватил оживившийся вдруг купец:

— Дружище Кафа, как и ты здесь! Небось, уже успел кого-то обжулить?

На лице менялы проступили красные пятна, в голосе послышалось раздражение:

— Лобидус, старый мошенник, ты по себе остальных не ровняй! Я, к твоему сведению, свои дела веду честно.

Сделав это категоричное заявление, Кафа повел мутными глазами по сторонам, дабы убедиться, что все слышали его достойный ответ на возмутительную реплику офирца. После этого он вытер сальным рукавом влажный рот и добавил:

— А сегодня я намерен кутить.

Такое заявление произвело впечатление на купца, лоб которого изрезала густая сеть морщин. Чтобы Кафа, вот так, расставался со своими деньгами? Да такого просто быть не могло! Посидев несколько мгновений с озадаченным видом, Лобидус вдруг со всего размаху огрел себя пятерней по лбу.

— Ну конечно, тупоголовый я осел! Послезавтра же свадьба, понаедет полно всякой знати, всех надо накормить, обслужить. Городским властям придется снаряжать караван в Пуантен, за припасами. Значит, повысится спрос на аквилонские деньги. Вот почему ты в последнее время давал за них больше, чем обычно. А теперь, когда благодаря твоим стараниям весь запас их в Овражке иссяк, решил со спокойной совестью отметить этот обман! Не выйдет, Кафа! Я буду жаловать в городской суд! А если понадобится, то и самому барону! Ты весь город обчистил до нитки!

Теперь меняла покраснел до кончиков волос. Хмель из его мозгов разом выветрился. Вжав голову в плечи, он с яростным видом покосился в сторону прервавших трапезу лесорубов, туго соображая, избрать ли их объектом для отмщения,

или выплеснуть всю злость на офирца. Оба варианта казались ему одинаково привлекательными. Подмастерья за соседним столом, привлеченные громкой перепалкой торговцев, притихли и с интересом ждали продолжения спора.

В таверне воцарилась тишина, и только немецкие музыканты продолжали тянуть свой заунывный мотив, от которого у Конана сводило зубы... Наконец, меняла сделал свой выбор. Он вплотную подступил к Лобидусу, нависая над ним грозной хищной птицей. В голосе разъяренного Кафы отчетливо прозвучало предостерегающее шипение:

— Все это бессовестная ложь и клевета! Можно подумать, ты не припрятал лучшие товары?!

— С вас один золотой, господин.

Конан резко обернулся. Рядом, подобострастно вытянувшись, стоял Понтикус. Скользнув взглядом по столу, на котором парило жаркое, киммериец поинтересовался:

— Почему так дорого? Я заказывал кролика, а не быка.

Последовало красноречивое пожатие плечами, но все же хозяин удостоил его ответом, кивнув на сцепившихся торгашей:

— Это они взвинтили цены. Готовятся погреть руки на свадьбе герцога рабирийского и дочки нашего барона. Попрятали товары в закрома. А много ли у крестьян припасов? Зима была нынче лютая.

Конан со вздохом полез в кошелек. Едва монета коснулась стола, Понтикус неуловимым

движением подхватил ее и приготовился улизнуть. Осуществить намерение помешала мозолистая рука, внезапно оказавшаяся на плече заморанца.

— И все же я переплатил вдвое. Но если ты мне кое-что растолкуешь — позволю оставить деньги себе.

Понтикус открыл было рот, собираясь протестовать, но то ли внушительные размеры варвара, вкупе с железной мощью его пятерни, то ли справедливость сказанных слов сыграли положительную роль. В результате рот закрылся, и хозяин продемонстрировал гостю самую любезную из своих улыбок. Конан, не обращая внимания на льстивую игру заморанца, кивнул и, как ни в чем не бывало, продолжил:

— Расскажи-ка поподробнее об этой свадьбе.

Хозяин посмотрел на него так, будто киммериец только что спустился с Луны.

— Незнакомец, не притворяйся! Всей Зингаре известно о женитьбе пресветлого герцога Ренальда, двоюродного брата короля, да благословит Митра его мудрое правление, на дочери властителя здешних земель, юной баронессе Орландо. Иначе, с какой целью такой человек как ты, — последовал выразительный кивок в сторону меча, — явился в эту глушь, если не погулять на свадьбе?

Конан вздрогнул.

— Сюда прибудет брат короля?

— Согласно древнему обычаю, свадьбу справляют в доме невесты.

Киммериец медленно кивнул. Определенно, в его жизни началась несчастливая полоса — сначала неудачный дворцовый переворот с последующей погоней, потом потеря лошади в самый неподходящий момент, и вот, теперь, отыскав, казалось бы, укромный и тихий уголок, он и здесь не находит себе покоя. Конан вспомнил, что все еще держит Понтикуса за руку:

— Я остаюсь в городке до утра. Приготовь комнату и отнеси туда кувшин вина. Если вино мне понравится, на рассвете получишь еще золотой.

— Конечно, конечно! Как вам будет угодно, мой господин!

Вонзив зубы в мясо кролика, которое оказалось вовсе не таким жестким, как того можно было ожидать, судя по небывалым размерам зверька, и, запивая его вином, Конан живо набросал план дальнейших действий: на рассвете, дабы избежать встречи с герцогом и его гвардией, он потихоньку выберется из Овражка, сделает небольшой крюк по окольным дорогам и поедет в Кордаву, где сядет на первое же судно. А в открытом море может всякое произойти... Киммериец частенько и с удовольствием вспоминал свои пиратские похождения. Да, решено, именно так он и поступит.

Вдруг, дверь в таверну с грохотом распахнулась и внутрь ворвались вооруженные люди.

Трое из них встали вдоль стены и, натянув огромные боевые луки, направили стрелы на посетителей. Остальные «волки», а левую щеку вло-

мившихся в зал мужчин украшали уже знакомые Конану клыкастые волчьи морды, забегали между столами, бесцеремонно заглядывая в лица гуляк. Киммериец насчитал десяток разбойников. Возглавлял молодчиков здоровенный детина, лоб и щека которого были обезображены страшным шрамом. Завсегдатаи заведения проводжали бандитов взглядами, говорившими о полном отсутствии к ним симпатий, однако открыто протестовать никто не решился. Танцовщица с визгом бросилась к лестнице, ведущей на второй этаж дома. Один из «волков», заржав, попытался уцепиться за женщину ниже спины, за что заработал строгий окрик своего вожака. Навстречу предводителю головорезов устремился хозяин таверны:

— Разрешите угостить вас, многоуважаемый господин Шрам, за счет заведения, разумеется.

Господин Шрам грубо оттолкнул Понтикуса, даже не взглянув на него, и властным начальственным голосом рявкнул:

— Искать повсюду! Его прикончить можно сразу, а девка мне нужна живая!

К Конану направился рыжий громила, вооруженный внушительных размеров палицей. Пытаясь предупредить дальнейшее развитие событий, киммериец с сожалением оторвался от еды, и едва слышно произнес:

— Я не ищу неприятностей.

Рыжий довольно ухмыльнулся, оценивающе оглядел северянина, затем окинул взглядом притихший зал. Все выглядело как обычно: при виде

«волков», людишки, не сговариваясь, делали себе в штаны. Подражая голосу своего командира, великан, что было сил, заревел:

— Встать, грязный варвар!

По всей вероятности, он проделывал подобные трюки и раньше. Наверно, это его забавляло. Бросив оскорбление в лицо киммерийцу, он с интересом уставился на свою жертву.

Так и осталось невыясненным: какую именно реакцию он рассчитывал получить, однако то, что произошло через миг, явилось для верзилы полной неожиданностью.

Северянин тяжело вздохнул, с скупающей улыбкой положил недоеденного кролика на деревянное блюдо и, выполняя приказ, медленно встал. Одной рукой опираясь о стол, другой он подхватил скамью, на которой сидел, и, коротко размахнувшись, огрел ею незадачливого громила по темени. Мебель у Понтикуса была сработана из прочного дуба, поэтому лавка осталась цела, лишь по сиденью змейкой пробежала трещина.

В притихшей таверне глухой удар прозвучал неприлично громко. Не теряя времени, Конан бережно подхватил обмякшее тело разбойника, и повернулся к лучникам. Те, опасаясь попасть в своего, недоуменно переглянулись. Когда решение, наконец, созрело в их головах, было уже слишком поздно. Отбросив ставшее бесполезным тело, Конан ударом в челюсть отправил отдыхать ближайшего стрелка. Его приятелю досталось серьезнее. Разбойник попытался дотянуться ножом до варвара. Нож у него тут же отобрали, и

в следующий миг сунули под ребра хозяину. Третий лучник благоразумно отступил.

Киммериец, получив передышку, огляделся. Выяснилось, что у него появились союзники. Работники торговых рядов, не питавшие к «волкам» нежных чувств, с удовольствием присоединились к драке. Их поддержали юные кузнецы. Последнее обстоятельство сыграло злую шутку с отступающим лучником. Один из подмастерьев бросил ему в голову оловянную кружку с остатками сидра. Снаряд попал точно в цель. Разбойник зашатался, на ставших вдруг студенистыми ногах, и как подкошенный рухнул на пол. В стороне от происходящих событий остались лишь купец и меняла. Они с самого начала драки юркнули под стол и теперь испуганно выглядывали оттуда.

Тем временем Шрам и уцелевшие бандиты, каковых набралось человек пять, собрались у двери, обнажив мечи.

Конан тоже потянулся к оружию. Его добровольные помощники испуганно пятились. Одно дело принять участие в веселой потасовке, и совсем другое — идти, непонятно во имя чего, на верную смерть.

Божак «волков» презрительно ощерился:

— Я сегодня добрый. Всех, кроме вот его, — указательный палец разбойника ткнул в киммерийца, — прощаю. Можете убираться.

Избегая смотреть в глаза Конану, люди медленно потянулись на выход. Шрам от души ликовал.

— Быстрее! Считаю до трех, если кто останется — разделит участь этого варвара.

У дверей возникла толчея. Не успел предводитель разбойников закончить счет, как заведение опустело. В таверне снова воцарилась тишина. Конан и шестеро «волков» молча смотрели друг на друга.

В душе киммерийца бушевала буря; второй раз за день его называли варваром, а это уже было слишком...

Неожиданно дверь распахнулась и впустила еще одного члена «волчьего» братства. Разбойник был не один. Он тащил за руку позеленевшего от страха Понтикуса. Подскочив к главарю, вошедший принялся что-то горячо объяснять ему, временами кивая на варвара.

У Шрама от удивления вытянулось лицо. Не дослушав, он повернулся к Конану:

— Ты приехал на лошади Рваного. Расскажи, как она попала к тебе и, быть может, я подарю тебе жизнь.

Конан лишь усмехнулся в ответ.

— Я же сказал, что не ищу неприятностей. Но и не говорил, что бегаю от них. Моя жизнь принадлежит только мне и Крому, так что попробуй-ка сперва ее отнять.

— Будь по-твоему, чужеземец! Ты сделал свой выбор.

Шрам с видом человека, безвозмездно предложившего ближнему счастье и вместо благодарности им же оплеванного, пожал плечами и обратился к одному из своих молодцов:

— Степняк, он твой. Можешь покалечить, но не убивай, у меня к нему есть еще пара вопросов.

Вперед, поигрывая могучей мускулатурой, вышел воин с восточными чертами лица. Окинув своего противника надменным взглядом, Степняк недобро улыбнулся:

— Варвар сможет говорить!

Потом, без предупреждения он бросился к Конану и коротко резанул мечом, целя в голову северянина. Клинок в последний момент слегка изменил угол движения: чтобы чужак выжил, «волк» решил бить плашмя.

Киммериец отпрянул. Не встретив ожидаемого сопротивления рука с мечом продолжила путь, увлекая за собой и тело. Кончилось тем, что Степняк потерял равновесие и растянулся на полу.

Разбойники замерли в ожидании смертельного удара. Но варвар даже не шевельнулся. Бить лежащего на земле противника Конан считал для себя недостойным.

И тут в голове киммерийца возник вопрос: а как бы на его месте поступил цивилизованный человек? В таком случае, ответил сам себе Конан, небесные врата уже бы гостеприимно распахнулись пред этим бандитом. Следовательно, такой человек, действует не под влиянием сердца, а по велению разума? Даже если разум ему подсказывает нечто бесчестное.

Северянин улыбнулся собственным выводам и решил, что варваром быть не так уж и плохо.

Тем временем обескураженный Степняк, опасливо озираясь, поднялся на ноги, и приготовился к новой атаке. «И этот негодяй еще смеет называться мужчиной! — с негодованием подумал Конан, глядя на перекошенную злобой физиономию «волка». — А может, стоит попробовать вести себя как они?»

Степняк засопел, сделал отвлекающий выпад и повторил свой прежний прием. Меч со свистом рассек пустоту. Киммериец укрылся за лестницей, ведущей на второй этаж.

На этот раз разбойник устоял на ногах, и лишь чуть-чуть приоткрылся. Небольшая ошибка, но чуть не стоившая ему жизни. Конан, в соответствии с принятым решением о приобщении к цивилизации, хотел ею воспользоваться, но... в последний момент передумал.

С одной стороны, резня, которая неизбежно последует за убийством, не пройдет мимо внимания городской стражи. С другой — на лице Конана возникло задумчивое выражение — пора поставить на место этих молодчиков, и остудить их пыл, а после скрыться без ненужного шума.

Степняк, приняв отступление киммерийца за трусость, снова ринулся в атаку и... провел любимый прием в третий раз.

Конан посчитал такое однообразие оскорбительным, небрежно отбил выпад и контратаковал.

Оружие варвара с чавкающим звуком погрузилось в утробу противника. Степняк удивленно посмотрел в глаза киммерийцу, глубоко вдохнул

и... испустил дух. На пол повалилось уже бездыханное тело.

Победитель подошел к одному из столов, взял там тряпку и, не обращая внимания на пораженных таким исходом «волков», вытер кровь с своего меча. За спиной его снова хлопнула входная дверь.

Шрам опомнился первым и прошипел:

— Убить наглеца!

— Отставить! Никому не двигаться! Оружие в ножны!

Конан заинтересованно обернулся.

Резкий каркающий голос принадлежал низенькому существу, ростом с карлика. На вид ему было лет сорок. Длинные темные волосы спутанными клочьями падали на глаза коротышке, а узкое лицо, благодаря острому подбородку, напоминало голодную хищную птицу.

Очевидно, этот недомерок обладал реальной властью над «волками», ибо последние послушно убрали клинки.

Шрам вполголоса пересказал карлику последовательность событий. Когда он закончил, маленький человечек, подошел к Конану, и принялся разглядывать его так, словно перед ним был не человек, а диковинная зверушка. Удовлетворив свое любопытство, он с ехидцей спросил:

— Не ищешь неприятностей, но будто с мечом родился... Наемник, не так ли?

Сочтя вопрос риторическим, киммериец ограничился настороженным кивком. Постепенно с

лица северянина сошло выражение вызова: в воздухе пронесся едва уловимый запах золота, и Конан опасался его вспугнуть.

— Значит, интересуют только деньги? Служишь тому, кто больше заплатит? М-да... И какова же твоя цена?

В разговор вмешался Шрам:

— Его цена — хорошая трепка, которую сейчас я ему задам.

Коротышка перевел взгляд на предводителя разбойников. В глазах его мелькнуло раздражение:

— Ты ничего не сделаешь без моего приказа! Зачем убивать, когда можно купить?

— Затем, что он прикончил двух моих людей и еще нескольких покалечил. Не говоря уже о том, что украл лошадь Рваного. За такое полагается только смерть. А деньги и нам пригодятся.

Карлик в разочаровании заломил руки. Как Конан убедился впоследствии, преувеличенно эмоциональное восприятие происходящего было для коротышки обыденным.

— А что, Рваного тоже он убил?

— Этого я не знаю, но как раз собирался его расспросить, — нахмурился главарь.

— Ах, Шрам, Шрам! — укоризненно покачал головой коротышка, и стал увещевать разбойника елеинным голосом. — Ты так скор на расправу, и даже мысли не допускаешь, что наш брат Рванный мог сам отдать лошадь этому доброму варвару. Взгляни на него, как он кроток и скромн, вот с кого вам бы следовало брать пример. — И

вдруг неожиданно карлик сорвался на крик: — Мы понапрасну теряем драгоценное время! Если бы не твоя глупость, беглецы уже были бы в наших руках! Повелитель будет тобой недоволен.

Не дожидаясь ответа, человечек опять повернулся к Конану.

— Я не представился. Мое имя — Козим, управляющий властителя окрестных земель, барона Орlando. Эти добровольные стражи закона помогают мне... поддерживать порядок в этих краях. К сожалению, мозгов у них не хватает, и все приходится делать мне самому. Теперь рассказывай, кто ты такой?

— Конан из Киммерии, — просто ответил варвар.

Козим некоторое время ждал, надеясь на продолжение. Когда пауза стала слишком затягиваться, он, не переставая ломать руки, засеменил к стойке, плеснул себе чего-то в кружку и одним махом выпил. Откашлявшись, он снова вперился взглядом в северянина.

— Ты немногословен, Конан из Киммерии.

— Я лучше говорю мечом.

Человечек окинул взглядом перевернутую в зале мебель и неподвижные тела на полу. Недвусмысленно хмыкнул.

— С твоим мечом здесь уже знакомы... Что ж, я намерен сделать тебе деловое предложение, Конан, и вкратце обрисую возникшую ситуацию. Поверь мне, дело это весьма щекотливое... Через два дня дочь господина барона — Ремина Орlando должна выйти замуж за герцога Ренальда и

стать его законной супругой. Договоренность о браке достигнута и отвечает интересам обеих сторон. К сожалению, в настоящий момент невеста сбежала вместе с одним из кандидатов в... блюстители порядка по кличке Клок Шерсти. Пламенный роман, или что-то в этом духе. Господин барон хотел бы ее вернуть. Вернуть, как ты понимаешь, до того дня, на который назначена свадьба. Меня не интересует, как к тебе попала лошадь, и что случилось с тем человеком. Мне наплевать, как ты найдешь девушку. Еще меньше меня волнует судьба этого Клока... Зато, как только ты возвращаешь Ремину, я, от имени господина барона, плачу тебе тысячу золотых. Ну что, нравится мое предложение?

Среди разбойников раздался недовольный ропот: сумма по их меркам была названа баснословная. Конан кивнул на «волков»:

— А они?

— То же относится и к ним. Ваши взаимоотношения на время поисков меня не касаются. Приз получает тот, кто доставит беглянку.

Северянин задумался. Выследить девушку, конечно, не проблема. А что потом? Последует отказ платить? Вряд ли. Тогда в чем подвох?

Неожиданно на губах Конана мелькнула улыбка: его в очередной раз посчитали тупым темным варваром, спустившимся с гор. Ладно, он не будет их разочаровывать. Пока не будет. Ловя на себе острые взгляды, киммериец вышел на середину зала и, твердым голосом заявил:

— Я найду беглецов за три тысячи золотых.

Если бы карлик попытался торговаться, или хотя бы возмутился от подобной наглости, Конан ему бы поверил. Но когда в ответ получил кивок, все сомнения его отпали: на такое мог согласиться лишь человек, не собирающийся платить за работу.

Оттолкнув в сторону некстати подвернувшегося бандита, Конан направился к выходу. У самых дверей ему снова преградили дорогу. На сей раз умышленно. Раздался голос Шрама:

— Когда ты найдешь их, я тебя убью, киммерец.

Конан обернулся и пожал плечами.

— Буду с нетерпением ждать.

Шрам кивнул и, яростно кусая губы, процедил:

— Выпустите его.

Глава вторая

Компанию друзей под предводительством Птенчика, даже их товарищи, сами не обремененные излишней щепетильностью, за глаза называли «бешеными».

И прозвище это было вполне оправданным. Все четверо — забияки и драчуны по натуре, они не мыслили себя без смертоносной работы.

От остальных «волков» их отличала большая физическая сила, хладнокровие и жестокость. Когда требовались исполнители для самых грязных, опасных и кровавых дел, Шрам всегда обращался за помощью к ним. И четверо, будучи законченными негодяями со стальными нервами, неизменно оправдывали его ожидания и не подвели еще ни в одном деле.

Сейчас целью их охоты был варвар из далекой северной страны. Надлежало дать ему время найти беглецов, а затем — убить. Когда Шрам стал рассказывать о бойцовских талантах кимме-

рийца, Птенчик бесцеремонно его перебил: Конан может быть сколь угодно силен, ему все равно не справиться с четверкой, действующей как единое целое. И это не было пустым бахвальством. Каждый из «бешеных» во время боя не только выполнял свою задачу, но, при этом, умело ориентировался на действия остальных.

Птенчик короткими перебежками подобрался к покосившемуся плетню, рядом с домом, стоявшим у развилки дорог.

Край заходящего солнца, еще выступавший над горизонтом, не позволял близко подобраться к Конану, беспечно шагающему по улице. Но этого сейчас и не требовалось. Отсюда открывался прекрасный вид до окраины города.

На лице Птенчика появилась довольная ухмылка. Верхняя губа с выющимся желтым пушком, из-за которого он получил свою кличку, растянулась в тонкую полоску.

Убедившись, что киммериец не глядит в его сторону, разбойник коротко взмахнул рукой.

Спустя мгновение, рядом с ним замерли остальные: Солома, Клыкач и Чико-Опасность. Предводитель указал рукой на ковылявшего в грязи Конана и шепотом произнес:

— Варвар знает беглецов: он ищет их по следу.

В ответ последовали учащенные вздохи, означавшие понимание и согласие: невозможно читать следы, не зная, кому они принадлежат.

Тем временем Конан пружинисто поднялся на ноги, и быстро пошел по улице, время то време-

ни, сверяясь с запутанным рисунком отпечатков на дороге. За ним, послушно перебирая копытами, трусила иранистанская лошадь.

«Кобыла точно Рваного!» — с яростью узнал кобылу Птенчик: прежний хозяин иранистанки был его близким приятелем.

— Он сам нас приведет к девчонке! — усмехнулся Солома, грузный, вечно всем недовольный зингарец, с всклокоченной шевелюрой бесцветных волос.

Кивнув на бодро идущего по следу варвара, он оскалился, достал из-за спины короткий топорик — свое любимое оружие, и замер, ожидая дальнейших указаний вожака. Остальные «бешеные» подобрались поближе. Птенчик молча поднял два пальца, жест означавший готовность к схватке, но не ее начало: киммериец еще не вывел их на главную цель.

В этот момент Конан неожиданно свернул за угол. Птенчик взмахнул рукой и поднял вверх большой палец — приказ двигаться друг за другом.

Первым достиг угла дома Клыкач. Осторожно выглянув из-за колючих кустов, он сразу заметил киммерийца. Варвар шагал вперед, почти не глядя под ноги, словно выискивать в сумерках на затоптанной дороге отпечатки ног беглецов было для него делом привычным. Клыкач с завистью покачал головой. Вот бы так научиться! Не сводя глаз с северянина, разбойник мотнул головой, пропуская вперед себя следующего. Вскоре над его ухом раздалось учащенное дыха-

ние Чико, то же оценившего охотничьи способности варвара:

«Бешеные» еще некоторое время продолжали следить за Конаном, читавшего следы на дороге как по писанному листу, но при этом проявляющего удивительную беспечность. И только раз им показалось, что северянин чуть не заметил их.

Он снова скрылся за углом. Разбойники последовали за ним. И тут варвар остановился.

Птенчику и его людям не оставалось ничего, как с громким всплеском нырнуть в ближайшую канаву, полную помоев и нечистот. Находящийся меньше чем в сотне шагов северянин медленно обернулся. Все четверо вполголоса ругались и, словно мыши, дрожали в грязи. Обиженный Солома, разбивший коленку, предложил немедленно разделаться с киммерийцем, но в ответ получил болезненный тычок под ребра и недовольное сопение Птенчика.

Конан, тем временем, недоуменно пожал плечами, мол, мало ли на свалках крыс, и зашагал дальше. «Волки» потихоньку выбрались из канавы. На следующей улице северянин подошел к высокому забору и решительно распахнул калитку.

Когда за ним с глухим стуком захлопнулась дверь, рука Птенчика нарисовала в воздухе круг и сжалась в кулак. В отблесках заходящего солнца сверкнуло оружие. Солома ласково погладил топорик, Чико предпочитал пользоваться коротким мечом, в руках Клыкача появились длинные

изогнутые кинжалы. «Мои клыки», — с гордостью говаривал про них «волк». Птенчик вытянул из сапога тяжелый, с зазубринами на лезвии изогнутый туранский меч, владел которым он мастерски. В воздухе повеяло смертью.

* * *

Смеркалось. Посмотрев в окно на повисшую посреди неба луну, Козим довольно потер руки. При такой луне Конану с его несомненным опытом в подобного рода делах, не составит большого труда обнаружить девчонку. А как только...

Раздался громкий стук. В ответ на разрешение войти, на пороге появился Шрам.

Недовольно осмотрев комнату — разбойнику с самого начала не понравилась идея остаться в таверне на ночь — вожак «волков» повернулся к карлику.

— Сколько твоих людей сейчас в городе? — вяло спросил тот.

— С полсотни. Но многие еще в пути и продолжают прибывать, к утру перевалит за сто человек.

— Выходы из города перекрыл?

— Воробей не вылетит без моего ведома.

— Еще есть новости?

— Гонец из замка. Там полным ходом готовятся к свадьбе. Повсюду рыщут люди герцога. Мага уже воротит от них. Поверенный его светлости интересуется, где невеста. Кстати, маг о ней тоже спрашивал.

— И что ему сказали?

— Кому? Магу?

— Королевскому соглядатаю.

— Поехала проститься с теткой. Вот-вот должна вернуться.

Козим почесал за ухом. Устало посмотрел на разобранную постель. Постелью назывался соломенный тюфяк, от которого по комнате распространялся весьма подозрительный кислый запах. «Интересно, сколько в нем клопов? Наверняка больше, чем в Овражке «волков». Может, даже больше, чем их станет утром», — с содроганием подумал он.

— Ну и как? Ключнул посланник на эту наживку.

— Пообещал закрыть глаза, если девушка появится до церемонии.

Шрам поймал вопросительный взгляд коротышки, грубо хохотнул и пояснил:

— Кажется, он решил, что невеста напоследок решила намиловаться со своим дружком: известное дело, в наше время девицы не ждут до свадьбы, чтобы вдоволь повеселиться с другими!

Пройдись взад-вперед по комнате, вожак «волков» собрался с духом и задал терзавший его вопрос:

— Почему ты отпустил варвара, я до последней минуты ждал сигнала прикончить его?

Козим, кряхтя, устроился на табурете, рядом с изголовьем кровати и с грустью посмотрел на разбойника.

«Ну вот, сейчас полезет на стену!» — мелькнула запоздалая мысль у Шрама.

Недовольно поморщившись, коротышка ответил:

— Ведь ты же, кажется, все слышал.

— Я думал, ты нарочно разыгрываешь представление, чтобы усыпить его бдительность. Кстати, мои люди заинтересовались суммой в три тысячи золотых...

Козим, не дожидаясь окончания фразы, подпрыгнул на своем табурете.

— А разве не твои оборванцы упустили девочку!?

На лице «волка» от возмущения выступили желваки, а шрам из багрового стал свинцовым. Козим, предупреждая надвигающуюся бурю, вытянул вперед руки.

— Постой, постой! Я, конечно, и сам виноват. Но в этом деле все средства хороши. Считаю, что просто делаешь мне одолжение. А деньги после можете оставить себе. Договорились?

Шрам хмуро кивнул.

— Прекрасно. Так вот, в случае, если твои люди не найдут Ремину, мы окажемся в очень... невыгодном положении. Ты хочешь лично доложить о неудаче Яхм-Коаху?.. Ага, так я и думал! Я, между прочим, тоже не мечтаю проснуться утром мерзкой жабой. Следовательно, варвар поможет нам найти беглецов и выполнит работу за нас. Верно? Потом делай с ним, что захочешь. Теперь, что касается киммерийца... Мне приходилось иметь дело с ему подобными. Они глупы и легковерны. Но зато — прекрасные следопыты. Спрашивается: почему бы не предложить ему

деньги — причем, раз он не доживет до момента расчета, то размер суммы не имеет значения.

Шрам в задумчивости почесал затылок. Карлик исподтишка подглядывал за ним: проглотит «волк» приманку или нет.

Козим намеренно давал понять, что золото — это всего лишь уловка. Платить он не собирался. Никому.

— А ты уверен, что он не сговорится с Реминой и, подобно Клоку Шерсти, не переметнется на ее сторону? Она ведь может заплатить ему вдвое больше.

Маленький человечек сердито зачмокал губами. Козима бесила зависимость успеха его тщательно продуманного плана от действий этих бестолковых болванов-разбойников. Скорее бы свершилось то, что он наметил...

— Поэтому им нельзя позволить встречаться! И уж тем более разговаривать. Я, между прочим, не просто так приказал следить за ним лучшим людям. Приказание, надеюсь, исполнено? — Дождавшись подтверждения, Козим продолжил: — А как только твои громилы... прошу прощения, благородные воины, вслед за варваром, выйдут на баронессу, пусть пустят кровь этому простодушному дураку, и дело с концом. Тем более, что все произойдет уже этой ночью. Ночью, как я понимаю, у них будут все преимущества. Или варвар им не по зубам даже при луне?

— «Бешеным»?! Шутишь!

— Пока Ремина на свободе, у меня нет никакого желания с тобой шутить!

Шрам, что-то проворчав себе под нос, осведомился:

— Если я больше не нужен, то, пожалуй, пойду?

— Подожди! Я сейчас составляю послание в замок. Скажешь своему человеку, чтобы захватил его на обратном пути.

* * *

Первым через забор перемахнул Клыкач.

Мгновение постояв, он бесшумно скользнул к калитке. В открывшуюся дверь беззвучно проникли остальные «бешеные».

Рассыпавшись по двору, они сперва прочесали сад, но никого в нем не найдя, с разных сторон появились у дома. Внезапно Птенчик вытянул руку, привлекая внимание своих приятелей.

В стойле с аппетитом хрустела овсом черная иранистанка. Сделав знак Чико сторожить у калитки, «бешеные», выломав с треском дверь, ворвались в дом.

Миновав коридор и кухню, разбойники попали в просторную комнату. Судя по обстановке — хозяин был далеко не бедным человеком. Спустя мгновение на полу оказались шелковые занавески: вдруг за ними спрятался варвар. В столовой раздался звон бьющейся посуды. На кухне откинули крышку погребка, но варвара и там не оказалось.

Послышался скрип лестницы: сверху спускался еще не проснувшийся владелец дома. Увидев учиненный беспорядок, он вдарил сел на пол и

по-бабы завыл. К нему подскочил Птенчик и залепил увесистую оплеуху.

— Где варвар? Где мужик с девкой? Лучше говори, пес, по-хорошему, где их прячешь!

Размазывая слезы по лицу, человек вцепился обеими руками в полы халата, единственной бывшей на нем одежды, и, раскачиваясь из стороны в сторону, принялся тихонько скулить:

— Берите! Все берите! Только не убивайте!

Первым понял, что так они ничего не добьются, Клыкач. Он отозвал Птенчика в сторонку и подмигнул жожаку. Получив согласие, разбойник набросил занавеску на плечи хозяина дома. Потом, поддерживая под руки, подвел к резной скамье.

— Успокойся. Хочешь, я налью тебе что-нибудь выпить? Нам всего лишь нужно узнать, где находится девушка и остальные. Они очень опасные люди. Как только мы их найдем, клянусь, мы тотчас покинем твой дом.

— Не убивайте, пожалуйста...

Человек начал успокаиваться, всхлипы слышались уже реже, и Клыкач наострил уши. Но все испортила супруга хозяина — бестолковая баба. Едва появившись, она заголосила на весь дом:

— Уно, что они с тобой сделали?!

Вопль сменился предсмертным хрипом. Позади упавшей женщины стоял довольный Солома — он не выносил женского визга. Гигант с кривой ухмылкой протер от крови свой топорик. Владелец дома, став вдовцом, от горя окончательно потерял рассудок, и с кулаками бросился

на убийцу. Клыкач предупреждающе закричал, но было поздно. В свете догоравшей лучины топорик вновь взлетел к потолку и с хрустом опустился, а спустя мгновение на полу лежали уже два трупа.

Птенчик подошел к забрызганному с ног до головы кровью Соломе, зло сверкнул на него глазами, отвернулся и не в силах сдержать свою ярость, ударил кулаком по стене.

— И как мы теперь узнаем — где они?!

Клыкач, брезгливо переступая через безжизненные тела, обшарил карманы халата хозяина.

— А, никак,— бросил он через плечо.— Этот Конан провел нас. Духа его здесь не было. Я не верю, что эта трусливая тварь в состоянии утаить что-либо, за исключением податей от сборщика налогов. Думаю, варвар заметил нас, когда мы кувыркались в канаве с дерьмом. А, заметив, зашел в первый встреченный дом и вышел через заднюю дверь. Наверное сейчас он уже пересчитывает свои монеты. Да еще посмеивается над нами. А мы тут, по его милости, корчим из себя дураков.

В помещение воцарилось молчание. Первым не выдержал Птенчик:

— Раз ты такой умный, то скажи — что теперь делать?

Неожиданно хлопнула входная дверь, и слышались уверенные тяжелые шаги. В комнату вошел Чико. В ответ на его невысказанный вопрос, Клыкач проворчал:

— Мы думали, что ты — это Конан.

Чико окинул взглядом царящий в доме разгром и застывших на полу мертвецов. Перевел взор на понурившихся товарищей.

— Пусто?

— А у тебя?

— Не совсем.

Разбойники воспряли духом. Солома тяжело засопел:

— Не томи, рассказывай.

— Конана я не видел. Зато по улице только что прошел Клок Шерсти.

Птенчик нехорошо улыбнулся.

— Есть на свете справедливость. Ты его спас?

Теперь очередь улыбаться настала для Чико.

* * *

Бессмысленность побега стала очевидна ей уже утром. Ремина пожаловалась, что у нее больше нет сил пробираться через лес. И он, Клок Шерсти, поддавшись жалости, вывел ее на дорогу. Когда они слышали приближающийся перестук копыт, укрыться было негде. Их заметили. До сих пор перед глазами Тиврано стояло перекошенное лицо Рваного, не верившего, что получил стрелу между лопаток от собрата по клану. Тем более что смерть эта ровным счетом ничего не решала. По всем дорогам Рабирии их уже разыскивают до зубов вооруженные люди Шрама. Клок Шерсти сам много раз принимал участие в подобных охотах. Но штука в том, что нажал на спусковой крючок вовсе не он, а девчонка. Чув-

ство отчаяния и нежелание расставаться с мелькнувшим призраком свободы.

А потом была дорога, обед в таверне, где их наверное узнал этот подозрительный варвар. И вот они, как в мышеловке, заперты в обложенном со всех сторон Овражке.

Сняв в неприметном домике на окраине комнату на втором этаже, он оставил там девушку, а сам отправился искать лазейку из города.

Поиск ни к чему не привел. Еле волоча ноги, Тиврано в подавленном настроении возвращался домой.

Он уже сожалел, что связался с этой капризной баронессой. Жить все время с оглядкой оказалось невыносимо. А страх неминуемого наказания и ужас перед пытками в глубоких подземельях замка, где даже крика его никто никогда не услышит, отняли у него последние остатки мужества.

И тогда бывший разбойник остановил пробегающего мимо мальчишку:

— Хочешь заработать монету?

Мальчуган потер лоб и настороженно спросил у незнакомца:

— А чего надо-то?

— Зайти в таверну, что находится на площади и передать сообщение.

Шмыгнув носом, мальчишка расплылся в довольной улыбке:

— «У Понтикуса», что ли?

— Да. Найдешь там человека со шрамом и скажешь...

Продиктовав пареньку текст послания, Тиврано поспешил к баронессе.

Обратный путь дался ему легко. Предав доверившуюся ему девушку, он сбросил с плеч непомерную тяжесть.

Клок Шерсти шагал по ночным улочкам этого захолустного городка и по привычке строил планы на будущее. Ведь это он вернет девчонку! Почему, собственно, он должен отказываться от денег?! В голове возникла картина большого каменного дома, утопающего в саду. Вот он, Клок Шерсти, беседует со Шрамом. Вот главарь шайки принимает его условия. А почему ему не согласиться? В обмен на девушку Тиврано требовал совсем немного — свободу для себя и каких-нибудь сто золотых. Учитывая обстоятельства, требования очень скромные...

А потом — домой, в родную деревню. Хватит с него этой суетной жизни: хлеб растил, разбойником был, в битвах участвовал и даже осадными машинами управлял. Он счастливо засмеялся и от избытка чувств стал напевать себе под нос. Даже пытался пританцовывать на ходу под музыку собственного сочинения. Но вдруг остановился, спрашивая себя: «Неужели и правда все позади?»

Ответа не было. Да и не могло быть, ибо спрашивал он у собственной совести, а она отказывалась с ним говорить.

«Как мне теперь смотреть в глаза Ремины?!» — в панике вопрошал сам себя бывший «волк», когда дорога повернула к знакомому дому.

Он отчаянно закрутил головой, пытаясь вновь представить дом своих грез, с роскошным резным балконом на втором этаже. И к радости Тиврано, это ему удалось. С легким сердцем бывший разбойник потянул на себя ручку входной двери. И услышал над ухом насмешливый голос, в миг разрушивший все мечты:

— Неподобающая лачуга для дочери барона, ты не находишь?

Внутри у Тиврано все похолодело. Он жадно сглотнул подступивший к горлу комок и прохрипел, боясь обернуться:

— Что я должен делать?

* * *

Клыкач не ошибался, полагая, будто Конан почуял слежку — о ней киммериец догадывался с самого начала. Недаром, прежде чем заняться поисками беглецов, он долго бесцельно бродил по городу, заглядывал в торговые лавки, и в числе прочих зевак наблюдал за уличными скандалами. Словом, делал все, что следовало бы делать варвару, впервые попавшему в многолюдный шумный город, и вскоре знал в лицо всех своих соглядатаев.

Конан еще не составил для себя полной картины, но в общих чертах все было ясно. Им нужна сбежавшая девушка, нужна, как глоток воздуха утопающему. И тут появляется киммериец, человек абсолютно чужой, и несведущий в местных делах. Почему, спрашивается, не пустить по следу его, приставив для присмотра пару глаз? А

потом, когда он найдет беглянку, его просто убьют, а девушку доставят обратно в замок. В самом деле: не платить же деньги какому-то варвару! А раз так, то Конан решил: найти место укрытия беглецов и переговорить с этой Реминой Орландо, которая, похоже, оказалась в большой беде и нуждается в помощи.

Без особых хлопот пообедав вокруг пальца своих преследователей, киммериец дворами вернулся к дому, где, по его расчетам, прятались беглецы. На той самой улице с грязной канавой, в которой он заставил искупаться разбойников. Вспомнив этот эпизод, на лице варвара промелькнула улыбка.

Всю жизнь странствуя по свету и зарабатывая свой хлеб мечом, Конан неплохо научился разбираться в людях. Порой ему хватало одного взгляда, брошенного на человека, чтобы судить о его характере, привычках и образе мыслей. Наблюдая за глазами, жестами, одеждой и манерами, а это далеко не полный перечень, варвар с удивительной точностью отличал друзей от врагов и предугадывал поступки людей. Но самой действенной приметой являлось человеческое жилище. По тому, как живет человек, можно сказать о нем очень многое...

Вот и сейчас, Конан взглядом окинул дом, и перед наблюдательным киммерийцем, будто наяву, предстал его хозяин, а точнее — хозяйка.

Старушка была прижимистая, предпочитая, сама заниматься починкой и экономить медяки на мастерах, но аккуратная. Скрытная по нату-

ре — ставни на окнах были плотно закрыты, не любопытная, но до золота жадная, раз пустила на постой столь опасных жильцов.

Перебравшись через плетень, Конан в два прыжка очутился перед дверью, запертой на хитроумный замок. И снова улыбнулся.

Наивная старушка полагала, что с помощью этого искусно сработанного механизма дом ее стал неприступен для злоумышленников. Медленно, дабы не поднимать шума, киммериец одним поворотом кинжала убил все бабкины надежды, толкнул дверь плечом, но та даже не шелохнулась.

Все-таки со старухой он сам обманулся, хозяйственная бабка, не слишком доверяя всем этим механическим новшествами, для верности навесила еще и засов. С этим старым как мир устройством северянин возился подольше, но все же и оно не устояло перед ним. Конан осторожно толкнул дверь и оказался в длинном коридоре. Левый его конец вел к комнатам первого этажа, правый — заканчивался крутой лестницей.

Стараясь ступать как можно тише, киммериец поднялся на второй этаж. Сквозь грубо сколоченную дверь пробивался тусклый свет. Варвар осторожно дернул за ручку. Дверь подалась.

Посреди помещения, на полу стояла лампа. Тут только Конан почувствовал ловушку, но отступить не успел. Строгий женский голос приказал:

— Возьми светильник, я хочу видеть твое лицо. И учти: у меня в руках арбалет. Шевельнись-

ся, и я без сожаления пробью насквозь твое сердце.

Видя, что киммериец колеблется, Ремина добавила:

— Не сомневайся, с такого расстояния не промахнется даже слепой. Так что, не делай глупостей.

Избегая резких движений, Конан послушно поднял лампу.

— Я видела тебя сегодня днем в таверне. Кто ты?

— Мое имя — Конан. Я — воин-наемник. Ты, как мне показалось, нуждаешься в услугах подобного рода. Вот я и зашел предложить их.

— Почему я должна тебе верить? Тем более, что у меня уже есть защитник.

— предавший однажды, способен сделать это и второй раз.

Девушка задумалась. Потом горько усмехнулась:

— Ты сам себя разоблачил. Рассказать про Тиврано тебе мог только кто-то из псов Яхм-Коаха. Я не верю ни одному твоему слову. Скажи правду, они тебя наняли, чтобы найти меня?

Конану начал надоедать этот разговор. Его глаза привыкли к полумраку комнаты, и он без страха посмотрел в глаза девушки, спрятавшейся за ширмой в углу. В руках у нее действительно был арбалет. Если бы оружие держали другие руки, Конан мог бы, пожалуй, рискнуть, но он помнил о теле в лощине, с засевшей между лопаток стрелой, и знал, кто направил эту стрелу.

В то же время тратить свое время на разговоры с девчонкой... И он поставил на удачу.

— Ладно. Стреляй. Только один совет: если собираешься убить человека, делай это сразу и не тяни.

Глаза девушки стали круглыми от удивления, арбалет в руках дрогнул. Тогда Конан медленно подошел к ней, поставив лампу на стол и осторожно отобрал самострел.

Ремина спрятала лицо в ладонях. Раздались приглушенные рыдания. Сейчас уже ничто в ней не напоминало прежнюю гордую и надменную воительницу. Пропали холодность и высокомерие, благодаря которым Конан впервые обратил на нее внимание на постоялом дворе. Перед варваром стоял просто глубоко несчастный ребенок. Из-за боязни вызвать новый поток слез киммериец подавил в себе желание обнять и успокоить ее, ограничившись замечанием:

— У нас не очень много времени.

В ответ, сквозь всхлипы донеслось:

— Будьте вы прокляты! Ну, что встал?! Тащи меня к своему господину. Отрабатывай свои гроши.

— У тебя, наверное, есть какие-то вещи. Соберись.

Девушка не шелохнулась. Только плечи продолжали вздрагивать. Киммериец подошел к ней и улыбнулся:

— Я же сказал, что хочу помочь.

— М-да? И поэтому вломился сюда, чтобы похитить и продать Яхм-Коаху?

— Вообще-то, я собирался отвезти тебя домой,
— честно признался варвар.

— Вот видишь. Значит, я права.

Конан скучающим взглядом посмотрел в окно. Во дворе мелькали какие-то тени.

— Мне кажется, сейчас не самое лучшее время обсуждать планы на будущее. У нас гости. Если ты в самом деле не хочешь очутиться в лапах «волков», следует поторопиться.

Девушка неуверенно подошла к окну и осторожно выглянула вниз. Конан поймал себя на мысли, что с удовольствием вдыхает запах ее тела.

«Пожалуй, насчет ребенка, я оказался не совсем прав», — подумал киммериец, окидывая взглядом знатока стройную фигурку юной баронессы.

Вдруг Ремина вскрикнула и отпрянула от окна. Конан проследил за ее испуганным взглядом, и зрелище во дворе невольно приковало к себе взор варвара. Сперва внизу стояло пятеро мужчин. И тут двое из них превратились в огромных волков. Один из зверей задрал голову к небу и над сонным городом прокатился протяжный вой.

Второй волк, как показалось киммерийцу, посмотрел прямо ему в глаза, словно почуял близость северянина.

Зверь оскалил клыки в зловещей ухмылке и, казалось, подмигнул варвару. Конан невольно отшатнулся, когда глазницы чудовища полыхнули кровавым огнем. Люди и оборотни двинулись к дому. Первым шел неудачник-Тиврано.

Конан схватил девушку за руку и силой потащил к лестнице. Едва им удалось миновать первый пролет, как снизу раздались голоса.

Киммериец решил превратить в поле боя лестничную площадку, но прогнившие доски и низкий потолок поколебали его решимость. Выставив перед собой арбалет, он приказал Ремине:

— Вернись назад и принеси мне лампу. Я их тут попробую задержать.

Спокойный и уверенный голос киммерийца отрезвил баронессу. Ей до боли захотелось поверить ему.

«Но разве можно верить незнакомцу, к тому же еще и варвару? — спрашивала она себя и тут же возражала: А есть ли у меня выбор? Уж лучше умереть, чем пленницей вернуться в родной замок. По крайней мере, этот варвар не растерялся и ведет себя, как истинный воин.» Придя к этому выводу и неохотно признав превосходство Конана, дочь барона Орlando побежала за лампой.

Тем временем, разбойники осторожно поднимались по ступеням. Первым, по-прежнему, шел Тиврано. Стараясь загладить свою вину и выслужить прощение, он демонстрировал чудеса быстроты и ловкости. За что и поплатился, став первой жертвой схватки. Его тело, насквозь пронзенное арбалетной стрелой, сделало по инерции еще пару шага, но вдруг споткнулось и покатилося вниз по ступеням.

Вперед вырвались два грязно-серых зверя. Внешне они ничем не отличались от волков, но

были крупнее и шире в кости, нескладные с виду, зато стремительные в движениях, и от этого гораздо опаснее.

Тварь, мчавшаяся первой, казалась несколько неуклюжей. Она неслась вперед короткими прыжками, высунув широкий язык, словно оборотень страдал от одышки. Из пасти чудовища непрерывно текла слюна. Второй зверь был более ловким и храбрым. Подъем ему давался легко. Он постоянно порывался оказаться впереди, но ширина лестницы этого не позволяла. Потом появились люди. Один достал длинный тяжелый нож и невесело ухмыльнулся. Он кивнул северянину как старому приятелю и отвел руку с ножом для броска.

В этот момент что-то коснулось плеча киммерийца. Конан резко обернулся. Рядом стояла Ремина и протягивала ему лампу.

Он выхватил сосуд из рук девушку и, подняв лампу над головой, с силой бросил ее на ступени. Масло, а следом за ним и пламя, весело побежали по деревянному настилу лестницы. Сухие доски вспыхнули как тростник. Огонь поднялся сплошной стеной, опалив оскаленные волчьи морды. При виде занявшихся ступенек, первая тварь резко остановилась. Второе чудовище врезалось в нее, еще ближе подталкивая к вселяющему ужас пламени. Но вместо того чтобы попытаться перепрыгнуть через разгорающийся костер, чудовище, бывшее недавно человеком по кличке Солома, опрокинув следующего за ней Чико, помчалось вниз, жалобно скуля на бегу.

Тем временем, Конан, воспользовавшись замешательством в стане врага, влетел в комнату, бесцеремонно подхватил девушку на руки и, выскочив в открытое окно на крышу дома, бросился бежать по скользкой черепице. Он успел сделать не меньше десяти шагов, прежде, чем сзади раздались разъяренные вопли разбойников.

Оглянувшись, Конан увидел, как один из бандитов высунулся из окна с заряженным арбалетом. Времени на раздумья не оставалось, и киммериец, крепко прижав свою невесомую ношу к груди, прыгнул вниз.

Не удержавшись на ногах, Конан упал на мягкую после вчерашнего дождя землю, стараясь защитить Ремину от удара. С точки зрения северянина с ней все было в порядке. Но вот как высокородная баронесса перенесла прикосновение рук варвара, вопрос еще тот.

«Наверное, сейчас закричит», — мелькнула в голове Конана протестующая мысль.

Варвар встал, готовясь выслушать град упреков. Но он ошибся.

Ремина, очутившись на руках этого могучего человека, пожалуй, впервые за очень долгое время, почувствовала себя в безопасности. Ею овладело сладостное успокоение, позволившее забыть пережитые ужасы последних дней. И как несправедливы были к ней небеса, так скоро прервавшие миг блаженного забытья. Она с робкой застенчивостью взглянула на киммерийца, все еще прижимавшего ее к могучей груди, и решительно отстранилась.

— О боги, кто объяснит мне, что здесь происходит!? — пронзил глухую ночь дребезжащий старческий голос. Старушка-хозяйка проснулась, услышав, что в доме твориться нечто непотребное, и в чем была, выскочила во двор. Заметив киммерийца и Ремину, она открыла рот, собираясь позвать на помощь, но варвар опередил ее крик.

— Бабуля, сколько стоит твоя лачуга? — участливо спросил старуху Конан.

— Сколько? Да с чего ты взял, нахал, что я ее продаю?! Не собираюсь я ее продавать.

— Но ведь дом может сгореть?

— Интересно, с чего это ему гореть?..

Старушка запнулась. В воздухе отчетливо пахло дымом. Увидев языки огня, пляшущие в окнах второго этажа, несчастная хозяйка запричитала на весь квартал.

Конан почувствовал на себе ее обличающий взгляд. Он сунул бабке кошель с остатки денег Рваного и, не оглядываясь, пошел прочь. Взяв за руку Ремину, северянин быстрым шагом направился к калитке. Но далеко уйти не удалось. На дороге их ждали. Два огромных зверя с встопорщенными загривками вынырнули из темноты, заходя с разных сторон. От них так несло паленой шерстью, что Конана передернуло от отвращения.

Твари злобно зарычали. Дрожащие брыли при этом то и дело обнажали огромные клыки. За парой оборотней, вперед выступил человек, потрясая в воздухе кривыми кинжалами. Киммериец

решительно оттолкнул в сторону Ремину, в ужасе жавшуюся к его плечу, где ей казалось наиболее безопасно. Девушка непонимающими, полными слез глазами с обидой глядела на варвара.

— Спрячься где-нибудь и не высывайся! — грубо приказал он.

Краем глаза Конан заметил летящее прямо на него серое тело. Северянин слегка пригнулся, а потом стремительным движением ухватился за шею зверя и помог ему продолжить полет. Оборотень забарахтался в воздухе, неловко упал и покатился по земле словно мячик. Чико оказался не таким уж проворным, каким себя считал. Поскуливая от боли, тварь на трех лапах потрусила прочь.

Солома, растерявшись, остановился. Едва ли не впервые за много лет, он очутился один на один с очевидно опасным противником. Оборотень закружил вокруг человека, отвлекая его внимание, пока к нему не подоспеет подмога.

Конан уже с мечом в руках, следил за каждым его движением. Время работало на киммерийца: старуха во дворе звала на помощь соседей. Охваченный огнем дом, полыхал как заря, пламя, взметнувшееся к небесам, грозно ревело, словно вырвавшийся из тысячелетнего заточения демон. Скоро сюда сбегутся люди и разбойникам, поневоле, придется оставить жертву.

Тогда Солома принялся юлой вертеться перед варваром, инсценируя ложное нападение, пока Клыкач подкрадывался к северянину со спины. План не сработал: Конан почувствовал прибли-

жение разбойника, но притворился, будто всецело занят зверем. Клыкач попался на его уловку.

Почти вплотную подкравшись к Конану, он занес оба кинжала для одновременного удара с двух рук. Не желая раньше времени рассеивать его иллюзии, киммериец держал меч перед собой, не подпуская оборотня близко.

Раздался громкий предупреждающий крик Ремины, полный отчаяния и страха.

Решив, что уже пора, варвар, резко повернувшись, опустил клинок на голову противника. Получилось как днем в таверне Понтикуса, с той лишь разницей, что Конану, в отличие от Степняка, прием удался. Клинок глубоко увяз в черепе, и киммерийцу пришлось применить силу, чтобы вырвать его. И вовремя. Оборотень метнулся вперед, целя зубами в незащищенную шею варвара.

В призрачном лунном свете коротко блеснул клинок. Солома попытался хоть немного изменить полет, судорожно задержав всеми четырьмя лапами.

Это и спасло ему жизнь. Но какой ценой! Через весь бок его тянулась глубокая рваная рана. Зверь, царапая когтями землю, забыв про человека, на брюхе пополз в кусты.

Конан взором победителя окинул поле боя. Из кустов раздавался плач по сломанным ребрам. За спиной, широко раскинув руки, неподвижно лежало тело разбойника с рассеченной пополам головой. И, наконец, в конце улицы показалась кричащая топа людей с факелами и

ведрами. Удовлетворенно хмыкнув, киммериец подошел к застывшей у калитки Ремине.

— Ты всегда так сражаешься? Ну... как мясник? — спросила она, не в силах отвести полных ужаса глаз от искаленного тела Клыкача.

— Нет, — признался Конан, вытирая меч о траву, — только когда меня хотят убить в спину.

Перекинув ножны через плечо, он протянул девушке руку.

— Идем, нам не следует здесь оставаться.

Ремина, с опаской приняла помощь, и вдруг вскрикнула, пытаясь вырваться:

— Там остался Тиврано!

— Когда я видел его в последний раз, он выглядел совсем мертвым.

— Нет, я не об этом, — в подтверждение своих слов девушка замотала головой, — просто у него осталась фигурка Двуглавого зверя. Яхм-Коах очень дорожил этой вещью.

— Я уже сотню раз слышал это имя, но до сих пор не знаю, кому оно принадлежит. Надеюсь, ты мне все объяснишь. Подожди меня здесь.

Киммериец быстрым шагом направился по тропинке к дому.

— Постой! — крикнула Ремина ему вслед.

Конан остановился и удивленно обернулся. Девушка бегом догнала киммерийца, порывисто схватила за руку и горячо поцеловала в щеку:

— Возвращайся, пожалуйста... и спасибо тебе!

Конан пытливо посмотрел Ремине в глаза и увидел в них, кроме благодарности, еще и кое-что другое. Но для этого другого сейчас было не

место и не время. Тряхнув гривой волос, он постарался выкинуть из головы все лишние чувства, к ним можно вернуться после, а трепетно жаждущей ответа девушке бросил:

— Держись подальше от улицы и постарайся смешаться с толпой. Я сам тебя найду.

Подбежав к дверям, он протянул руку, но бушующее пламя, вырвавшееся из коридора, заставило киммерийца отказаться от намерения проникнуть в дом традиционным способом. Поэтому, выбрав комнату еще не полностью охваченную огнем, Конан открыл окно и, скользнув внутрь, очутился в доме.

...Время, которое он отсутствовал, показалось Ремине вечностью. Вокруг кричали и суеились люди, причитала старуха-хозяйка, но девушка, казалось, не слышала всех этих звуков, тревожно глядя на окно, за которым исчез киммериец.

Гнетущее отчаяние все глубже вползало в ее душу. Страшные картины одна за другой всплывали в воображении. Иногда, когда терпеть эти мучения оказывалось выше сил, ей хотелось броситься в полыхающий дом. «Но он велел мне ждать его здесь! Что ж, пока Конан не вернулся, надо как можно меньше привлекать к себе внимание, и делать то же, что и остальные». И она кричала вместе со всеми, выплескивая воду на огонь, и тянулась за следующим ведром, успокаивая себя тем, что даже этой толикой борьбы она оказывает ему помощь.

Когда, наконец, терпение ее полностью истощилось, и девушка уже шагнула вперед, готовая

бежать в горящий дом и подвергнуться ужасным мукам, ради одной лишь надежды еще хоть раз увидеть киммерийца, сердце у нее в груди учащенно забилось, а с уст сорвался долгожданный вздох облегчения. В объятom пламенем окне, показалась могучая фигура северянина.

Если бы Конан неожиданно появился перед ней, она, наверное, со слезами радости бросилась бы ему на шею, но, как и положено благовоспитанной дочери высокородного зингарского вельможи, Ремина лишь дружески улыбнулась варвару и призывно помахала рукой.

— Ну, как успехи? — заинтересовано спросила она, подступив к киммерийцу.

Конан пожал плечами.

— Пусто. Я нашел тело, но при нем ничего не оказалось.

— Может, он ее потерял?! — не удержалась баронесса от возгласа разочарования.

— Нет. Нас опередили. Нападавших, помимо Тиврано, было четверо. А на дороге я дрался с тремя. Четвертый исчез. Думаю, это он забрал статуэтку.

Девушка испуганно прижала руки ко рту:

— И что же нам теперь делать?

— Сперва уйдем отсюда подальше. Тут слишком много народа, и непременно появятся люди Шрама, посмотреть — что случилось.

— А потом? — продолжала допытываться Ремина.

— Кажется, тебе настала пора рассказать свою историю...

* * *

Черный маг закрыл за собой дверь и повернулся к коротышке.

— Что с тобой случилось, Козим? Куда делась хваленая проницательность?

Яхм-Коах гневно и вопрошающе смотрел на карлика.

Будучи и без того маленького роста, Козим от слов повелителя съежился еще больше.

— Разве не ясно было с самого начала, что этот Конан — птица иного полета, нежели «волки» Шрама? Таких, как он, обманывать нельзя. Три тысячи золотых за его услуги — сумма более чем скромная. А что касается твоей глупой лжи... Ручаюсь, он тебя раскусил. И теперь, по твоей милости, мы нажили себе опасного врага. И в очень неподходящее время.

— Да кто он такой, этот Конан?! — наигранно возмутился коротышка, предпринимая отчаянную попытку перевести разговор в иное русло.

Яхм-Коах хмыкнул.

— Недавно, как мне сообщили, в одном из соседних государств, пропали серьги одной молодой смазливой наложницы.

Козим скорчил брезгливую мину.

— Ну и? — буркнул он. — Что нам за дело до любовных походов какого-то варвара, пусть даже очень ловкого на руку?

— Вместе с серьгами пропала сама наложница и половина королевской сокровищницы. А столичная стража лишилась трех десятков своих лучших бойцов. Причем, если верить рассказам,

остальные уцелели лишь потому, что в это время наливались вином за здоровье сына начальника королевской охраны. Устроил бойню в столице здоровенный варвар, по виду северянин. И поводом к ней послужили неосторожные слова визиря, высказавшегося в том смысле, что варвары ни на что, кроме пьянства, не годны. Тебе описание варвара никого не напоминает? Любопытная подробность: голова визиря украшает сейчас городские ворота; так рассудил владыка того государства.

Козим мелко задрожал.

— Может, стражники на посту тоже лишку глотнули?..

— Проклятый недоумок! — заорал Яхм-Коах. — Врага нельзя недооценивать, если, конечно, не хочешь закончить как тот визирь. И еще одно: исправлять ошибку придется тебе самому, мне отныне предстоит безвылазно сидеть в замке, а то королевский соглядатай может что-нибудь заподозрить.

— Великий и всемогущий, но как же я совладаю с таким гигантом?! Сами сказали, что ему десяток гвардейцев на один зуб!

— Лиши его силы, — потеряв интерес к разговору, отмахнулся маг.

— Но как? Как я маленький, тшедушный человечек сумею справиться с варваром, шутя бросающим вызов владыкам мира!?

— Найди его слабое место — вот и весь ответ на вопрос. Киммерийцы ведь тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо.

Карлик сложил на груди руки и умоляюще поглядел на мага. Яхм-Коах устало возвел глаза к потолку:

— Он — варвар. Воспользуйся этим.

Козим с непонимающим видом покачал головой.

— Мне следует его подкупить?..

Маг раздраженно оборвал коротышку:

— Ты уже имел такую возможность! Это у нас все подчинено разуму и логике. У варваров все иначе, ему помимо денег нужно осознание правды, справедливости творимых поступков. Заставь его сомневаться. Но ежели возникнет нужда, не скупись на сей раз. Если он окажется на нашей стороне, это будет стоить дороже денег. Все, мне пора.

— А если люди Шрама его все-таки схватят? Когда прибыл Птенчик и привез статуэтку,— Козим кивнул на сверток в руках мага,— Шрам снарядил отряд в двадцать всадников и лично возглавил погоню.

Яхм-Коах состроил презрительную гримасу.

— Я бы, на твоём месте, на это не рассчитывал.

— Но почему ты думаешь, повелитель, что у меня будет возможность заставить его усомниться, даже просто поговорить с ним?..

— Он тебя сам найдет. Ты для него — единственный шанс попасть в замок.

Глава третья

идя за крепким столом из сосновых досок в уютной комнатухе таверны Понтикуса, Конан с удовольствием уплетал холодное жаркое. Напротив, усталая печальная Ремина уныло ковыряла двузубой вилкой салат.

Когда перед ними встал вопрос, где безопаснее будет укрыться, киммериец справедливо рассудил, что в последнюю очередь разбойники станут разыскивать их у себя под носом. Поэтому без колебаний он привел девушку на единственный знакомый ему постоянный двор, проник в дом через черный ход и потребовал у хозяина свободную комнату.

К счастью Понтикуса, таковая нашлась, да и на кухне кое-что осталось. Правда лежанка оказалась одна на двоих, но варвара это ничуть не смущало.

— Я хочу извиниться, Конан... ну, за мясника,— робко сказала Ремина, не поднимая на северянина глаз.— Ты спас мне жизнь, а я вместо

благодарности вела себя как изнеженная девчонка!

— Угу,— только и промывчал киммериец с набитым ртом, но потом, когда до него дошел смысл фразы, торопливо проглотил кусок, и вопросительно изогнул дугой бровь.

Ремина, решившаяся украдкой взглянуть на варвара, была поражена произошедшей с ним перемене.

— Разве я что-то не так сказала? Я извинилась, потому что была неправа,— поспешно стала оправдываться девушка.

— Забудем об этом,— примирительно молвил варвар.— Лучше расскажи, что там за статуэтка такая была? Кажется, мне и раньше приходилось о ней слышать.

— Так ты в самом деле ничего не знаешь?

— Сколько раз мне это еще повторять!

— Хорошо,— девушка прикусила губу, решая с чего начать. Наконец, после недолгой паузы, она заговорила:

— Я и сама еще не во всем разобралась. Когда разбойники захватили наш замок, Яхм-Коах — он у них самый главный, все называют его господин, обмолвился как-то, что теперь его от поставленной цели отделяет всего шаг. И первой ступенькой должна стать Зингара.

— Стало быть, замок захвачен? — Конан на мгновение задумался и задал давно мучивший его вопрос: — Этот Яхм-Коах — он, что, маг?

— Да,— кивнула Ремина,— и маг очень могущественный. Он каким-то образом, с помощью

черных чар, получил власть превращать людей в жутких оборотней. После превращения эти существа теряют собственную волю и слепо подчиняются ему. У него уже собрана целая армия этих тварей. Но процедура превращения слишком сложна, да и не со всеми у него получается. А после моей свадьбы с герцогом Рабирийским, которая намечена на послезавтра, не знаю как, но его могущество возрастет.

— Каким образом? И зачем для этого нужна свадьба?

Девушка глубоко вздохнула, долгим испытующим взглядом посмотрела на Конана, как бы решая для самой себя, достоин ли этот человек узнать ее секрет:

— Хорошо, я расскажу тебе все без утайки, но поклянись, что эта тайна не выйдет дальше этой комнаты.

Варвар счел для себя недостойным говорить какие-либо слова и произносить клятвы, лишь кивком подбодрив Ремину.

— Род Орландо — один из старейших благородных родов Зингары,— с гордостью начала свой рассказ баронесса, но заметив снисходительную ухмылку на лице северянина, сбавила тон.— Это правда, наши предки помогали взойти на трон первому зингарскому королю, объединившему дикие племена, населявшие тогда страну. Так вот, в семье существует предание о моем очень дальнем родиче, Ортесе Сантосе. Он был великим воином, и король, заметив его заслуги, пожаловал ему баронский титул и, решив при-

близить к себе, выдал за него свою племянницу Аделу — первую красавицу королевства.

Но брак этот не был удачным. Адела не любила Ортеса, хотя последний буквально боготворил жену. Когда же воинский долг вновь призвал барона встать под знамена короля, Адела, оставшись одна, вступила на путь порока и, осыпав ласками старшего ловчего, предалась с ним любовным утехам в отсутствии супруга.

Вернувшись из далекого похода, верные люди донесли барону о недостойном поведении баронессы Аделы. Ортес впал в бешенство и в приступе гнева приказал казнить обоих, не подозревая, что тем подписывает свой приговор. Потеря любимой тяжелым ношей легла на его плечи, лишила смысла жизни. Он оставил королевскую службу, затворился в стенах замка и, собрав вокруг себя всякий сброд из чародеев, прорицателей и гадалок, занялся черной магией, пытаясь воскресить возлюбленную жену свою. Для этой цели в замке воздвигли святилище, где маги совершали ужасные ритуалы и приносили кровавые жертвы неизвестному божеству.

Кончилось все трагически: вызванные из бездны Силы погубили Ортеса, его пособников и всех обитателей замка, вырвавшись из их власти. Замок надолго опустел, а окрестности его наводнились ужасом, являвшимся в мирные дома по ночам. Люди в страхе бросали свои жилища и покидали долину.

Вмешательство бродячего чародея Кассия положило конец необузданному разгулу демонов.

Он укротил Силы зла, загнав их обратно в бездну. Нашел ритуальные предметы, с помощью которых адепты тьмы во главе с Ортесом пытались вернуть к жизни Аделу. Главным из них была чаша, изготовленная древними мастерами Стигии, с виду простая чаша из серой глины, но обладающая чудовищной колдовской мощью. Кассий приказал замуровать вход в ритуальный зал и опечатал дверь магическим замком. Двуглавую статуэтку — ключ от этих дверей, маг вывез за пределы Зингары и спрятал где-то в чужих краях. Тогда же им было произнесено пророчество, согласно которому владеющий ключом человек вновь может вызвать из земных глубин древнее зло, смешав в чаше магический эликсир с королевской кровью Зингары. И на этот раз уже ничто не сможет его остановить.

Много лет назад, когда я еще не родилась, в замок, куда вернулись мои предки, пришел Яхм-Коах. Отец принял его на службу жрецом Митры в замковый храм, поскольку его предшественник трагически погиб за несколько дней до этого. А вскоре маг стал и доверенным лицом в делах барона. Потом появилась я. Прошло долгих восемнадцать лет прежде, чем Яхм-Коах выдал свои истинные намерения. Все эти годы он терпеливо искал вход в проклятое святилище, являясь тайным владельцем магического ключа, и наконец нашел. Теперь замок в его руках, и маг близок к исполнению своей цели, устроив дело с моим браком. Отец томится в подземелье, а я... я лишь слабая женщина, и никто в целом мире

не в состоянии мне помочь. Над братом короля нависла страшная угроза, а, возможно, и над всей Зингарой, или даже подлунным миром.

— Многое мне в этой истории не понятно, но одна вещь особенно: почему Кассий не уничтожил чашу? — сразу спросил киммериец.

— Говорят, он перепробовал тысячу магических средств, но ни одно из заклинаний ее не разрушило.

Наступило продолжительное молчание, во время которого Конан пытался осмыслить услышанное, а девушка с надеждой вглядывалась в его сосредоточенное лицо.

— А почему не рассказать обо всем герцогу до церемонии? — наконец заговорил северянин.

Глаза юной баронессы стали еще грустнее, и Ремина потупила взор.

— Яхм-Коах поклялся, что в случае разоблачения его козней, он первым делом погубит отца.

— Тогда на что же ты надеялась, задумав побег?

— Тиврано выкрал статуэтку, перед тем как бежать. А без нее маг бессилен. Хотя, что о ней теперь говорить... Пока у него есть надежда поймать меня, до свадьбы он пальцем отца не тронет. Мы же намеревались через верных людей предупредить герцога об опасности.

Девушка внезапно запнулась.

— У меня тоже есть к тебе вопрос. Даже два. Как ты оказался впутанным в эту историю, и потом... ты сказал, что поможешь мне?.. А теперь,

когда я все тебе рассказала, желание помочь исчезло, да?

Конан рассмеялся.

— Если бы я выбирал только легкие пути, то давно умер бы с голода. Меня наняли, чтобы я вас нашел и посулили за это три тысячи монет...

Ремина испуганно вздрогнула, и киммериец поспешно поправился:

— Я обещал найти тебя, и я нашел. О большем речь не заходила.

— И каковы же твои намерения теперь?

Конан задумался.

Интересный вопрос. Имелись: брошенный в темницу барон и торжествующий на его месте маг, захвативший верховную власть в провинции. А также сумма в три тысячи золотом, которую он уже вряд ли получит. Зато барон не пожалеет средств, чтобы вернуть утраченное положение. Вот только — в который раз придется нарушить свой собственный обет, не связываться с высшими силами. Конан вздохнул.

— Ладно, считай, мы почти договорились.

Девушка не смогла сдержать милой улыбку. Конан поневоле залюбовался: даже под спудом обрушившегося на нее горя и испытаний громко заявляла о себе бесспорная красота девушки. И тут, дочь барона Орландо гордо выпрямилась. Черты лица снова приобрели холодность и надменность.

— От имени истинного владельца этих земель — барона Сантоса Орландо, я, Ремина Орландо, принимаю предложенную тобой службу...

Вдруг она резко осеклась и просто добавила:

— Ой, извини! В общем, наша семья оказалась в беде, помоги мне, пожалуйста!

Эта до наивности трогательная просьба подействовала на северянина гораздо сильнее, нежели расписанные Реминой ужасы, ожидающие Зингару.

Стараясь скрыть охватившее его смущение, Конан откашлялся, и направил русло разговора в более приземленном направлении:

— Преимущество, увы, сейчас на стороне мага. У тебя есть какой-нибудь план?

Девушка, вмиг став серьезной, отрицательно покачала головой.

— Я знаю, что нужно делать: проникнуть в замок и завладеть статуэткой, а еще лучше чашей...

Ремина не удержалась от горького смеха.

— Безумие, это решительно невозможно! В одиночку выступить против армии!

— Действительно, нелепая мысль. Правда, я считал, что нас двое,— без тени улыбки ответил Конан.

Девушка слегка смутилась, но в глазах ее застыл невысказанный вопрос.

— Расскажи мне о людях, окружающих мага, о ближайших его помощниках? — попросил киммериец, сменив гнев на милость.

— Я почти никого не знаю, не знаю даже люди ли они еще,— честно призналась баронесса.— Впрочем, одного можно выделить — такой мерзкий карлик, хитрый и жадный, кажется, его имя

Козим. Ему маг доверяет самые ответственные поручения...

— Достаточно! — прервал ее Конан, резко поднимаясь из-за стола.— Вот к нему-то мы сейчас и направимся...

* * *

Оставшись в одиночестве, Козим вздохнул свободнее.

— Проклятый! — злобно прошипел карлик и вдруг испугано стал озираться вокруг, —...варвар! — громко закончил он. Мелко семена короткими ножками, Козим пересек комнату, подошел к столу и, схватив кувшин вина, с жадностью приник к горлышку. Благородный напиток бодро забулькал, покидая стены глиняного узилища — для того, чтобы угодить в темницу Козимовой утробы.

— М-да,— коротышка отбросил опустевший кувшин и причмокнул губами. О чем-то задумавшись, он несколько мгновений стоял у стола, затем, со вздохом взгромоздился на стул с высокой резной спинкой. Обвел взглядом убогую обстановку, скривился и сплюнул на грязный пол.

Душу его терзали худые предчувствия, и злобный червь подтачивал изнутри, заставляя лихорадочно работать мозг, который уже несколько дней не знал ни отдыха, ни сна. Причиной беспокойства являлось даже не бегство баронской дочери. Козим был человеком практичным, и мысли не допускал, что Ремине удастся избежать расставленных им сетей, здесь ей и варвар не

поможет. Девчонку он поймает и вернет Яхм-Коаху. Тогда случится то, что должно случиться, вот оно-то и не давало ему покоя. Магии любого рода он всегда сторонился и старался не сталкиваться с колдунами на узкой дорожке. На свете хватало простаков, которые служили карлику поставщиками средств к существованию. И надо же ему было попасть в такой переплет! Истину говорят люди: человек два раза глупым живет — молодым и старым.

Козим распечатал второй кувшин, отхлебнул вина и поерзал на стуле, устраиваясь поудобнее.

Вино растеклось по жилам, согрев теплом смятенную душу, и карлик почувствовал себя лучше. Он вообще долго не мог досадовать на себя — слишком любил и уважал собственную персону. Но честолюбцем Козима назвать было сложно: больше всего на свете он любил золото, и эта порочная страсть была у них обоюдной, казалось, деньги сами липли к его рукам.

Козим заболтал не достающими до пола ногами, ухмыльнулся и надолго припал к кувшину. Потом откинулся на спинку, и устало прикрыл глаза. В затуманенной винными парами голове коротышки медленно потекли невеселые воспоминания, но он не стал их прогонять:

...Вот он десятилетний мальчишка трясется в цирковом возке по аквилонским дорогам. Тогда его несчастного сироту, умирающего от голода на улицах Шамара, из жалости подобрал старый жонглер, мастер Масу. — Козим печально улыбнулся сквозь прикрытые веки. — Да, он смешил

людей, кочуя с бродячей актерской труппой, и только тогда, наверное, по-настоящему был счастливым. О, карлик многому у них научился! Масу прочил ему большое будущее: «Наберись терпения, мальчик мой, скоро, поверь мне, очень скоро, тебя заметят даже короли, и ты будишь веселить вельмож, при каком-нибудь знатном дворе», — не раз говаривал старый мастер. И Козим ждал, ждал, когда придет его звездный час, но вместо этого пришел черный мор в Бельверусе, унесший жизни всех, кого карлик успел любить.

Потом судьба не раз с ним шутила, то, поднимая до небес в ореоле богатства и славы, то, сбрасывая в пропасть нищеты. Он был потешным гладиатором в цирке Ианты, ростовщиком в Коринфии и вором во всех странах западной Хайбории. Жизнь научила его не доверять людям, а в искусстве обмана Козим мог поспорить с Луксурским оракулом.

Да, порой ему улыбалась удача.

Не везло лишь в одном: люди, с которыми сводила его судьба, все оказывались мошенниками и негодяями.

Шрам со своими бандитами не составлял исключения, но с ними коротышке было проще. Особенно поначалу. Юркий, пронырливый карлик сумел стать банде необходимым, легко входя в доверие к людям. Жертвами его становились купцы, денежные воротилы и даже мелкая провинциальная знать. «Из всех обманщиков и плутов ты самый хитрый и ловкий во всей Зинга-

ре», — однажды признался ему расчувствовавшийся Шрам.

Но со временем многое изменилось.

Козим никогда не сидел на месте, то, исчезая надолго, то, снова появляясь, он приносил бандитам сведения о путях следования караванов, о численности ратников в мелких поместьях и о богатстве их владельцев. Именно он натолкнулся на Яхм-Коаха, тогда еще просто жреца, предложившего рискованный и дерзкий план захвата замка барона Орландо.

— Ты знаешь Шрама, главу «волков», — жрец не спрашивал, а утверждал. — Он мне нужен. Он и его люди. Я заплачу.

Козим, только что разменявший в таверне последний золотой, от радости чуть не бросился чародею на шею.

— Не осмелюсь лгать вашей премудрости, — ответил он. — Я буду рад услужить вам...

— Тогда передай ему, что чем скорее он со мной встретится, тем выше будет его награда. — Яхм-Коах небрежно кинул на стол увесистый кошелек. — Это тебе за труды. Получишь столько же, если Шрам будет здесь завтра в полдень.

К назначенному сроку, на широкий двор таверны галопом влетели всадники — Шрам и «бешеные», которые тогда еще были людьми, хотя и очень умелыми убийцами, не подозревавшими, что их ждет в скором будущем.

О чем договаривались главарь шайки и жрец ни «бешеные», ни Козим — последний снедаемый любопытством, пытался подслушать их разговор,

но маг имел свои способы скрывать тайны от чужих ушей — так и не узнали.

Впрочем, вскоре все выяснилось само собой. С помощью жреца разбойники ворвались в замок Орландо, перебили охрану и захватили барона со всеми его домочадцами. И так маг стал хозяином всей провинции. Правда, оставались еще королевские суды, но судьи стали другими: их сменили люди, угодные Яхм-Коаху. А потом, Козим не мог вспомнить, когда начались перемены, маг получил безраздельную власть над бандой, заставив свободолюбивых «волков» служить своим черным целям. Коротышка смирился и с этим — какая разница кому служить, лишь бы платили.

Но вскоре ветер в карманах остудил его голову. Шло время, и чем больше оглядывался карлик по сторонам, тем страшнее ему становилось. Слишком силен стал жрец и непомерно возросло влияние его на разбойников, слепо выполняющих волю мага.

Несмотря на все Козима жгло любопытство: для чего Яхм-Коах заварил эту кашу? Нюх карлика, отточенный годами плутовства и мошенничества, говорил, что здесь затевается нечто большее, чем просто борьба за власть.

И вот недавно пронырливый карлик проник в замыслы Яхм-Коаха...

В начале весны маг исчез. Говорили, что он уехал. Зачем — никто не знал. Но куда на самом деле отправился жрец, было известно и Козиму, и Шраму, да и многим «волкам», но они об этом молчали...

* * *

Негромкий стук в дверь вывел карлика из полудремотного состояния. Кряхтя, он сполз со стула, подошел к двери и отодвинул засов.

— Привет,— сказал Конан, переступая порог. За ним тенью скользнула Ремина.

— А... э...— выпучив глаза, проблеял Козим. Пока коротышке не пришло в голову посильнее напрячь голосовые связки, киммериец, быстро протянул руку, и нежно двумя пальцами, сжал тонкую шею карлика. Тот дернулся пару раз и сник, преданно глядя на северянина.

Конан широко улыбнулся. В этот момент Козим предпочел бы увидеть перед собой оскаленную волчью пасть.

— Я с добычей,— сообщил киммериец.— Где моя награда?

Из горла Козима вырвался лишь слабый хрип. Конан разжал пальцы. Карлик тут же принялся растирать шею. Варвар терпеливо ждал.

— Награда? — переспросил коротышка.

— Ну да,— с готовностью подтвердил северянин.— Три тысячи золотых, как договаривались.

— Целых три тысячи?! Неужели именно столько я обещал?! Но у меня нет при себе таких денег! — Улыбка Козима была даже шире улыбки киммерийца.— За ними придется ехать в замок.

— Отличная мысль! — обрадовано воскликнул Конан, весело взглянув на Ремину, которая стоя у двери, держала наготове арбалет.— Прямо сейчас и поехали!

— Но ведь ночь за окном,— удивленно про бурчал Козим.

Слова варвара его не обманули, да Конан и не стремился усыпить бдительность карлика. Северянин откровенно издевался над ним, и коротышка покрылся холодной испариной, вдруг вспомнив, как это бывает больно, когда тебя бьют. Взглянув в темно-синие глаза северянина, карлик поспешно отвел взгляд. Твердый безжалостный взор киммерийца лучше всяких угроз поведал ему, что одним битьем дело может не ограничиться.

— Право, я уже собирался спать,— заюлил Козим, изо всех сил стараясь скрыть дрожь в голове, и забывая про дрожь в коленях.

— Я могу дать тебе зелье от сна,— произнес Конан, задумчиво разглядывая свой кулак.— Но боюсь, для тебя оно окажется слишком сильным. А мне еще хочется послушать твой рассказ.

— Не хочу тебя разочаровать, но я слишком маленький человек, чтобы сильные мира сего делились со мной своими секретами.

— Правда? А вот госпожа мне говорила иначе. Разве Яхм-Коах не доверяет тебе? — прямо спросил его варвар.

— Он маг и не доверяет никому,— почти не соврав, ответил Козим.

Во время их разговора Конан ходил по комнате, заглядывая во все углы, будто там мог найти ответы на свои вопросы. Каждый раз, когда он приближался к карлику, сердце коротышки сжималось от ужаса, а когда варвар достал свой

меч, Козим от страха зажмурил глаза, готовясь к самому худшему. Прошло несколько мучительно долгих мгновений, но ничего не случилось.

— Ты не оставляешь мне выбора,— с фальшивым сожалением вздохнул Конан и для убедительности взмахнул мечом.

— Нет-нет! Разумеется я все расскажу, только, что же ты хочешь услышать? — заторопился Козим, избегая смотреть на могучие руки киммерийца.

— Например о том, как тебе пришла в голову такая глупая мысль, послать за мной следом своих людей?

— А при чем тут я? — ловко разыграл изумление карлик.— Они сами...

— Ясно. Дальше можешь не продолжать. Ну что ж, осталось пожелать тебе приятных снов...

Взвизгнув, Козим отпрыгнул в сторону, вскинув руки в произвольной защите. Конан не тронулся с места, внимательно наблюдая, как тщательно скрываемый страх на сморщенном лице карлика сменяется откровенным ужасом.

От волнения у него пересохло в горле, и он с тоской покосился на кувшин с вином. Киммериец поймал его взгляд, подошел к столу, но, заглянув в кувшин, сокрушенно покачал головой. Вдруг лицо его прояснилось, и он украдкой подмигнул Ремине.

— Побудь здесь с ним, и не спускай с него глаз,— бросил Конан баронессе, направляясь к двери.

— А ты куда? — заволновалась девушка.

— Пить хочется. Пойду принесу вина. Сегодня что-то слишком душно.

Козим был слишком напуган, чтобы прислушиваться к словам варвара: ночь была лунная и холодная.

Оставшись наедине с баронессой, он стал лихорадочно думать, как ему выпутаться из этого положения.

— Прошу прощения, госпожа, но как такая умная девушка могла довериться какому-то варвару? Он отведет тебя в замок, отдаст Яхм-Коаху и с чистой совестью возьмет свои деньги,— понизив голос до шепота, сказал Козим.

— Не смей так о нем говорить! Ты совсем не знаешь Конана! — возмущенно вскрикнула Ремина.

— Зато я знаю варваров, госпожа, ведь мне уже не семнадцать лет,— ловко расставлял свои сети карлик.— Они очень коварные люди, поверь мне.

— Если бы он хотел, то давно бы был на полдороги к замку вместе со мной,— возразила баронесса, но без прежней уверенности в голосе.

— Будет он себя утруждать? Тут ему надо тебя связать, следить неусыпно, а то чего доброго опять убежишь. А так ты по собственной воле идешь, словно глупая овечка, бегущая к жертвеннику. Нет, я просто восхищен этим варваром! Надо же, как ловко он тебя провел! — Карлик весело захихикал, но мгновенно притих, когда в комнату вошел киммериец с тремя кувшинами вина.

Конан распечатал один кувшин и шумно стал пить. Козим облизывался, словно кот, завидевший в небе птичку.

— Нельзя ли и мне глоточек? — умоляюще попросил он.

— Отчего же нельзя, — добродушно откликнулся варвар, передавая кувшин коротышке. Карлик с жадностью опрокинул в себя его содержимое. — Перед смертью все можно.

Козим поперхнулся и закашлялся.

— Ты собираешься его убить? — с дрожью в голосе спросила Ремина.

— А что делать? — угрюмо бросил киммериец. — Не тащить же его в собой. Он предаст нас при первой возможности.

Ремина ненадолго задумалась, понимая справедливость доводов киммерийца. Козим, прислушиваясь к их разговору, бессознательно потянулся к следующему кувшину.

— По-моему, это слишком жестоко, — сказала баронесса. — Можно просто связать его и оставить здесь.

— Пожалуй, я бы мог с тобой согласиться, — как бы рассуждая в слух, продолжал Конан, — но он слишком важная птица, и найдут его быстро. Остается одно...

— Не надо! — вдруг завопил Козим. — Меня нельзя убивать!

— Почему? — искренне удивился варвар.

Козим шмыгнув носом, утер его рукавом и, вскинув голову, твердо сказал:

— Я — за вас!

— Чего-о? — северянин чуть не упал со смеху.

— Да! Яхм-Коах меня не ценит. Шрам и его громилы издеваются надо мной! Я бы давно ушел, но, увы, это невозможно. Предавший мага неизбежно умрет.

Коротышка и не заметил, как вино ударило ему в голову.

— Должно быть, несладко тебе живется? — подбодрил его Конан, вновь подмигивая баронессе.

— Большие люди всегда испытывают нужду в маленьких — вроде меня — пока дело не сделано. Потом о них забывают, или... — Карлик поморщился. — Нет в мире справедливости! Нет, ничего плохого о господине я сказать не хочу, — Козим как-то воровато огляделся по сторонам, будто опасался, что колдун мог его подслушать. — Но всем, известно, сам о себе не побеспокоившись, после наплачешься, — пробормотал он, поднес кувшин ко рту и с горечью обнаружил, что тот опустел. Вздохнув, Козим подпер голову рукой, примирившись с пустым кувшином, и устоял на огонь нещадно чадающей лампы.

Конан пододвинул ему очередной кувшин; карлик не возражал.

— Замок барона я знаю, как свои пять пальцев.

— Я тоже, — ухмыльнулась Ремина.

— Не перебивай меня, девушка! Так, о чем я? Ага! Конечно, мы вызволим твоего отца, я знаю, где его держат. Возможно, удастся застать врасп-

лох и самого Яхм-Коаха. Не раз я наблюдал за ним, сам оставаясь невидимым. Так я, кстати, и узнал, о проклятии, тяготеющем над родом Орландо.

— Постой, постой! — Ремина опустила арбалет.

— Нет, видно, придется тебе все же шею свернуть, — с сокрушенным видом сказал варвар, но вдруг осекся, и посмотрел на баронессу. — Это уже интересно, — протянул он. — Давай-ка, недомерок, выкладывай!

— О чем? — смешавшись, пролепетал Козим, замороженным взглядом следя за тем, как варвар медленно засучивает рукава.

— Кром! — потерял терпение киммериец. — О жреце, конечно!

— Конан! — протестующе вскрикнула Ремина. — Он говорил о моем отце!

— Неужели ты думаешь, что я и впрямь настолько глуп, что доверю этому прохоже вести нас в подземелье замка?! Уж лучше самому броситься грудью на меч!

Козим, оскорбленный до глубины души, залез на стул и, все еще, косясь на тяжелые кулаки северянина, многозначительно произнес:

— Кто утверждает, что хоть раз видел наивного варвара, тот лжет.

— Справедливое наблюдение, — откликнулся Конан. — Но тебе лучше воздержаться от них.

Гигантская фигура киммерийца нависла над карликом, как гора. В голосе северянина явственно слышались раскаты грома.

— Понял, — быстро согласился Козим. — Варвары — самые благородные на земле люди и никогда не унижутся до того, чтобы обидеть беспомощного калеку.

Конан глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Рассказывай, — потребовал он более миролюбивым тоном.

— Все просто, — пожал плечами Козим. — В библиотеке твоего отца, баронесса, среди множества книг есть одна, в которой очень простым языком — умели же древние так писать! — поведана история рода Орландо. В ней рассказывается, как ваш почтенный пращур, будущий отец будущего деда будущего первого барона Орландо по имени... — Козим наморщил лоб. Больно было смотреть, какие муки доставляет ему титаническая работа мысли.

— Тавур, — подсказала Ремина. — Я хорошо знаю историю своей семьи. По книге, о которой ты говоришь, меня в детстве учили читать и писать.

— Да? Тогда я берусь утверждать, что Яхм-Коах оказался более проницательным, чем все Орландо более чем за четыреста лет! — Козим захихикал, но тут же умолк под грозным взглядом киммерийца.

— Что ты хочешь сказать? — зардевшись, спросила Ремина.

— «И поверг Тавур змея, и рассек смердящее чрево, и вырвал сердце его. Но не умер змей от той страшной раны и, подняв голову мерзкую,

рек...». У меня отличная память,— заявил Козим.— Прочел раз, запомнил навсегда.

— Зато со счетом явно плоховато. Надеюсь, твоя память не подведет тебя, когда ты будешь со мной расплачиваться,— не преминул вставить Конан.

— Какие между друзьями могут быть счета?! — возмутился Козим.— Сейчас мы заодно! Подай-ка мне, пожалуйста, кувшинчик.

— Конан шутит,— оживилась Ремина, выполняя приказ коротышки, с очаровательной улыбкой подмигивая нахмурившемуся варвару.

— Конечно,— подхватил киммериец.— Я просто пошутил. Обожаю такие шутки. Так что же сказала змеюка? Только не завывай, как вдова по любовнику. И давай покороче.

— Змей сказал, что проклинает род Тавура и настанет день, когда он — Змей, то есть — вернется, призванный потомками Тавура, и тогда они — в смысле, наследники — сами станут проклятием всего живого.

Конан наморщил лоб.

— Нет, лучше все-таки по-книжному,— проворчал он.— И правда, древние выражались яснее, чем ты говоришь.

— «Когда кровь двух великих начал падет на сердце мое, восстану я из бездны, сильнее тысячекратно, и, смеясь, взгляну на людей, мнящих себя властелинами мира. И возвеличу я слуг моих, других же низведу до унижения пред ними. Сам же, презрев сей мир, где холод и мрак воцарятся, уйду за звездный оком».

Повисло недолгое молчание.

— А когда придет этот день? — с беспечным видом спросил киммериец.

— В том-то весь и фокус, что этот день один раз уже был! — торжествуя, сообщил коротышка, от возбуждения подпрыгивая на своем стуле.— Припомни-ка, госпожа, легенду об Ортесе и Аделе.

— Я помню ее,— ответила девушка с серьезным видом,— но признаться, до некоторых пор особого значения ей не придавала.— И вдруг глаза Ремины округлились, а стянутая шнуровой высокая грудь взволновалась.— Постой, ты хочешь сказать, что!..— вскрикнула юная баронесса, роняя на пол арбалет.

— Именно! — ликуя, подтвердил Козим.— Никому и в голову не приходило связать эти два предания, хотя это так очевидно! Сколько поколений Орlando учились грамоте по этой книге, и им не дано было постичь, скрытое в ней предостережение!

— А ты, стало быть, раз взглянув, тут же разгадал ее тайну? — Лицо северянина исказилось в кривой ухмылке.

— Клянусь именем своей матери, и мне бы ни за что не понять тайный смысл, если бы не закладки, сделанные Яхм-Коахом, на страницах с двумя легендами,— чистосердечно признался карлик.

— Ну и что? — спросил Конан.

— Тебе, друг киммериец, простительно хлопать глазами и безмятежно улыбаться, но ты-то,

госпожа, должна меня понимать? — Козим вздохнул и пожал плечами. — Я еще не решил вопрос, для чего жрецу нужна эта свадьба? Старый барон, кажется, думал выдать тебя за совсем другого человека?

— Да, — слегка покраснев, подтвердила Ремина. — Но стремления Яхм-Коаха мне как раз понятны.

Девушка открыла было рот, чтобы рассказать об этом карлику, насторожившему уши, но Конан предостерегающе поднял руку, и баронесса промолчала.

— Вот значит как. Все еще не доверяете мне? — карлик покачал головой и тихо произнес: — «Но смеялся Тавур над словами Змея. И, вложив сердце врага в ларец, воскликнул: «Несите ларец сей в мой дом и спрячьте от глаз людских!» И вскипело тут сердце змеиное, и рассыпались стенки ларца, и ужас обуял воинов Таура».

Козим замолчал, облизал пересохшие губы. Глазами поискал на столе кувшин, но вспомнил, что допил последний до капли, и пришел в уныние.

В затуманенной хмельной голове его вдруг мелькнула ясная мысль, повергшая карлика в ужас: «Отчего это я перед ними соловьем разливаюсь? Я что, действительно собрался идти в замок воевать с Яхм-Коахом? Дружище Козим, да ты просто спятил!»

Но мысль эта не задержалась, и на карлика вновь снизошло благодушное настроение.

— Теперь, когда нам все ясно... — сказал он.

— Н-нет... Не совсем, — остановила его Ремина. — Сердце Змея...

— Заключенное в ларец, — подхватил Козим. — Но это и есть Чаша Ортеса.

— Но Чаша — не ларец, — заметил киммериец, подходя к баронессе.

— Может, переписчик что-то напутал, — пожал плечами Козим. — А может, и не было никакой чаши. Выдумали всю эту ерунду ваши благородные предки, чтобы мы тут головы себе ломали, а сами смеются над нами с небес.

— Не кошунствуй! — Ремина в порыве гнева сверкнула на коротышку ненавидящим взором, и Конан прижал девушку к своей груди.

— Великодушно прошу простить меня, госпожа, я не хотел бросать тень на честь вашей семьи, но лишь высказал предположение, — Козим склонился в шутовском поклоне. — И так, мы имеем ясную картину, где не хватает лишь одной существенной детали — в преданиях нет ни слова, ни намек, ни даже подсказки о том, как можно победить этого змея. Один раз его загнал под землю колдун Кассий. Но кто сделает это теперь? Я не силен в магическом искусстве, ты, госпожа моя, тоже, а тебе, мой могучий друг, я даже не стану задавать этот глупый вопрос. Однако чутье мне подсказывает, что разгадка находится где-то рядом.

Коротышка сумел овладеть вниманием своих слушателей и откровенно упивался этой маленькой победой, с напыщенным глубокомысленным видом меря шагами комнату. Козим так увлек-

ся, что вдруг искренне поверил в то, что сейчас сказал.

— Не ты ли нам говорил, что Тавур сразил его обыкновенным мечом? — напомнил ему киммериец.

— Тогда змей был еще просто змеем, а не магическим существом, — возразил Козим. — А что там о Ренальде? — вдруг спросил он. — Как я понимаю, герцог должен стать тем жертвенным бараном, в жилах которого течет королевская кровь?

Конан и Ремина молча переглянулись: «А голова у коротышки на месте», — сказали друг другу их глаза.

— Постой-ка! — оживился карлик. — Но разве герцога не охраняют маги?! Клянусь своей бородой, это должны быть очень сильные чародеи. Они и близко не подпустят к нему Яхм-Коаха, задумай тот какую-нибудь пакость. Вот и решение всех проблем: все сделают королевские маги, а вам лучше спрятаться и отсидеться где-нибудь в тихом месте, пока все не закончится...

— Козим, — нетерпеливо перебил коротышку Конан, — у тебя нет бороды.

— Причем здесь борода? — уставился на северянина карлик, не понимая, чего этот тупоголовый варвар лезет к нему с какой-то дурацкой бородой.

— Ты только что клялся своей бородой, — терпеливо пояснил северянин. — Но довольно, я устал от твоей болтовни. — Повернувшись к Ремене, варвар продолжил свою мысль, но уже обра-

щаясь исключительно к девушке: — Любим путем мы должны попасть в замок. И не забывай, госпожа: не будет свадьбы, не будет ничего. А теперь нам надо решить, что делать с ним?

Мгновением назад витавший где-то в облаках коротышка, под хмурым взглядом северянина был низринут на землю. Хмель мигом выветрился из его головы. В ожидании своей участи, Козим глубоко втянул голову в плечи и стал похож на нахохлившегося обиженного воробья.

— Пожалуйста, не надо его убивать, — попросила киммерийца Ремина.

— А я и не собирался. Пошли, Козим! — со смехом воскликнул северянин. — Ночные прогулки — лучшее средство от бессонницы и похмелья.

— Если вы непременно решили идти, то, пожалуйста, без меня. Я маленький человек...

— Маленькие люди тоже хотят жить, верно? — прищурившись, спросил Конан.

Козим застонал, но его стенания не произвели на варвара впечатления. Подталкиваемый ручищей Конана, карлик покорно поплелся к двери.

* * *

Таверна скрылась за поворотом кривой улочки. Козим тяжело вздохнул. Прощайте вино, сытный ужин и теплый ночлег. Спору нет: вино у Понтикуса кислое, еда всегда подгоревшая, а жесткий тюфяк с клопами, но все же это лучше, чем куда-то идти посреди ночи в компании щед-

рого на затрещины варвара и взбалмошной баронессы, идти — на встречу с верной смертью.

Железная рука киммерийца грубо схватила его за шиворот, выводя из задумчивости.

Впереди замаячил свет факелов.

— Ты не рассказывал мне, как собираешься выбраться из Овражка. Наверняка у тебя есть какой-нибудь хитрый план? — шепотом спросил Козим, с опаской поглядывая на перегородивший дорогу разбойничий кордон.

— Помалкивай,— огрызнулся варвар, внимательно озираясь по сторонам.— План у меня замечательный.

— А можно спросить — какой? — поинтересовался любопытный карлик.

— Можно.

Козим замолчал, надеясь услышать более подробный ответ, но тщетно.

Все это время заговорщики продолжали идти прямо на огонь. Расстояние между разбойниками и Конаном, быстро шагающим впереди, быстро уменьшалось с каждым тревожным ударом сердца карлика.

Коротышке стало жалко себя. Когда их поймут, магу может оказаться и недосуг выслушивать его слезливые оправдания, а превращаться в лягушку из-за крохотного недоразумения Козим не хотел по многим соображениям.

— Конан, может, сдадимся, а? Маг, он, знаешь ли, добрый, денег нам с тобой даст, если девчонку к нему приведем,— попробовал умаслить северянина коротышка.

К немалому его удивлению, на киммерийца такой железный аргумент не произвел никакого эффекта. Ремина зашипела, как кошка, и больно ущипнула карлика за ухо. Козим вскрикнул и бросился искать спасения за широкой спиной северянина. Костер, вокруг которого столпилось несколько разбойников, был уже совсем рядом.

— Будьте готовы, сейчас начнется,— недовольно буркнул киммериец, не сбавляя шага.

«Это не я!» — хотел сказать Козим, но едва открыл рот, как сообразил, о чем толкует Конан, и что именно сейчас начнется.

— Прячься, госпожа моя! — вылетело запоздалое предупреждение из его уст.

Девушка презрительно посмотрела на коротышку, и крепче сжала в руках арбалет. Конан уверенной поступью шел прямо на разбойников, и девушка поняла, что схватки не миновать.

Поймав за руку отступающего в темноту Козима, она потащила его к ближайшему дому, втокнула в какую-то нишу, приставив арбалет к горлу.

— Трус! — бросила она в лицо коротышке.— Своим визгом ты всех нас погубишь. Держись рядом со мною. А если я увижу, что ты вновь пытаешься улизнуть, клянусь, не пожалею твою шкуру.

— Может, все-таки, сдадимся? — предпринял Козим еще одну робкую попытку.— Твоя поимка для мага — вопрос времени. Зато добровольно явившись в замок, ты спасешь жизнь этого глупого варвара.

Ремина кивнула в сторону киммерийца.

— Не смей называть его глупым! Его мозгов хватит на дюжину королевских советников, а благородства и чести побольше, чем у зингарской знати! К тому же, он умеет за себя постоять.

В подтверждение ее слов, Конан, словно нож в масло, врезался в толпу разбойников. Воздух наполнился звоном стали и криками людей. Меч варвара с жадным чавкающим звуком рвал человеческую плоть. В дорожную грязь летели отрубленные руки, ноги и головы.

Ремина и Козим словно замороженные следили за северянином, исполняющим какую-то дикую пляску в плотном кольце врагов. Он так искусно управлялся со своим огромным мечом, что больше был похож на художника, расписывающего фресками стены храма.

Последний враг упал, рассеченный почти пополам, и Конан резко остановился, весь черный от залившей его крови.

Когда карлик и девушка осторожно подошли к варвару, он что-то недовольно мычал себе под нос.

Ремина с ужасом посмотрела на последствия этой кровавой бойни, и ей стало не по себе, но когда она перевела взгляд на Конана, то не смогла удержаться от печальной улыбки. Всем своим видом киммериец напоминал обиженного ребенка, которого сверстники не принимают в свою игру. Девушка с нежностью коснулась его руки.

— Клянусь, что Митра никогда не распахнет небесные врата перед этими псами! Ни одного

достойного мужчины! — в сердцах выругался северянин.

— Зато дорога теперь свободна, — захихикал Козим. — Но не расстраивайся, возле ворот замка есть еще стража. Я оценил твой план, киммериец, и нахожу его блестящим.

Конан немного приободрился, зато приуныл карлик. План Конана вдруг стал ему понятен до мелочей. Посмотрев на чудовищных размеров меч, который, словно хворостину сжимал в руке варвар, он с тоской про себя подумал: «Демон, истинный демон! И зачем ты только спустился со своих диких гор?!»

Пытаясь отвлечься, Козим взялся считать поверженных киммерийцем врагов. Если сложить, то, что от них осталось, получалось не меньше пяти человек. Карлик нахмурился: из придорожной канавы на него печально смотрели чьи-то мертвые остекленевшие глаза. «Значит шесть», — тяжело вздохнул коротышка и обернулся к Конану. Варвар уже спешил идти дальше.

— Поторапливайся, чего рот раскрыл! — крикнул он на ходу, и карлик послушно поплелся следом.

Козим поморщился: «С какими грубыми людьми меня сталкивает судьба». Но вслух, памятуя о кулаках киммерийца, величиной с наковальню, и готовности варвара не задумываясь пускать их в ход, ничего не сказал.

До городских ворот беглецы добрались без приключений. Старый привратник крепко спал в своей будке.

— Странно,— на ходу поделился своими мыслями киммериец,— это похоже на мышеловку: со всех сторон клетка, но с одной оставлен проход с приманкой. Что ты об этом думаешь?

— Под приманкой ты понимаешь замок, с разбойниками и Яхм-Коахом? Дорога больше никуда не ведет.

Конан хмыкнул и ничего не ответил.

Отсюда их явно никто не ждал, даже магу со всей его предусмотрительностью не пришла в голову мысль, что варвар может попытаться уйти через северные ворота. В горы шла единственная дорога, и вела она прямо в замок Орландо. Вокруг высились неприступные скалы, а за ними Рабирийский хребет, где в это время года перевалы еще дремлют под тяжелыми шапками снега и льда.

Сперва дорога бежала через поля и сады, но вскоре стала круто подниматься в гору и возделанные участки земли отступили, перед дикой мощью голого камня и непролазных лесов. Лунный лик, по временам воровато выглядывающий из-за туч, отражался в широких лужах, разлившихся на дороге. Под башмаками чавкала грязь. Козим устал, его короткие ножки едва поспевали за своими быстроногими спутниками. Но варвар упорно шагал вперед, и карлик боялся заговорить с ним о привале. Однако вскоре силы стали покидать коротышку: он часто останавливался, жадно глотая воздух открытым ртом, чем вызывал неудовольствие на лицах варвара и Ремины. «Попробую зайти издалека,— решил Ко-

зим.— Заговорю зубы киммерийцу, а там и передохнуть попрошу».

— Конан, ты же бывал в дальних странах, да и повидал, наверно, немало. Рассказал бы чего-нибудь, смотришь, шагалось бы веселей.

— Побереги лучше силы и не растрачивай их на слова,— бросил северянин через плечо.

Козим хотел что-то добавить, но не успел.

Киммериец остановился, и следовавший за ним карлик уткнулся носом в штанину варвара. Конан поднял руку, призывая к тишине, и показал вперед. Дорога вскарабкалась на вершину горы, разрезанного пополам узкой расщелиной, настороженной точно капкан. Вход и выход из этого каньона охраняли человек десять разбойников. Для надежности дорогу перегородили здоровенным бревном, водрузив его на две колоды.

Другого пути не было, отвесные кручи нависали здесь прямо над головой, словно стены исполинской башни, упирающейся в звездное небо. Северянин спиной чувствовал их ледяное дыхание. Численность врага не смутила варвара.

Вдоль всего каменного прохода ярко горели костры, а за спинами некоторых головорезов киммериец заметил луки. Конан поморщился — их нацеливают стрелами до того, как они вступят в бой. Требовалось срочно что-то придумать.

— Привал. У кого есть идеи? — скрестив по-турански ноги, варвар устроился прямо на обочине под высоким густым кустарником. Козим долго разглядывал узкую каменную кишку, потом решительно замотал головой:

— Я туда не пойду! Конан, а может, сдадимся? Прислушайся к голосу разума.

— С тобой все ясно. Сейчас я этому «голосу разума» вырву язык! Ремина?

Девушка передернула плечиками и беспомощно посмотрела на киммерийца. Конан поймал ее взгляд, вздохнул, и ободряюще подмигнул в ответ. Он снова перевел взгляд на Козима и чему-то ухмыльнулся. Карлику ухмылка совсем не понравилась и, предчувствуя нечто недоброе, он заворчал:

— Что ты задумал, кровожадный варвар? Я за ранее — против!

Конан с сожалением вздохнул и положил ладонь на рукоятку меча. Коротышка миглом отполз на несколько шагов и заскулил оттуда уже более сговорчивым тоном:

— Разумеется, я против неправильных предложений. Но твои, наперед это знаю, к таковым, естественно, не относятся. Говори, чего ты от меня хочешь.

Конан понимающе покивал головой, легко поднялся на ноги, и пересел поближе к Козиму. Он склонился над ухом карлика и что-то быстро ему зашептал.

Когда до коротышки дошел смысл сказанного, он чуть не подскочил от возмущения.

— Это просто другой способ меня убить! Конан, если тебе меня не жалко, ради светлых богов, пожалей хотя бы ее. Она же верит каждому твоему слову. Простота человеческая! Короче говоря, я не собираюсь идти на верную смерть.

Если желаешь, можешь снести мне голову прямо здесь.

Северянин без колебаний потянул меч из ножен. Козим протестующе замахал руками, мысленно проклиная варвара, понимающего все так буквально.

— Постой, постой. Я подумал, что, возможно, твой план все-таки может сработать.

Жалобно кряхтя, карлик с трудом поднялся. Конан одобрительно кивнул, будто и не сомневался, что Козим справится с порученным делом, а сам обернулся к девушке, намериваясь и ей рассказать о своем замысле.

* * *

Кривой Коготь, поставленный во главе отряда, что охранял проход в горах, прикрикнул на дремлющего разбойника:

— Не спать. Шрам сказал, что этот варвар хитрее сотни гиен. А уж сильнее — точно. Нужно убить его раньше, чем он окажется среди нас.

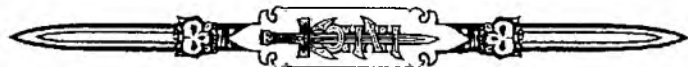
— Э, тут ты явно преувеличиваешь. Чтобы какой-то шакал посмел грозить «волку»?! Шрам, наверное, пошутил, а ты воспринял слова всерьез.

Кривой Коготь потряс кулаком.

— Ты можешь себе представляешь шакала, который глотку Степняку перегрыз?

— Как это?! — раздалась выкрики со всех сторон. — Степняк что же, мертв?

Коготь утвердительно кивнул в ответ.

— Да, благодаря собственной глупости. Не следует недооценивать противника. Кто-нибудь из вас хочет последовать за Степняком в места, что находятся за облаками?

Разбойники потупили глаза.

— Нет? Я так и думал. Тогда слушайте: первое, не спускать глаз с дороги — варвар может явиться в любой момент. Второе, как только заметите что-нибудь подозрительное, не пытайтесь геройствовать, поднимайте тревогу и зовите меня.

Вожак разбойников подождал немного, и, убедившись, что приказ его понят и принят к исполнению, направился проверять сторожей на выходе из ущелья. Его не напрасно выдвинули на должность десятника, будучи аккуратным и исполнительным, он считал, что в любом деле, в том числе и лихом, никаких мелочей не бывает. Именно такой подход, по его мнению, являлся залогом успеха. Налеты и засады, осуществляемые под его началом, всегда заканчивались благополучно, и разбойники с радостью подчинялись его приказам. Он нашел старшего среди лучников и спросил:

— Филин, все твои люди на местах?

— Ждут не дождутся, когда варвар появится.

— Хорошо, но, все равно, проверяй их время от времени.

Коготь пошел вдоль костров. Бревно, что покоилось на деревянных колодах, загораживая проезд, было насквозь изъедено жучком. Разбойнику это не понравилось.

— Почему бревно раньше не заменили? Один удар — и от него только щепки останутся. Свист!

— Да, командир, — из темноты с готовностью вынырнул здоровенный громила.

— Немедля найди замену этой трухе. Возьми Щеголя себе в помощь.

И в этот момент подал голос кто-то из лучников:

— Коготь, там, на дороге появился кто-то, кажется, сюда идет.

— Варвар? — разбойник с лязгом вырвал меч из ножен

— Непохоже. Скорее, ребенок.

— Откуда посреди ночи здесь может взяться ребенок? Смотри лучше!

Не выдержав, Коготь сам подошел к изгороди. По дороге и в самом деле двигалась маленькая фигурка. А за ней, еще две, бредущие точно во сне, с опущенными на грудь головами.

— Лучники! — срывающимся голосом рявкнул главарь.

— Эй! Эй! — закричал маленький человечек, шагающий впереди этой странной процессии, призывно размахивая руками. — Не стреляйте, это я, Козим!

— Точно Козим! — радостно воскликнул лучник. — Козим, как это ты решился выйти в такую темень?

Среди разбойников послышались смешки.

— Может, ты тоже хочешь стать воином?! Покажи нам свой меч! Где ты прячешь его, в штанах?

Теперь уже смешки перешли в хохот. Козим, не отвечая на насмешки, вступил в круг света, отбрасываемого костром, и дернул рукой.

— А ну, шевелитесь, сонные мухи! — раздался в воцарившейся тишине его резкий голосок. — Вперед!

Тотчас из темноты выступили две фигуры. Разбойники от удивления раскрыли рты. Одна принадлежала баронской дочери, а вторая — тому самому варвару, о котором в последнее время шло столько разговоров. Но больше всего их поразило не это, а ремень, петлей охватывающий шею беглецов, конец которого карлик крепко держал в руках.

— Козим, что все это значит?! — сурово спросил Кривой Коготь, выдвигаясь на первый план.

Коротышка сложил на груди руки и с важным видом произнес:

— Господин маг изволил наложить чары на этих преступников и отправить со мною в замок. Не сомневайтесь, можете пощипать девчонку или дать пинка здоровенному варвару. Они не укусят, — с уверенным видом предложил Козим, не замечая испепеляющих взглядов Ремины и Конана.

Разбойники вылезли из своих укрытий, поглазеть на такое чудо. Кто-то нервно хихикнул. Поватаге головорезов пробежал подозрительный ропот, но вслух протестовать никто не решился.

Вокруг мага давно сложился ореол всемогущества, мало ли что пришло ему в голову на этот раз. Весело скаля зубы, разбойники молча смот-

рели, как Конан и его спутница, словно лошади в поводу, покорно подошли к заграждению.

Один из громил протянул было руку, намереваясь цапнуть Ремину пониже спины. Но его сосед вовремя остановил приятеля.

— Ты что, хочешь, чтобы маг превратил тебя в червяка? Хоть волос упадет с девчонки, и всем нам несдобровать. Лучше выколи глаз северянину.

— Ну уж нет! — попятился разбойник, напуганный зловещим посулом соседа. — Пусть жрец сам разбирается с ними.

Заподозрил неладное один лишь Коготь.

— Козим, а почему вы идете пешком, неужто господин маг не дал вам лошадей? И почему у пленников не забрали оружие?

Тут разом все загомонили и угрожающе придвинулись ближе. Руки потянулись к мечам. У карлика затравленно забегали глазки, но он быстро нашелся с ответом:

— А ты что думал, Коготь, я его буду нести?! Пусть варвар сам тащит свою игрушку, у него плечи шире. Что же касается лошадей, так в городе нам они, вроде, и ни к чему были, а потом маг ваших велел забрать. Хотите, представление покажу, вот, смотрите! Эй ты, верзила, убери-ка это бревно, а то мне нагибаться неохота! — приказал коротышка, хотя мог пройти под бревном, не задев его даже макушкой.

Последняя фраза относилась к киммерийцу. Конан старался, как мог, изображая пустые глаза и поступь каменного истукана. Он молился

богам, чтобы у Ремины тоже все получилось. Девушка и в самом деле держалась молодцом, и лишь однажды не выдержала, и тихонько ойкнула, когда командир разбойников спросил карлика о лошадях. Услышал ли кто этот вскрик, северянин не знал, но сейчас пришла его очередь играть свою роль.

Походкой подгулявшего дровосека Конан приблизился к гигантскому бревну, которое разбойники тащили сюда вшестером, и ухватился ручищами поперек ствола. Мышцы вздулись буграми на голой груди северянина, на руках проступили натянувшиеся струны жил. Коготь ошибся, дерево хоть и трухлявое, как губка напиталось водой, и было тяжелее живых собратьев. Зрители затаили дыхание, удивляясь силище варвара. И вот, на глазах у изумленных разбойников исполинское бревно нехотя приподнялось на ладонь. Конан сделал с ним шаг, перехватил ствол поудобнее и медленно понес к обочине. Зрители взорвались громкими криками, приветствуя победу киммерийца. Но больше всего восхищенных возгласов досталось на долю довольного коротышки.

— Сколько вам нужно лошадей? — обратился к Козиму Коготь, тоже находясь под впечатлением от увиденного.

— Мне одна, — хвастливо ответил карлик. — А эти пусть пешком идут, будут знать, как от нас бегать.

Ответ коротышки вызвал новый шквал одобренных криков.

— Свист! — громко позвал вожак. — Отдай ему своего серого.

— Но, командир!.. — запротестовал гигант.

— Отдай, возьмешь себе другого.

Через некоторое время Свист подвел к Козиму старого смирного мерина, помог карлику забраться в седло.

— Может охрану с тобой отрядить? — с сомнением спросил главарь, провожая пленников до дальних костров.

— Да ни к чему. Они такими смиренными будут, пока маг заклятия с них не снимет, — на ходу сочинял коротышка. — До встречи, Коготь. Ну, пошел!.. — нарочито громко крикнул Козим, чтобы слышали его все. — Да нет же, коняжка, это я не тебе, а варвару!

За спиной беглецов разбойники дружно заржали. Но коротышка даже не оглянулся, торопясь уйти от заставы как можно дальше.

Когда разбойничьи костры скрылись за вершиной горы, Конан с огромным удовольствием сбросил с шеи ремень, и помог снять петлю баронессе.

Притихший Козим уткнулся носом в конскую гриву, и боялся взглянуть в сторону северянина, пока тот сам к нему не подошел.

Несколько мгновений варвар пристально приглядывался к коротышке, и маленький человек тысячу раз успел за это время проститься с жизнью...

Но тут Конан широко улыбнулся и хлопнул карлика по плечу.

— Хорошая игра,— похвалил киммериец, и с трудом верящий в собственное спасенье Козим, робко улыбнулся в ответ.

— А я бы все-таки проучила этого наглеца! — с обидой бросила Ремина.

— Ты тоже, госпожа моя, вела себя достойно,— примирительно молвил северянин.— Давай-ка, я помогу тебе подняться в седло. А ты подвисься!

— Что?! — взвился коротышка. Такого оскорбления он стерпеть не мог.— Чтобы я, мужчина, ехал позади женщины?!

— Невелик мужчина,— повысил голос Конан.— Впрочем, если желаешь, можешь бежать следом.

* * *

Коготь понял свою ошибку, когда беглецов уже след простыл, и подтолкнул его к этому Свист, рассуждавший сам с собой вслух:

— Хозяин в замке, а Козим по его приказу серого моего увел... Колдовство!

— Стой! — не своим голосом завопил вожак.— Коней седлать! Задержите карлика, он надул нас!

«Как же я мог забыть, что еще днем маг проехал по дороге в замок! Все этот проклятый коротышка! Ловко он дыму в глаза напустил, а я, дурак, и уши развесил. Ну, погоди! Далеко вы на мерине не уйдете!»

Разбойники со всех ног бросились выполнять приказ, и уже через несколько мгновений лихая погоня галопом неслась по дороге, разбрызгивая

лужи копытами лошадей. Вперед вырвался отряд из пяти человек, оставив далеко позади своего командира, раздираемого яростью и досадой.

Конан первым почувствовал близость погони. Он намеренно отстал, хлопнув серого жеребца по крупу, чтобы тому бежалось веселей, и, оставшись один, приник ухом к земле.

«Человек пять, не больше»,— с облегчением подумал он.

Варвар встал посреди дороги, не торопясь, достал меч и ласково, словно любимого пса, погладил его рукой.

Когда перед северянином оказался первый разбойник, Конан заорал так, что от его крика, казалось, рассыплются вот-вот горы. Конь, вихрем вылетев из-за поворота и неожиданно столкнувшись с человеком, ревущим как раненый бык, поднялся на дыбы, сбросив со спины седока. Прежде, чем разбойник пришел в себя и смог подняться, меч киммерийца опустился на его голову.

И только тут появились остальные преследователи. Конан отвел для удара меч, и бросился на бандитов. Разбойники растеряно взирали на случившееся у них на глазах чудо освобождения варвара от магических чар. Им толком ничего не объяснили, просто приказали догнать беглецов.

А северянин зря времени не терял. Он разрушительным штормом ворвался в их ряды, и меч его завертелся с быстротой гончарного круга. Одним неуловимым движением варвар сразил сразу двух негодяев. Оставшиеся в живых пытались

кривыми саблями с разных сторон достать киммерийца. Но кони не слушались седоков, кусали и грызли друг друга. За несколько ударов сердца схватка для разбойников превратилась в бесславный конец. Один бандит, нещадно нахлестывая лошадь, бежал с поля битвы, бросив оружие. Его менее удачливый приятель, запутавшись ногой в стремях, безжизненно волочился за своим скакуном.

Конан спрянул меч, поймал пару лошадей и, не касаясь стремени, вспрыгнув в седло, рысью направился догонять своих спутников.

* * *

Яхм-Коах от ярости сжимал и разжимал кулаки.

— Как это, покинули город? А кто меня уверял, что в Овражке они надежно заперты?! Болваны! Ни на кого нельзя положиться. Проклятье!

Маг дунул на пламя факела, и уродливая физиономия Шрама тут же исчезла.

Чародей откинулся на спинку кресла и сосредоточился на мышцах лица, постепенно напрягая их. Когда напряжение достигло предела, он резко расслабился. Потом, подобным же образом расслабил мышцы шеи. Покончив с этими упражнениями, маг подошел к треножнику и благоговейно снял с него статуэтку Зверя.

Установив ее перед собой, Яхм-Коах закрыл глаза, и задумался. С одной стороны, использовать сейчас магию, было весьма рискованно. С другой — если девчонка встретится с людьми

герцога, риск окажется непомерно выше. Нет, этого допустить нельзя. Нужно во что бы то ни стало перехватить беглецов по дороге.

Шрам, там, в Овражке, наверняка догадался снарядить погоню. Но поиски могут затянуться, а времени почти не осталось. Маг нахмурился. А что, если Шраму помочь? В замке находится до полусотни разбойников, прошедших ритуал посвящения. Что если оборотней бросить навстречу? Беглецы окажутся в мышеловке... Лицо Яхм-Коаха прояснилось.

Да, пожалуй, это — идея! Оставить десяток головорезов в замке, на всякий случай, присмотреть за посланцем герцога, а остальных спустить с цепи. Жаль, не смогу участвовать в этой охоте. Приняв решение, черный маг целиком сосредоточился на статуэтке.

* * *

Кривой Коготь никогда не чувствовал себя таким униженным. Провели как мальчишку!.. И кто?! Коротышка-Козим и какой-то варвар! Позор! И словно мало этого, северянин играючи прикончил его лучших людей, лошадей увел и выставил его на посмешище остальным.

Кривой Коготь с остальными примчался к месту битвы, когда луна уже закатилась на макушку неба. Голова раскалывалась от бешеной скачки, точно три дня не вылезал из таверны. Оглядевшись, он увидел «бешеных», снующих среди трупов его людей. Вскоре к ним присоединились и другие разбойники под командованием

Шрама. Коготь с усилием спрыгнул с землю, вытер пот по лицу, тонкими струйками стекавший по вискам, и на подгибающихся ногах подошел к Шраму.

Главарь шайки, не слезая с коня, презрительно смотрел на десятника, сквозь тонкий прищур глаз.

— Убей меня, только так я смогу искупить позор! — непослушный язык приставал к гортани, и слова эти Когтю дались с трудом.

Шрам зло ощерился:

— Если я буду убивать всех, кого провел киммериец, мне придется вырезать половину «волков». Другую — за меня уже уложил этот варвар. Подотри сопли и возьми себя в руки, ты сегодня не первый. Я всю ночь иду по трупам наших людей. И Конан мне ответит за это.

Кривой Коготь закусил губу и, сжав до боли кулаки, процедил:

— Дай мне возможность отомстить. Отправь за ними в погоню.

— Вот это другое дело. Теперь я слышу слова мужчины. Ты отправишься не один. Возьми с собой десять, нет, двадцать клинков.

Коготь зловеще улыбнулся, даже Шраму стало жутко от этой улыбки.

— Клянусь, что или принесу голову варвара, или сложу свою.

Разбойники, толпившиеся рядом, притихли. Много лет зная одного из своих вожakov, они хорошо представляли цену произнесенной клятвы и не сомневались, что оно так и будет.

Глава четвертая

и за что! Я туда не полезу! — категорически заявил карлик.

— А тебя никто и не просит.

Козим с недоумением посмотрел на варвара. Первый раз за все время, что он знал киммерийца, Конан легко отступался от задуманного.

Началось с того, что одна из лошадей, которая несла на себе коротышку сдохла. Никто не гнал мерина вскачь, да он и не был на это способен. Просто пришел его срок, и старый жеребец откинул копыта, умчавшись с златогривым богом всех лошадей по звездному пути. Конан с Реминой вернулись и помогли коротышке выбраться из-под несчастного животного.

— Что теперь будем делать? — спросила девушка, втайне надеясь, что ей не придется больше ехать с Козимом, всю дорогу нывшим за ее спиной.

Конан в задумчивости поглядел на полную луну и ответил вопросом:

- А далеко еще до замка?
— Боюсь, и до утра не доберемся.
Козим решил вставить свое слово:
— А может, сдадимся?

На его реплику внимания не обратили. Карлик счел это за добрый знак: раньше такое ему бы с рук не сошло.

— А что за этими холмами, справа от дороги? — присматривался Конан к невысокой скалистой гряде.

— За грядой ущелье, по которому течет река, а дальше — горы.

— А дорога ведет только в замок? — продолжал расспрашивать киммериец.

Горестно вздохнув, Ремина ответила:

— Да, домой. За этим отрогом дорога свернет в ущелье. Там единственный мост через реку. А потом вдоль реки до замка.

Конан походил, разминая затекшие ноги, еще раз оглядел окрестности и сказал:

— Придется вам опять делить одну лошадь.

Козим решил, что молчание ему на пользу не идет, и поэтому решился заговорить:

— Конан, ты любишь золото? У Яхм-Коаха его много и я кое-что от себя прибавлю. Давай не будем играть со смертью.

Киммериец, не дослушав карлика, отвернулся.

— Скажи мне, что ценят варвары?! — взорвался Козим.

— Верность, — коротко бросил северянин, сядя в седло.

— А жизнь! Жизнь они ценят?!

— Разве это жизнь без чести, без друзей, без любви? — ответил варвар.

Карлик от возмущения побагровел и молча вскарабкался на лошадь Ремины.

Вскоре беглецы оказались возле гряды. Козим то и дело бросал боязливый взгляд через плечо. Ему уже казалось, что он различает звуки погони, и сердце карлика сжималось до размеров наперстка.

Следуя серпантином дороги, всадники повернули за скалу, и оказалась перед глубокой пропастью, по дну которой, поблескивая в скупом лунном свете, извивалась река.

Ремина подъехала к краю обрыва и осторожно посмотрела вниз. Голова у нее закружилась. Дорога круто сбегала с горы, и только очень искусный наездник мог справиться с лошадью на такой круче. Конан, не тратя лишних слов, направил коня прямо вниз. Юная баронесса и Козим, выглядывающий из-за плеча девушки, с опаской следили за тем, как киммериец преодолевает горный склон. Конан повернулся на ходу и помахал им рукой.

— Пусть веселится, пока боги благоволят ему, — с завистью покачал головой коротышка. — Но когда-нибудь он точно свернет себе шею. Надеюсь, госпожа, мы поступим разумнее и поведем коня в поводу.

Ремина ничего не ответила. Она смотрела на северянина, отважно спускающегося по косогору. В глазах девушки вспыхнул азартный огонек.

— О, я вижу безумный блеск в твоих глазах!
— возопил Козим. — Позволь мне спуститься на землю.

— Сиди смирно. Я сто раз ездила этой дорогой. Только держись крепче!

И не успел коротышка возразить, как девушка бросила коня в пропасть. Челюсти карлика жалобно клацнули. Конь с бешеной скоростью неся вниз, только камни летели из-под копыт. Козим намертво вцепился за талию баронессы, для которой головокружительная скачка по крутому откосу была простым развлечением. Карлика нещадно трясло и бросало на крупе лошади, он прикусил себе язык, и горячо молил богов, чтобы они, по окончании всех злоключений, позволили ему принести жертвы во всех храмах Кордавы.

Бешеная скачка внезапно закончилась, и Ремина шагом направила коня к улыбающемуся киммерийцу.

— Должен признать, что впервые вижу столь замечательную наездницу, — похвалил ее варвар, и девушка залилась легким румянцем.

— Эй, Козим! Отпусти же меня, наконец! Мне больно! Да как ты смеешь прикасаться ко мне! — пыталась вырваться из цепких рук карлика баронесса.

Прежде, чем ответить, Козим сплюнул на землю кровь от прокушенного языка.

— Не могу, госпожа моя, — виновато признался коротышка. — Мои руки больше не повинуются мне.

Конан пришел Козиму на помощь и легко оторвал его от баронессы.

— Ну что, едем дальше? — спросил он.

— Да, дорога впереди еще долгая, — согласилась Ремина.

— Дальше двинемся по руслу реки. Раз оно ведет к замку, это как раз то, что нам нужно.

Козим наклонился и попробовал пальцем воду.

— Ледяная, — сообщил он, глядя на Ремину, — самое время сдаваться.

Девушка наморщила лоб.

— А почему не поехать по дороге, как все нормальные люди?

Киммериец лишь покачал головой и терпеливо разъяснил:

— По нашим следам уже идет погоня. Они прочешут дорогу и примутся за окрестности, в первую очередь за каменную гряду, потому, что там легче спрятаться. Рано или поздно они догадаются пустить за нами оборотней. Если мы останемся на дороге, те почуют наш след, и нам придется сражаться.

— Внизу — холодная вода, наверху — погоня, сдаваться надо — дело ясное.

— Замолчи, Козим. Раз все обстоит так, как ты сказал, Конан, то пошли дальше по реке. Но я не знаю, пройдут ли там лошади, а мои ноги долго не выдержат в ледяной воде.

Конан усмехнулся.

— И все же это лучше, чем попасть в руки разбойников.

* * *

Кривой Коготь остановил лошадь и вытянул руку.

— Свист, посмотри, не твой ли мерин лежит на дороге?

От вереницы разбойников отделился всадник и направился к бранным останкам своего жеребца.

— Да, командир, он и есть. Эх, хорошая коняга была!

— Беглецы где-то рядом, зажгите факелы. Филлин, скажи лучникам, чтобы держали стрелы наготове.

— Командир, клянусь, мои люди не подведут. Пусть этот варвар только покажется.

Вернулся Свист.

— Пена на боках еще не обсохла. Видно, бросили совсем недавно. На двух лошадях далеко не уйдут. Поторопимся, быстро нагоним.

— Кто первый заметит варвара, получит от меня сто золотых! — крикнул Коготь.

Разбойник повеселели.

Крив. Коготь удовлетворенно кивнул и собрал в круг своих воинов.

— Запомните все: мы преследуем хитрого, ловкого и сильного врага, не рассчитывайте, что он допустит ошибку, не бросайтесь на него в одиночку. Нас больше и справимся мы с ним, если используем свое преимущество, причем используем его с умом. Варвар пробует обмануть нас, но мы не поддадимся на хитрость. Шорох, возьми десяток человек и проверь дорогу до моста. Ме-

ста там открытые, беглецов заметишь издали, а как заметишь, пришлешь гонца, сам в бой, пока мы не подойдем, не ввязывайся. Шеголь, ты у нас лучший следопыт, возьми факел, посмотри следы возле мерина. Торопыга, примешь под свое начало десяток и поедешь за ним. Если нарветесь на засаду, поступишь так, как Шорох — никакой удали, все меня поняли?

— Коготь, а что делать нам? — подал голос рыжий разбойник.

— Остальные поедут со мной вдоль гряды. Конан может прятаться там. Мы двинемся по каменной тропе. Если варвара никто не найдет, все три отряда встретятся у моста. Ходу!

Кривой Коготь повернул коня к скалам, но не успел его скакун сделать и двух шагов, как слышался голос Шеголя:

— Командир, сюда! Я нашли следы!

Предводитель разбойников подъехал к мерину, спешил и осмотрел место вокруг.

— Сам сдох, никто его не загонял... — Коготь проследил за Шеголем, что держа перед собой факел и тщательно всматриваясь в землю, двигался к каменной осыпи. — Должно быть, варвар пошел напрямик, по тропе, или руслу реки.

— Слушайте все! — голос Когтя в ночной тишине прогремел как раскат грома. — Конан идет по реке, он впереди нас на несколько лиг. Мы возвращаемся на дорогу и не жалеть коней, чтобы успеть перехватить варвара на мосту. За мостом сплошные скалы и лес, где невозможно передвигаться верхом. Поэтому, повторяю, необ-

ходимо найти варвара до того, как он пройдет мост. Если мы упустим Конана, и варвар доберется до замка, господин маг превратит нас всех в крыс, как мы того и заслуживаем. Вперед!

* * *

Гордый Лис больше всего на свете дорожил свободой, за что и получил свою кличку. Лисом его прозвали за изворотливый ум. Находясь в теле оборотня, независимость он терял, уступая ее с одной стороны волчьей сущности, с другой — магу, если последний избирал его тело для своих манипуляций.

Вот и сейчас, не успели разбойники покинуть замок, как тело Гордого Лиса налилось животной силой, а мозг пронизал властный взор Яхм-Коаха. Магу нравилось пользоваться головой именно Лиса, ибо чародей зависел от умственных способностей превращенного в монстра человека. Чем умнее был последний, тем меньше приходилось магу отвлекаться на всякие пустяки. При этом Яхм-Коаху казалось, что Гордый Лис тоже получал удовольствие от такого сотрудничества. Разбойник был простым членом банды, зато когда служил глазами мага, превращался в вожака стаи.

Но, думая так, маг ошибался. Гордый Лис болезненно переживал вмешательство извне и все время старался найти способ избавиться от незримого присутствия чародея в своей голове.

Разумеется, подобные попытки он совершал втайне от Яхм-Коаха, ибо узнай о них маг, и на

Гордого Лиса обрушился бы гнев колдуна. В последнее время Лису удалось найти способ бороться с абсолютной властью чародея над своим телом...

Способ заключался в противопоставлении огню, — стихии, через которую действовала воля мага, — чего-нибудь холодного. Например, стоило себе представить во время превращения пронизывающий осенний дождь, студеной ветер или снежные сугробы, как воля Яхм-Коаха отступала на второй план.

Сегодня Гордый Лис решил попытаться полностью выйти из подчинения чародею. Разумеется, вольнодумец отдавал себе отчет в последствиях, но ради свободы Гордый Лис был готов пожертвовать и самой жизнью.

Тем временем ничего не подозревающий маг показал Гордому Лису образ будущей жертвы — верзилы-варвара, судя по виду, выходца из северных земель. Яхм-Коах хотел, чтобы стая как можно быстрее добралась до моста и соединилась там с отрядом своих же товарищей, но в человеческом облике. А потом вместе с ними уничтожила варвара и доставила в замок тех, кого северянин сопровождал. Гордого Лиса уязвил приказ. Снова ему придется предстать перед своими друзьями в личине волка. Особенное раздражение вызывало то, что командовать людьми поручили Кривому Когтю, которого Лис недолюбливал.

Свободолюбец Гордый Лис был полной противоположностью покорного Когтя. Они при каждом удобном случае пытались доказать друг дру-

гу свое превосходство. В банде давно знали об их соперничестве и посмеивались над ними. Коготь откровенно издевался над Лисом, когда тот превращался в чудовище по прихоти мага. Но больше этому не бывать, хватит!

Однако сейчас, пока стая не отошла от замка на значительное расстояние, бунт был преждевременен, и Гордый Лис, скрипя зубами, подчинялся воле хозяина.

Каждый шаг давался разбойнику с большим трудом: понимая, что здесь сила мага не позволит ему освободиться, он изнывал от желания побыстрее сбросить с себя ненавистные путы.

Наконец стая добралась до реки, и Гордый Лис сделал первую робкую попытку. Маг, сидя у себя в кабинете, весьма удивился, когда пламя факела, через которое он поддерживал связь, вдруг заколыхалось, и контакт с вожакom стаи резко ослаб. На всякий случай Яхм-Коах повторил формулу заклинания и обрел прежнюю четкость видения.

Гордый Лис, не достигнув желаемого, сперва пал духом. Но потом, решив бороться до конца, вызвал в своем воображении настоящую снежную бурю. Огонь отступил.

Тогда воодушевленный победой Лис обрушил на пламя лавину льда.

Теперь уже Яхм-Коах не сомневался: происходит что-то очень серьезное — он теряет контроль. А значит, стая вышла из повиновения. Маг вызвал в памяти заветные слова, и обрушился на непокорного с силой извергнувшегося вулкана.

Лису показалось, что он плывет через море огня. Боль была нестерпимой. Гордый Лис упал на землю и стал кататься в пыли, стараясь погасить испепеляющий его мозг пожар. Его товарищи недоуменно поглядели на своего вожакa. Но Лису было все равно: раз его план не удался и ему суждено подчиняться магу, какая разница, что о тебе думают остальные... Боль слегка отступила. Лис поднялся, покрутил мохнатой мордой, восстанавливая ясность мыслей, и низко пригнув к земле голову, бросился вперед.

Вот уже впереди виден мост, на котором застыли всадники, за ним скалы и водопад. Водопад! Сможет ли маг противостоять целому стремительному потоку? И Гордый Лис представил себе этот поток: с хрустальной, искрящейся водой, игривыми бурунами, обжигающими холодом брызг; свободолюбивый разбойник так увлекся совершенством своей иллюзии, что не заметил, как оказался среди людей. А черный маг Яхм-Коах в этот миг с проклятиями сорвался с кресла, окончательно потеряв контроль над стаей.

* * *

«И все этому проклятому варвару нипочем!» — думал Козим, наблюдая за перекачивающимися валунами мышц на плечах киммерийца. Каменистое дно реки оказалось непроходимым для лошадей, и их пришлось бросить к глубокому разочарованию коротышки. Перед тем, как они отправились в путь, карлик пожаловался северянину, что холодная вода для него чрезвычайно

вредна и опасна. Не то, чтобы он надеялся таким способом чего-то добиться, но почему, спрашивается, не попробовать. В ответ этот медведь-варвар закинул его на левое плечо, так как правое занимала Ремина, и бодро запрыгал по торчащим из воды камням. При каждом таком прыжке, в бок Козима впивалась рукоятка меча, а едва коротышка открывал рот, чтобы пожаловаться на несправедливость судьбы, как получал новый удар, и у него перехватывало дыхание. Вдобавок, у Козима залило потом глаза, из-за чего карлик потерял способность видеть, а уши заложило от барабанного стука сердца.

— Я вижу мост, а за ним — водопад.

Эти слова киммерийца, с трудом дошедшие до сознания Козима, показались коротышке волшебной музыкой. «Неужели скоро конец мучениям? На мосту, — подумал карлик, — нас наверняка ждет засада, завяжется бой, а я улизну от проклятого варвара. Хватит с меня унижений!»

Конан, ничего не подозревая о коварном плане карлика, уже поднимался наверх по отвесным утесам. В следующий миг он уцепился за деревянную балку, поддерживающую мост, и оказался наверху. Киммериец огляделся. Никого. Тогда северянин осторожно снял с плеча девушку, потом Козима.

Карлик сделал несколько неуверенных шагов и прислонился к перилам. В глазах постепенно прояснилось. В самом деле, здесь никого не было. Какая неприятность! Тяжело вздохнув, Козим поинтересовался:

— Что ты намерен делать дальше?

Конан почесал в затылке.

— Полезем в горы. Там нас не поймают.

Козим с ужасом посмотрел на почти вертикальные скалы и срывающийся с них поток воды.

— Конан, я туда не хочу! А вдруг ты сорвешься? — запричитал коротышка.

— Мне бы этого не хотелось, — серьезно ответил варвар. — Ну что, отдохнули? Тогда занимайте свои места. Ты первая, госпожа.

— Поздно! — Ремина показала рукой на стремительно приближающееся облако пыли. — Ты не успеешь нас поднять, они вот-вот уже будут здесь.

Карлик тоже посмотрел на расстелившийся в лихом галопе отряд и повеселел: значит, не все еще потеряно.

Конан мрачно поглядел на горы, на водопад, на разбойников, потом снова на водопад и сказал:

— За водопадом в скале выбоина, возможно, пещера. Переждем там. А когда всадники минуют мост, двинемся наверх.

Козим заломил в отчаянии руки, проклиная зоркий глаз варвара. Надо же, при тусклом лунном свете заметил пещеру за водопадом. Конан бесцеремонно подхватил его за шиворот, но не успел сделать и несколько шагов, как снова опустился на землю. Ремина, которая бежала рядом с варваром, с недоумением спросила:

— Ты передумал?

— Да. Прячьтесь ввояем, а я попробую их отвлечь. Не разгляжу, что это движется там, по дороге?

Ремина проследила за взглядом киммерийца и невольно вскрикнула:

— Оборотни!

— Вот и причина, по которой я должен остаться.

— Но зачем рисковать? Ты хорошо придумал насчет пещеры, сами боги послали ее нам!

— Кто-то должен остаться. Всадники догадываются, что мы не могли миновать стаю... Но мы могли разделиться, это не вызовет у них подозрений. Все, они близко, прячьтесь скорее!

Козима уговаривать было не надо, но Ремина медлила.

— Конан, а ты?

— Что-нибудь придумаю.

* * *

Гордого Лиса трясло в лихорадке: Яхм-Коах шаг за шагом, неотвратно отбирал у него собственное тело.

Сперва все шло более чем гладко, свобода была получена, власть мага осталась где-то на задворках памяти...

Но потом магический взгляд чародея опять нашел его и обрушил на Гордого Лиса такую сокрушительную атаку, что боль пронизала каждый кусочек тела человека-зверя.

Остальные оборотни в беспорядке заматались по мосту. Гордый Лис, через которого шло управ-

ление стай, вертелся на месте, не отдавая никаких команд. Этим и воспользовался, оказавшийся между двух отрядов Конан.

Сообразив, что в стане врагов происходит что-то неладное, северянин подскочил к одному из всадников, ухватил за ногу и сдернул с лошади вместе с седлом. Бандит привстал и потянулся за клинком, но киммериец оказался проворнее, всадив в живот разбойника острие меча. Потом ткнул окровавленным мечом в сторону ближайшего оборотня. Тот недовольно заворчал. Конан ткнул снова. Тварь угрожающе зарычала, шерсть на загривке встала дыбом.

Варвар продолжал дразнить зверя. Волк изгибался к прыжку. Киммериец, не растерявшись, подскочил к чудовищу и ударил концом меча прямо по оскаленной морде. Терпению оборотня настал конец, и он ринулся в атаку. Конан ловко отпрыгнул в сторону, при этом его меч описал дугу и оказался в непосредственной близости от зазевавшегося верхового. Разбойник вытер со щеки брызги крови, слетевшие с лезвия меча северянина. Теперь уже тварь рычала и на Конана, и на всадника.

Остальные разбойники, во главе с Кривым Когтем, до того с интересом следившие за проделками варвара тревожно отступили. Конечно, они знали, что под личиной оборотней на мосту сгрудились их товарищи. И недоуменно взирая на возникшую паузу, в целом оставались спокойны: оборотнями управляет маг, и если ему вздумалось помучить варвара перед смертью, то —

пожалуйста. Но вот лошадям этого не объяснишь, кони не слушались седоков и со страхом косились на снующих у них под ногами огромных серых волков.

Кривой Коготь, до которого наконец дошло, чего именно добивается варвар, рывкнул, стараясь перекрыть рычание зверей и конский хрип:

— Осторожно, он хочет натравить их на нас! Ни в коем случае не ввязываться в драку. Назад! Назад! Очистите мост!

Последний приказ относился к разбойнику с каплями крови на щеке. Головорез, не спуская глаз с озлобленной твари, нехотя подчинился.

Но приказ этот услышал не только всадник, но и Гордый Лис. Превозмогая боль, он налитыми кровью глазами смотрел на Когтя. Мысль о том, что его неминуемое и окончательное поражение произойдет на глазах его вечного соперника, показалась настолько горькой, что, собрав последние силы, оборотень пошел в атаку на разбойничьего вожака.

Кривой Коготь не ждал нападения. Он решил, что тварь просто хитрит, дабы оказаться у варвара за спиной. И слишком поздно понял, что ошибается. Гордый Лис прыгнул. Конан с удовольствием наблюдал за этой неожиданной атакой. Значит план его удался, с небесной ли помощью или чьей другой.

Варвар пригнулся и пропустил длинное темное тело зверя у себя над головой. В следующий миг оскаленная пасть оборотня оказалась напротив искаженного ужасом лица человека.

Скорее инстинктивно, нежели осознанно Коготь выбросил вперед руку с кинжалом. И почувствовал, как нож, пробив шкуру зверя, вонзился во что-то мягкое и трепещущее. Но это полное отчаяния движение оказалось не в силах остановить волка: тело твари с клинком в груди завершило полет, и челюсти чудовища сомкнулись на горле человека.

Под ноги обезумевшей лошади упали два мертвых тела. Сначала разбойники не сводили глаз с мертвецов. Потом стали подозрительно коситься в сторону серых тварей. Те, потеряв вместе со своим вожаком всякий контроль со стороны чародея, выстроились полумесяцем, не скрывая зловещих намерений.

Оказавшись между двух огней, Конан вскочил на лошадь Когтя и рубанул мечом ближайшего разбойника. Учув рекой хлынувшую кровь, оборотни ринулись вперед.

В страшной свалке оказались обезумевшие от ужаса кони, волки и люди. В лунном свете сверкали клинки и клыки чудовищ, горели багровым пламенем глаза оборотней. И посреди этой кровавой бойни то тут, то там возникала могучая фигура варвара, сея вокруг себя смерть и усиливая всеобщее безумие.

Не понимая происходящего, из пещеры за побищем на мосту наблюдали Козим и Ремина.

Оба дрожали от страха и неосознанно жались друг к другу. В тени скалы, где прятались беглецы, было темно. Но за границей, очерченной мрачными базальтовыми утесами, лунный свет

рассеивал ночь, отражаясь в прозрачных водах реки.

Помыслы девушки были всецело на стороне Конана, и она молилась всем богам, которых знала, чтобы они даровали киммерийцу победу.

Чаяния карлика были связаны прямо с противоположным ходом событий. «Неужели на свете нет справедливости, и проклятый варвар снова выйдет сухим из воды!» Так, сжав кулачки, думал коротышка, наблюдая за этой бойней. По его искаженному гримасой отчаяния лицу можно было легко догадаться, на чьей стороне сегодня удача. Вот над Конаном нависла опасность, и тогда карлик подавался вперед и задерживал дыхание. Вот проклятый варвар чудом вывернулся из-под нацеленных в него мечей, и еще один разбойник, валится в дорожную грязь, чтобы тут же быть разорванным на куски обезумевшей стайей. Козим тяжело вздыхал и с надеждой ждал следующего удобного случая.

Ремина держала арбалет наготове и благословляла темноту, которая не позволяла увидеть Козиму бледность ее лица и полные слез глаза. Гордая баронесса скорее бы умерла, чем вольно или невольно выдала свой испуг, тем более коротышке, за которым тоже надо было присматривать. И если у Конана и в мыслях не было доверять Козиму, то девушка была почти убеждена в искренности карлика. К тому же, стоило ей только представить, что она оказалась бы здесь одна, в этом жутком, пугающем месте в такое страшное время, как холодная дрожь сотрясала все ее

хрупкое тело. Так что она была рада даже такой компании, как Козим.

Скала, под которой они нашли убежище, находилась недалеко от дороги, а до моста от нее было не более двухсот шагов. Шум битвы, крики людей, конское ржание и рычание оборотней, хотя и приглушенные расстоянием и плеском речного потока, тем не менее долетали до слуха Ремины и карлика, заставляя в страхе сжиматься сердца. Козим не сомневался, что Конана убьют, и размышлял над тем, как ему вести себя дальше. Ремина всей душой надеялась, что киммерийцу удастся прорваться и уйти от погони. В противном случае ей останется только броситься со скалы в реку, лишь бы не попасть в руки ненавистного мага.

Потом внезапно наступила тишина. В тяжелом душном безмолвии медленно потекли минуты, отмеряемые лишь ударами сердца.

— Все,— подвел черту Козим.

Это короткое слово хлестнуло баронессу словно удар кнута.

— Надо выходить,— продолжал карлик, нетерпеливо ерзая на камне, будто сидел на раскаленной сковороде.— Здесь мы слишком близко от них. Найдут в два счета.

— А Конан? — прошептала Ремина.

Коротышка издал звук, что-то между хмыканьем и смешком. Безразличие к судьбе киммерийца прозвучало довольно явственно, и Ремина сразу насторожилась. Еще до того как Козим ответил, девушка для себя решила, что и сама с

места не сдвинется, и карлику этого не позволит. Пусть только попробует!

— Нет больше твоего киммерийца! — в голосе карлика мелькнуло злорадство. — Как только бандиты придут в себя после схватки — а опомнятся они быстро! — сразу бросятся нас искать. Оставаться тут просто глупо!

— По-моему, гораздо глупее метаться по ночному лесу, — подчеркнуто холодно и твердо заявила баронесса, давая понять коротышке, что не намерена спорить по этому поводу.

Козим взвизгнул, почувствовав сквозь ткань камзола легкий укол.

— Конечно, я не стану возражать, ведь у тебя в руках арбалет, а это именно тот аргумент, против которого устоять невозможно. Но поверь мне, госпожа, мое предложение вызвано исключительно заботой о тебе и твоей безопасности. После, гх-м... смерти варвара я остался единственным человеком, душой и телом преданным твоей милости.

— Конан придет, — в голосе девушки звучала непреклонная убежденность. — Мы будем ждать его здесь. Ты сам слышал, что он сказал.

— Что ж, если ты остаешься, тогда и я, как верный твой слуга, вынужден подчиниться, — оскорбленно заявил Козим.

Карлик обиженно сопел, но девушка уже не обращала на него внимания. Если Конан жив, он найдет их здесь.

Если же киммериец погиб, то бежать не имело смысла...

«Дотянуть бы до утра, — думал Козим. — Что ждет меня, если нас найдут?» Коротышка зябко поежился, слишком живо представив себе, как Шрам, беспомощно разводя руками, будет рассказывать Яхм-Коаху о его трагической гибели.

Баронесса внезапно вздрогнула и вскинула арбалет, до в глазах вглядываясь в темноту. Из-за скалы бесшумно скользнула человеческая тень. Контуры ее казались размытыми — с такой быстротой двигался этот пришелец. Козим и испугаться не успел, как Конан был уже рядом.

Ремина с радостным криком устремила к своему спасителю.

Когда-то черная грива волос стала грязно-рыжей от крови, киммерийца шатало, и чтобы не упасть, он опирался на огромный двуручный меч. У варвара хватило сил лишь слабо улыбнуться в ответ. Не терпящим возражения голосом девушка сказала:

— Все! Ты должен отдохнуть!

Козим настолько уверовал в сверхчеловеческие способности северянина, что ожидал протеста с его стороны, дайте, мол, только встряхнуться, и я снова готов отправляться в путь. Но Конан, к его удивлению, на сей раз согласился с Реминой:

— Отдых, так — отдых. Только уйдем подальше, здесь нас легко обнаружат.

* * *

Солнце стояло уже высоко, когда Конан, очнувшись от сна, открыл глаза. Варвар всегда спал

чутко, даже отдыхая в безопасности, на удобном ложе, за крепкими стенами. Рышущие по всей округе бандиты, от которых беглецы спаслись только чудом, в любой момент могли наткнуться на крошечную лужайку, где заговорщики остановились до утра. Киммериец, щедро наделенный природой огромной силой, обладал еще и невероятной выносливостью. Короткого сна ему вполне хватило, чтобы вновь почувствовать себя бодрым и отдохнувшим. Первым делом Конан взглянул на то место, где, как он помнил, улегся Козим. Коротышка был тут: скорчившись в неудобной позе, он еще крепко спал, почти невидимый в высокой траве. На его остроносой и обычно кислой физиономии застыло безмятежное, кроткое выражение, словно он прислушивался к чему-то, и сейчас Козим напоминал того мальчишку-циркача, каким был когда-то.

Варвар, разумеется, не был настолько наивен, чтобы полагаться на слово карлика и не связать его на ночь. Ведь кинжал в руках пусть даже маленького человека всегда останется кинжалом... Лишь заступничество Ремины остановило киммерийца. Козим буквально умирал от усталости, и засыпал на ходу.

Юная баронесса тоже еще спала. Взгляд Конана невольно задержался на нежном девичьем лице. Тяжелые испытания последних дней и страшное напряжение душевных и физических сил, которое пришлось испытать девушке, не прошли бесследно: на бледном лице, носившем следы пережитых мук, застыло неизгладимое выражение

боли, тонкие черты еще более заострились, и стали какими-то угловатыми, щеки ввалились, а под глазами четко обозначились синие круги. И все равно, лицо Ремины было прекрасно. Киммериец знал толк в женской красоте: к его могучей груди прижимались многие чаровницы, среди которых были принцессы, и рабыни, блистающие утонченной и опасной красотой восточные танцовщицы и горластые, дешевые проститутки из портовых кабаков Аргоса и Зингары.

Конан шумно вздохнул. Этого оказалось достаточно, чтобы Ремина проснулась, вздрогнув всем телом. Тонкие длинные пальцы девушки непроизвольно стиснули арбалетное ложе. Мгновением позже, встретившись с улыбающимися глазами с варвара, Ремина успокоилась и села на траве.

— Все спокойно? — спросила она, возвращая киммерийцу улыбку.

— Как в гробнице, — откликнулся Конан. Баронесса поморщилась.

Посмеиваясь, варвар поднялся на ноги. Привычно тронул рукоять меча, провел ладонью по спутанной гриве иссиня-черных волос. Прищурившись, взглянул на солнце.

— До обеда еще далеко, — Конан недвусмысленно похлопал себя по впалому животу. — А есть почему-то очень хочется, — задумчиво добавил он.

— Надо идти! — Девушка решительно встала и потянулась точно кошка, разгоняя по жилам кровь.

— Конечно,— согласился северянин.— Но сначала нужно перекусить, если мы не хотим добраться до замка высохшими от голода, как стигийские мумии. Тогда Яхм-Коаху достаточно будет подуть на нас, и плакали мои три тысячи золотых!

— Ты так любишь деньги, Конан? — усмехнулась Ремина. В ее вопросе не было осуждения. Она уже стала привыкать к грубоватым шуткам варвара. Как правильно заметил Козим, род Орландо был не слишком богат. Несмотря на рыцарский дух, которым казалось, были пропитаны сами стены старинного замка, юная баронесса довольно рано узнала, что такое нужда. Благодаря впитанным с молоком кормилицы строгим семейным правилам, Ремина научилась презирать золото, но отнюдь не людей, которые пытались заработать, более или менее честным путем.

Конан не ответил, просто не обратил внимания на вопрос. Мысли его были заняты иным. Прислушиваясь, варвар вытянул шею, пытаясь, что-то разглядеть среди высокой травы. Ноздри киммерийца с шумом втянули воздух.

— Ветчина...— глухо пробормотал он.

— Что? — не поняла баронесса.

Неожиданно Конан прыгнул. Огромное тело варвара с тигриной грацией приземлилось в нескольких шагах от нее, там, где подозрительно тихо лежал Козим.

Киммериец нагнулся и выпрямился, держа за шиворот, безвольно обмякшее в его руках, тщедушное тельце карлика.

— Так! — угрожающе прорычал варвар.— Решил сон себе подсластить?

— М-м-ык! — неразборчиво промычал коротышка. Более внятно Козим говорить не мог по той причине, что рот его был забит здоровенным куском копченого окорока, восхитительный аромат которого и побудил Конана продемонстрировать озадаченной Ремине свою ловкость.

Козим, укладываясь спать, сунул себе под голову заплочный мешок с провизией. Проснувшись, он первым делом вспомнил о восстанавливающем силы и укрепляющем дух содержимом мешка.

Но проклятый киммериец не дал укрепиться духу Козима, а силам, которых в немоющем теле карлика и так было немного, восстановиться в полной мере, поймав его с поличным за уничтожением съестных запасов.

— Я привяжу тебя к дереву с недоеденной ветчиной, как поступают владыки Вендии с ленивыми рабами. И когда мы уйдем, на запах мяса придет голодная пантера. Или медведь, но тоже очень голодный. Возможно, они съедят только ветчину, а возможно...— мрачно пообещал Конан позеленевшему от ужаса коротышке.

— Оставь его, Конан,— сказала Ремина, подходя к киммерийцу. Девушка с трудом сдерживала смех.— Еды в мешке на всех хватит.

— Я и говорю! — завопил Козим, наконец, проглотив злополучный кусок.— Нельзя же быть таким жадным! — укоризненно обратился он к варвару.— Или это в крови у киммерийцев?

— В крови у киммерийцев — не жрать под одеялом,— огрызнулся Конан, отпустив коротышку. Козим плюхнулся на четвереньки и уткнулся носом в раскрытый мешок.

— Можешь доедать,— разрешил северянин.

— Спасибо,— ответил карлик.— Мне уже что-то не хочется.

— Отойдем отсюда на лигу-другую,— обратился киммериец к Ремине.— Когда на плечах висит погоня, не стоит надолго задерживаться на одном месте.

Девушка согласно кивнула.

— Я знаю эти места. Недалеко отсюда есть развалины старой крепости.

— Присматривай за карликом. Если он вздумает улизнуть, стреляй без сожалений,— громко, чтобы его слышал Козим, сказал Конан, закинув мешок на плечо.

Коротышка обреченно вздохнул.

С тоской взглянул на плотную стену леса, у подножия высокой горы, и поплелся следом за Конаном, который широким, легким шагом уже ушел далеко вперед.

Время близилось к полудню, и солнечные лучи, с утра теплые и ласковые, понемногу становились палящими. В тени деревьев их обжигающее прикосновение почти не ощущалось, но вскоре путники стали страдать от духоты. После недавнего дождя земля парила, в влажном лесу дышалось тяжело, одежда насквозь пропиталась потом. В распадке оказалось болото, заросшее высоким, в человеческий рост тростником, но

варвар, не меняя направления, пошел прямо через него. К удивлению Конана, дно оказалось твердым и ровным. Складывалось впечатление, что под ржавой болотной водой скрывается пробитая в незапамятные времена дорога через горы.

— Дурное место,— вполголоса сказала Ремина.— Сюда почти никто не заходит.

— Почему? — не оглядываясь, буркнул Конан.

— Из-за пиявок?

Козим изменился в лице.

— Пиявок? — переспросил он дрожащим голосом.— Этих маленьких мерзких тварей?

— Больших, жирных и скользких — здесь водятся только такие,— невозмутимо отозвалась баронесса.

— Не-на-ви-жу! — взвыл коротышка и рванул-ся вперед, обгоняя киммерийца. Далеко он не ушел. Неожиданно глубина резко увеличилась, и карлик ушел под воду почти по грудь.

— Тону! — завопил он, молотя по воде руками и поднимая тучу брызг.

Северянин остановился рядом и молча взирал на карлика. Гиганту-киммерийцу вода доходила едва до колен.

— Конан, помоги ему! — крикнула Ремина.

Варвар устало вздохнул и протянул коротышке руку. Тот вдруг перестал барахтаться и с подозрением уставился на киммерийца.

— Я не просил о помощи,— шмыгнув носом, гордо заявил он и быстро стал продвигаться к берегу, до которого было уже недалеко.

Похохатывая, Конан пошел за ним следом.

Шагов через пятьдесят киммериец с девушкой выбрались на сухое место, где уже в позе выпавшего из гнезда птенца, широко разведя руки в стороны, стоял Козим, тщательно осматривая свою вымокшую одежду.

— Как пиявки нашли твою кровь, Козим? — на ходу бросил Конан.

Карлика от этих слов передернуло.

— Я им пришелся не по вкусу, — прошипел он. — Не то, что ты! — злорадно добавил коротышка, указывая пальцем на ногу варвара.

Киммериец посмотрел вниз, ухмыльнулся и щелчком сбил с колена пристроившуюся там пиявку.

— Теперь понятно, что ты за человек, раз твоей кровью даже пиявки брезгуют, — беззлобно заметил северянин.

Впереди долина горбилась зелеными шапками невысоких холмов. На фоне громадных гор, неприступными серыми стенами вздымавшимися со всех сторон, они выглядели как-то жалко, хотя и радовали глаз весенним цветением. Мягкие, округлые вершины, поросшие густым кустарником, едва виднелись над лесом.

Ремина уверенно шла вперед. Было ясно, что девушка хорошо знает дорогу. Беглецы перебрались через низкий гребень и спустились в тенистую лощину, по дну которой бежал небольшой ручеек с кристально чистой водой.

Баронесса, не останавливаясь, стала взбираться на противоположный берег лощины.

— Сейчас поднимемся на вершину холма, — на ходу пояснила она. — Там развалины крепости, о которых я говорила. Место тихое и спокойное, сюда почти никто не заходит, даже охотники, потому что дичь в этих местах если и была, то давно исчезла. Наверное, тут какая-то магия. Там дальше есть озеро, можно остановиться на берегу. В детстве я как-то раз здесь заблудилась и случайно набрела на него. Оно очень красивое, вот увидите...

— Тихо! — Конан внезапно вскинул руку, озираясь по сторонам.

Ремина и Козим послушно замерли. Киммериец медленно наклонился, подобрал с земли увесистый камень и вдруг резко бросил его в густое переплетение ветвей.

Пролетев локтей тридцать, камень с шумом исчез за зеленой завесой. Следом за ним стремительно несясь Конан.

Ремина открыла рот: она никогда не видела, чтобы люди так быстро бежали.

Киммериец скрылся в кустарнике. Девушка только сейчас вспомнила о своем арбалете, а Козим на всякий случай упал в траву. Кусты жалобно затрещали, и на поляну вышел довольный варвар, держа в руке большую птицу с чернокрасным оперением.

Козим успел сползти вниз по склону чуть ли не до самого ручья.

— Вот наш обед! — воскликнул северянин. — Эй, Козим! Тебя жажда замучила или умыться решил?! Что ты делаешь у ручья?

— Но как ты ее заметил? — поразились Ремина, разглядывая добычу варвара.

— Желудок, наверное, подсказал, — пожал плечами Конан.

На плоской, как стол, вершине холма действительно сохранились остатки старинной постройки — то ли дозорной башни, то ли форта — блоки фундамента и руины стен, не превышавших высоты десяти локтей. Конан обошел развалины, прислушиваясь к своим чувствам, но не нашел ничего подозрительного. На своем веку он повидал множество старинных замков и заброшенных городов, куда более мрачных и подавляющих своей былой мощью, чем эта разрушенная временем цитадель.

— Где же озеро? — спросил он. — В такой жаркий день неплохо бы освежиться.

— Сначала я! — решительно заявила баронесса. — Не волнуйся за меня, я быстро.

— Что ж, иди. Только будь осторожна. Козим, о чем задумался? — Конан с сочувствием посмотрел на несчастного коротышку. — Давай-ка, берись за дело: выщипывай перья из этой птицы, а я займусь костром.

Козим сгорбившись сидел на огромном валуне, погрузившись в невеселые мысли. Издалека он был похож на большой сморщившийся гриб, источенный червями. Пух и перья кружили вокруг коротышки, вымещающего злость на несчастной птице.

«Маг меня в паука превратит, — горестно вздыхал он. — Я не справился с киммерийцем. А

попробуй с ним справиться! Как вспомню, что он на мосту учинил, так до сих пор мурашки по спине бегут. Но разве мог я ему помешать? Девчонка с меня глаз не спускала, а арбалет она держит так, будто всю жизнь с ним не расставалась. Что же мне сказать Яхм-Коаху в свое оправдание? Да он меня и слушать не станет. Нет, Козим, точно, быть тебе мерзким пауком!

А Конан в самом деле непрост. Не будь столь жесток чародей на расправу с предателями, пожалуй, я бы поставил на киммерийца. Того и гляди, так он и правда сумеет до замка добраться. Прав был жрец, нельзя недооценивать этого варвара. Но с хозяином ему не справиться. Господин его в пыль сотрет... эх, и меня за одно».

Козим так глубоко задумался, что не сразу услышал, как кто-то тихо, но настойчиво зовет его.

«Козим. Эй, Козим! Да ответь же, болван!»

Карлик, словно его ужалили, подскочил с камня и воровато огляделся по сторонам.

— Хозяин! Это ты? Где вы, я вас не вижу! — шепотом спросил коротышка пустоту.

«И не увидишь, дуралей, я говорю с тобой из замка. Чем забита твоя глупая голова? Я никак не мог до тебя докричаться».

Голос мага глухо гудел в голове коротышки, будто жрец вещал из могилы, и карлик зябко поежился, испугавшись, что он мог прочесть его мысли.

— Прости, повелитель, я тут немного лишнего наговорил... Я думал о Конане.

«Варвар рядом?! Где вы? Девчонка с вами?»

— Не знаю, хозяин. Тут правда есть какие-то развалины... Спаси меня, господин, я у них как заложник!

«Скажи поточнее, где вы находитесь? И прекрати скулить.»

— Ну... тут еще озеро рядом есть! — радостно вспомнил карлик.

«Ага, кажется, я знаю это место. Где сейчас варвар?»

— Здесь, рядом. Но не беспокойся, мастер, он нас не слышит.

«Если ты перестанешь говорить вслух, тебе и вовсе нечего будет бояться.»

«Хорошо, повелитель. Умоляю, вытащи меня отсюда!»

«Молчи и слушай меня внимательно, маленький хитрец,— вкрадчиво молвил жрец.— Ты должен задержать их, пока я не прибуду со своими людьми.»

«Но как, как я смогу это сделать, не рискуя собственной шеей!? Варвар мнителен и осторожен. Его невозможно обмануть! — взмолился Козим, понимая, что маг толкает его на верную гибель.»

«Мне безразлично, какими средствами ты исполнишь мой приказ. Кстати, как вам удалось уйти от погони?»

— Катастрофа, мастер, чудовищная катастрофа! — оживился коротышка, не заметив, как снова заговорил вслух.— Коварный северянин ставил стаю оборотней с людьми, которых вел Ко-

готь. Нужно было видеть, как они рвали друг другу глотки!

«Проклятый Лис! — взорвался в мозгу карлика крик Яхм-Коаха.— Как я в нем ошибся. Ладно, с Конаном делай, что хочешь. Мне нужна только девчонка, запомни, живая баронесса Орландо! Иначе... — иначе ты ответишь мне за все головой!»

— Слушаюсь, повелитель! — забыв, что жрец его не видит, Козим низко поклонился.— Повелитель? Хозяин, где ты?

Молчание было ему ответом.

Козим в сердцах крепко выругался и сел на камень. Яростно почесал заросший колючей щетиной подбородок.

«Придется прибегнуть к крайним мерам,— лихорадочно соображал коротышка.— Давай, Козим, сейчас как раз подходящий момент...»

...Сучьев вокруг оказалось достаточно. Найдя укромный закуток в развалинах, Конан одним ударом кремня о кресало запалил пук сухой травы. И через миг в небольшой нише под древней стеной уже весело плясали языки пламени.

Справившись со своим делом, Конан вернулся к Козиму. Коротышка примостился на базальтовом валуне и с унылым видом ошипывал птицу. Пух и перья летели в разные стороны, но подхваченные ветром возвращались назад, оседая в складках его одежды, отчего карлик стал похож на большого сварливого ворона. Рядом с камнем лежала винная баклага, которую Конан прихватил у Понтикуса. Киммериец поднял ее,

поболтал и, хмыкнув, бросил обратно. Козим, по затянувшемуся молчанию почуял недоброе, и стал оправдываться быстрой скороговоркой:

— Один маленький глоток, один глоток, Конан! Он был мне необходим, я весь промок с головы до ног! Что может быть хуже простуды, особенно в середине весны? Я не хотел подвергать риску все наше предприятие из-за того, что могу чихнуть в самый неподходящий момент!

— Ладно,— буркнул киммериец,— шевелись быстрее, а то вместо обеда нам придется ждать ужина.

Видя, что варвар настроен благодушно, карлик заговорил о том, что занимало его мысли после разговора с магом:

— Послушай меня, Конан, вам ни за что не справиться с Яхм-Коахом? Он найдет вас повсюду.

Конан просто пожал плечами, надеясь, что карлик от него отстанет. Ничего иного от Козима варвар и не думал услышать. Сейчас он находился в том приподнятом состоянии духа, которое так ценят бывалые воины, чья жизнь — сплошная череда битв и походов. Но коротышка продолжал приставать.

— Ты как-то скверно выглядишь. Может ты ранен. Хочешь, я могу посмотреть. Не подумай дурного, я, правда, умею.

— Отстань, это просто усталость,— отмахнулся Конан.— Усталость и голод. Заканчивай мучить птицу.

Козим часто закивал головой.

— Я так и знал, что ты скажешь нечто подобное. Ответь мне честно, сколько ты намерен получить со старого барона, если думаешь, что эта безумная затея закончится для нас успешно? А ведь есть способы заработать в десять раз больше! И без всякого риска. Присядь, выпей вина, а я тебе расскажу, как можно их достать. Да мы с тобой богачами станем! Ты, понимаешь, о чем я толкую?

Конан внимательно посмотрел в маленькие, бегающие глазки Козима. Внешне варвар остался спокоен, но темно-синие глаза северянина вспыхнули мрачным огнем.

— Понимаю,— медленно выговорил он. Во всем его облике чувствовалась угроза.— Но лучше бы ты помолчал.

— Хочешь, чтобы я замолчал, пожалуйста,— тут же согласился карлик.— Язык мой меня погубит. «Сейчас, наверное, меня будут бить!» — с ужасом подумал он.

— Я достаточно скитался по свету,— негромко, словно самому себе, сказал Конан.— Кажется, ко всему привык. Ты из тех людей, которые легко клянутся, а затем, с той же легкостью забывают слова данной клятвы.

— Не продолжай,— остановил его карлик,— я догадываюсь, что ты хочешь сказать. Но ты ошибаешься насчет меня, киммериец. Вспомнишь еще... Ведь я хотел как лучше, но если ты считаешь, что проще разбить Яхм-Коаху голову — что ж, идем крушить черепа! Время покажет, кто из нас прав!

— Не думай, что тебе удастся меня переубедить,— сказал Конан.

— А я и не думаю.— Карлик тяжело вздохнул, по белому, как мел, лицу его градом катились крупные капли пота.— Придет тот час, друг киммериец, и ты поймешь, что я желал тебе только добра. Я — твой счастливый талисман, как ты этого еще не понял?! Благодарю судьбу, что свела нас в Овражке! С моей и только с моей помощью вы сможете одолеть злобного Яхм-Коаха. Сядь, успокойся, мой могучий друг, выпей вина и послушай умудренного житейским опытом человека.

— Ты величайший болтун на свете,— от души рассмеялся Конан.

Он наклонился, поднял баклагу с вином, выбил пробку и поднес горлышко к губам, не замечая напряженного взгляда Козима.

Карлик затаил дыхание: «Этот бродяга-стигмеец клялся всеми богами, что одна капля свалит даже льва! Мошенник обманул меня! Но я, наверное, сам виноват, не нужно было с ним торговаться. Пей, пей, северянин, ты еще пожалеешь, что смеялся надо мной!..»

Конан вновь поднес баклагу к губам и отпил еще несколько глотков. Опустив сосуд, он вдруг поморщился и сплюнул.

— Странно, сначала вроде ничего, а сейчас будто жабу проглотил... тухлую...

Киммериец икнул, хотел что-то добавить, но пересохший рот и онемевшие губы отказались повиноваться. Баклага выпала из обессилевших

пальцев, ноги подкосились, и Конан покачнулся как подрубленный дуб.

Внезапно он все понял. Собравшись с силами, варвар повернулся к Козиму.

— Ты...— продолжение фразы утонуло в свистящем хрипе.

Козим проворно вскочил.

Убедившись, что снадобье действует, он вновь обрел былую уверенность.

— Догадался? Но теперь это тебе не поможет! Думал шутки шутить с Козимом? Измывался над ним, угрожал, оскорблял! Теперь сам побудь в моей шкуре!

Ярость придала Конану сил. На заплетающихся, непослушных ногах он сделал шаг, другой... Поднял руку — и тут же со стоном уронил ее. Сознание киммерийца оставалось ясным, он все отлично понимал, зрение и слух не утратили своей остроты, но тело — большое, сильное тело вдруг отказалось ему служить.

Козим важно, мелкими шажками подошел к северянину, который едва стоял на ногах и тщетно пытался произнести хотя бы самое простое проклятие. Карлик ткнул его пальцем в живот. Конан рухнул на спину так, что по земле пошел гул, сильно приложившись затылком о подвернувшийся камень. Одно утешение — тело его совсем онемело, и боли он не почувствовал.

Так варвар и остался лежать, вращая глазами от бессильной злобы и беззвучно шевеля губами. Коротышка стоял над ним, внимательно наблюдая за столь невыразительной мимикой.

— Так, вижу, умирать ты не собираешься! — разочарованно протянул он. — Опять я обманут! Впрочем, может быть это и к лучшему. Ведь маг обещал за тебя награду. За такого большого варвара я потребую много золота. Лежи, отдыхай, а я пока утешу баронессу.

...Купание освежило и тело и душу, будто и не было тревожений минувшего дня. Одеваясь, Ремина неожиданно для себя обнаружила, что тихонько напевает незатейливую песенку, услышанную еще давно в детстве. Зловещий призрак Яхм-Коаха, который повсюду преследовал девушку, не исчез, но как бы потускнел, отдалился и уже не так угнетал ее.

Одевшись, она потянулась всем телом — навстречу солнцу, каждой клеточкой своего молодого гибкого тела, ощущая его живительное тепло.

— Все будет хорошо, — громко сказала Ремина. — Все должно быть хорошо!

Глубоко вдохнув терпкий запах залитого солнцем леса, баронесса быстрым, упругим шагом взбиралась на холм. Купание, разогнав усталость, пробудило в ней давно забытое чувство голода.

При одной мысли о птице, подрумяненной на углях, у девушки потекли слюнки.

Невольно мысли ее перешли к человеку, который эту птицу добыл. Ремина отдавала себе отчет, что именно присутствие киммерийца питает ее надеждой. Без Конана она была абсолютно беспомощна, и рано или поздно неминуемо угодила бы в лапы жреца. В северянине чувствовала

лась Сила — дикая первобытная мощь, способная сокрушить любую преграду, — уверенность, ясный ум, и редкостное умение владеть оружием, а именно такой человек ей и был сейчас нужен. К тому же имя Конан было уже знакомо юной баронессе Орландо. Когда-то так звали знаменитого пирата, который в царствование старого короля Фердруга безраздельно хозяйничал на Западном море.

Возможно, что этот Конан и есть тот легендарный человек. Девушка была почти уверена, что это он, и от волнения сердце ее забилося так сильно, что Ремина была вынуждена на несколько мгновений остановиться. Еще бы! Не всякий может похвастаться тем, что делил кусок хлеба с человеком, сыгравшем столь выдающуюся роль в судьбе Зингары!

Романтика, неразлучная спутница юности, не обошла своим вниманием и семнадцатилетнюю баронессу Орландо. В этот момент она забыла, кем являлся Конан на самом деле. Сейчас северянин виделся ей одним из величайших героев древности, предания о которых она так любила.

А что может сделать Конан один, когда столкнется с черным колдуном Яхм-Коахом, клякми оборотней и клинками разбойников?

Не слишком ли они самонадеянны?

Предательская мысль змеей ужалила в сердце. Ремина тряхнула головой и постаралась выбросить ее из головы.

— Госпожа баронесса! Госпожа баронесса! — вдруг донесся до нее крик Козима.

В голосе карлика слышался неподдельный ужас. Ремина мигом достигла вершины, вскинула к плечу арбалет, готовая сразиться со всей армией Яхм-Коаха. Но стрелять было не в кого... Козим суетился над распростертым телом киммерийца. Страшное предчувствие надвигающейся беды железной рукой сжало сердце. Отбросив бесполезный арбалет, Ремина бегом кинулась к Конану.

Упав на колени возле варвара, она взглянула в его лицо и с облегчением увидела, что он жив. Синие глаза, сейчас казавшиеся черными от невыразимой муки, в упор взглянули на нее. Ремина даже отшатнулась.

— Что случилось? — в отчаянии приступила она к коротышке.

— Наверное, это удар, — с состраданием ответил Козим, возводя полные скорби глаза к небесам. — Точно так же умерла моя тетушка, да успокоит Митра ее мятежную душу!

Девушка вернулась к Конану.

Синие глаза кричали, молили ее: «Обернись!» И тут она, наконец, поняла, но оказалось слишком поздно. Ремина не успела даже оглянуться, как сильный удар по затылку поверг ее землю. В голове баронессы нестерпимым сиянием вспыхнуло солнце и рассыпалось водопадом искр.

Глава пятая

Вздохнула Ремина внезапно, будто чья-то грубая рука сильным рывком выдернула ее из темноты забвения. Застонав от боли, девушка открыла глаза, и тут же пожалела об этом: над ней склонилось ненавистное лицо Яхм-Коаха. Ей захотелось вновь нырнуть во мрак беспамятства. Навсегда.

— Больно? — с сочувствием спросил жрец. — Потерпи, сейчас станет легче.

Яхм-Коах поднес руки к вискам девушки и, прикрыв глаза, что-то зашептал. Боль, действительно, стала слабее, но Ремина с благодарностью не спешила, даже отвернулась в сторону, всем своим видом демонстрируя презрение.

Нисколько этим не смущенный, Яхм-Коах поднялся с колен и, не обращая больше внимания на баронессу, обернулся к стоящему рядом Козиму.

Тут же переминались с ноги на ногу Шрам и полдюжины разбойников.

— Ударь ты чуть посильнее, размозжил бы девчонке голову,— сурово бросил жрец коротышке.— Тебе повезло. Ты знаешь, что она мне нужна живая?

— Ты, наверно, хотел сказать, повелитель, что это ей повезло? — угодливо улыбнулся Козим.— Я всегда стараюсь быть ласков с женщинами.

— С теми, что торгуют собственным телом за медяки? — маг лукаво хихикнул.— Здесь тебе не Овражек.

— Но ведь все кончилось хорошо? — потупил глаза Козим.— Великий Яхм-Коах не гневается на своего преданнейшего слугу?

— Нет,— жрец благодушно махнул рукой.— Ты заслужил награду... А что ты сделал с киммерийцем?

Яхм-Коах неспешно подошел к Конану, который по-прежнему неподвижно лежал на земле, и с холодным любопытством уставился в его синие глаза.

Шрам также проявил к варвару больший интерес. Главарь разбойников с силой пнул Конана сапогом под ребра.

— Киммерийский пес! — прошипел он сквозь зубы.— Ты за все мне заплатишь!

— Похоже, ты его чем-то опоил,— задумчиво проговорил Яхм-Коах.

Козим злорадно захихикал:

— Всего несколько капель, мой господин, и варвара можно было брать голыми руками. Это был очень рискованный трюк. И очень опасный!

— Дай-ка мне сюда свое снадобье.

Козим с плохо скрываемой неохотой протянул жрецу маленький флакончик из темного обсидиана. Яхм-Коах осторожно вытащил пробку и потянул носом его содержимое.

— Ясно,— кивнул он, возвращая пузырек коротышке.— Настояй белены, туна, цветков черного лотоса, спорыньи... Он может проваляться так целый день.

— И не умрет? — спросил Шрам.

— Встанет здоровее, чем был.

— Не встанет,— зловеще произнес разбойник. Ноздри предводителя «волков» раздувались от несдерживаемой злости, а рубец на лице стал лиловым.

Яхм-Коах покосился на него и пожал плечами.

— Порой даже я тебя опасюсь.

— Так варвар — мой? — кровожадно оскалился Шрам, и в этот миг он был похож на настоящего волка.

— Жаль потерять такого воина. Он бы мне пригодился. Но я знаю варваров, с ними трудно договориться. Хорошо, можешь оставить его себе.

— Нет! — громкий крик пролетел над холмами, и лошади разбойников испуганно вздрогнули.

Яхм-Коах и Шрам резко обернулись. Первый — в недоумении, второй — в ярости. Ремина твердым шагом подошла к жрецу и взглянула прямо ему в глаза.

— Если с головы Конана упадет хотя бы волос, свадьбы с герцогом никогда не будет!

Шрам злобно захохотал, но на лице жреца не дрогнул ни один мускул. Козим счел момент благоприятным, чтобы незаметно отойти в сторону, и полюбоваться сказочным видом цветущей долины. Дело, по его мнению, принимало скверный оборот и решать его следовало в семейном кругу, тем более, что брошенный в темницу барон в последнее время стал стоворчивее. Шрам — дурак, зря веселится, а он, Козим, знает, как много значит для Яхм-Коаха эта свадьба. Не захочет жрец осложнений. И кто знает, что еще взбредет на ум этой девчонке? «Как поступит маг, если вдруг она потребует мою голову?!» Козим не питал никаких иллюзий по поводу своей неприкосновенности. Если Яхм-Коаху будет выгодно, он только мигнет Шраму и тут же забудет о существовании маленького человечка.

— Баронесса,— спокойно сказал чародей.— Ты, верно, забыла, что твой отец...

— Я этого никогда не забуду! — властно прервала его Ремина.

Яхм-Коах помолчал и с отеческой укоризной покачал головой.

— Значит, вот как,— задумчиво обронил он.

— Значит, так! — смело встречая взгляд мага, ответила Ремина.— Ты меня знаешь, жрец! Если позволишь Конану свободно уехать, то, клянусь, я выйду замуж за Ренальда, если нет, то ты от этого лишь проиграешь.

— Не слишком ли много условий? — Яхм-Коах в задумчивости потер подбородок.— Но к твоим словам я обязан прислушаться. В моих планах

нет места для киммерийца. Что будет, если он вопреки всему попытается тебе помочь?

— Он не сделает этого,— с трудом выговорила Ремина.— Я попрошу его...

— Боюсь, этого будет мало. Он должен поклясться, что уберется из провинции, из Зингары, и навсегда забудет само имя Орlando.

— Он поклянется,— глухо отозвалась Ремина.

— Ты все решила за него? Неплохо бы спросить, что он сам думает по этому поводу.— Маг праздновал в душе победу, хотя внешне оставался невозмутим.

Яхм-Коах наклонился над варваром.

— Послушай, киммериец, я могу вернуть тебе твое тело. Но ты должен дать мне слово, что не будешь хвататься за меч. Моргни один раз, если ты согласен.

Ни слух, ни зрение Конана не пострадали от зелья Козима. Он слышал все, что говорила Ремина, и что ответил ей Яхм-Коах. Киммериец весьма сомневался, что жрец в самом деле отпустит его, а маячившая за плечом мага перекошенная от злости физиономия Шрама вообще не оставляла места сомнениям. Уж этот-то не собирался выпускать добычу из лап.

Тем не менее, Конан медленно закрыл и открыл глаза. Умирать лежа — нет, это не для него! Пусть проклятый колдун вернет ему силу, а потом посмотрим...

Яхм-Коах удовлетворенно хмыкнул и, протянув руку, положил ладонь на лоб северянина. Медленно, нараспев, он произнес несколько слов,

и огромное тело Конана вдруг свело болезненной судорогой. Ремина закусила губу и отвернулась. Когда она вновь решилась взглянуть на варвара, Конан уже сидел на траве, и растирал онемевшую шею.

Лицо жреца побледнело, дыхание стало прерывистым, хриплым.

Конан, шатаясь, встал, обвел присутствующих ледяным взглядом и презрительно усмехнулся. Его, безоружного, окружал частокोल обнаженных клинков.

— Итак, Конан,— заговорил Яхм-Коах, морщась и потирая затылок.— Ты все слышал, но я повторяюсь, чтоб избежать недоразумений. Прекрасная Ремина поставила мне условие, от которого я не могу просто так отмахнуться, и я вынужден, предложить тебе сделку. Я знаю, что варвары честно соблюдают условия договора, так что дело только в тебе. Для тебя, северянин, возможны лишь два пути. Либо ты исчезаешь из Зингары в самое короткое время, забыв все, что тут видел и слышал, или же ты умрешь. В первом случае я возвращаю тебе оружие, даю коня и деньги... разорви меня Сет, Конан, я дам тебе много денег! Во втором — ты ничего не получишь, кроме трех локтей стали в живот. Выбери.

Конан выслушал Яхм-Коаха с подчеркнутым безразличием и, когда тот замолчал, перевел взгляд на Ремину.

— Видно, ставки в игре высоки,— варвар небрежно кивнул в сторону жреца.— Оружие, ло-

шадь, золото! Признаться, не рассчитывал на такое. Думал, что в самом благоприятном случае, меня погонят из королевства, да еще и уши обрежут.

— Ты прав,— Яхм-Коах, растянул губы в некоем подобии улыбки.— Сейчас для меня важнее согласие баронессы. Решай быстрее, киммериец, времени на раздумья у тебя нет.

— Благодарю тебя за щедрое предложение, колдун,— в голосе Конана слышались и издевка, и горечь,— но я обещал госпоже свою помощь. Сожалею.

— Я тоже,— Яхм-Коах больше не улыбался.— Твой отказ огорчает меня, киммериец. Но я-то это как-нибудь переживу, а ты, боюсь, уже не увидишь рассвета. Жаль, но ты выбрал.

— Стойте! — Ремина на глазах у всех бросилась к Конану.— Я освобождаю тебя от данного слова!

Глаза киммерийца внезапно полыхнули огнем, но только на миг. Спустя мгновение лицо его вновь стало непроницаемым. Пристально наблюдавший за варваром Яхм-Коах усмехнулся.

Жрец отлично понимал, что творится в душе северянина. Даже самый мужественный человек, готовясь умереть, испытывает трепет, когда ему предлагают жизнь, при этом, не требуя ничего в замен. Конан не боялся смерти, но это не мешало ему любить жизнь. Ремина, теряя все, спасала киммерийцу и жизнь, и честь.

— Благодарю тебя,— голос Конана звучал глухо.— Но я ступил на этот путь и должен пройти

его до конца. Не волнуйся, девочка,— киммериец вдруг весело улыбнулся.— Мне почему-то кажется, что это не последняя моя битва.

Мягко, но решительно отстранив Ремину, гигант-северянин шагнул вперед.

— Эй, жрец! Я обещал не братья за меч и сдержу слово! Для того, чтобы наказать твоих псов, мне хватит этой хворостины!

Киммериец нагнулся и поднял с земли увесистый сук.

Жреца, очевидно, это несколько не беспокоило, как раньше не задела угрозы варвара.

По рядам разбойников прошло движение.

Шрам облегченно вздохнул: он уже думал, что варвар от него ускользнул. Шурясь от удовольствия, чуть не мурлыча, главарь медленно потянул меч из ножен.

Он уже предвкушал, как его клинок входит, круша кости и плоть, в широкую грудь северянина... нет, лучше ударить в живот, а потом смотреть, как мучается киммериец, как жизнь медленно капля за каплей, оставляет это громадное тело...

Но тут Ремина встала на пути гиганта, готового и с голыми руками броситься на врагов.

— Нет, Конан, нет! — в отчаянии вскрикнула она.— Я не позволю тебе умереть! Остановись и выслушай меня! Вы, все! Яхм-Коах! Дайте мне сказать ему пару слов наедине!

Жрец, с любопытством наблюдая всю эту сцену, кивнул и дал знак. Разбойники, ворча, отступили.

— Послушай меня,— горячо зашептала Ремина.— Не страшно погибнуть в бою, но много ли чести погибнуть напрасно. Ты умрешь зря, а Яхм-Коах останется и все равно добьется от меня того, чего хочет. Оставшись жить, ты, зная его тайну, сумеешь найти способ помочь мне. Если... — она запнулась, подыскивая нужное слово,— если я для тебя что-то значу.

Конан промолчал, но брови его оставались нахмурены.

— Ты — единственный, кто сможет это сделать,— убежденно продолжала девушка.— Но главное не это. До свадьбы еще есть время, и за это время многое может случиться. Я верю, я предчувствую, что сейчас мы расстанемся, но расстанемся не навсегда,— горячо закончила Ремина.

Ничто не производит более сильного впечатления, чем слова, идущие из глубины сердца. Ремина видела, что Конан колеблется, видел это и Яхм-Коах, хотя и меньше чем девушка, заинтересованный оставлять в живых варвара.

— Ты должна знать, госпожа,— медленно сказал Конан,— что, однажды дав слово, я не беру его обратно. Кто-то подсказывает мне свыше, что делать этого я не должен.

— Одумайся, Конан! — почти выкрикнула баронесса.— Если погибнешь ты, то умру и я! Уехав, ты дашь мне, по крайней мере, надежду.

Варвар опустил голову и долго молчал. Кром, суровый бог киммерийцев, презирал трусов, но и не принимал в небесную обитель бессмыслен-

ных жертв. Быстрым взглядом Конан окинул толпу «волков» и чуть слышно вздохнул: разбойников много, а он безоружен, и, несмотря на гигантскую силу и звериную ловкость, шансов у него не было.

Конан в сердцах отбросил бесполезный сук, засунул руки за широкий кожаный пояс и, гордо вскинув подбородок, сказал, глядя поверх головы:

— Яхм-Коах, я принимаю твои условия.

— Отлично,— жрец не смог сдержать облегченного вздоха и благоразумно решил не затягивать сцену прощания.— Итак, ты свободен.

— Ты отпускаешь его?! — завопил Шрам, потрясая в дикой ярости мечом.— Ты отпускаешь этого... этого... Но ведь ты отдал его мне!

— Хочешь оспорить мое решение? — негромко спросил Яхм-Коах и Шрам смертельно побледнел под холодным взглядом жреца. Разбойник не раз видел, что случалось с теми, кто шел наперекор воле мага. Бормоча проклятия, Шрам отступил.— Как я сказал, так и будет! Возьми свое оружие, киммериец. Искренне желаю, чтобы оно принесло тебе много побед, но где-нибудь за пределами Зингары. Можешь выбрать любого коня.

Конан молча закинул меч за плечо, поправил на боку кинжал и, грубо расталкивая плечами толпу сцепивших от злости зубы «волков», пробился к ближайшей лошади.

— Вот и деньги,— напутствовал его чародей, протягивая варвару мешок с золотом столь солидных размеров, что Козим, увидев его, едва не

лишился чувств.— Обычно я не вожу с собой крупных сумм, но для тебя я сделал исключение. Может, когда-нибудь ты это оценишь.

Конан на мгновение заколебался, потом махнул рукой и взял туго набитый кошель. Небрежно сунул его в седельную сумку, и, вставив ногу в стремя, вскочил в седло.

— Прощай, киммериец,— бросил Яхм-Коах.

Конан долгим взглядом посмотрел на Ремину. Девушка стояла, бессильно уронив руки, и глядела на северянина с какой-то отчаянной, почти безумной надеждой.

Киммериец подобрал поводья. Сейчас он был вооружен, сидел верхом на коне и, Кром свидетелей, руки у него так и чесались! Дать коню шпоры, разметать разбойников, подхватить Ремину и... Да, они могли бы уйти. Но он дал слово! Конану захотелось завывать, как волку.

* * *

Ремина смотрела вслед удаляющемуся киммерийцу, пока он не скрылся за склоном холма. Конан не обернулся, а она так надеялась, что вот сейчас, пусть даже в последний раз, она встретит его гордый, решительный взгляд этих бездонных синих глаз, из которых девушка черпала силы и мужество в последние дни. Но варвар не оглянулся. Он ехал неспеша, осунувшийся и неприступный, будто внутри него шла борьба между честью и голосом сердца. Вот уже и замерли ветки акации, сомкнувшиеся за его спиной, угомонились потревоженные им птицы.

— Нам пора, баронесса,— напомнил ей терпеливо ожидающий рядом жрец, осторожно прикасаясь к ее плечу, и поспешно отдергивая руку.

Резким движением Ремина смахнула с глаз набежавшие слезы и гордо вскинула голову.

Пусть эта чернь не думает, что она смирилась со своей судьбой, она не выкажет перед ними слабости и не позволит упиваться своей победой. Никто не увидит ее слез. Дочь Сантоса Орландо будет достойна доблестного имени своего отца, о храбрости и мужестве которого в Зингаре ходят легенды.

— Не смей ко мне прикасаться, жрец! Клянись, в другой раз ты горько пожалеешь об этом! Едем! — и девушка стрелой взлетела в седло, подхлестнула коня, сорвавшегося с места в галоп, оставив позади и жреца и разбойников, так что последним пришлось попотеть, прежде чем они нагнали беглянку.

Бешеная скачка отрезвила Ремину. Хлещущий в лицо ветер, высушил слезы, и лишь на сердце осталась печаль, но, видно, от нее ей уже никогда не избавиться. Повинуясь какому-то внутреннему порыву, Ремина внезапно перешла на рысь, совсем не беспокоясь, что ближайшие преследователи едва не налетели на нее. Кто-то пронесся мимо, кто-то, грязно ругаясь, осаживал своих скакунов, норовящих подняться на дыбы. А лошадь этого мерзкого коротышки Козима, так резко встала, что карлик не удержался в седле, и, пролетев через голову кобылы, совершил немислимый полет и плюхнулся в дорожную грязь.

Причитая и жалобно скуля, он с трудом поднялся на ноги, зло сверкая глазами по сторонам. Грязь залепила ему лицо, вода ручьями стекала с плеч. Разбойники покатывались со смеху, раскачиваясь в седлах, глядя на жалкого, всклокоченного коротышку, сейчас похожего на оскорбленного воробья, и Ремина смеялась вместе с ними, с ужасом осознав, что торжествует в душе.

— Благодарю тебя, баронесса, за это маленькое дорожное развлечение. Моим людям требовалась разрядка,— без тени улыбки сказал поравнявшийся с девушкой жрец.— Но обещаю тебе впредь вести себя благоразумно. К чему это глупое ребячество?

Смех замер сам собой, Ремина с вызовом взглянула в холодные глаза мага и опустила взгляд, прочтя в них неумолимый приговор.

— Мы выступаем! — громко крикнул жрец.— Козим, догоняй нас! И приведи себя в порядок, а то своим видом ты распугаешь всех гостей в замке. Знать не жалуется оборванцев.

Разбойники снова заржали и неспешно повернули коней, пустив их шагом вслед за магом и баронессой.

— Как! — запричитал плаксивый голос Козима за их спинами.— Неужели ты ее не накажешь! Эту взбалмошную девчонку!.. Она обидела меня!

Яхм-Коах, не останавливаясь, обернулся в седле.

— Козим, Козим, да разве же она виновата, что ты так мал и твои ноги не достают до стремена боевого коня. Скорее в том повинны боги,

попробуй обратиться к ним. Но чтобы не было обид, я обещаю, вернувшись в замок, выбрать тебе в стойлах осла. Надеюсь, этот скакун придется тебе по росту.

Возмущенные крики Козима утонули в дружном хохоте разбойников, и процессия двинулась дальше, оставив причитающего и топающего ногами карлика в одиночестве.

Узкая, разбитая дождями дорога медленно поднималась в горы. Широколиственный лес из величественных буков и грабов вскоре уступил место меловым скалам и отвесным кручам, среди которых раскинулись мягкие ковры зеленеющих лугов, так и манящие уставших путников прилечь и отдохнуть в их объятиях. День еще только начался, а пастухи уже гнали на выпасы свои отары, белеющие на склонах, словно опустившиеся с небес облака. В узких горных долинах, где с отвесных утесов срывались вниз прозрачные звенящие ручьи, раскинулись знаменитые зингарские виноградники и цветущие апельсиновые сады. Солнце уже высоко поднялось над скалами, и снежные шапки и ледники горных пиков сверкали в его ласковых лучах, словно неугасающие костры, разложенные богами. Птицы на все голоса приветствовали трелями новый день, прячась в густой, свежей зелени. Прозрачный воздух, казалось, так и звенел от бесчисленных насекомых, деловито перелетающих с цветка на цветок. В бездонной синеве небес, гордо расправив крылья, парил орел, словно пловец, борющийся с волнами среди безбрежного океана.

Проследив взглядом за величественным полетом птицы, Ремина горестно вздохнула.

«Как мы похожи с ним,— подумала она,— и такие же одинокие в целом свете. Никто не сможет мне помочь. Даже этот синеглазый гигант-варвар, оставил меня».

От жалости к себе на глазах юной баронессы вновь проступили слезы, и сердце сжалось от тоски, но она решительно подавила набежавшую минутную слабость и заставила взять себя в руки, хоть это и стоило ей огромных усилий.

— Не печалься, госпожа моя, не думай об одиночестве,— вкрадчиво и как-то даже по-отечески обратился к ней Яхм-Коах, словно прочтя мысли баронессы.— Любая зингарская девушка знатного рода, почтет за честь быть супругой герцога Ренальда — этого храбрейшего человека, прославившего грозой диких пиктов. Смирись с неизбежным, боги сделали свой выбор, и не нам, смертным, судить их.

Ремина в ужасе отшатнулась от мага, будто увидела рядом с собой ядовитую змею.

«О, Митра! Он видит насквозь мои мысли!»

Сделав глубокий вздох, чтобы не выдать волнения и страха, она ответила ровным спокойным голосом:

— Не стоит и пытаться разжалобить меня своею болтовней. Я презираю и ненавижу тебя. Боги накажут тебя за предательство, и ты еще сполна ответишь за свое вероломство.

— Боги всегда на стороне сильных,— назидательно молвил маг.— Да и кто отважится тягать-

ся со мной? А... я, кажется, догадываюсь. Ты, верно, все еще думаешь об этом киммерийском варваре? Не его ли ты видишь карающим мечом в руках богов?

— А хоть бы и его! — с вызовом вскрикнула Ремина и до крови прикусила губу, досадуя на свою вспыльчивость.

— Ах, вот оно что! Значит, я попал в точку. Удачливый смелый варвар-красавец... Лучше забудь о нем! Поверь мне, он сейчас только и мечтает добраться до постоянного двора и залиться вином на то золото, за которое я купил его слово.

Ремина ничего не ответила, отвернувшись в сторону, всем своим видом выражая презрение к собеседнику. Жрец усмехнулся и придержал коня, оставив девушку наедине со своими мыслями. Так они ехали весь день, почти не останавливаясь, но только к вечеру достигли замка.

Закатное солнце позолотило вершины гор, когда замок Орландо черной громадой вырос на скалистом склоне, словно расправивший крылья дракон. Угрюмые бастионы мрачными молчаливыми стражами нависали над долиной, и грозные дозорные башни пронзали вечеряющее небо, будто острые клыки хищников. С ближайших отрогов в долину сползали белесые языки тумана. В этот час родной замок показался Ремине ужасной тюрьмой, где суждено ей томиться до конца своих дней. Она с надеждой и тоской оглядывала высокие башенные шпили, но кроме знамени с гербом барона не заметила ничего. Значит, гер-

цог еще не в замке и ей не в ком искать защиты — вокруг лишь равнодушные лица врагов и предателей. Нет, видно и в самом деле, ей придется смириться со своею судьбой.

Шрам поскакал вперед, громко окликая стражников на стенах.

— Эй, кто там еще кричит! — Чья-то всклокоченная голова высунулась из-за башенных зубцов, всматриваясь в уже сгустившийся у подножия стен полумрак.

— Живо мост опускайте, псы! — свирепо откликнулся разбойник, успокаивая свою лошадь, нетерпеливо танцующую под седоком.

— Это ты, Шрам?! А мы вас только завтра ждали.

В башне возникла суета, загремели железные цепи, заскрипели петли, и подвесной мост стал медленно, словно нехотя, опускаться. Отряд въехал в ворота замка, приветствуемый криками стражников и осыпaeмый градом вопросов. На мага и Ремину переодетые в воинов разбойники с цветами и гербом барона поглядывали с опаской, словно боялись их. И не напрасно: Яхм-Коах, смертельно устал от дороги, весь день протрясаясь в седле, а вместо заслуженного отдыха здесь его ожидали неотложные дела и этот скучный и беспокойный посланник герцога, да и от девчонки можно всего ожидать... надо бы устроить ей встречу с отцом — это умерит ее строптивость. Ремина, безучастная к происходящему вокруг, позволила двум негодям из шайки Шрама помочь себе спуститься с лошади.

— Тебе следует умыться и переодеться с дороги, госпожа моя,— примирительно обратился к ней маг.— А затем я представляю тебя посланнику герцога. Веди себя подобающим образом, не заставляй меня причинять боль твоему отцу.

Девушка ничего не ответила, лишь одарила мага таким пронзительным взглядом, что он почел за благо отвернуться, делая вид, что занят другими делами.

Молча, словно бездушный призрак, Ремина последовала в свои покои, сопровождаемая дюжим стражником. Жрец отдал все необходимые указания, и устало повернулся к Шраму, преданно ожидающему за его спиной.

— Я доволен тобой,— благосклонно сказал маг.— Ты и твои люди достойны награды. Идем, я расплачусь с тобой. Тысяча золотых всем и пятьсот тебе, думаю, будет вполне достаточно.

— Вы как всегда щедры, мой господин,— прижав руку к сердцу, ответил разбойник. Дайте мне тысячу золотых, чтоб бросить кость моим головорезам, а мою долю оставьте себе.

— Тебе что, этого мало, мошенник! — маг в удивлении вскинул брови.— Назови свою цену!?

— О нет, господин! — поспешно откликнулся Шрам.— Вы более чем щедро оценили мои скромные заслуги.

— Чего же ты тогда хочешь? Говори быстрее! — Яхм-Коах стал терять терпение.

— Мой господин, отдайте мне варвара! — горячо заговорил Шрам.— Кровь убитых им воинов вызывает к отмщению!

— Ну, нет! — срывающимся голосом взвился жрец, так что все, кто находился поблизости, невольно обернулись на его крик.— Ни в коем случае! Мне вовсе не нужны неприятности! Ступай прочь, больше не желаю терять с тобой время.

— Как прикажете, господин,— покорно склонился перед магом разбойник и счастье Яхм-Коаха, что он не видел его горящих ненавистью глаз.

Недовольно бурча себе что-то под нос, маг покинул замковый двор. Скрылся в башне и Шрам со своими людьми. Чутко прислушивающийся к их разговору Козим покрутил головой, будто не в силах решить для себя какой-то сложный вопрос, сплюнул под ноги и поплелся за главарем шайки. Коротышка был сердит на весь подлунный мир и мечтал сорвать на ком-нибудь злость. Вопреки приказанию мага, он не стал приводить себя в порядок, а забившись поглубже в кусты, тщательно пересчитал заработанные им монеты. Правда, потом, рискуя жизнью, ему пришлось догонять кавалькаду, но увесистый мешок золота блаженно согрел его сердце, и Козим не ведал опасности.

Жрец, мучаясь одышкой, тяжело поднялся по ступеням крутой винтовой лестницы и оказался перед маленькой, обитой медью, дверцей. Видимо заслышав его шаги, чернокожий невольник распахнул дверь перед своим господином и согнулся в раболепном поклоне, попуская жреца внутрь помещения.

Яхм-Коах шагнул в комнату, с удовольствием оглядел роскошное убранство библиотеки барона, теперь уже как свои личные апартаменты, и небрежно обратился к слуге:

— Как дела, Вакаши? Все ли в порядке в замке?

— Все спокойно, господин, — с готовностью откликнулся раб, помогая магу снять с плеч насквозь пропыленный плащ.

— А что посланник герцога Ренальда? Надеюсь, он не очень скучал, в наше с бароном отсутствие? — спросил Яхм-Коах, рассмеявшись собственной шутке. И не дожидаясь ответа, продолжил свою мысль: — Ну, ничего, мне удалось поймать девчонку... Увидев ее красоту, посланник сразу позабудет о печали. И все же. Следует принять меры, чтобы избежать неприятных сюрпризов. Больше отсюда никто не сбежит... Вот что, Вакаши, вели позвать Птенчика и пусть подогреют воды, я желаю умыться.

— Вода уже готова, господин. Я велеть слугам весь день держать огонь в очаге, — сообщил невольник уже с порога.

«Вот, если бы все мои слуги были так расторопны, — с удовольствием подумал маг. — Скоро, очень скоро это мое желание сбудется.»

Пока шемитские рабыни умывали жреца и растирали его тело благовониями, в дверь тихо-нечко постучали.

— Входи, Птенчик, входи, — откликнулся Яхм-Коах, отпуская шемиток небрежным взмахом руки. — Ты заставляешь себя ждать.

— Прошу прощения, мастер, — разбойник протиснулся в дверь, и встал с повинно опущенной головой перед магом, неловко переминаясь с ноги на ногу, — но там, — он смущенно запнулся, — делили деньги.

— Вот как? — жрец неподдельно удивился. — Тебя все еще тешит блеск золота?

— Нет, мастер, высшая награда для меня — служить вам, — разбойник всем телом подался вперед и от избытка чувств пал перед магом на колени.

— Ну, встань же, — Яхм-Коах самодовольно улыбнулся. — Я вовсе не сомневаюсь в твоей преданности. Но сейчас как раз настал тот момент, когда мне нужна ваша служба. Я слышал, этот Конан убил Клыкача: ты потерял друга, а лишился преданнейшего человека. Верь мне, на сердце моем лежит искренняя печаль.

— Приказывай, повелитель! Наша жизнь и смерть принадлежат тебе! — ревностно выкрикнул Птенчик, оставаясь стоять на коленях.

— Надо наказать презренных селян с того хутора, что следят за подземным ходом, — закипая злостью, выпалил маг. — Они осмелились помогать баронессе, и за это их ждет расплата.

— Прикажешь убить их? — бесстрастно спросил разбойник.

— Да, всех до единого! Включая детей и женщин! Пусть знают силу моего гнева!

— Будет исполнено, повелитель, — торжественно ответил Птенчик, и лицо оборотня расплылось в зловещей улыбке.

— Ступай, у меня еще много дел. Оставайтесь на хуторе и пусть глаза стерегите вход в подземелье.

Низко кланяясь, Птенчик вышел из кабинета.

— Что ж, по крайней мере, за это я могу быть спокоен,— жрец удовлетворенно потер руки.— Теперь посланник. Эй, Вакаши!

Не прошло и мгновения, как чернокожий раб стоял, склонившись перед господином. Маг даже вздрогнул от неожиданности.

— Готова ли баронесса? — недовольным тоном спросил Яхм-Коах.

— Да, господин, она ждет в нижней зале.

— Чудесно, я спускаюсь к ней.

Ремина неподвижно стояла у узкого зарешеченного окна, всматриваясь в уличную темноту, и, прислушиваясь к плачу ветра в камине, когда в зал быстрым шагом вошел Яхм-Коах.

— Прекрасно, баронесса, замечательно. Я вижу, мы договорились.— Маг окинул девушку цепким взглядом с ног до головы и поцокал от удовольствия языком.

Платье нежно-фиолетового цвета плотно облегло ее стройную фигуру, тщательно уложенные локоны светлых волос ниспадали на плечи, из всех украшений девушка выбрала лишь одно — жемчужное ожерелье, оставшееся ей в память о матери. Ни на появление мага, ни на рассыпаемые им комплименты Ремина не реагировала.

— Не хочешь говорить? — обиженно молвил жрец.— Я противен тебе? Но может, так ты станешь со мной разговорчивей?

Послышалось какое-то шипение, и голос до боли родной и близкий ласково позвал ее:

— Дочка, милая, иди же ко мне.

Ремина порывисто обернулась. Посреди зала стоял барон Сантос и с нежностью протягивал к ней руки. Барон широко улыбался и шагал ей навстречу, намереваясь прижать к родительской груди.

— Отец! — выдохнула Ремина, и первым ее желанием было броситься в эти объятия и выплакать все, что наболело в душе.

Но внимательно присмотревшись, она с ужасом и негодованием заметила, что глаза идущего ей навстречу человека были иного цвета, нежели у ее отца. Преодолевая отвращение и боль в разбитом сердце, она заставила себя приблизиться к магу, но вместо ожидаемых им объятий залепила ему звонкую пощечину.

— Не смей так шутить со мной! — с яростью выплеснула она.— Неужели ты думал, что я попадусь на твою уловку.

— Ты об этом еще пожалеешь, девчонка! — процедил жрец сквозь зубы, потирая покрасневшую щеку.— Делай, что я велю, иначе, клянусь своим посохом, я лично вытяну все жилы из барона.

— Ты не посмеешь этого сделать!

— Хочешь при этом присутствовать?! — зашипел Яхм-Коах, грозно надвигаясь на испуганную баронессу.

— Ладно,— сдалась Ремина, прижатая жрецом к стене,— что тебе нужно от меня?

— Вот так-то лучше,— маг позволил себе расслабиться.— Сейчас мы пойдем в главный зал, там ждет нас посланник. Будь полюбезней с ним, ну и со мной, конечно. Да, и улыбайся, улыбайся, баронесса, улыбка так тебе к лицу.

Пройдя анфиладой комнат и коридоров, они попали в главный зал — огромное, полупустое помещение с высокими сводчатыми потолками. Дюжина толстых свечей едва рассеивала мрак в помещении. Когда-то здесь шумели пиры, играла музыка и танцевали гости; между столами сновали слуги, обнося пирующих яствами; под ногами вертелись охотничьи псы, выпрашивая подачки у бражников. Вспомнив эти счастливые дни, Ремина чуть не расплакалась, но зорко следивший за ней Яхм-Коах, заметил неладное и больно ущипнул ее за руку.

У пылающего камина в человеческий рост стоял высокий молодой господин, скрестив на груди руки, задумчиво следя за пляской огня.

Подтянутость и выправка, строгий зеленый костюм, лишенный всяких изысков, мягкие сапоги для верховой езды, неброская перевязь с длинным мечом и тонкий кинжал за поясом, выдавали в нем воина, а не напыщенного придворного кавалера. Молодой человек повернул голову на звук их шагов, холодно посмотрел на барона, но когда он повернулся к юной баронессе, взгляд его сразу смягчился. Приятная, располагающая улыбка осветила его красивое с тонкими, правильными чертами лицо, и он порывисто шагнул им навстречу.

— Барон, я счастлив видеть вас,— сказал он мягким бархатным голосом, от звуков которого у Ремины вдруг бешено заколотилось сердечко.— Достаточно ли легок был ваш путь?

— Благодарю вас, господин Кабраль. Весь путь мы наслаждались видом гор и не заметили, как добрались до замка,— чопорно ответил Яхм-Коах, вызывая удивление у Ремины: прежде она не замечала наличие светских манер у жреца. Между тем маг продолжал: — Позвольте вам представить мою дочь — баронесса Ремина Орландо. Дочка, это господин Кабраль, поверенный в делах герцога Ренальда.

Кабраль галантно поклонился. Ремина ответила легким кивком головы.

— Не вы ли, господин Кабраль, вели полки герцога на штурм крепости Адена ла Банта и первым водрузили его знамя на стенах? — очаровательно улыбаясь гостю, спросила девушка.— Слава об этом подвиге прогремела на всю Зингару.

— Ну что вы, баронесса, пощадите! — искренне запротестовал юноша.— Разве мог я один совершить столь великий поступок. В том честь и слава ратников герцога — храбрейших воинов во всей Хайбории.

— О, если все воины его светлости так же мужественны и скромны, как и вы, любезный господин Кабраль, то я могу представить, каков же сам герцог Ренальд,— влез в разговор лже-барон.

— И смею вас заверить, непременно ошибетесь,— не замедлил с ответом посланник.— Нет

на земле той меры, чтоб по достоинству оценить ум, храбрость и добродетели моего господина.

— Велик тот государь, кому служат люди подобные вам,— восхищенный ответом, поклонился маг.— Ведь герцог Ренальд доводится двоюродным братом нашему королю?

— Истинно так, господин барон,— подтвердил его слова юноша.

— Для меня великая честь породниться с братом короля,— не унимался жрец, стараясь привлечь к себе внимание посланника, ибо взгляд того был буквально прикован к Ремине.

— Честь не в титулах и родстве, ее с мечом в руках добывают на бранном поле или трудами на мирной ниве,— довольно холодно ответил Кабраль, наконец, обернувшись к барону.— Однако я вынужден спросить: все ли готово к обряду, мой друг?

— Я лично все проверил, и смею утверждать, что к свадьбе все готово,— поспешно заверил его жрец.— Когда нам следует ожидать прибытия его светлости?

— Мой господин должен появиться здесь утром, если не случится непредвиденных задержек в дороге.

При этих словах Кабралья кровь отхлынула от лица Ремины.

«О, Митра! Неужели уже завтра!» А она так надеялась, что у нее есть еще какое-то время, и может боги пошлют ей помощь.

— Тогда не будем откладывать это приятное дело в долгий ящик и в тот же день поженим

молодых,— предложил Яхм-Коах. Сердце баронессы упало.

— Со своей стороны я возражений не имею,— кивнул головой посланник.— Но мне хотелось побеседовать с вашим жрецом о деталях. Где, кстати, он?

— Прошу прощения, господин Кабраль,— не задумываясь, соврал лже-барон.— Яхм-Коах — мудрый и ревностный служитель Митры, но никудышный наездник. День, проведенный в седле, буквально свалил его с ног.— Видя тень недовольствия, промелькнувшую на лице посланника, маг поспешно добавил: — Но он обещал к нам спуститься, чтоб оказать честь столь высокому гостю. Позвольте, я схожу за ним.

— Сделайте милость,— охотно согласился юноша.— А за меня не беспокойтесь, в обществе такой очаровательной дамы я просто не сумею заскучать.

Барон откланялся и вышел, напоследок метнув в сторону девушки весьма красноречивый взгляд.

Кабраль приблизился к Ремине и с поклоном подал ей руку. Девушка в недоумении захлопала ресницами:

— О, не пугайтесь, баронесса. Я просто хотел предложить вам прогуляться по залу. Для меня день, проведенный без движения, подобен тяжкому недугу,— рассмеялся юноша.

Ремина не могла удержаться от ответной улыбки и церемонно приняла приглашение. Его рука была крепкой и твердой, привыкшей более

к грубой коже рукоятки клинка, чем к нежным женским локоткам.

— Вы видели когда-нибудь герцога? — неожиданно спросил он.

— Нет,— честно призналась девушка,— но много слышала о нем лестного. Однако я вынуждена признать, что ваш вопрос сильно взволновал меня.

— В самом деле, но отчего же?

— По прихоти богов, как бы в насмешку, порою средоточием добродетелей чаще бывают люди ущербные телесно, лишенные физической красоты,— с трудом подбирая слова, чтобы не обидеть этого приятного юношу и его господина, которому, по всему было видно, он был предан душой и телом, пояснила баронесса причину своего внезапного беспокойства.

— Ах, вот вы о чем,— юноша вновь тихо рассмеялся и нежно коснулся свободной рукой ладони Ремины, в миг раскалившейся до кипения крови.

— Смею вас уверить, герцог Ренальд, исключение из этих правил. Уж поверьте мне на слово.

От слов юного кавалера у Ремины потеплело на душе. Ей вдруг смертельно захотелось довериться этому человеку и открыть ему страшную тайну и тот великий обман, что творился в их замке. Но прежде она спросила:

— Скажите, господин Кабраль, много ли было с вами людей и сколько воинов в свите герцога.

Теперь настала очередь удивляться посланнику.

— Чем объяснить ваш вопрос? — Юноша даже замедлил шаг.— Со мной лишь несколько мечников. Да и с герцогом будет немного, не больше полусотни воинов.

Незаметно за разговором они прошли зал насквозь.

От досады и разочарования Ремина закусила губу. И все же решила признаться:

— Выслушайте меня, господин Кабраль,— горячо зашептала она, взяв юношу за руки, но договорить не успела. В тот самый миг, когда слова признания уже готовы были сорваться с уст девушки, рядом с ними с шумом распахнулась дверь, и в зал ворвался запыхавшийся Яхм-Коах в истинном своем обличи.

— Что с вами, любезный? — вопросительно взглянул на него посланник.— У вас такой вид, будто вы бежали сюда всю дорогу. Кстати, господин барон отправился на ваши поиски.

Наблюдения юноши были недалеки от истины. Покинув зал, жрец быстро побежал по коридору и свернул в неприметную боковую нишу. Альков заканчивался глухой стеной грубой кирпичной кладки. Отсчитав третий слева кирпич, маг уверенно надавил на него рукой, и перед ним распахнулась маленькая дверь, ведущая куда-то в темноту. Но жрец без страха шагнул за порог, лишь вздрогнув, когда дверь за ним плотно закрылась. Здесь у него был приготовлен огарок свечи и огниво. Добывая огонь, Яхм-Коах

потратил несколько драгоценных мгновений, но все же вышел победителем из этой борьбы. Освещая себе дорогу свечой, он бегом бросился по тоннелю, огибающему зал по широкой дуге, проклиная строителей замка, барона Сантоса и всех его предков.

Жрец боялся надолго оставлять баронессу и этого юного рыцаря, в тайне ненавидя его за молодость, честность и преданность своему господину. И видно успел он как раз вовремя: судя по тому, как побледнела девушка и с какой поспешностью выпустила она руки Кабралья, между ними шла доверительная беседа.

Недовольная гримаса на лице рыцаря, застывшая с появлением мага, тоже красноречиво свидетельствовала в пользу этой догадки. Ну, на девчонке он еще отыграется, а сейчас главное — отвлечь внимание герцогского посланника.

— Прошу прощения, — расплылся в притворной улыбке жрец, — с приходом старости человек становится мудрее, но она же отнимает у него силы. Мы, верно, разминулись с господином бароном. Однако если он разыскивает меня, стало быть, вы желали меня видеть?

— Вы правы, почтеннейший Яхм-Коах. Я бы желал обговорить некоторые мелочи, касающиеся завтрашних торжеств.

— С радостью, мой господин, — засветился улыбкой жрец. — Но, думаю, наш разговор будет скучен баронессе. Позвольте ей уйти. Ночь перед свадьбой — великое таинство. Взгляните, как она бледна, бедняжка так устала с дороги.

— Но... — возразил было Кабраль, однако не нашел веской причины просить баронессу остаться.

Ее слова встревожили юношу, и он страстно желал продолжить прерванный разговор.

Взглянув на Ремину, он ужаснулся ее мраморной бледности, приняв на веру объяснения мага и не заметил мольбы в глазах баронессы.

— Вынужден согласиться с вами, — неохотно признал юноша. — Льщу себя надеждой, навеситить вас еще перед сном. Вам следует хорошенько отдохнуть, иначе волнения дня могут запросто свалить вас в постель.

— Нет, нет, нет — громко запротестовал Яхм-Коах, изображая из себя ревностного служителя культа, и даже для убедительности замахал руками. — Эту ночь девушка должна провести в молитвах, общаясь с Митрой. А для светских бесед у вас еще будет время.

Маг одарил Ремину испепеляющим взглядом, и бедная девушка сжалась от ужаса и едва смогла внятно ответить посланнику, пожелавшему ей доброй ночи.

На непослушных ногах она покинула главный зал. Отчаяние и страх переполняли ее душу.

Последние надежды рушились. Завтра придет герцог, весь день в замке будет царить суета, и ей не удастся улизнуть из-под надзора стражей, чтобы переговорить с этими мужественными воинами и вызволить из неволи отца. И как подтверждение ее горьких мыслей, от стены, точно привидение, отделилась огромная тень. Реми-

на вскрикнула от ужаса и спрятала лицо в ладонях. Приведение сверкнуло безукоризненной белозубой улыбкой и обернулось чернокожим Вахаши.

— Моя провожать тебя,— коротко бросил он.
— Чтобы твоя больше не убегать. Так приказывать господин.

— Моя ненавидеть твой вонючий господин,— передразнила раба Ремина.— И тебя тоже,— добавила она, немного подумав.

Улыбка мигом сползла с лица гиганта, и он жестом приказал Ремине идти вперед.

Глава шестая

Козим бесцельно бродил по замку. Настроение его нисколько не улучшилось, хотя он и надавал подзатыльников слуге, небрежно вычистившему его сапоги. Причиной скверного состояния духа послужил несправедливый, с точки зрения коротышки, дележ золота. Шрам щедро одарил всех своих людей, никого не выделяя особо, но когда очередь дошла до Козима, решительно и грубо оттолкнул карлика от стола.

— Ты уже получил свою долю,— с издевкой отрезал разбойник.

— Но разве я не такой же член вашей шайки! — возмутился Козим.— Разве я не поймал киммерийца! — негодовал он, поедая глазами громоздившуюся на грязном столе кучу золота.

— Скорее варвар поймал тебя и всех нас в дураках оставил! — окрылся на него Шрам.

— Послушай, Шрам, ведь мы же с тобой друзья,— сбавил в тоне коротышка.— Ну что тебе

стоит со мной поделиться? Всего каких-нибудь десять монет. А я при случае замолвлю за тебя словечко перед хозяином.

— Вы только поглядите на этого горе-защитника! — расхохотался Шрам ему в лицо, призывая в свидетели своих товарищей. — Что стоит твое слово для жреца!? Прочь отсюда, и не показывайся мне больше на глаза!

Втянув голову в плечи, под градом насмешек, Козим поплелся восвояси. Так он оказался во дворе. На небо выкатилась полная луна, и мириады звезд усыпали алмазами шелковый ночной ковер. Карлик с трудом забрался на коновязь и с самозабвением стал рассматривать узоры в поднебесье, вытканые богами. Он мечтал подняться за облака, чтобы бродить среди звезд, казавшихся ему самоцветами, и собирать их в большой мешок. О, он бы не пропустил ни одной, даже самой маленькой звездочки. Козим так размечтался, что не сразу заметил, как на двор вышли «бешеные». Разбойники о чем-то негромко разговаривали между собой и весело смеялись собственным шуткам, направляясь к воротам замка. Лошади беспокойно заржали, когда бандиты проходили мимо конюшни. Козим вжался в стену и впервые пожалел, что он не маг, а то бы, в сей же миг, стал невидимым. Карлик панически боялся и недолюбливал «бешеных» и не хотел оказаться с ними один на один на пустынном дворе. Разбойники знали об этой его слабости и не упускали случая поиздеваться над ним. Особенно старался этот верзила Клыкач, чтоб его

демоны на том свете рвали!.. Спасибо небесам, киммериец проткнул паршивца, храни Митра этого твердолобого варвара.

На этот раз Козиму повезло, «бешеные» его не заметили, торопясь по каким-то своим делам. Хотя какие у них дела — как всегда людям глотки резать. Приятные мечты и пережитый страх, навевали на карлика сон. Козим сполз со своего насеста и на заплетающихся ногах поплелся в общую залу, где раньше жили воины барона, а теперь безраздельно хозяйничали «волки». Коротышка уже потянулся к дверной ручке, когда дверь резко распахнулась, припечатав его к стене, и кто-то осторожно выглянул во двор.

— Вроде все тихо, — произнес чей-то голос, так невнятно, что Козим не узнал говорящего, но слова расслышал.

— Хорошо. Идем в башню, подальше от лишних глаз.

Карлик вздрогнул, голос Шрама он знал хорошо. Сквозь щель в дверях коротышка видел, как несколько разбойников крадучись выбрались на улицу и с оглядкой вдоль стены направились в башню.

Любопытство пересилило страх.

Шрам явно что-то затевал, и Козим не мог упустить возможности быть в курсе всех событий в замке. «Э, да тут пахнет заговором», — быстро смекнул коротышка и словно мышь юркнул в густую темноту.

Незаметно проследовать за «волками» было для него парой пустяков. Громилы Шрама ози-

рались по сторонам и совсем не обращали внимания, что творилось у них под ногами. На четвереньках карлик шустро двигался вдоль стены, не замечая, что руки часто увязали в лошадином дерьме, ведь двор теперь никто не подметал.

Решетку, преграждавшую вход в башню, забрал Клок Шерсти для своих машин. Разбойники гуськом втянулись внутрь. Последним, оглянувшись на сонный двор, и не заметив ничего подозрительного, в лаз скользнул Шрам. А подозрительное было тут как тут, превратившись в глаза и уши.

— Все, стойте здесь! — скомандовал главарь.

— Лучину надо бы запалить, — предложил сиплый голос.

— Не надо, свет заметят.

— Говори! — поторопил его кто-то.

— Я так думаю, — начал Шрам. — Киммериец убил наших братьев, прими Митра их души. А сам живой ходит, да еще и с тугим кошельком.

— Правильно! Нельзя этого так оставлять! «Волки» мы или кто?!

— Вот и я о том же! Варвара надо убить!

— Но ведь ты сам говорил, что жрец строгонастрого запретил его трогать, — раздался чей-то опасливый голос.

— А почему, по-твоему, мы забились в эту дыру, а Молчун? — ядовито спросил главарь. — Магу об этом знать ни к чему.

— Да, я чего, как решим...

— Заткнись! — резко оборвал его Шрам. — Кинем жребий, кто пойдет.

— Лучину надо запалить, — с укоризной промолвил сиплый.

— Не нужен жребий, все пойдем.

— Верно сказал!

— Нет, всем не с руки, уйдем все — заметят, — повысил голос Шрам — Может кто сам хочет вызваться?

В башне повисло напряженное молчание, только слышалось глухое сопение разбойников.

— Я пойду! У меня на варвара руки чешутся!

— Еще кто, кроме Шила? — спросил главарь, и для поднятия духа добавил. — Деньги, что возьмете у варвара, — ваши, делить не будем.

— Коли так, я согласен!

— И я пойду!

— Все! Вы трое, — подвел черту вожак. — Конана сонным берите, варвар будет мертвецки пьян.

— Откуда ты знаешь, что он наберется? — недоверчиво спросил Молчун.

— А что по-твоему он с золотом делать станет? — вопросом на вопрос ответил Шрам.

— И то верно, — согласились все.

— Теперь расходимся. А вы скажите, не мешкайте, «У Понтикуса» его ищите.

Затаив дыхание, Козим ловил каждое слово из этого разговора и едва успел спрятаться за углом, когда разбойники потянулись из башни.

Мозг карлика напряженно работал. «Волки» разошлись кто куда, а он уже знал, какую выгоду возможно получить в этом деле. И если дело сулило прибыль, то даже боги опускали руки пе-

ред терпением и упорством, с которым Козим шел к намеченной цели. Дождавшись, когда двор опустел, и сонный замок затих в ожидании утра, коротышка выбрался из своего укрытия и в прыжке бросился на конюшню.

Лошади недовольно храпели и подозрительно косили на карлика большими умными глазами, когда он скорым шагом проходил мимо стойл. Здесь содержались великолепные иранистанские кони и быстроногие аквилонские рысаки, но на этих благородных животных Козим даже не задержал свой взгляд. Ему было нужно нечто особенное, такое, что без труда преодолает трудности горной тропы, пусть не быстрое, но сильное и выносливое животное.

И, наконец, он нашел то, что искал, остановившись перед стойлом со старым мулом, удовлетворенно цокая языком.

— Я буду звать тебя Удача, если ты, лошадка, поможешь мне,— Козим ласково похлопал мула по морде.

Мул нервно постриг ушами, но ласку принял, тяжело вздохнул и позволил себя оседлать. Козим под уздцы вывел мула на двор, с трудом взобрался в седло, воспользовавшись высокой конювязью и, не спеша направился к воротам.

— Стой, назови себя! — приказал строгий голос стражника у подвешеного моста.

Воин высоко поднял факел над головой, пытаясь разглядеть, кого еще тут несет на ночь глядя.

— Это я, Козим! — откликнулся карлик.

— И верно, Козим,— согласился разбойник, подойдя поближе.— Что за ночь сегодня?! — посетовал он.— Все шастают туда-сюда кому не лень. Чего не спится людям?

— Приказ Яхм-Коаха,— доверительно сообщил ему коротышка, наклоняясь почти к самому уху стражника.— Давай открывай, дело срочное.

— У кого оно нынче не срочное? — недовольно ворча, стражник навалился на ворот решетки.

— погоди, приятель, вот завтра будет суетный денек,— пообещал ему Козим, не подозревая, как близко к истине его пророчество.

— Это правда,— вздыхая, согласился ворчун.— Удачи тебе. Но, пошел!

«Да, удача мне явно понадобится»,— подумал про себя коротышка, и пустил своего скакуна легкой рысью, мерно потрусив по залитой лунным светом дороге.

Городок мирно спал, погружившись в ночную мглу. В который раз выскочивший на двор по нужде горшечник, заметил, что звезды померкли, а значит близилось скорое утро. С блаженной улыбкой освободив взбунтовавшийся желудок, гончар уже натягивал штаны, да так и замер, когда по улице, нешадно нахлестывая лошадей, промчалось трое верховых, направляясь к таверне Понтикуса.

«Похоже, кто-то из «волков»,— подумал перепуганный мастер.— Лихая нынче выдалась ночь. Сначала этот коротышка... теперь, вот, разбойники... Неладное что-то в Овражке творится».

Продрогнув от холода, горшечник вспомнил о причине, по которой попал на двор, и, поправляя штаны на бегу бросился к дому.

* * *

Шаркая по полу, Понтикус в длинной ночной сорочке, зевая на ходу, спустился в общий зал, недовольно прислушиваясь к настойчивому стуку в дверь.

«Будь проклята эта работа! — думал он, пытаясь угадать, кто скрывается за этим стуком. — Судя по нетерпению, с которым гость ломится в дом, несмотря на столь ранний час, должно быть, это кто-то важный. Если так, налью себе чарку вина, я ее заслужил. А если это какие-нибудь голодранцы?!» — с ужасом представил Понтикус, но эта мысль настолько пришлась ему не по вкусу, что он тут же выкинул ее из головы.

Аккуратно поставив масляную плошку, с плавающим на дне горящим фитилем, на крайний стол, Понтикус звякнув бронзовой щеколдой и распахнул дверь перед ночным посетителем. При этом, чтобы не сглазить себя, он даже зажмурил глаза, не забыв растянуть опухшую от сна рожу в приветливой сладкой улыбке. А когда открыл, то чуть не вскрикнул от обиды — за дверью никого не оказалось. Досада и разочарование застыли на ставшем вмиг несчастным лице хозяина постоянного двора.

— Кого ты там увидел, жирный боров? — злобно спросил Козим, оглядываясь в темноту. — Не предложишь войти?

— Ах, господин Козим! — подпрыгнул до небес от счастья Понтикус, с обожанием глядя на маленького человечка у себя под ногами. — Какая удача! Какая честь для меня! Вот никак не ожидал! Проходите, проходите! Вы всегда здесь желанный гость!

— Чего это ты раскудахтался?! — подозрительно спросил коротышка, удивленный столь радужным приемом.

— Не поверите, господин Козим, как я рад... — захлебываясь от восторга, стал рассказывать хозяин, но был бесцеремонно прерван маленьким человечком, решительно шагнувшим за порог.

— Вот тут ты прав, не поверю, — согласился Козим. — Скажи-ка, любезный, в какой комнате я могу найти варвара? Я видел его лошадь на конюшне.

— Но он просил его не беспокоить, и щедро заплатил за молчание, — сразу как-то замкнулся хозяин, в котором вдруг проснулась профессиональная гордость.

— Да полно тебе, — попробовал урезонить его Козим. — Конан — мой друг и, уверяю, будет рад со мной встретиться.

— Ну что вы, господин, я хорошо помню вашу последнюю встречу, — ехидно захихикал Понтикус.

Карлик поморщился и полез в карман.

— С тех пор слишком много воды утекло, — философски заметил он, подбрасывая на ладони золотой. — Монета твоя, если скажешь мне, где киммериец.

— Гм...— алчно облизываясь, пошел на попятную хозяин.— Он сейчас не один...

— А с кем еще? — удивленно вскинул брови коротышка.

— Не знаю, удобно ли?..

— Говори, что ты мямлишь! — вскипел Козим.

— Он наверху, с женщиной! — выпалил Понтикус, и почувствовал глубокое облегчение.

Без слов карлик бросил ему монету, взял масляный светильник и решительно направился к лестнице.

— Я бы на вашем месте не рисковал,— бросил хозяин в след, но тот как будто и не слышал его слов, уверенно взбираясь по ступеням.

Найти комнату варвара не составило труда. Дверь была настежь распахнута, на пороге валялся сапог киммерийца и черепки разбитого об косяк кувшина. Именно они и заставили Козима замедлить шаг.

«Сразу войти или постучать? — так и эдак прикидывал он.— Кажется, варвар не в духе. Второй сапог по-прежнему с ним, стало быть — риск велик... А была, не была!»

Козим с быстротой атакующей кобры ворвался в комнату и огляделся в поисках укрытия. Слишком поздно он вспомнил, что обстановка спален на постоялом дворе «У Понтикуса» могла поспорить с убранством пещер аскетов.

Но карлик не растерялся, ничком рухнув на пол, шестым чувством уловив опасность. Проделал он это весьма вовремя: кувшин из-под вина

со свистом пронесся над его головой и, пролетев через дверь, с шумом разлетелся на куски в коридоре.

— Кто тебя сюда звал, мерзкий прыщ?! — не трезвым голосом прогудел киммериец.— Пошел прочь, иначе я вышвырну тебя в окно!

— Конан! Это же я, Козим! — отчаянно запричитал коротышка.

— Я вижу. Что с того? Ты, верно, думал, что я прижму тебя к сердцу?

— Было бы неплохо,— вполголоса буркнул карлик.

Краем глаза Козим заметил, что рука варвара шарит под кроватью в поисках сапога. Это подхлестнуло его к решительным действиям, сильнее варварских угроз. Карлик подскочил, как укушенный ядовитым пауком, и, выставив вперед руки с раскрытыми ладонями, и скороговоркой заговорил:

— Не делай этого, Конан! Ты должен меня выслушать! Клянусь, ты не пожалеешь об этом!

— Единственное, о чем я жалею, что не убил тебя сразу!

Нагой варвар лежал на скомканной постели едва прикрытый простынями.

На его могучей груди покоилась чернокудрая девичья головка, с задорно вздернутым носиком. Но сейчас этот носик морщился от неудовольствия, и жгучие зеленые глаза с ненавистью глядели на карлика.

— Прогони его скорей, милый! — капризно выкрикнула девица.

Киммериец, наконец, нащупал сапог. Козим уже искренне сожалел, что так опрометчиво пришел сюда, но отступать было поздно.

— Послушай, Конан, неужели ты не поможешь несчастной Ремине? — пустил в ход всю свою хитрость карлик. — Разве это достойно мужчины, бросить девушку на произвол судьбы? Отдать ее за пару золотых в руки этого ужасного человека?

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился киммериец, не выпуская сапога. — Да и кто ты вообще такой, чтобы иметь право судить меня?!

— О ком он говорит, дорогой? Кто такая Ремина? — ревнивым голоском пристала девица к варвару.

— Замолчи! — грубо оборвал ее Конан.

Девушка обиженно надула губки и попыталась оттолкнуть от себя киммерийца, но с тем же успехом она могла пытаться сдвинуть с места гранитную скалу.

Козим вздохнул с облегчением, несколько мгновений драгоценной жизни он выиграл. Но надо быть осторожным — одно неверное слово и...

— Кто я? — карлик поник головой, и продолжал с подкупающим слушателей раскаянием. — Я — лишь пыль под ногами. Так считают люди. От них ничего не скроешь. Оступиться всегда легче, чем потом исправить ошибку.

Конан со злостью отшвырнул сапог в сторону и задумался над словами Козима. Глубокая морщина залегла у него между бровей. Коротышка

примолк, упиваясь этой маленькой победой над яростью варвара.

— Ты, верно, забыл — я связан договором, — медленно цедя слова, будто каждое из них приносило нестерпимую боль, выдавил варвар.

— Поэтому я и здесь! — оживился коротышка. — Я могу избавить тебя от данного слова.

— Говори! — строго приказал киммериец, впервые, с начала разговора, с интересом взглянув на Козима. Даже хмель из его головы, казалось, выветрился.

— Не при ней, — не без злорадства кивнул карлик в сторону красотки. — Отошли ее прочь, и я открою тебе одну тайну.

Без лишних слов Конан выудил из-под кровати кошелек, взял руку девушки и высыпал на ее ладонь целую горсть золотых.

Козим едва не поперхнулся слюной.

— Купи себе новое платье и ленты, — мягко молвил варвар. — Ступай, оставь нас одних.

Девица, лишенная дара речи от такой щедрости киммерийца, и не пыталась протестовать. На это золото она могла безбедно жить в течение нескольких месяцев.

Подхватив с пола платье, она стрелой вылетела из спальни, боясь, как бы варвар не передумал и не отобрал золото обратно.

— Ну, теперь говори! — теряя терпение, потребовал Конан.

Козим, проводивший девицу сладострастным взглядом, мечтательно облизнулся и вернулся на землю.

— Напрасно ты так неразумно растрачиваешь деньги,— укоризненно сказал он.

— Не твоя забота,— огрызнулся варвар, понимаясь с постели в поисках недопитого кувшина вина.

— Сперва нам нужно обсудить условия сделки,— осторожно намекнул Козим.

Конан, наконец, нашел кувшин и шумно отправил его содержимое в глотку.

— Я должен знать, за что плачу,— оторвался он от кувшина.— Иначе как назначить цену?

— Пожалуй, это справедливо,— неохотно признал Козим.— Но только цену я сам назначу!

Конан демонстративно бросил на кровать все еще туго набитый кошелек. Козим не мог отвести от него взгляда, поэтому заговорил, не глядя на киммерийца.

— Ремине требуется твоя помощь. Она совсем одна, голубка, как позабытый в поле колосок,— карлик даже слезу пустил для убедительности.— Я понимаю, ты дал слово — поступил честно и благородно, но прислушайся к голосу сердца. Разве оно не требует справедливости?! Разве не честь для воина помогать беззащитным и слабым?!

— Короче! — резко оборвал его киммериец и глубоко задышал. Слова Козима разили точно в цель.

— Короче? Изволь,— согласился карлик.— Жрец обманул тебя! Он хохотал за твоей спиной, когда ты уезжал с поляны. Знаешь, каким был его первый приказ? Он поручил людям Шрама

убить тебя и забрать кошелек. И если бы не я, твой преданный друг, лежать бы тебе сейчас с распоротым брюхом.

— И ты думаешь, я поверю твоим наговорам? — скривился в презрительной усмешке варвар.

— На слово можешь не верить,— невозмутимо ответил Конан,— ну уж глазам своим, верно, не откажешь.

— И что же ты собирался мне показать? — в Конане проснулось любопытство.

— Соблаговоли пойти со мной и сам все увидишь.

— Ладно, веди. Но если ты вздумал шутки шутить, Кром свидетель, ты станешь короче еще ровно на голову.

Конан быстро оделся и перебросил за спину меч. Козим побежал вперед, услужливо освещая киммерийцу дорогу. Они вышли на двор, где уже занималась заря, и коротышка потянул варвара к курятнику. Не доходя сарая, Конан остановился.

— Неужели куры Понтикуса несут золотые яйца?

— При чем здесь куры? — не понял шутки Козим.— Взгляни-ка лучше сюда.

Конан нехотя повиновался.

— О, Кром! — невольно вырвалось у него.— Что за колдовство?!

Прямо за земляным порогом курятника рядом лежали трое громил из шайки Шрама. Лежали абсолютно неподвижно, и лишь глаза их беснено сверкали злобой. Зато карманы были вы-

вернуты наизнанку и кем-то тщательно обысканы.

— Что-то мне это смутно напоминает,— усмехнулся Конан.— Твоя работа?

— Моя,— с гордостью подтвердил Козим.— Вот эти три ублюдка намеревались убить тебя.

— Как же ты справился сразу с тремя? — развеселился Конан.

— Ну, у каждого свои секреты,— поскромничал Козим.— Пусть это останется моей тайной.

Киммериец быстро нагнулся к крайнему из бандитов и легко приподнял его за воротник.

— Жить хочешь? Если хочешь, моргни,— бросил Конан ему в лицо и тут же получил утвердительный ответ.— Вас послали меня убить?

На этот раз разбойник замешкался с ответом, и варвару пришлось хорошенько его встряхнуть. И тут бандит так часто заморгал, что киммериец побоялся, как бы глаза его не выскочили из орбит. Конан выпустил бедолагу и встал, отряхивая руки.

— Что ж, ты меня убедил,— сказал он и полез за кошельком.

— Постой-ка! — остановил его карлик.— Это только первая часть нашей сделки. Как ты собираешься попасть в замок.

Конан равнодушно пожал плечами.

— Я готов продать тебе тайну подземного хода, через который бежала Ремина,— заговорщически предложил Козим.— Никто не ждет тебя оттуда, ты появишься внезапно. А внезапность — залог победы. Кому, как не тебе, это знать.

— Пожалуй, я куплю твой товар,— подумав, согласился Конан.

Захлебываясь, счастливый Козим в деталях поведал варвару свой секрет, за разглашение которого Яхм-Коах поклялся вырвать язык всякому.

— За сколько времени я туда доберусь? — спросил карлика киммериец.

— Поспешешь, доскачешь к полудню. Ну, а теперь пришла пора расплатиться. Две тысячи золотых, думаю, цена справедливая.

Конан не стал утруждать себя пересчитыванием монет.

Сдернув шапку с одного из злодеев, он высыпал в нее половину содержимого кошелька, не беспокоясь, что там могло оказаться и гораздо больше. Слушая ласкающий звон золотых, Козим с трудом мог дышать.

— Куда ты теперь? — спросил его киммериец.

— Как куда? — удивился карлик.— В замок, конечно. Разве я могу пропустить твоё выступление.

— Что ж, там и встретимся. А что делать с этими? — Конан небрежно кивнул на обездвиненную троицу, глазами полными страданий и мольбы, следивших за их разговором.

— За них не беспокойся,— зловеще хихикнул Козим.— Я позабочусь и прослежу, чтоб им было удобно.

Варвар с сомнением посмотрел на карлика, дружески хлопнул его по плечу, чуть не сломав ключицу, и быстро вышел из сарая.

* * *

Козим вернулся в замок до полудня. Спустившись с гор в долину, и достигнув торной дороги, он дал свободу утомленному мулу и безмятежно задремал прямо в седле. Несмотря на бессонную ночь, ему снились дивные сны.

Карман его приятно оттягивало золото киммерийца, и настроение у карлика было прекрасным. Впереди его ожидало еще одно рискованное предприятие, но если уж он сумел справиться с варваром, то все иные дела просто меркли перед этим.

Во сне он видел себя принцем крови, или нет, даже самым королем. Купался в роскоши и богатстве великолепного мраморного дворца, воздвигнутого на высокой скале. Прогуливался по аллеям чудесного сада, среди цветущих олив и гранатов, где без страха перед людьми рыскали дикие звери, находясь в окружении томных красавиц, готовых на все за его благосклонность. А зеленоглазая проститутка из таверны Понтикуса натирала его тело ароматными маслами. Смущало карлика только одно, воины, которых водил он в походы, все как один они были похожи на проклятого киммерийца, громившего врагов не мечами и копьями, а грязными сапогами.

— Эй, Козим, ты где пропадал? Все с ног сбились, разыскивая тебя! Жрец вне себя от гнева!

Карлик чуть не скатился с седла от неожиданности, испуганно захлопав глазами по сторонам. Мул, остановленный стражниками, покорно замер в воротах замка. Козим приветливо улыба-

нулся стражникам, но разбойники были настроены не столь дружелюбно.

— Что, неужели герцог уже приехал?! — завоуновался коротышка.

— Нет еще, но ждем каждый миг. Тебе что, гонец на дороге не встретился.

— Нет. Я так устал, выполняя приказ Яхм-Коаха, что прилег отдохнуть на обочине, и проспал все на свете.

— А по твоему мулу не скажешь. У него такой вид, будто его волки гнали целые сутки, — заметил один из громил.

— Какое мне дело, как выглядит эта дохлая кляча! — возмутился Козим. — Выполнить приказ господина — вот первый долг для меня.

— Ладно, проезжай. Верно сам жрец чего-то напутал.

Козим ударил мула пятками и, наклонившись к самому его уху, ласково прошептал:

— Не обижайся, Удача, поверь, так было надо. Клянусь, ты получишь столько овса, сколько влезет в твою утробу.

По чисто выметенному двору бегали разбойники с выпученными глазами, рабы переносили мебель, беспрестанно хлопали двери кладовых и погребов. Стальная Глотка — бывший наемник, невесть как попавший в банду к «волкам», муштровал по-праздничному вырядившихся бандитов для встречи почетным караулом его светлости герцога Ренальда. От этой суеты и шума у Козима разболелся зуб, и карлик поспешил убраться со двора, не забыв выполнить обещание, данное

им Удаче. Спросив у пробежавшего мимо слуги, где находится Шрам, и не получив вразумительного ответа, коротышка направился сам его разыскивать.

Он нашел вожака в винном погребе, скучающего в одиночестве. Видно, Шрам пребывал не в лучшем состоянии духа, поэтому не выказал ни капли радушия при появлении Козима.

— Ты что же, шпионишь за мной? — спросил Шрам вместо приветствия уже изрядно нетрезвым голосом.

— Для этого могли и кого попроще послать, — не скрывая презрения, ответил Козим. — Я пришел за своей долей.

— Долей? — переспросил главарь «волков» и хрипло захохотал. — Ступай за ней прямо к Сету!

— Ты не дослушал, — ледяным тоном продолжал коротышка. — А ведь когда-то мы были друзьями...

— Убирайся! — истерично завопил Шрам. — У меня от твоей трескотни голова болит!

— Не от нее, а от вина! — Козим сам поражен собственной смелости. — Напряги свои мозги, если они еще остались в твоей голове. Ты отправил людей отомстить киммерийцу, нарушил приказ Яхм-Коаха. Как думаешь, какую казнь он выберет тебе в наказание? Ему нравится заживо жарить людей. Но я готов молчать, если мы договоримся.

Слова Козима, словно пощечина, привели Шрама в чувство. Он мелко задышал, глаза налились кровью, и попытался встать на ноги. Из

этой затеи, кроме опрокидывания и битья посуды, ничего не вышло.

— Ты угрожаешь мне, Козим? — абсолютно трезво спросил он.

— Нет, Шрам, предлагаю сделку. Молчание — золото.

Разбойник угрюмо поник головой, полез за пазуху и швырнул в карлика увесистым кошельком.

— Мы проливали за них кровь, а тебе они достаются даром, — со зловещим прищуром он посмотрел в глаза коротышке. — Бери и подавись, здесь триста золотых! Но с этой минуты берегись, недомерок! Клянусь, я найду способ обрезать тебе уши, и даже твой маг тебя не спасет.

— Я буду помнить об этом, Шрам, — довольный исходом беседы ответил карлик и счел для себя не зазорным, поднять с заляпанного грязью пола заветный мешочек. — Счастливо оставаться! Недолго живет тот, кто точит зуб на Козима!

Он вышел на свежий воздух и вздохнул с облегчением. Пощупал золото в кармане, но почему-то всегда приятная его тяжесть сейчас не радовала Козима. Шрам шутить не любил, он вообще был человеком без чувства юмора, и наверняка попытается выполнить свое обещание.

А куда от него укроешься? Везде найдет, на то они и «волки». Коротышка наморщил нос, представив себе эту безрадостную перспективу, но тут вспомнил, что его ищет жрец. И решение пришло само собой — простое и очень верное, одним махом, избавляющее его от всех проблем.

Жизнь снова показалась ему прекрасной, и на душе стало легко и покойно. Весело насвистывая, Козим направился прямо к магу.

На стук открыл чернокожий Вакаши, смерил карлика пронзительным взглядом и молча посторонился. Жрец нервно ходил по комнате, опираясь на резной посох с замысловатым набалдашником в виде двуглавого зверя. Он облачился в свой торжественный наряд, но выглядел в нем как-то нелепо и чересчур помпезно. Просторные шелковые одеяния, расшитые золотом, висели на нем мешком, длинный шлейф цеплялся за каждый угол, и уже весь был в сальных пятнах, высокая тиара подпрыгивала на острой макушке мага, постоянно сползая ему на глаза.

— Где тебя носит, бездельник?! — брызгая слюной, набросился на него Яхм-Коах, едва заметив Козима.

— На службе моему повелителю, — не замедлил с ответом хитрец, кланяясь до земли. — Прости, господин, но я принес тебе важные вести.

— Что может быть сейчас важнее приезда герцога?! — грозно надвигался на него чародей, и карлик сжался в предвкушении побоев.

По счастью, шлейф тоги зацепился за край стола, намертво закрепив мага. Жрец то краснел, обливаясь потом, то начинал ужасно сквернословить, пока Козим и Вакаши не пришли ему на помощь.

— Ну что вы возитесь, безрукие болваны! — разорялся маг. — О, Митра, с кем мне приходится иметь дело! — закатывал он глаза к потолку.

— Один момент, мой господин, — суетился Козим, намеренно мешая Вакаши.

— Да скоро ли?! — кипел ярость жрец. — Вот вот прибудет герцог, а я торчу здесь как галера на приколе.

— Уже почти готово, повелитель! — услужливо тараторил карлик. — Но герцог может задержаться в пути, а вот разъяренного киммерийца, уж точно ничего не остановит.

— Чего ты там бормочешь, мошенник! — насторожился Яхм-Коах. — С Конаном у меня договор. Северянин никогда не нарушит слово!

— Оно бы верно так и было, великий, — наивно продолжал Козим, освободив, наконец, жреца из ловушки. — Но кое-кто из твоих слуг посмел нарушить приказ. Не рискну назвать имя ослушника, но он очень, очень влиятельный человек. Ему не стоит ничего раздавить такую букашку как я, а мне слишком дорога моя шкура.

— Шрам! Это он?! — маг схватил коротышку за плечи и впился взглядом в его побелевшее от страха лицо. — Что ты разнюхал, плут? Говори!

— О, нет, господин! — жалобно запричитал Козим. — Убей меня, я буду нем как рыба. Испепели огнем, преврати в паука, я с радостью приму любую от тебя кару! Но этот человек будет резать меня на куски, и хохотать, глядя, как жизнь с каждым вздохом станет покидать это слабое тело!

— Презренный раб! Ты просишь легкой смерти? — ледяным тоном заговорил Яхм-Коах. — Я подвешу тебя за ноги и велю Вакаши сделать на

твоим теле надрезы. Длинные и очень тонкие, чтобы кровь из них сочилась по капле, как это делают с предателями на его варварской родине. Ты будешь умирать долго, так долго, что смог бы научиться молить о пощаде на всех мыслимых языках.

Козим невольно стрельнул взглядом на Вакаши и тут же пожалел об этом. Белозубая улыбка на широком лице невольника, напоминала оскал самой смерти.

— Не надо, господин! Не позволяй ему делать этого! — искренне взмолился карлик, почувствовав, что пожалуй перегнул палку. — Я верен только тебе, и пусть Небо обрушится мне на голову, если лгу! Да — это Шрам, это он презрел твою волю!

— Вот как?! — Яхм-Коах устало облокотился о стол. — И что же сделал этот осел?

— Жажда мести и кровь братьев затуманила ему рассудок. Он послал трех людей убить варвара! — Козим резко замолчал и потупил взор.

— Ну, что дальше? Что было дальше?! — подскочил от нетерпения жрец.

— Мой господин, я так многим рискую, — сложил в мольбе руки коротышка. — Я весь дрожу от страха.

— Прекрати трястись и продолжай! — строго приказал маг. — Я обещаю, что ни один волос не упадет с твоей головы.

— Благодарю, благодарю, мой повелитель! — карлик мелко закланялся и продолжил: — Я всю ночь не сомкнул глаз. Тысячи раз моя жизнь ви-

седа на волоске, когда я карабкался по скалам, спускался по предательским осыпям и тайно крался за «волками», рискуя каждый миг быть замеченным и разорванным на куски...

— Какое это имеет отношение к делу? — недовольно скривился жрец, нетерпеливо постукивая костяшками пальцев по крышке стола.

— Я думал, что заслужил скромное вознаграждение... — нерешительно молвил Козим, застенчиво пряча лукавые глаза.

— Ах, вот ты о чем! Я мог бы и сам догадаться. Вакаши, подай мой ларец! Рассказывай же, что было дальше!

Хитрые глазки Козима масляно заблестели, карлик судорожно облизнул пересохшие губы, но продолжил рассказ не раньше, чем горсть драгоценных камней, каждый величиной с лесной орех, не оказалась у него в руках.

— Это же целое состояние! — задыхаясь, прошептал он, не в силах верить собственным глазам, но Яхм-Коах по губам прочел его слова и расплылся в снисходительной улыбке.

— Для того, кто собирается владеть сокровищами целого мира — это лишь капля в океане богатств. Итак?..

— Да, да! — заторопился Козим, не глядя на мага, а ведя задушевную беседу с переливающимися всеми красками самоцветами: — Я отправился вслед за «волками» и стал свидетелем их позора. Они рассчитывали найти Конана мертвецки пьяным и взять его голыми руками. Именно таким его и нашли на постоялом дворе

«У Понтикуса», что нисколько не помешало варвару свернуть шеи двум из них и вытряхнуть тайну подземного хода из третьего, прежде, чем разmozжить ему голову. Теперь в любой момент он может здесь появиться.

— Так, так, так! — жрец, нервно потирая подбородок, заходил по комнате, размышляя вслух: — Шрам мне ответит за это собственной шкурой! Но не сейчас, в замке много его людей. Сейчас важнее свадьба баронессы. А после я найду способ с ним посчитаться. Конан — большая проблема, но он не знает, какой его ждет сюрприз, — маг криво усмехнулся.

— И какой же, мой господин? — не сдержал любопытства Козим.

— Я послал «бешеных» на тот хутор. Конан сам угодит в засаду! — Жрец торжествовал.

Козим с уважением посмотрел на мага, но все же не преминул заметить:

— Осталось напомнить, повелитель, варвар с ними уже встречался. И храбрейшие из твоих воинов, не лучшим образом проявили себя.

Яхм-Коах резко остановился и сверху вниз посмотрел на согнутую спину коротышки.

— Ты прав! — согласился он и задумался. — Но посылать подкрепление уже поздно... Что ж, я устрою ему встречу в замке! — просиял он, приняв это решение. — Покиньте зал! А ты, Козим, ступай в подвал, и пуще глаза стереги барона. Я больше не могу никому доверять. Да, и пусть сюда придут с десятком людей, но войдут не раньше, чем я позову их!

Вакаши и карлик, низко кланяясь, выскользнули за дверь. Оставшись в одиночестве, Яхм-Коах подошел к заветной стене с тайной дверцей с видом хищника, подкрадывающегося к добыче.

Жрец уверенно повернул алебарду, и древний механизм немедленно отозвался металлическим скрежетом. Маг тут же вернул оружие в прежнее положение, и дверь застыла в распахнутом виде. Эту тайну он разгадал, потратив долгие ночные часы, и сейчас колдун позволил себе улыбнуться, довольный своим открытием. Яхм-Коах осторожно заглянул в темноту, шумно потянул носом спертый воздух подземелья, насыщенный плесенью и тленом и запахом земляных червей: грубая каменная кладка стен в ржавых подтеках воды, гнилые балки перекрытий и край металлической лестницы, теряющейся во мраке. Яхм-Коах удовлетворенно хмыкнул и шагнул за железную дверь.

Он закрыл глаза и резко вскинул голову вверх. Руки жреца покоились на двуглавом чудище, венчающем его посох. Губы шептали слова заклинания, но ни один из смертных не мог бы понять этих слов, ибо язык этот сгинул с великим народом, исчезнувшим в океане еще в незапамятные времена. Маленькая каморка за дверью наполнилась призрачным светом, подобно волнам разбегающимся от мага кругами. Вот свет коснулся стен, и камень плит словно ожил, превратившись в живую кипящую лаву. Блестящие бисеринки пота усыпали лицо жреца, а вокруг него шло неведомое превращение, будто не-

видимые мастера из самой преисподней перекладывали стены кирпичик к кирпичику.

Заклинание оборвалось внезапно и магические струи света, словно испугнутые кошкой мыши, попрятались в щели между каменных плит. Яхм-Коах открыл глаза, и устало огляделся по сторонам. Грудь жреца тяжело вздымалась, громоздкие душные одеяния пригибали его плечи к земле. Все вокруг выглядело вполне обыденно, будто и не было чудесных превращений. Но острый взгляд чародея, проникающий в суть предметов, с удовлетворением отметил, что капкан насторожен и поджидает свою добычу. Жрец отступил в зал и аккуратно вернул дверь на место.

Здесь он позволил себе расслабиться.

— Эй, вы там, за дверью! — громко крикнул маг. — Можете войти!

Разбойники, прячась друг за друга, повиновались и сгрудились плотной толпой в проходе.

Жрец холодно окинул взглядом их лица и безразлично поморщился. Настоящие головорезы, ни одного приличного человека, хоть и наряжены в черно-белые туники воинов барона. Никого из них жрец не знал. Сомнительно, что эта свора смогла бы остановить киммерийца.

— Кто из вас главный? — высокомерно спросил Яхм-Коах.

— Я, господин, — неуверенно выступил вперед один из громил, с обезображенным лицом какой-то болезни, отчего оно казалось изрытым канавками. — Я здесь, вроде, за главного. Ямой меня зовут.

— Тогда ты мне и ответишь головой, если кто, кроме меня, войдет в эту комнату и останется цел! Это ясно?!

— Да, по-веле-тель! — запинаясь, выкрикнул разбойник, невольно приседая.

Яхм-Коаху хотелось нагнать на эту кучку обрванцев еще большего страха, ему нравилось наблюдать за их заячьим трепетом, но в это время над замком одиноко захрипел сигнальный рог, предупреждая о скором приближении кортежа герцога.

— Не подведи меня, Яма, — зловеще бросил маг уже на ходу. — Я должен идти.

Жрец подхватил на руку длинный шлейф и опрометью бросился за дверь. Его сандалии громко топали в пустынном гулком коридоре.

Он уже собирался выскочить во двор, но тут вдруг вспомнил, что не сменил личину — по обычаю, жениха должен встречать родитель невесты. К счастью, рядом находился чуланчик для дров, и маг решительно повернул туда, а спустя миг, из кладовой вышел барон Сантос Орландо в расшитом жемчугом наряде и непокрытой головой, с развевающимися на ветру седыми локонами, поредевшими на макушке.

Ворота были гостеприимно распахнуты, тщательно выметенный двор резал глаза непривычной девственной чистотой. Даже молодцы Шрама, выстроившиеся для встречи знатного вельможи, казались аккуратными и подтянутыми. Маг остался доволен мимолетным осмотром и скорым шагом направляясь к посланнику герцога.

— Утро доброе, господин Кабраль! — еще издали приветствовал его Яхм-Коах.

— Оно действительно дивное, барон,— ответил юный рыцарь.— Будто день этот отмечен милостью самих богов. Взгляните, как прекрасен восход.

— О, да! Жалко я не родился поэтом...— поддерживал его жрец, все внимание которого было сосредоточено на воротах.

На мост ворвалось несколько свирепого вида всадников в полном боевом облачении, окруженных сворой громадных мохнатых псов. В гробовом молчании верховые разъехались по двору, придирчиво заглядывая в каждый угол, с подозрительным прищуром окинули оробевший и притихший караул. Собаки, между тем, расселись по периметру двора, и мало бы сыскалось храбрецов, рискнувших приблизиться к его светлости. Один из всадников направил коня к открывшему от удивления рот барону, неуклюже поклонился, не покидая седла.

— Все ли благополучно в замке, господин?

Вопрос был в большей степени адресован Кабралю, и маг едва сдержал гнев, но смолчал.

— Ты можешь ничего не опасаться, Гланже. Скажи и сообщи его светлости, что все готово к его встрече,— ответил рыцарь.

Воин удовлетворенно кивнул и подал знак остальным.

Сигнальщик протрубил трижды, и вскоре все услышали на дороге шум приближающегося отряда. По двое в ряд в ворота въехали десять во-

инов, за ними слуги и ловчие с соколами, три фургона с подарками для невесты, снова воины, и лишь за ними появился штандарт его светлости и сам герцог Ренальд в окружении блестящей группы придворных. Рядом с герцогом катила двухколесная повозка, запряженная парой низкорослых лошадок, управляемая человеком в сером плаще, облик которого не вызывал сомнений в его ремесле. Маг был целиком погружен в себя и не обращал внимания на карусель из пестрой мишуры окружающую герцога.

Яхм-Коах настороженно прищурился, оценивающе оглядывая придворного чародея, но тот был слишком занят своими мыслями, и пока не представлял никакой угрозы. Широкий замковый двор едва вместил весь свадебный кортеж. Жрец терпеливо ждал, обычаи не позволяли ему приблизиться к высокому гостю и первым его приветствовать. А солнце уже припекало, и разбойники в плотном строю сердито пыхтели и обливались едким потом, растеряв весь свой бравый вид. Герцог заметил их плачевное состояние и поспешил избавить от мук. Он легко соскочил с коня и, бросив поводья в руки набежавших со всех сторон слуг, пружинистым твердым шагом направился к барону. Ренальд был высок и крепок в кости, весьма привлекателен внешне; массивный волевой подбородок слегка выдавался вперед, свидетельствуя о решительном и крутом нраве своего обладателя.

— Барон Сантос, позвольте мне обнять вас! — громко приветствовал он хозяина замка и за-

ключил жреца, ткнувшегося носом в его плечо, в стальные объятия.

— Ваша светлость,— едва смог выдохнуть маг,— я так тронут.

— Привет, Кабраль! Я вижу, ты тут зря времени не терял?

— О, да, мой господин. Мы ожидали только вас.

— Хорошо, но о делах чуть позже,— отмахнулся герцог.— Давайте-ка, барон, отпустим этих молодцов, изнемогающих под тяжестью кольчуг.

— Им это только на пользу,— злорадно ответил жрец.— К сожалению, годы берут свое, и руки уже до всего не доходят. Но, если вы настаиваете...

Они прошли перед строем измученных жарой и тяжестью снаряжения разбойников, осипшими голосами и нестройным стуком железных перчаток о щиты приветствовавших герцога и барона, и приняли рапорт сотника. После чего караул промаршировал через двор и рассеялся по всему замку.

— А теперь, дорогой барон, когда мы выполнили свой долг, я хотел бы познакомиться со своей невестой,— дружески подмигнул магу герцог.

— Но, ваша светлость, это же против традиций! — неожиданно вмешался в их разговор Кабраль.— Проявите терпение, и уверяю, скоро вам будет завидовать вся Зингара. Не лучше ли пойти и немного перекусить с дороги. Таких тонких вин, как в погребе барона, вы не найдете во всей Хайбории.

Герцог метнул взгляд на рыцаря, дружески хлопнул его по плечу и громко рассмеялся:

— Что ж, не будем нарушать традиций. Веди-те нас, господин барон!

* * *

Солано-пасечник жил с семьей на Дальнем хуторе и считал себя самым счастливым человеком на всем белом свете. С юных лет Солано, продолжая дело отца, работал с пчелами от зари до зари. Про себя он их называл не пчелами, а маленькими волшебницами, о которых так много рассказывалось в старинных сказках. Своих «волшебниц» Солано понимал как никакой другой пасечник, поэтому и мед с его ульев никогда не искал покупателей, наоборот, покупатели искали случай приобрести его у владельца Дальнего хутора.

Жена Солано, Элисия, когда они поженились, слыла первой красавицей в этих местах — сам управляющий барона Орlando приезжал свататься к ней. Да и сейчас былая красота женщины отнюдь не увяла. Дочери пасечника, ее звали Мира, шел пятнадцатый год, и уже было заметно: красотой, да покладистым нравом девочка пошла в мать. Когда случались поездки на Овражный базар, на Миру все окрестные парни заглядывались. Солано любил сравнивать дочку с песенкой — такая же легкая, веселая, нежная.

Работа по душе, любимая и любящая жена, красавица дочь — Солано все это имел. А что еще человеку надо, чтобы чувствовать себя счас-

тливый? И стоит ли удивляться, что каждый новый день он встречал с улыбкой...

Каждый, кроме последнего. С самого утра Солано не находил себе места — его терзало дурное предчувствие. Предчувствие большой беды. В попытках отвлечься, он суетливо пытался себя чем-нибудь занять: принимался за покосившуюся дверь — надо поправить, не завершив, бросался перебирать нехитрые рабочие приспособления, собираясь в неурочное время идти на пасеку.

А когда появились бандиты, с намалеванными на лицах волчьими мордами, стало до боли очевидно — это оно!

Солано вспомнил ненастную ночь, когда из подземного хода появилась Ремина, вспомнил рассказ баронской дочери о захвативших замок разбойниках, ужасную правду о предательстве Яхм-Коаха. Проводы бежавшей из родного дома принцессы и ее спутника были недолгими. Элисия, относившаяся к Ремине как к своей дочери, быстро собрала в дорогу мешок со снедью. Мира, прощаясь с подругой, то и дело вытирала слезы.

У Солано тогда промелькнула мысль, что помощь эта им еще может аукнуться, но не такой был пасечник человек, чтобы из-за угрозы возможной кары предавать доверившихся ему друзей. И вот день расплаты настал.

Солано окинул бандитов долгим настороженным взглядом. Чужаки о чем-то между собой пошептались и подъехали к хозяину хутора. Тот, что был первым, на верхней губе у него смешно торпорчился светлый пушок, попросил напоить

коня. Солано тотчас принес полное ведро. Конь, опустил голову к ведру, и жадно стал пить. У пасечника проснулась надежда, что может быть беда минует его дом. И в этот момент, посмотреть на заезжих выглянула Мира — гости на хутор заглядывали редко. Солано, повинувшись неясному чувству, повернулся, намериваясь крикнуть, чтобы она возвращалась к своему вышиванию.

Но было поздно. Еще раньше пасечнику приходилось слышать, что человек в своей беспричинной жестокости гораздо страшнее дикого зверя. Однако то, что довелось испытать в этот день ему самому...

Должно быть, именно просыпающаяся, подобно созревающему бутону прекрасного цветка красота девочки, стерла у бандитов ту грань, отличающую человека от чудовища. Обнажив в ухмылке гнилые зубы, один из головорезов соскочил с лошади и кинулся к Мире. Солано, бросив ведро с остатками воды, отважно встал на пути разбойника. Солома, недолго думая, отпихнул пасечника в сторону и схватил девушку за волосы. Мира закричала. На крик дочери из дома выбежала мать. Бандиты, предвкушая потеху, осклалились и принялись грязными шутками подбадривать намерения своего приятеля.

Солома подмыв девушку под себя и стал, довольно урча, срывать с нее платье. Он так увлекся этим занятием, что не услышал предупреждающего окрика Птенчика, пытавшегося дать приятелю сигнал о грозящей опасности.

Солано не был воином и не считал себя храбрецом, но когда на твоих глазах происходит такое... В руках у пасечника оказалась здоровенная палка от метлы. Подскочив к негодяю, он от души прошелся по широкой спине насильника.

Громила взревел от боли. Миру он на время оставил в покое, и девушка, свернувшись в комочек на пороге дома, тихонько заплакала. В глазах разбойника заплясали злые огоньки. Спешились остальные «бешеные». Птенчик хрипло произнес:

— Тому, кто осмелился поднять руку на «волка», есть только одно наказание — смерть! И наказание это коснется всей семьи.

Солома, согласно кивая, пробурчал:

— Смерть должна быть долгой и мучительной!

В руках Чико появился кинжал, поигрывая которым он осторожно приблизился к пасечнику, в то время как его приятели с обнаженными мечами заходили ему со спины. Солано, догадавшись, что его пытаются обойти с разных сторон, вновь поднял палку, и с криком ярости бросился на ненавистного Солому. Разбойник отступил и, легко уклоняясь от удара, презрительно хмыкнул:

— Драться с этими мужланами совершенно неинтересно.

В этот момент в спину Солано вонзился кинжал Чико. Тяжело раненый, пасечник упал, однако нашел в себе силы встать на ноги и вновь пойти на разбойников. Тотчас он получил новый

удар — кинжалом в бок. На этот раз у истекающего кровью мужественного человека сил подняться уже не хватило.

Но бандиты не собирались так быстро бросать забаву. Умиравшего поднимали за руки и, обмениваясь смешками, поволокли к дому.

Не в состоянии и дальше терпеть этот ужас, жена «самого счастливого человека на свете» со слезами кинулась на помощь мужу.

Солома, больно щипнув женщину за грудь, швырнул ее на землю, а еще живого Солано, воспользовавшись помощью приятелей, стал прибивать к входной двери найденными в сарае деревянными гвоздями. Прибивал палкой, которой, совсем недавно пытался их остановить пасечник. Гвоздей не хватило. Решение проблемы нашел Чико. «Волк» достал из ножен метательный нож.

— Это тебе за тот удар по спине!

И разбойник со всей силы всадил клинок в плечо несчастного. Тем временем Солома, с радостью обнаружив, что больше опасаться некого, снова навалился на Миру. Девушка, на глазах у которой внезапно рухнул весь привычный для нее мир, даже не пыталась кричать и сопротивляться, лишь плотно закрыла глаза и тихонько поскуливала от боли.

Не встретив отпора, Солома впился зубами в гибкую девичью шейку.

Элисия, увидев, что негодяй вытворяет с ее дочкой, ринулась к сплетенному клубку тел. Ее пытался остановить Чико. Он ухватил несчастную женщину за развевающееся на бегу платье

и сильно дернул, желая свалить на землю. Не тут-то было. Желание матери спасти дочь оказалось настолько сильно, настолько отчаянным был ее порыв, что она вырвалась из рук разбойника. На беду не выдержала ткань платья, и женщина, запутавшись в обвивших ноги лохмотьях, упала и покатила по земле. При виде обнажившихся зрелых женских форм в глазах Чико вспыхнула похоть. Подскочив к голосившей от ужаса женщине, он несколько раз ударил ее по щекам. Элисия на мгновение замерла и, заглянув в лицо бандита, увидела, что ее ожидает. Она выхватила из-за пояса оседлавшего ее изувера кинжал и всем телом навалилась на острие.

Чико, с разочарованием смотрел на бившуюся в агонии женщину, потом грязно выругался и, брезгливо огибая натекающую лужу крови, направился к Соломе, заканчивающему свои упражнения с дочкой пасечника.

Птенчик, наконец, разделался с Солано, слишком, по мнению «волка», цеплявшимся за свою жизнь, резким ударом кинжала по горлу, и недовольно заворчал — он оказался в очереди третьим. Продолжая ворчать, «волк» направился в сарай, надеясь обнаружить там что-нибудь съестное и знаменитое пиво Солано, сваренное на меду.

Именно это его и спасло. Во всяком случае, на время.

Солома удовлетворенно кряхтя поднялся с притихшей девчонки и ошеломленно замер. Над его головой пронеслось нечто вроде шмеля, и

что-то теплое с металлическим привкусом забрызгало его с головы до ног. Солома в недоумении pokrutil головой.

За спиной его, шатаясь, стоял Чико, из пустой глазницы которого торчал черенок арбалетной стрелы. Солома зло выругался, в бессильной ярости ища глазами невидимого противника.

Следующее ругательство так и застыло у него на языке. Из кустарника, росшего неподалеку от дома, появился Конан. В руках северянин держал заряженный арбалет.

Солома сцепил зубы. Он был готов драться с дюжиной пасечников и укротить столько же их дочерей, но никак не встречаться здесь с киммерийцем. Откуда взялся на хуторе проклятый варвар?! Разбойник до боли в затылке напрягал мозги над этим вопросом, но от природы был туп и ленив, поэтому все решения среди «Бешеных» принимал Птенчик.

Сейчас он оказался совсем растерянным и беспомощно озирался по сторонам, надеясь на подсказку приятелей. Но Птенчик куда-то пропал, а Чико, старый добрый весельчак Чико, валялся в грязи с пробитым глазом.

Солома, все еще не веря глазам, перевел взор на бездыханное тело приятеля, потом обратно на Конана. Варвар, тем временем, уже успел преодолеть половину разделявшего их расстояния.

Медленно, с величайшим трудом разбойник все-таки сообразил, что стоять столбом на виду северянина, в руках у которого арбалет, а в глазнице приятеля не хватает глаза, может быть до-

вольно опасно. Солома метнулся к лежащей на земле Мире и рывком поставил девушку на ноги. Сама девчонка стоять не могла, и ему пришлось держать ее за волосы. Пожалуй, он несколько перестарался, когда развлекался с ней... Заслонившись телом, точно живым щитом, бандит почувствовал себя увереннее.

— Только выстрели, и ей конец! — с этими словами, Солома попятился к дому.

Упершись в дверь, он пошарил свободной рукой у себя за спиной. Вот она — ручка. Еще усилие, и дверь, с прибитым к ней мертвым Солано была, наконец, отворена. Конан успел подойти совсем близко и остановился на расстоянии десяти шагов.

Соломы верно угадал, что киммериец не станет в него стрелять, боясь попасть в девочку.

Кодекс чести варвара противился хладнокровному убийству беззащитных женщин, детей и стариков.

Но бандит не учел другого: для предстоящего торга — жизнь против жизни, требовалось соблюдение одного обязательного условия — Мира должна была быть жива.

Конан, будучи профессиональным воином, кое-что смыслил в этих делах, смыслил достаточно, чтобы обратить внимание на посиневшие губы несчастной и небольшие ранки на шее девушки, которые вдруг перестали кровоточить. По всей вероятности, сердце бедняжки не выдержало выпавших на ее долю испытаний, и она покинула этот жестокий мир.

Почувяв, что что-то идет не так, разбойник отступил к зияющей за его спиной черной дыре погреба. И тогда Конан плавно спустил рычажок.

Солома от ужаса широко распахнул глаза, и смотрел, как арбалетный болт устремился прямо к нему. Прекрасно понимая, что на таком расстоянии хрупкое тельце девчушки его не спасет, он, тем не менее, от страха не в силах был пошевелиться, и молча наблюдал за приближением своей смерти.

Тяжелая стрела пронзила тело бедной девочки и, не задерживаясь, вошла в плоть разбойника, соединяя в смертных объятиях жертву и ее палача...

Откуда-то из-под земли раздался довольный голос Птенчика:

— Вот оно где! Думал, что самый хитрый, ан нет!

Голос звучал приглушенно — бандит, обшарив весь сарай и, ничего не найдя, спустился в погреб, где сразу обнаружил искомое.

Когда Птенчик одолел половину лестницы, на него, сверху рухнули два тела. Едва устояв на ногах, он выронил из рук бочонок с пьянящим напитком. Взгляд его скользнул вниз, и он с удивлением обнаружил, что одно из тел принадлежит Соломе.

Тогда Птенчик спустился обратно. Его товарищ дал кому-то пригвоздить себя к девке, с которой перед тем забавлялся. На душе у разбойника стало тошно: свой меч он оставил у люка, и как назло, у Соломы оружия тоже не оказа-

лось. Птенчик тяжело вздохнул. Конечно, отправляться наверх невооруженным было опасно, но не оставаться же здесь навечно. Осторожно, ступенька за ступенькой, он стал потихоньку подниматься наверх. Вот, наконец, и люк. Птенчик воровато выглянул из-за крышки. И тут, как ему показалось, где-то внутри него запели медные трубы. Еще бы — прямо перед ним лежал топорик Соломы. Бандит потянулся к оружию, когда над его головой раздался чей-то знакомый голос:

— Лучше не делай этого!

Одновременно шея Птенчика ощутила ледяное прикосновение стали. Рука торопливо отдернулась от топора, так, словно об оружие можно было обжечься.

Сверху снова зазвучал голос:

— Теперь медленно возьми топор и брось его в погреб.

Птенчик беспрекословно повиновался. Клинок сразу же убрали, но в шее осталось неприятное покалывание. Голос милостиво разрешил:

— Можешь вылезти и обернуться.

Когда разбойник подчинился и этому приказу, удивлению его не было предела: зажав в одной руке заряженный арбалет, в другой меч, на него, с печальной улыбкой, смотрел проклятый киммериец.

Первой мыслью «волка» было броситься на ухмыляющегося варвара и задушить его голыми руками. Но голос разума победил, и пока Птенчик решил с этим повременить, пока не разуз-

нает, что нужно здесь северянин. Он с вызовом посмотрел на Конана.

— Ну и что ты намерен делать?

— Это зависит от того, насколько ты хочешь жить.

Птенчик кивнул. Он лихорадочно искал возможность выкрутиться из незавидного положения, в которое по собственной глупости угодил. Вот к чему приводит сытая жизнь в неприступном замке.

Проглотив досаду, разбойник криво улыбнулся и покосился на свой меч.

— Все твои люди мертвы, и если ты хоть пальцем пошевелишь, я, не задумываясь, помогу тебе встретиться с ними,— проследив за взглядом разбойника, сказал Конан.— Неужели тебе надоело жить?

— Естественно, я хочу жить. Но какой ценой?

— Во мне сейчас борются два желания. Первое — за устроенную здесь резню,— Конан кивнул на дверь, с прибитым к ней мертвым Солано,— меня так и подмывает немедленно отпраздновать тебя следом за твоими друзьями.

— Не могу сказать, чтобы оно пришлось мне по вкусу. А второе?

Конан прикусил губу. Он не знал, сможет ли потом простить себе то, что собирался сейчас сделать, однако другого выхода у него просто не было.

— Мне нужны сведения о замке.

— Ты просто назвал другой способ убийства. «Волки» не прощают предателей.

Арбалет угрожающе дрогнул в руке киммерийца.

— Это твой окончательный выбор?

— Постой, постой!

Птенчик задумался. Было заметно, как в нем идет внутренняя борьба. В конце концов, одно из решений победило, и он с надеждой обратился к северянину:

— У меня есть предложение, которое, возможно, устроит и меня и тебя.

— Говори.

— Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать. А взамен я требую смертельного поединка.

Птенчик на мгновение замолчал, ожидая отказа, но варвар промолчал. Тогда «волк» неуверенно продолжил:

— Там, около двери, я оставил свой меч. И после того, как мы закончим здесь говорить, я хочу с его помощью получить шанс отомстить за своих друзей.

Согласие киммерийца означало бы для варвара верную смерть. Не родилось еще человека, который смог бы победить Птенчика в поединке на мечах. Кривой туранский клинок становился во время схватки продолжением его руки, и разбойник никогда с ним не расставался.

Последний случай был исключением из этого правила, и «волк» до сих пор не мог простить себе эту ошибку...

Время, потраченное Конаном на обдумывание предложения, показалось Птенчику целой вечностью.

Наконец напряженную тишину нарушил голос киммерийца, от волнения звучавший с чуть заметной хрипотцой:

— Я согласен. Но если я почувствую, что ты мне лжешь, застрелю как бешеную собаку.

Стараясь сдержать бушевавшую радость, — тугоголовый варвар проглотил приманку! — Птенчик поспешил уверить сидевшего напротив него ничего не подозревающего северянина:

— Каждое мое слово будет правдиво до... бесконечности!

Зачем, спрашивается, ему врать, если собеседник все равно не получит для себя никакой выгоды от его рассказа?!

Беседовали они долго. Конан расспрашивал его обо всем, и разбойник с охотой отвечал, лишь удивляясь порою, зачем могут понадобиться человеку столь незначительные подробности, которые впору знать, разве что баронскому ключнику.

Но Птенчик был верен слову и терпеливо обрисовывал киммерийцу укрепления замка и башен, расположение подвалов и комнат, словно варвар собирался брать замок штурмом. На многие вопросы «волк» просто сам не знал ответа, в силу того, что не забивал себе голову подобными пустяками. Вот о чем северянин его не спросил, так это о численности гарнизона и несении караульной службы, будто считал эти вопросы второстепенными. Киммериец поддакивал, кивал головой и, кажется, остался доволен ответами. Затем он поднялся и направился к двери.

— Теперь настала моя очередь сдержать слово.

Птенчик, опасливо косясь на арбалет, бочком направился к выходу. Поймав взгляд разбойника, киммериец подчеркнуто медленно отложил самострел в сторону, отбросил кинжал, дабы, тем самым, уравнивать шансы.

Едва они вышли во двор, Птенчик одним прыжком оказался рядом с своим мечом. В следующий момент «волк» замер в бойцовой стойке, выставив руку с оружием чуть вперед. И снова в глазах варвара сверкнул тот самый неприятный огонек.

Птенчику стало не по себе. В прежних схватках его успеху способствовало блестящее владение оружием и железная выдержка. Но в этом поединке его противник в не меньшей мере обладал тем и другим. Этот варвар ощупывал его холодным настороженным взглядом и, казалось, что знает все действия соперника наперед. Настал черед четвертого выпада.

В итоге трех молниеносных атак, Птенчик не сумел нанести противнику даже царапины.

Клинки ни разу не столкнулись, нарушив праздным звоном стали могильной тишины обезлюдившего хутора. Меч разбойника разил пустоту, а ухмыляющийся варвар оказывался где-то рядом.

Даже когда Птенчик перехватил меч левой рукой и попытался достать киммерийца, северянин выскользнул из-под удара и тоже встал в левостороннюю стойку.

И вот тогда, пожалуй, впервые в жизни «матерому волку» по настоящему стало страшно, и захотелось бежать отсюда, по-собачьи поджав хвост. Но разбойник знал, что стоит ему повернуться спиной, и широкий клинок северянина настигнет его быстрее, чем он успеет сделать хотя бы шаг.

«Волк» приготовился к выпадку, как вдруг северянин, попав ногой в лужу крови, расплывшуюся вокруг жены пасечника, поскользнулся и потерял равновесие. Птенчик, не желая упускать самими Богами ниспосланный шанс, устремился на киммерийца.

Дальше, как ему показалось, время замедлило ход. Птенчик так и не понял, как это произошло... был головокружительный полет, затем падение и мимолетная темнота в глазах.

Когда ход времени, восстановился, разбойник лежал на земле и чувствовал приятно⁹⁹ тепло, разливающееся внизу живота и нарастающую тошноту, вызванную странным пьянящим дурманом. «Волк» попытался подняться, но почему-то не смог вытащить из-под себя руку с оружием. И тут он понял!

Его угораздило приземлиться на острие собственного меча!

Птенчик тоскливо взглянул на лежащий неподалеку, уже остывший труп женщины, и ему стало невыносимо холодно.

Конан одним движением оказался на ногах и теперь с неподдельным сочувствием смотрел на умирающего «волка». Блуждающий взгляд раз-

бойника натолкнулся на киммерийца. «Проклятый варвар!» На Птенчика снизошло просветление.

— Это ведь не было случайностью, правда? — спросил он и заскрежетал зубами: «Будь проклята эта жалостливая улыбка!»

Конан кивнул.

Птенчик перевалился на бок и нечеловеческим усилием вырвал из раны меч. Наверное, он снова потерял сознание, потому что, открыв глаза, увидел перед собой варвара, играющего кинжалом. Разбойник заставил себя сесть, стараясь держаться прямо и независимо, но боль в животе была такой нестерпимой, что согнула его до земли.

— Окажи мне последнюю услугу, северянин... закончим бой... твой удар последний, — прохрипел он, борясь с кровавой пеленой перед глазами.

Конан спрятал кинжал и холодным, бесстрастным взглядом посмотрел на разбойника.

— Ты мне помог, и я мог... — варвар запнулся, потом вдруг неожиданно спросил: — Ваш маг умеет целить раны? Пожалуй, я дам тебе еще один шанс...

— Что ты еще задумал, киммериец? — подозрительно прищурился Птенчик.

— Хочу подарить тебе жизнь, — ответил Конан, растягивая слова, будто размышляя вслух сам с собой. — Я слышал, где-то здесь есть подземный ход, ведущий прямо в замок. Твоя жизнь будет зависеть от быстроты твоих ног: успеешь

— может Яхм-Коах и спасет тебя, нет — сдохнешь как пес, истекающий кровью. Решай же, выбор за тобой.

— Хорошо, я согласен, — с трудом выдохнул Птенчик.

— Тогда вот это передай жрецу, и скажи ему, пусть ждет, я приду, — Конан швырнул, словно кость собаке, кошелек с остатками золота.

Разбойник свободной рукой поймал кошелек и поморщился от резкой боли.

«Неужели этот варвар настолько туп, что вот так, запросто, отпустит меня?! Еще и отдал свой кошелек, кретин! Это ли не лучшее лекарство от ран? Я дойду... дойду, ведь я теперь больше зверь, чем жалкий человек. О, Яхм-Коах, будь трижды благословенно имя твое, за то, что сделал меня таким! А ты глупый варвар, еще пожалеешь, что бросил вызов самому повелителю! Посмотрим, как будешь ты ухмыляться, когда тебя начнут рвать щипцами на куски!»

С каждой капелькой алой крови, сочащейся сквозь пальцы, силы покидали его, и Птенчик заторопился, преодолевая боль и подступающую тошноту. Он поднялся, застонал и едва не рухнул обратно. Голова предательски закружилась и если бы не стенка сарая, то вряд ли бы устоял на ногах. Первый шаг был подобен пытке, как будто он брел по колено в воде, и к ногам его привязали вериги, второй — дался еще с большим трудом, словно он босой ступал по горячим углям. Придерживаясь рукой за стенку, Птенчик скрипел зубами, но шел, невольно оглядываясь.

В глазах стояло кровавое марево. Киммериец молча следовал за ним. Мрачная ухмылка блуждала по его каменному лицу.

— Решил меня проводить? — пересохшими губами едва прошепестел «волк». — Благодарю... но я знаю дорогу.

— Ты меня успокоил, — беззлобно ответил киммериец, с улыбкой. — А я-то думал, чего это он поплелся вокруг сарая, ведь выход-то вроде бы рядом?

Ярость на миг развеяла пелену с глаз, и Птенчик с ужасом увидел, что от боли он потерял ориентацию и пошел кружить вокруг дома, хотя дверь была от него в двух шагах... Конан еще шире заулыбался, услышав скрежет зубов разбойника, с трудом повернувшего назад. Дважды он останавливался и отдыхал, бессильно привалясь спиной к сараю, но все же доковылял до погреба и в растерянности замер перед зияющей в полу дырой. Не стоило и мечтать, что он сможет спуститься по этим крутым ступеням.

— Кажется, волк поджал хвост? — раздались за его спиной насмешливые слова киммерийца, словно нож резанувшие по самолюбию разбойника. — Не много же нужно мужества насиловать женщин и пускать кровь беззащитным крестьянам.

Птенчик втянул голову в плечи и в бессилии закатил глаза.

Ах, если бы не было этой проклятой раны, он бы бросился сейчас на варвара и зубами разорвал его глотку, ногтями бы выцарапал эти нена-

вистные улыбающиеся глаза. Но сил совсем не осталось. В последнем порыве отчаяния разбойник кинул тело вперед и головой вниз полетел прямо в черную пропасть подвала...

...Птенчик не знал, сколько прошло времени, пока он лежал без сознания — мгновение, день, или даже год. Влажный земляной пол приятно охлаждал разгоряченное лихорадкой тело. Он приоткрыл глаза и прямо перед собой увидел огромную серую крысу.

Зверек сидел на расстоянии вытянутой руки и пристально смотрел ему в глаза. Первым чувством, вернувшимся к «волку», был лютый нечеловеческий голод и Птенчик, не задумываясь, выбросил вперед руку, намереваясь сцапать любопытного зверька. Крыса в страхе шарахнулась в сторону, и пальцы Птенчика схватили пустоту, процарапав ногтями глубокие борозды на податливом земляном полу.

И тут он понял, что перестал быть человеком — в нем проснулся оборотень, хотя он и не изменил свой облик. Вместе с звериной сущностью вернулись силы. Осталась лишь тупая ноющая боль внизу живота, но теперь он мог ее вытерпеть.

Птенчик поднялся на ноги, чувствуя лишь легкое головокружение, и посмотрел вверх.

Проклятый варвар все еще был здесь. Конан сидел на краю подвала и пристально наблюдал за ним. Глаза его больше не улыбались и были холодны как лед. «Волк» не стал больше тратить силы и время на пустые слова. Он повернулся

спиной к варвару и быстро, насколько позволяла ему рана, скрылся в темноте тоннеля.

Конан проводил его долгим взглядом, пока тот не исчез во мраке. Можно было уходить, но киммериец почему-то медлил и сам не понимал почему. Он принюхивался к подвальным запахам, прислушивался к звукам, даже потрогал пальцами краешек кирпичной кладки. С виду ничего необычного, и все же что-то смутно тревожило варвара. Он чувствовал присутствие зла. Оно таилось где-то там, в темноте, там, где мгновением назад скрылся оборотень. Конан был почти уверен, что здесь замешано колдовство, иначе откуда у разбойника взялись силы? Так стоит ли совать нос туда, где варится магический котел, когда есть привычные земные пути?! С простым ответом на этот вопрос Конан бодро поднялся на ноги и, громко хлопнув крышкой люка, покинул злополучный хутор.

Птенчик невольно вздрогнул и часто задышал, когда где-то за спиной раздался громкий хлопок, и гулкое эхо пустилось вскачь по длинному извилистому коридору. Он подождал немного, восстанавливая дыхание, и, шатаясь от стенки к стенке, двинулся дальше. От быстрой ходьбы рана открылась, но он не обращал на нее внимания, упорно шагая вперед, пиная спящих под ногами крыс, обломки кирпича и перекрытий. Путь под землей превратился в вечность. Кровь уже не струилась, а выплескивалась сквозь пальцы из раны болезненными толчками и тянулась за ним непрерывной дорожкой. Крысы

стаей трусили следом и с жадностью лакали с земли еще теплую человеческую кровь.

Тоннель полого пошел на подъем, и через сотню-другую шагов Птенчик оказался перед лестницей, ведущей к металлической двери. Чуть ли не зубами цепляясь за ступени, «волк» втянул на площадку окаменевшее, ставшее обузой тело. Он подполз к двери, и потянулся к ржавому кольцу, вмурованному в стену. Длины руки не хватало, и Птенчик в отчаянии заскулил, его охватила паника. Разбойник выдержал паузу, собираясь с силами, уперся лбом в стену и сделал героический рывок.

Пальцы сомкнулись на стальном кольце, вес обессиленного тела рванул его вниз, приводя в движение скрытый механизм.

Птенчик устало улыбнулся, и тут же от нестерпимого света глаза его закипели, превратившись в пар, тело расплескало по всей камерке, последний крик так и застыл на губах, будто на человека обрушилась сверху вся масса расплавленных Рабирийских гор.

* * *

В зал, где угощались Яхм-Коах и герцог в обществе Кабраля, гремя доспехами, ворвался один из баронских стражников с вытаращенными глазами. Взгляды пирующих вопросительно обернулись на шум. При виде столь именитых особ, стражник нерешительно застыл в дверях, открыв от удивления и испуга рот. Он явно был из недавних крестьян и далеко не самых смывленных,

и не знал, как себя вести. Поэтому в душе он проклинал Яму, за то, что тот послал его с этим заданием.

И все же он предпочитал находиться здесь, а не в ужасной комнате мага, где только что на его глазах человека, словно улитку, размазало по стене.

— Чего тебе, воин? — пришел ему на помощь жрец, почувствовав неладное.

— Воин? — с усмешкой переспросил герцог, поверх кубка лукаво устремив взгляд на барона.

— Из новобранцев, — нашелся с ответом Яхм-Коах, сжав губы, проглотив насмешку, и повторил вопрос, повысив голос: — Так что тебе нужно, солдат? Ты отнимаешь у нас время.

— Ваша милость, — наконец смог выдавить из себя стражник, — там без вашего присутствия никак не обойтись.

— Это где не обойтись без моего присутствия? — Яхм-Коах стал терять терпение.

— В ваших покоях, господин барон. Там вы велели нам охранять, — неуверенно промямлил солдат.

— В покоях? Вот как, интересно, — не преминул вставить едкое словечко Кабраль. — Поведайте нам, господин барон, кого вы так боитесь в собственном замке?

— Чуть позже, ваша светлость, я непременно вам все расскажу, — едва справляясь с собственным голосом, извинился жрец, порывисто поднимаясь из-за стола. — К несчастью я должен идти. Это очень срочное и важное дело.

— Что ж, вы здесь хозяин, и вы вольны поступать, как сочтете нужным, — благосклонно ответил герцог. — К тому же в кувшинах еще осталось вино, и нам с Кабралем не придется скучать.

Жрец неловко поклонился и стрелой выскочил за дверь, в шею вытолкнув перед собой нерадивого стражника. Он ураганом мчался по коридорам и лестницам, так что горе-воин едва за ним поспевал, задевая стальными латами за перила и стены.

Яхм-Коах словно разрушительный шторм ворвался в свой кабинет, даже не заметив, что опрокинул и разбил дорогую вазу кхитайской работы. Разбойники, толпившиеся у выбитой неведомой силой дверцы, ведущей в подземный ход, в ужасе расступились перед магом.

— Он все-таки пришел, да поразит Сет всех варваров на свете! — воскликнул жрец, потрясая кулаками. — Что стоите, бездельники?! Вы обыскали тело?

— Простите, мастер, — побелевшими от страха губами пролепетал Яма. — Но там нет никакого тела.

— Сам знаю! — досадливо отмахнулся маг, украдкой заглядывая в темный проход.

Он тут же пожалел о содеянном, ибо слабый желудок чародея не выдержал этого зрелища и выплеснул все содержимое прямо на стигийский ковер.

— Проверьте... Ведь что-то должно остаться: пряжки, пуговицы, оружие... — простонал Яхм-

Коах, задыхаясь от спазмов. Глаза мага увлажнились от слез.

Более привычные к подобным картинам разбойники без особого рвения кинулись выполнять приказ.

— Вот — это все, что мы нашли, — доложил Яма.

Успев выпить стакан воды, жрец почувствовал себя немного лучше, и с любопытством взглянул на находку. Лицо его посерело, и к горлу вновь подкатился комок.

— Это что, печень или желудок? — процедил он сквозь зубы, закипая от гнева.

— Нет, господин! — поспешно откликнулся Яма, на всякий случай отступая на шаг. — Похоже, это кошелек.

— Вот как, уже интереснее! — жрец с брезгливостью разглядывал забрызганный кровью кожаный мешочек, не решаясь к нему прикоснуться. — Мне кажется, я его узнаю. Ну-ка, развяжи шнурок!

Яма неловко потянул за тонкий шнур, и на ковер посыпались монеты, целый дождь золотых монет.

— Да, этот кошелек я сам отдал в руки киммерийца! — торжествующе воскликнул Яхм-Коах. — Что же, одной проблемой стало меньше. Упрямый самонадеянный варвар, а ведь ты мог спокойно прогулять эти деньги в какой-нибудь грязной таверне, захлебнуться вином или потратить их на проститутку. Но ты выбрал иное и получил по заслугам! — маг бесшумно рассмеял-

ся. — Уберите там все, а золото оставьте себе, — распорядился он уже с порога.

В приподнятом расположении духа жрец отправился на женскую половину, решив лично сообщить Ремине о гибели киммерийца. Это известие должно превратить ее сердце в мягкую глину и окончательно сломит строптивость девчонки, через которую он шагнет в бессмертие.

Жрец нашел девушку в маленьком алькове, у распахнутого окна с видом на речную долину.

Ремина с бледным, словно выточенным из мрамора лицом, неподвижно сидела перед окном, а девушки-рабыни расчесывали ее волосы: одна держала перед баронессой круглое серебряное зеркальце, другая перебирала пышные белокурые локоны черепашьям гребнем. Маг окинул Ремину критическим взглядом и остался доволен.

«Перед ее красотой даже этот «железный» герцог не устоит! — ликуя, подумал он. — Все-таки удивительные существа женщины, даже будучи в заточении, они стремятся произвести впечатление на мужчин».

— Оставьте нас, — холодно бросил жрец, и девушки, подхватив свои нехитрые инструменты, поспешно выскользнули за дверь. — Добрый день, госпожа.

Ремина не удостоила его ответом, напряженно глядя за далекую линию горизонта, где острые пики гор качали на своих вершинах белоснежные облака. Маг зашипел от злости, и встал перед баронессой, загораживая вид в окне. Толь-

ко тогда взгляд девушки медленно переместился на него и встретился с стальным блеском глаз жреца. Ремина мужественно выдержала их ледяной холод, и уязвленный маг первым отвел взгляд в сторону.

— Что тебе нужно, Яхм-Коах? Ты вновь пришел смеяться и глумиться надо мной? — устало спросила она.

— О, нет! — наигранно запротестовал жрец. — Но, к сожалению, у меня лишь печальные новости. — Видя, что девушка не собирается отвечать, он продолжал: — Не знаю, насколько крепко судьба связала вас с киммерийским варваром, но думаю, тебе будет горько услышать, что с ним случилось большое несчастье.

— Конан! Что с ним!? — Ремина вскинула ресницы и с мольбой посмотрела на упивающегося победой жреца.

— Как не прискорбно мне об этом сообщать, но киммерийца больше нет! — выдохнул Яхм-Коах, едва сдерживая проявление радости. — Он пал жертвой собственной недальновидности и упрямства. — И тут уже, не скупясь в красках и выражениях, маг вывалил на бедную девушку подробности ужасной смерти Конана. — Тебе лучше забыть о нем и смириться с своей судьбой. Герцог Ренальд уже прибыл в замок, сердце его разрывается от любви.

Известие о смерти Конана так глубоко потрясло Ремину, что девушка не слышала назидательных слов жреца. Глаза ее наполнились слезами, сердцу вдруг стало тесно в груди. Пока Ко-

нан был жив, он оставался единственным человеком, способным помочь ей в ее беде. Но теперь — все кончено.

Вместе с гибелью киммерийца исчезла и последняя надежда. Теперь она может рассчитывать только на собственные силы. Ремина медленно поднялась и встала перед магом с гордо поднятой головой и застывшим презрением во взоре.

— Будь ты навеки проклят, жрец! И твой герцог! Убей меня, можешь рвать по кускам, жги железом, но этой свадьбе никогда не бывать!

Яхм-Коах не сразу пришел в себя, так стремителен и яростен был напор девушки, но когда к нему вернулся дар речи, заговорил медленно, взвешивая каждое слово:

— Можешь не сомневаться, если потребуется, я без колебаний, сделаю это. Но сначала я хочу, чтобы ты увидела кое-что!

Он схватил ее за руку и грубо потащил за собой.

Ремина вырывалась и пыталась сопротивляться, но рука Яхм-Коаха, стальным кольцом сомкнувшаяся на запястье, и неумолимо тянула ее вниз по лестничным маршам, в подвалы замка.

— Куда ты меня тащишь, мерзкий слизняк! — упиралась Ремина, но маг лишь убыстрял свой шаг и крепла стальная хватка на руке баронессы.

Словно огромная старая жаба из сказки, похитившая принцессу, маг прыгал сразу через три ступеньки, увлекая за собой несчастную жертву. Все ниже и ниже опускались они в подвалы,

пока не оказались в длинном и мрачном коридоре, по стенам которого потоками стекала вода, где пахло плесенью и тленом.

Маг вырвал из стены едва тлеющий факел и, не сбавляя шага, двинулся в темноту. Под ногами захлюпала смрадная жижа. Крысы притихли, с удивлением и беспокойством глядя на эту странную парочку. Маг ногой распахнул железную решетку в стене и втолкнул Ремину под темный свод помещения.

Козим сидел верхом на столе и колот орехи щипцами для вырывания ногтей, когда в камеру влетела растрепанная, перепуганная Ремина, а следом вошел Яхм-Коах! Девушка остановилась у дверей, ожидая, пока глаза ее привыкнут к полумраку темницы.

Но прежде чем это случилось, надтреснутый, слабый голос окликнул ее из глубины помещения:

— Ремина, доченька! Как ты здесь... А это ты, злодей, привел ее сюда! — крикнул барон Сантос, заметив мага. — Клянусь, я выцарапаю тебе глаза, если хоть волос упадет с ее головы!

Худой, заросший до бровей барон, покрытый коркой засохшей крови и грязи, висел на громоздких цепях, прикованный к стене. Ремина видела, сколько усилий стоило ему поднять голову, и сердце девушки сжалось от боли и жалости. Слезы хлынули из ее глаз, и она бросилась на шею отцу.

— Дочка, зачем ты здесь? Что нужно от тебя этому негодяю? — барон слезящимися глазами с

любовью смотрел на дочь, покрывающую поцелуями его искалеченные железом руки.

— Ты что-то слишком храбр сегодня, — недовольно заворчал Яхм-Коах, выступая из темноты. — Эй, Козим, я же велел, чтобы наш узник не скучал. А у тебя даже угли в жаровне погасли.

— Мастер, я уж и жилы из него тянул, и ногти рвал... Орет как резанный кабан, слышать не могу его криков, слух у меня очень тонкий, — стал оправдываться коротышка, предпочитая держаться во мраке.

— Правда? Хотел бы я послушать. Ну-ка, дай мне вон тот прихват, — хохотнул Яхм-Коах.

Козим с посеревшим от ужаса лицом молча повиновался. Маг поклацал ржавыми железными зубьями пыточного инструмента и удовлетворенно хмыкнул.

— Что может быть надежнее старых добрых клещей. Не так ли, господин барон? — с злоеющей ухмылкой маг направился к окаменевшему лицу Сантосу. — Ремина, девочка, позволь просить тебя отодвинуться в сторону.

При виде ужасного вида щипцов в руках Яхм-Коаха девушка чуть не лишилась сознания, но все же пересилила страх и повисла на руке улыбающегося жреца.

— Нет! — отчаянно выкрикнула она. — Только не это! Прошу тебя, пощади его!

— Пощадить? — удивленно пожал плечами жрец. — С чего бы мне это делать? Вот если... — он выжидательно посмотрел на юную баронессу, не опуская своего жуткого инструмента.

— Хорошо, я согласна,— обречено сдалась Ремина.— Я на все согласна.

— К чему принуждает тебя этот монстр? — встревожено спросил барон, звеня цепями.— Не соглашайся, дочка! Пусть лучше он выпьет всю мою кровь, каплю за каплей, но не услышит от меня даже стога!

— Что ж, я готов это проверить,— хищно оскалился жрец.

— Нет! — взмолилась Ремина, становясь между бароном и магом.— Отец, я не вынесу этого! Прости меня... Уйдем отсюда, жрец,— обернулась она к Яхм-Коаху,— нам еще многое предстоит сделать.

— О, эти речи мне больше по вкусу! — оживился колдун.— Обещай вести себя умницей, и с твоим отцом ничего не случится.

— Слово чести! — кинула Ремина ему в лицо, уже не сдерживая рыданий.

— Вот и прекрасно! — воскликнул Яхм-Коах, с отвращением отбросив прочь ужасные щипцы.

Он подхватил Ремину под руку и повлек к выходу из темницы, что-то ласково нашептывая ей на ухо. Барон Сантос еще долго бился в цепях, и долго гремели в подземелье его проклятия и мольбы, но древние стены замка оставались глухи к его словам, однако, кое-кто к ним все-таки прислушивался.

* * *

Яхм-Коах в своем истинном облике степенной походкой вошел в пиршественный зал и нахму-

рился, застав герцога за беседой с придворным чародеем. Заметив появление жреца, разговор их резко прервался, и взоры присутствующих обратились на мага. Кабраль равнодушно скучающим взглядом рассматривал его пышные облачения, герцог глядел с любопытством, а вот глаза чародея Яхм-Коаху совсем не понравились. Было в них нечто пугающее, отчего веяло грозной силой, и жрец счел за благо не встречаться с ним взглядом.

— Мой господин,— он низко поклонился.

— Кто ты? — спросил его герцог.

— Это Яхм-Коах,— шепнул ему Кабраль,— служитель Митры в этом замке. Барон Сантос настаивал, чтобы именно этому человеку была оказана честь, провести свадебную церемонию.

— Должно быть, ты очень близко стоишь к богам, раз барон предпочитает тебя лучшим жрецам Кордавы? — Ренальд благосклонно склонил голову в знак приветствия.

Яхм-Коах позволил себе заглянуть в его чистые малахитовые глаза.

— Я лишь скромный служитель Митры, ваша светлость, но и ближайший друг барона, помогающий ему в делах вот уже на протяжении многих и многих лет. Я знаю все домашние обряды этого благородного рода. Можно сказать, что Ремина, дочь Сантоса, выросла на моих глазах, и было бы несправедливо, если кто-то другой совершил таинство церемонии.

— Разве обряд не будет проходить по установленным правилам? — железным голосом спросил

чародей, и жрец почувствовал, что сердце его заходится от бешеной скачки.

— Позволь представить тебе, почтеннейший Яхм-Коах, моего чародея Витера. Он учился магии в Офире и Шеме и хорошо знает свое ремесло,— запоздало представил своего придворного мага герцог.— Ответь же нам на его вопрос.

— Буду счастлив, развеять все ваши сомнения. Конечно, церемония пойдет по установленному закону,— жрец впился пальцами в посох, чтобы собеседники не заметили, как предательски дрожат его руки.— Но в замке существует древний обычай, согласно которому, жених и невеста должны без лишних глаз предстать пред алтарем, а я молитвою скреплю их союз.

— Мне это не нравится! — откровенно заявил Витер.— В этом замке везде дремлет сила, природы которой я пока не сумел разгадать. Поэтому тебе не стоит рисковать, господин мой.

Яхм-Коах почувствовал, как пол уходит у него из-под ног. Еще бы миг и он грохнулся в обморок, и лишь благодаря тому, что позади его была стена, ему удалось остаться на ногах. Герцог и Кабраль с замешательством и тревогой смотрели на Витера, пылающий взгляд которого, казалось, так и сыпал искрами.

«Этот чародей опасен. Очень опасен, да сожрет его Сет! — лихорадочно соображал Яхм-Коах.— Он спутает все кости, если его не остановить. Надо срочно что-то придумать!..»

— Воистину, велик твой талант и неизмерима мудрость, господин мой Витер,— елеиным голо-

сом запел жрец.— Этот замок так стар и столько тайн связано с ним, что само время оставило в нем свой магический след. А история владельцев замка еще любопытнее... Известно ли вам, господа, что многие в роду Сантос были выдающимися чародеями?

— Для меня это полная неожиданность! — простодушно воскликнул герцог.

Кабраль сидел нахмурившись, исподлобья глядя на улыбающегося жреца.

— Я что-то слышал об этом,— задумчиво бросил Витер, наморщив лоб.— Вы хотите сказать, что это всего лишь след прежних хозяев замка?

— Вот именно! — подхватил Яхм-Коах.— Давно простывший след и ничего более. Ваша светлость, прошу разрешить мне показать мастеру Витеру церемониальный зал. Если он сочтет это место опасным, тогда мы проведем ритуал в главной башне, и все останутся довольны.

— Думаю, это правильное решение,— одобрительно кивнул Витер, поднимаясь из-за стола.— Вы не против, мой господин?

— Еще бы мне быть против,— недовольно буркнул Ренальд.— Ты же знаешь, я ничего не смыслю в этих делах. Ступай, друг мой, мы с нетерпением будем ждать твоего решения.

Витер низко поклонился герцогу.

— Слушаюсь, повелитель. Веди меня, любезный жрец, мой господин не любит ждать,— строго обратился он к Яхм-Коаху.

Маг широким жестом руки пропустил его вперед и, подобострастно кланяясь герцогу, вы-

шел следом. В голове у него уже сложился злодейский план.

Два чародея быстро шли пустынными полутемными коридорами замка. Яхм-Коах с факелом в руке освещал дорогу, то угодливо забегая вперед, то, отставая на несколько шагов. Суэта жреца под ногами раздражала Витера, и он никак не мог ни на чем сосредоточиться. Впрочем, когда они доберутся до места, он сумеет взять себя в руки. Пару раз ему показалось, что кто-то движется за ними следом, прячась в темноте стенных ниш. Но, оглянувшись в очередной раз, он опять никого не заметил, и счел это за болезненные фантазии, навешенные зловещей атмосферой замка. Витер выругался про себя. «Глупец, тебе уже кругом мерещатся призраки! Возьми себя в руки... Несносный жрец, он скоро выведет меня из терпения!»

— Ну, вот мы и пришли,— Яхм-Коах остановился перед высокой бронзовой дверью с чеканным изображением каких-то мистических чудовищ, на покрытой патиной поверхности.— Возьмите факел, господин, там довольно темно, и осторожнее, умоляю вас, сразу за дверью крутые ступеньки.

Жрец побренчал ключами на поясе, выбрал один и трижды повернул его в незаметном механизме замка. Створки распахнулись сами собой. Витер шагнул вперед и замер на пороге, пристально всматриваясь в темноту помещения.

Прошло несколько мгновений, прежде чем он понял, что комната абсолютно пуста. Яркий свет

факела не доставал ни стен, ни потолка, ни даже пола.

— Где же ступеньки!? — Витер заморгал глазами в недоумении, и не сразу заметил, как чья-то тень метнулась к нему и сильные, жилистые, словно древесные корни руки сомкнулись на теле чародея. Грудь пронзила слепящая боль, послышался хруст ломаемых ребер, глаза чародея полезли из орбит. Витер хотел закричать, но эти руки, которые не могли принадлежать человеку, выжали из его легких весь воздух. Перед глазами придворного мага всплыло улыбающееся лицо жреца.

— Ты прав, мой друг,— с поддельным сочувствием сказал Яхм-Коах.— Наверное, я ошибся комнатой, а в этой действительно нет ступенек. Но извини, поправить ничего не возможно, даже если это колодец. Мне всегда хотелось узнать есть ли у него дно,— и жрец мерзко хихикнул.— Но я так никогда и не узнаю. Тебе же больше повезло. Надеюсь, падение будет долгим. Прощай, мой друг. Вакаши!..

Затухающим сознанием Витер почувствовал, как его ноги оторвались от пола, и дикий страх охватил чародея. Руки его были беспомощно прижаты к телу железной хваткой кушита, боль парализовала мозг, из памяти куда-то исчезли слова всех заклинаний. На миг он замер над пропастью. Сломанные ребра раздирали грудную клетку, а затем вдруг разом на него снизошло облегчение, и милосердные боги погасили остатки сознания...

— Восемнадцать, девятнадцать... Как думаешь, Вакаши, он уже приземлился? — Яхм-Коах осторожно заглянул за край колодца.

Чернокожий невольник сверкнул белозубой улыбкой.

— Разве он есть птица? Моя ломай ему кость, здесь, — кушит ударил себя в грудь кулаком. — Медуза падать — тоже неслышно.

— Что ж, измерим глубину в другой раз.

Яхм-Коах закрыл дверь и не спеша отряхнул руки.

— Теперь я обернусь этим самонадеянным выскочкой и заверю герцога, что более опасаться нечего. Чисто сработано!

— О да, только Амра хитрей господина, — сверкающая улыбка не покидала широкой физиономии Вакаши.

— Сколько раз говорил, не смей сравнивать меня с твоими варварскими богами! Теперь ступай, следи за Реминой и ни на шаг не отходи от ее дверей!

Глава седьмая

Меплый, бархатный вечер опустился в долину, но если внизу уже сгустился мрак, окутав виноградники на склонах и лес в пойме реки, то пики гор еще сверкали в кроваво-золотых лучах заката, словно остро заточенные наконечники копий.

В дубравах стихли трели птиц, лес уснул, лишь невидимые цикады перекликались в траве стрекочущими голосами, да нескончаемый речной поток звенел и клокотал на перекатах. Раскалившийся за день воздух, благоухал ароматом цветов и медоносных трав, словно божественный нектар. Но камень и земля так быстро теряли свое тепло, что времени насладиться этим волшебным переходом от дня к ночи почти не оставалось. Студеное дыхание ледников неумолимо спускалось в долину, и вот уже в траве заблестела роса, а над рекою поднялись белесые космы тумана. Серебряный лик луны выглянул из-за невесомых разорванных облаков, и всю доли-

ну залило призрачным серебристым сиянием. Это была ночь полнолуния.

Конан передернул плечами от холода. Днем он обошел кругом замок, а остаток времени просидел в кустах, наблюдая за стенами и воротами цитадели. Мышцы затекли от долгой неподвижности, но теперь он знал все: когда меняют караулы, где стены ниже и доступней, с какой башни просматривается та или иная часть местности, он исследовал каждый овражек и каждую ложбинку на склоне и теперь мог незамеченным пробраться к самым замковым стенам. Будучи опытным воином и повидав множество укреплений и крепостей, Конан отдавал должное древним строителям этой крепости, искусно выбравшим для нее место — провести армию под стены скрытно от наблюдателей в башне, было практически невозможно. Но за спиной киммерийца и не было никакой армии, а одному человеку легко затеряться в неровностях и складках склона.

Оставался еще ров. Сейчас, в разгар лета вода в нем спала, и, угодив в него, человек попадал в ловушку, не доставая края рва с поверхности воды. Но и это препятствие преодолимо, особенно для того, кто родился и вырос в горах. Днем над зубцами главной башни взвился зеленый с золотом флаг, рядом с черно-белым полотнищем барона Орландо, из чего киммериец заключил, что герцог Ренальд прибыл в замок. Конан решил дожидаться темноты, а уж тогда и проникнуть за стены, и терпеливо ждал весь день, скры-

тый листвой густого кустарника, не обращая внимания на полчища кровожадных moskitov, кружащих вокруг.

Черная громада замка высилась на залитом лунным сиянием склоне. Флаги на башне едва поласкались под легким дуновением ветерка.

Изредка между зубцами стен мелькали факельные огни, и слышалась переключка стражников. В неверном лунном свете стены казались еще неприступнее, а башни застывшими в дозоре великанами. Конан с надеждой взглянул на небо, может одна из туч наплзет на насмешливый диск луны, но ничего кроме разочарования не испытал. Небо было чистое и бездонное, усыпанное самоцветами звезд. Только на севере небосклона виднелась полоска серых облаков, цепляющихся брюхом за горные кручи.

«К полуночи они будут здесь», — прикинул Конан и решил еще подождать немного.

И в этот миг над сонным замком прогремел гул набата, переполошивший лесных обитателей. Мощный голос медного гонга, словно гром небесный, ворвался в безмятежную долину, и горы вторили ему протяжным долгим эхом. Набат мог означать лишь одно — церемония в замке вот-вот начнется. Это подхлестнуло Конана к действию. Киммериец негромко выругался и бесшумно выскользнул из своего убежища.

* * *

— Пора, госпожа моя, — обратилась к Ремине одна из девушек, помогавших баронессе обла-

читься в свадебный наряд. — Ваш жених ждет вас в замковом храме.

— Ой, Ремина, ты должно быть такая счастливая! Я так тебе завидую! Говорят, что герцог — красавчик, — радовалась за подругу госпожа Филиппа, сверстница юной баронессы, товарищ детских игр и забав, отец которой верой и правдой служил барону Орландо и пал в одном из пиктских походов.

Ремина, отрешенная от всего земного, погруженная в горькие мысли, думала о своей несчастной судьбе и гибели киммерийца. Ничто теперь не связывало ее с этим миром, который она прежде так любила. Даже страдания отца, готового принять мученическую смерть, но не склониться пред жрецом, казались ей абсолютно напрасными.

Гибель варвара, к которому она прониклась доверием и испытывала странное неосознанное влечение, окончательно сломало ее. Киммериец казался ей героем из древних легенд, будораживших воображение девушки, побеждающим зло и помогающим сирым и слабым. В своем пылком воображении она создала этот романтический образ и сама не заметила, как влюбилась в него. Это была наивная юношеская влюбленность, чистая и прекрасная. Поэтому, когда Филиппа произнесла эти невинные с виду слова, сердце баронессы взорвалось от боли, а боль выплеснулась в неосознанный гнев.

— Как ты смеешь так говорить! — выкрикнула Ремина, вырываясь из рук рабынь. Рука баро-

нессы взлетела вверх, готовая отвесить пощечину этой глупой простушке.

Филиппа вся сжалась, с удивлением и страхом глядя на свою подругу. Рабыни застыли в оцепенении.

— Простите, госпожа! Умоляю, простите! Я не должна была так говорить о вашем женихе! — скороговоркой оправдывалась Филиппа, стараясь не смотреть в пылающие гневом глаза баронессы.

«О, Митра, что я делаю!? — вдруг поняла Ремина. — Чем виновата бедная Филиппа? Ведь она ничего не знает ни обо мне, ни о Конане, ни о замыслах Яхм-Коаха. Милое, доброе существо, пребывающее в неведении. Не я, она счастливее меня во сто крат!»

Рука баронессы безвольно упала.

— Прости меня, дорогая Филиппа! — в порыве раскаяния воскликнула девушка и, чтобы хоть как-то сгладить свою вину, с нежностью поцеловала подругу, которая совсем растерялась от быстрой смены настроений, происходящей с баронессой.

— Наверное, всему виной волнение, — попыталась найти объяснение этим переменам Филиппа.

Обе девушки готовы были расплакаться в объятиях друг друга.

— Вас ждут, госпожа, — напомнила им рабыня.

— Да-да, — как эхо откликнулась Ремина, — идемте, я готова.

Служанки набросили ей на голову полупрозрачную, тонкую ткань, полы которой ниспадали до пят девушки и до времени скрывали лицо, и, взяв под руки, повели в храм.

Если бы Ремину спросили, какие чувства владели ее сметенной душой во время этого скорбного марша, что видели ее глаза, о чем она думала: девушка бы не нашлась, что ответить.

Еще не доходя до святилища, процессия с невестой услышала звуки торжественной музыки и хор нестройных голосов, прославляющих Митру. Когда Ремина и сопровождающие ее женщины ступили под низкие своды храма, уже оглушенные какофонией гремящих инструментов и пением охрипших голосов, юная баронесса чуть не лишилась чувств от смрадного запаха горелой плоти жертвенных животных. В маленький не проветривающийся зал набилось множество народа, но девушка смотрела на собравшихся здесь людей и не узнавала знакомых лиц. На трех гигантских жертвенниках полыхали костры, сложенные из цельных древесных стволов. Жара и духота в храме могли легко свалить с ног здорового мужчину, не говоря уже о юной девушке, нервы которой и так находились на грани срыва.

Невидящий взгляд Ремины блуждал по стенам залы, смотрел сквозь людей и ничего не замечал, пока не натолкнулся на человека, неподвижно стоящего в центре помещения. Это был мужчина: высокий, стройный с пышной гривой иссиня-черных волос, ниспадающих на широкие

плечи. Взгляд девушки застыл на этой мужественной фигуре. На миг ей показалось, что она ее узнает...

— Конан! — невольно вырвалось из ее уст и она порывисто шагнула в сторону своего кумира.

Несмотря на гром барабанов и визг флейт, мужчина услышал этот взволнованный вскрик и обернулся. Юная баронесса застыла, словно натолкнулась на невидимую преграду.

На нее с изумлением и любопытством смотрели жгучие зеленые глаза, — и это не были глаза северянина.

В это время из-за жертвенников появилась другая фигура, облаченная в пышные золотые одежды.

— Подойди к своему избраннику, дочь моя! — торжественно провозгласил жрец.

Ремина не сдвинулась с места. Она не видела и не слышала ничего. По залу пополз зловещий шепоток. Тогда герцог сам приблизился к ней и осторожно взял за руку. От этого прикосновения девушка вздрогнула, но покорно позволила проводить себя на центр зала. Яхм-Коах, пристально следивший за ними, удовлетворенно кивнул и низким голосом обратился к Митре, открывая церемонию.

Все остальное Ремина видела точно во сне. Как жрец принес новые жертвы и бросил их в пылающий огонь: белую косулю, чтоб душа ее мчалась во все уголки земли и всем поведала о торжестве, серебристую рыбу, дабы не обиделись

духи воды, и, наконец, белую цаплю, чтобы птица, поднявшись в небо, оповестила богов и других небожителей...

Следуя за жрецом, молодая пара несколько раз обошла вокруг храм, раздавая гостям золотые монетки, символизирующие Солнце...

Девушка очнулась только тогда, когда под сводами прозвучали торжественные слова Яхм-Коаха:

— Теперь, муж, ты можешь снять с этой девушки покрывало невинности. Отныне ее молодость, красота и тело принадлежат тебе. А ты, жена, взгляни на господина своего. Отныне он будет заботиться о тебе и защищать. Да осветит солнечный Митра ваш союз!

Ренальд, едва справляясь с волнением, нерешительно потянул за край покрывала. И вот ткань упала к ногам баронессы, и девушка робко оторвала от пола застенчивый взор. Герцог не удержался от восхищенного вздоха, словно к нему наяву явилась сама богиня любви.

В этот момент хор затянул новый гимн. Присутствующие загомонили и стали осыпать молодую пару лепестками цветов. Но теперь уже ничего на свете не замечал герцог Ренальд, не в силах отвести горящих любовью глаз от юной баронессы Орландо. И девушка, для которой все это торжественное представление было в новинку, не сдержала любопытства и впервые открыто посмотрела на своего избранника, теперь уже супруга. Ей понравился его гордый профиль, волевой подбородок и благородство. Красоте ее

льстили эти малахитовые глаза, которые смотрели на нее с обожанием.

Яхм-Коах выдержал долгую паузу, чтобы молодые смогли вдоволь наглядеться друг на друга, если такое вообще возможно для влюбленных, и бесцеремонно прервал их идиллию.

— Давайте же, пройдем в родовое святилище, дети мои. Покончим с ритуальной частью. А после в вашем распоряжении будет вся жизнь, полная наслаждений, нежности и любви.

Ремина, чуть не плача, вернулась в реальный мир и затравленно огляделась по сторонам. Только сейчас она заметила, что большую часть приглашенных составляли разбойники, наверняка скрывавшие оружие в складках одежды.

«Чудес не бывает», — с горечью подумала она.

А герцог уже вел ее сквозь расступающуюся толпу.

* * *

Словно юркая ящерица, варвар перебирался от укрытия к укрытию, оставаясь невидимым для врагов. Дикий зверь мог позавидовать его ловкости и сноровке. Он быстро добрался до рва и притаился в развалах камней. По краю стены прошел стражник. Даже отсюда, Конан заметил, что воин мертвецки пьян. Одним прыжком киммериец оказался у зияющей в скале широкой трещины и перекинул тело через край. Он повис на руках и медленно стал погружаться в холодную черную воду. Когда вода поднялась ему выше пояса, Конан разжал пальцы, и без

всплеска с головой ушел в застоявшуюся грязную жижу. Вынырнув на поверхность, он сперва огляделся, а потом бесшумно, расталкивая мусор перед собой, поплыл к противоположному берегу. Достигнув середины канала, Конан услышал громкий всплеск позади себя, будто кто-то большой и грузный поднялся со дна. И без того холодная вода вдруг показалась киммерийцу ледяной. Мокрые волосы зашевелились у него на затылке.

Он резко обернулся и встретился взглядом с горящими зелеными глазами величиной с кулак взрослого человека, неподвижно наблюдающие за ним с поверхности воды.

Мышцы варвара напряглись, и руки сами потянулись к кинжалу на поясе. Зверь, кем бы он ни был, бесстрастно таращился на киммерийца, пока не выказывая враждебности. Почувствовав в руке твердость костяной рукояти, Конан слегка успокоился. Страх прошел. Он вновь поплыл к своей цели, не выпуская зверя из поля зрения.

Животное фыркнуло и с невероятным проворством последовало за ним. Конан замер, пытаясь унять бешеный ритм сердца. Зверь тоже остановился. Варвар никак не мог понять, что им руководило — голод, или может быть любопытство, но предпочел бы обойтись без драки — борьба в воде непременно привлечет внимание стражников.

— Эй, чего привязался? Плыви себе в другую сторону, — тихо проговорил Конан, плеснув водой в немигающие зеленые глаза.

Животное обиженно хрюкнуло и подалось немного вперед. Варвар почувствовал, как гибкое сильное тело, покрытое роговой чешуей задело его обнаженную руку. А потом длинный шершавый язык лизнул северянина прямо в лицо.

— Прочь! Пошел прочь! — отплевывался киммериец. — У меня для тебя ничего нет. Иди поймай себе жабу.

Зверь тут же скрылся под водой. Конан с облегчением вздохнул и в несколько гребков достиг противоположного берега рва. Ощупав руками стену, он наткнулся на небольшую трещину, и стал подтягиваться. В этот момент киммериец почувствовал, как кто-то осторожно ухватил его за ногу и настойчиво потянул вниз. Конан напряг все силы и вырвался из хватки зверя, оказавшись на кромке рва.

Животное жалобным взглядом своих застывших глаз снизу вверх смотрело на человека. В огромной пасти с тонкими иглами зубов еще держала лапами огромная толстая жаба.

— Ты что же это, мне ее принес? — Конан не удержался от улыбки. — Спасибо, приятель, но лучше съешь ее сам.

Жаба тут же исчезла в пасти зверюги.

— Умный зверь, — похвалил его киммериец. — Мне нужно идти, но обещаю принести тебе большой кусок мяса. Согласен?

В первый раз с момента их встречи животное моргнуло, беззвучно разинуло пасть и исчезло под черной поверхностью вод. Едва веря в случившееся, Конан покачал головой, а потом по-

вернулся и быстро побежал вдоль стены, огибая выступающий замковый бастион.

Для подъема он выбрал один из самых высоких участков; целиком полагаясь на неприступность укреплений, стражники здесь появлялись редко, к тому же в этот отрезок ночи стена находилась с теневой стороны.

Время выщербило камень кладки. Подножие тонуло в густых зарослях дикого винограда, цепляющегося за трещины в камне.

Киммериец коснулся стены, и кладка начала крошиться у него под рукой. С кривой усмешкой посмотрев наверх, где зубчатый край цитадели, казалось, упирался прямо в звездное небо, Конан взялся за дело.

Скалистые горы Киммерии служили варвару колыбелью, отвесные кручи укрывали от ветра. С детских лет Конан лазал по скалам: мальчишкой в поисках птичьих гнезд, а позже, став мужчиной, охотясь на горных козлов и снежных барсов.

Подняться по отвесной стене замка было для него так же просто, как вскарабкаться по голой гранитной скале в погоне за раненым зверем. Дыхание его оставалось чистым и ровным.

Конан спрятался за каменным парапетом и осторожно выглянул из своего укрытия. Прямо на киммерийца шел стражник, что-то недовольно бурча под нос. Все свое внимание он сосредоточил на том, чтобы твердо стоять на ногах и не подходить близко к краю стены. Казалось, беднягу ветром качает из стороны в сторону. Конан

поднялся во весь свой могучий рост и смело шагнул ему навстречу.

— Чудесная ночь, приятель,— весело бросил он.

Стражник застыл как вкопанный, хмельными глазами вытаращившись на киммерийца.

— Ты кто? — с трудом ворочая языком, сумел выдавить он.— Разве сейчас не моя смена?

— Верно. Долг превыше всего — первая заповедь настоящего воина,— похвалил его Конан.— Но надо же и отдыху время знать.

С этими словами варвар слегка стукнул солдата по голове, и тот мешком рухнул к его ногам.

— Надеюсь, приятель, тебя нескоро хватят,— сказал Конан вслух, оттаскивая в тень бесчувственное тело стражника.

Потом, уже не скрываясь, он осмотрел с высоты весь двор и прилегающие к нему постройки. В большинстве окон замка горел яркий свет, мелькали раскрасневшиеся лица слуг в разноцветных одеждах. Конан вспомнил, глотая слюну, что со вчерашнего дня ничего не ел, услышав ароматный запах жаренного мяса.

Он спустился во двор и, двигаясь вдоль стены, добрался до главной башни, высокими каменными виадуками, связанную с большинством строений внутри стен.

«Храм находится глубоко под землей»,— вспомнил Конан слова Ремины.

Но чтобы попасть туда, ему нужно было незаметно пробраться во дворец. Стража у цент-

рального хода в башню вела себя на удивление беспечно, развлекаясь игрой в кости и пустив по кругу кувшин вина. Киммериец прошел у них перед самым носом, но никто из воинов даже не взглянув в его сторону, увлеченные яростным спором, вот-вот готовым перерасти в драку. Никого не встретив на пути, Конан беспрепятственно добрался до моста, и тут боги вновь улыбнулись ему — луна скрылась за облаками и долина, горы и замок погрузились в непроглядную ночь. Но вот дальше киммерийца ждали серьезные трудности. Конан не задержался под аркой прохода и решительно толкнул дверь, оказавшуюся незапертой. За дверью перед ним открылся едва освещенный факельным светом полупустой зал, по-видимому, служивший хозяевам арсенальным помещением. Сейчас зал выглядел убого, как закрома безземельного фермера. Наверно, для владельцев замка настали тяжелые времена, но когда-то здесь было полно оружия и военного снаряжения, остатки которого в беспорядке валялись по пыльным углам.

Все это Конан машинально отметил, obeжав глазами пустынную комнату, и замер на месте, встретившись взглядом с парой внимательных желтых глаз. Два огромных мраморной масти пса, каких используют местные горцы, перегоняя свои стада через Рабирийские перевалы, не скрывая враждебности, смотрели на незваного пришельца. Грозно зарывчав, псы словно по команде, одновременно бросились на чужака. Не выпуская из поля зрения горящих яростью звериных глаз,

Конан вырвал из-за плеча клинок и приготовился к встрече с противником, решив действовать быстро и наверняка. Но собаки оказались умнее, чем думал варвар. Вид грозной стали в руках человека, сверкнувшей в отблесках огня, остановил их на полпути. Не спуская с чужака внимательных глаз, один из псов уселся напротив Конана, а другой с громким лаем бросился прочь из зала. Варвар выругался от досады. Сейчас сюда сбегутся слуги и стражники, и тогда ему придется прорываться с боем. Но ждать он их не собирался. Киммериец быстро огляделся по сторонам. Взгляд его просветлел, когда он заметил висевший на стене щит, всего в трех шагах от себя. Конан сорвал его вместе с железным крюком, вмурованным в кладку, и, спрятавшись за ним, пошел прямо на собаку, угрожающе размахивая мечом. Пес реагировал быстрее, чем большинство людей, бросавших киммерийцу вызов. Он просто ушел с дороги человека, вид которого не предвещал веселой охоты. Конан с оглядкой скорым шагом пересек зал, и нос к носу столкнулся в проходе с заспанным слугой, которого за полу не подвязанной в спешке туники тянула за собой вторая собака. Могучая фигура варвара, выросшая перед ним точно из-под земли, лишила бедолагу дара речи. Рот его открылся в немом изумлении. Ни на миг не замедляя шага, Конан двинул горемыку в лоб рукояткой меча.

— Ох... — только и сказал тот, оседая на пол.

Пес успел проскользнуть между стеной и киммерийцем, оказавшись у него за спиной. Обе

собаки замерли на пороге, демонстрируя варвару огромные желтые клыки. С злорадной улыбкой Конан захлопнул дверь у них перед носом и обмотав ремень щита вокруг дверной ручки, намертво заклинил ее.

И тут где-то в глубине замка запел хор жрецов, воздавая хвалу солнцеликому Митре. Это значило, что свадебная процессия уже на пути к родовому святилищу, а опаздывать к началу церемонии в планы Конана никак не входило. Он бросился бегом по узкому темному коридору, ориентируясь на нарастающий звук голосов, забираясь в глубь строения. Все чаще и чаще на пути его встречались слуги и стражники, провожавшие чужака в необычном наряде удивленными взглядами. Но здесь, в самом сердце замка, никому из них даже в голову не пришло окликнуть или остановить этого странного воина, быстро и уверенно двигавшегося по коридорам.

Конан достиг лестницы, спускающейся к величественному portalу древнего капища, и поспешил укрыться за углом. Бронзовые створки дверей были плотно закрыты, а небольшое помещение и маршевые ступени заполнила плотная толпа солдат с оружием наготове.

«Нужно искать другой вход,— подумал Конан, задумчиво почесав подбородок.— Здесь и мухе не пролететь».

В том, что в храме должно быть несколько выходов, киммериец не сомневался и без промедления взялся за поиски. Он выбрал один из боковых коридоров. Шагов через тридцать в стене

открылось черное отверстие прохода. Аккуратной стопкой рядом высилась гора кирпичей.

Конан, не задумываясь, нырнул в тоннель... Исчезающий в крошечной темноте коридор был так узок, что скорее напоминал трещину, и варвару с его широкими плечами пришлось двигаться боком. Пахло пылью и строительным мусором. Коридор закончился глухим тупиком.

Конан чуть не взвыл от разочарования и уже попятился назад, как вдруг передумал и вернулся обратно. Здесь, в тупике, запах был особенно густым, и пахло ничем иным, как свежей кладкой. Конан ощупал стену и убедился в правоте своей догадки — проход замуровали не позднее сегодняшнего утра. Киммериец уперся в стену плечом и почувствовал, как кирпичи поддались. Ободренный первым успехом, он усилил нажим и чуть не рухнул вместе с рассыпавшейся стеной. За развороченным проходом находилась маленькая, освещенная извне каморка. Свет проникал через слуховое окно, через которое свободно мог пролезть даже варвар. Вместе со светом в помещение проникали и чьи-то голоса. Киммериец выглянул в окно и помрачнел.

Внизу во всем своем зловещем великолепии пред взором северянина предстал центральный зал храма. Беломраморные стены и потолок украшали искусные барельефы с ужасающими мордами фантастических чудовищ, и леденящими кровь сюжетами человеческих истязаний и массовых жертвоприношений. Картинами, как показалося Конану, не слишком приличествующими

образу светлого Митры. В середине зала возвышался алтарь, залитый свежей кровью принесенного в жертву барана.

Рядом с жертвенником стоял Яхм-Коах в нелепых тяжеловесных одеяниях, с сосредоточенным видом ковыряясь в бараньих потрохах. За его спиной, приклонив колени на специальной скамеечке, замерли две фигуры, зачарованными глазами наблюдая за действиями жреца. В одной из них Конан сразу узнал Ремину, хоть это и оказалось совсем непросто. От той гордой и независимой девушки, какой запомнил ее киммериец, не осталось и следа. Куда исчез этот воинственный и чарующий блеск серых глаз, живой румянец на щеках и гордая осанка. Сейчас ее лицо было блее мраморных плит храма, пустой безжизненный взгляд неподвижно уставился в одну точку, но и в ней не находил утешения. Грудь девушки высоко вздымалась, словно она задыхалась в чаду коптящих факелов. Но даже такая Ремина была изумительно хороша, отметил про себя киммериец.

Рядом с баронессой находился мужчина, вид которого сразу выдавал его ремесло.

Несмотря на молодость в нем чувствовался опытный воин, привыкший смотреть в лицо врагам. Но сейчас его взгляд, словно загнанный в клетку зверь, метался от Ремины к жрецу, то восхищенный, полный страсти, то исполненный удивления и испуга.

А между тем, жрец разыгрывал перед своими зрителями жуткое кровавое представление. Он

извлекал внутренности несчастного животного, внимательно рассматривал со всех сторон и аккуратно раскладывал на поверхности камня, сопровождая свои действия монотонным пением на незнакомом киммерийцу языке. Зал был ярко освещен, но даже свет сотен факелов и торжественный голос жреца, не лишенный по-своему красоты, не могли рассеять той гнетущей атмосферы, что казалось насквозь пропитала сам воздух этого зловещего места. Конан ни на миг не усомнился в том, что здесь творилось величайшее зло и скоро на сцене появятся Силы, пред которыми люди с их мелочными желаниями и тщеславными побуждениями покажутся жалкими насекомыми. Факельный дым поднимался к низкому потолку, и каменные монстры будто оживали в его сизых клубах, ощерившись кинжалами зубов в острых когтей.

Жрец все тянул свою песню-заклинание, не забывая терзать безжизненное тело жертвы. Руки его до плеч были выпачканы кровью, глаза горели лихорадочным огнем, речь становилась все громче и громче.

Внезапно Конан поймал себя на том, что магическое песнопение Яхм-Коаха и сцена жертвоприношения, виртуозно исполняемая жрецом, заворовали и его. Он даже встряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения. Варвар заскрежетал зубами и нещадно себя обругал.

«Еще бы миг и ты бы забыл, зачем явился сюда! Смотри внимательно, это шутовское представление не может длиться вечно...»

* * *

Ремина держалась из последних сил. Слезы бессилия душили ее изнутри и разрывали грудь.

Но она не смела даже полунамеком показать своих чувств. Казалось, все случившееся происходит не с ней, а с кем-то другим, и не в этом мире. Что все это лишь страшный сон, и вот сейчас она проснется и больше не будет кошмара. А будет отец — живой, невредимый, веселый, и только добрые, приветливые лица вокруг. На улице пойдет дождь, и она выбежит во двор замка, с наслаждением подставив под ласковые теплые струи лицо и руки, чтобы смыть с себя эту грязь и избавиться от ночных наваждений. Ужас перед неизвестным, что должна она испытать, став игрушкой в руках Яхм-Коаха, задавил в ней последние ростки жизни, связывающие человеческое существо с реальным миром. Что может ждать ее за той неведомой гранью, через которую ей предстоит шагнуть? Неужели ей суждено превратиться в чудовище, стать проклятием всего живого? Забыть, как дивен этот мир, не любить, не страдать, не быть счастливой?!

«Где же вы, светлые боги?! Обрушьте своды храма на голову бесчестного жреца! — горячо молила она небеса. — Пусть я умру вместе с ним, но не позволяйте злу править миром!»

Но время неумолимо шло, а боги оставались глухи к ее мольбам.

Ремина посмотрела на герцога. Встретила его обожающий взгляд и, не в силах вынести этой пытки, опустила глаза.

«Счастливый, но глупый, — с горечью подумала она. — Как позволил ты, сильный и храбрый, втянуть себя в эту сделку с преисподней? Куда смотрели твои глаза? Где те прорицатели и мудрецы, коим вверил ты свою жизнь?.. И все же, ты дважды счастливый человек, герцог Ренальд. Любовь выжгла твой разум, но, по крайней мере, ты успел ее испытать. И ты не знаешь, что еще уготовано тебе впереди, и лучше бы не знать до конца... А если этому все-таки суждено случиться, то я попробую спасти тебя... и себя...»

С этими мыслями Ремина украдкой потрогала холодную сталь ножа, спрятанного у нее на груди, и ей стало немного легче. За этот нож она отдала кухарке все свои драгоценности и со слезами чуть ли ни на коленях умоляла старушку.

В конце концов, та сжалась над несчастной девушкой...

С ножом у сердца Ремина уже не чувствовала себя такой беззащитной.

* * *

Конан потерял счет времени. Жрец осип и хрипел, как туранский боевой рог. Он впал в экстаз и в исступлении рвал руками еще теплую, источающую кровь, баранью плоть, и едва держался на ногах. Но внезапно его пение оборвалось, и в храме воцарилась могильная тишина. Шатаясь, словно пьяный зингарский моряк, он обошел кругом алтарь и на некоторое время исчез из поля зрения киммерийца. Послышался глухой металлический звон, неясный шум и

шаркающие по полу шаги. Маг появился перед жертвенным камнем, неся на вытянутых руках большую глиняную чашу, инкрустированную серебром и расписанную тонкой вязью затейливых символов. Странного вида изумрудная жидкость заполняла ее до краев. Он остановился у камня и с благоговением водрузил сосуд на алтарь.

Конан с замиранием сердца пристально следил за каждым его движением. По описанию Ремини он бы узнал эту чашу из тысячи и испытывал невольный трепет перед этим магическим сосудом, скрывающим в себе величайшую тайну проклятия рода Орландо.

«Что же делать?» — лихорадочно думал варвар. — «...тысячи заклинаний испробовал Кассий, но так и не смог уничтожить чашу...», так, кажется, говорила Ремина. Заклинаний?.. Занятно, а пробовал он ее просто грохнуть об пол? Маги любят все усложнять. По крайней мере, мне никто не помешает попробовать».

— Встаньте, дети мои, и приблизьтесь! — торжественно произнес Яхм-Коах.

Маски чудовищ на стенах как и прежде угрожаяще ухмылялись, но при этих словах жреца, казалось, наострили уши.

Девушка и юноша вздрогнули от неожиданности и неуверенно поднялись с колен. Герцог взял баронессу за руку и чуть не вскрикнул. Ладонь Ремини была холодна, словно лед.

«О, Митра! Как она замерзла, бедняжка! — с сочувствием подумал Ренальд. — Скорей бы уж все это закончилось».

Всего несколько шагов отделяло молодую пару от жертвенника, но этот путь показался Ремине бесконечной дорогой на эшафот. И только острый кончик ножа, впившийся ей в грудь, еще связывал ее с действительностью.

Жрец выдержал паузу и продолжил:

— Сейчас именем светлого Митры вы должны принести клятву верности друг перед другом и скрепить ее глотком этого божественного вина, смешанного с вашей кровью, — с этими словами Яхм-Коах откуда-то из бесчисленных складок своей одежды извлек длинную металлическую спицу. — Ваша светлость, дайте мне руку.

Не в состоянии отвести зачарованных глаз от ужасного инструмента, Ренальд покорно протянул ему открытую ладонь.

Яхм-Коах зашептал заклинание, закатив глаза к потолку. Конан видел, как предательски дрожали его руки, словно с магом случился припадок какой-то страшной болезни, скрутившей все его тело в судорогах. Легкий, едва ли болезненный укол, — и рубиновая капелька крови повисла на конце иглы.

Но может быть от неожиданности или пережитого волнения и страха герцог вскрикнул так, будто его ужалила ядовитая змея. Капля крови, затрепетав, сорвалась вниз и смешалась с вином в сосуде. Тут же над чашей закружился маленький вихрь, в глубине которого замелькали разноцветные искры. А может, то было свернувшееся в спираль ночное небо с россыпью драгоценных звезд...

— Пред тобой, Всемогущий, склоняюсь я,— торжественно заговорил Яхм-Коах.— Явись нам в своем истинном облике, дабы исполнились слова пророчества. Кровь древних королей, дарующая начало жизни, смешалась в этой чаше, взывая к отмщению! А теперь ты, дочь моя,— ласково, почти по-отечески, произнес жрец.

Ремина пошатнулась. «Когда кровь двух великих начал падет на сердце мое, восстану я из бездны, сильнее тысячекратно, и, смеясь, взгляну на людей, мнящих себя властелинами мира...» Так вот о чем говорилось в легенде!

Ведь в ней и в Ренальде течет кровь Зингарских владык. Они родственники, очень дальние, но какая разница! И новая жизнь?.. Мужчина и женщина, только этот союз дает побеги новой жизни. Как же она раньше этого не поняла?! Что же, сейчас или никогда! — подумала Ремина, и рука ее медленно потянулась к спрятанному на груди кинжалу.

Конан уже был готов к этому моменту.

Он сжал в руке обломок кирпича, размахнулся и кинул его сквозь слуховое окно. Варвар понимал, что от этого броска зависит жизнь Ремины, его, Конана, жизнь и еще судьбы многих и многих людей. Промажись он, и мир покатится в преисподнюю. Но киммериец не промахнулся. Камень, описав дугу, угодил прямо в чашу, как раз в тот момент, когда алая капля крови девушки коснулась изумрудной поверхности. Жидкость с шипением и брызгами выплеснулась через край, залив Яхм-Коаха зловещей зеленой от-

равой с ног до головы, и в тот же миг чаша разлетелась на мелкие черепки. Жрец в ужасе отпрянул прочь. Его землистого цвета лицо искажилось в смертельной муке, будто у него еще живого калеными щипцами вырвали сердце.

Конан пролез в окно и словно кошка мягко спрыгнул вниз. Услышав непонятный шум, маг резко обернулся на звук и встретился глазами с ухмыляющимся киммерийцем, неспешно шагающим к алтарю.

— Ты?! Ты! — попятился перед ним Яхм-Коах, но налетел спиной на жертвенник и замер с открытым ртом.— Ты пришел сюда из мира теней, чтобы мне отомстить?

— Я еще не покидал мир живых, но в остальном, жрец, ты попал в самое яблочко,— ответил ему северянин.

— Конан!? — вырвался взволнованный крик из груди Ремины.— Ты жив! О, вечно живущие боги, вы услышали мои мольбы!

Киммериец приветливо улыбнулся девушке и заметил, как ревниво нахмурились брови герцога.

— Что это значит? — строго спросил Ренальд, привычным жестом опуская руку на эфес меча.

Но клинка на месте не оказалось: все оружие Яхм-Коах приказал оставить у входа в храм.

Лицо герцога вытянулось, впервые в жизни он почувствовал себя, словно его голым выставили на площади полной зевак.

— И как же ты, варвар, собираешься со мной справиться? — ехидным голосом спросил Яхм-

Коах, к которому постепенно возвращалась уверенность.

— Очень скоро ты это узнаешь,— в тон ему пообещал Конан.

Но тут взгляд его привлекло странное движение на алтаре. Зеленая жидкость растеклась по камню, смешавшись с кровью жертвенного барана. Но там, где остались изумрудные лужи, она кипела и бурлила, источая черные ядовитые пары. Пузыри становились все больше и маслянистее. Конану показалось, что он различает, как что-то шевелится в их глубине, словно сквозь упругие стенки пытается пробиться нечто живое.

Клубы черного дыма мешали рассмотреть это пристальнее, но скверные предчувствия заворачивались в душе варвара. Пузыри выросли до гигантских размеров, их уже невозможно было охватить одним взглядом.

— Кром! Что за дрянь!? — воскликнул Конан, невольно попятившись.

Ремина за рукав тянула прочь лишившегося дара речи Ренальда, и только жрец оставался на месте, находясь словно в гипнотическом трансе от этого зрелища. Его глаза провалились от ужаса, и вместо них зияла пустота царства мертвых. Наверное, он понимал, что происходит, ибо почти осязаемые волны страха распространялись от него по всему залу, заполняя пространство храма и передаваясь остальным.

И тут пузырь, превратившийся в огромных размеров кокон, с громким выдохом лопнул, будто из сотни пустых мехов разом выпустили весь

воздух. Сильный порыв ветра с тлетворным запахом гниющей плоти пронесся по храму, погасив большую часть факелов и развеяв клубы едкого удушающего дыма. Зал погрузился в полумрак, где на стенах плясали причудливые злоеющие тени в неверных всполохах багрового огня. Конан ошибся, внутри кокона билось вовсе не живое существо. То, что выбралось из него на белый свет, вообще не могло принадлежать земному миру. Сотканный из прозрачных, постоянно меняющих форму и перетекающих друг в друга паров, изумленному взору людей предстал бестелесный дух звероподобного божества. Чудовище покачивалось над алтарем, опираясь о невесомый хвост, осматривая храм с высоты исполинского роста.

— О, Митра! Защити меня! — возопил Яхм-Коах, падая на колени и воздевая руки к мрачному своду.

В тот же миг призрак метнулся к жрецу, окутав его облаком тумана.

С диким криком маг вскочил на ноги, бросился бежать, налетел на алтарь, упал, продолжая вопить неестественным голосом, словно с него живьем сдирали кожу.

— Пожалуй, слишком поздно ты вспомнил о Митре,— прошептал киммериец, ища глаза выход из храма.

Жрец исхитрился подняться на ноги. На миг его растерзанное тело шагнуло из-за призрачной завесы, с мольбой простирая руки к варвару. Рот мага кривился в невыразимой муке, в глазах за-

стыли боль и страдание. Жрец был настолько раздавлен и жалок, что Конан испытал невольное сочувствие к этому несчастному человеку, вернее, к тому, что от него осталось, и потянулся к рукоятке меча за спиной. Но в этот миг рывок нечеловеческой силы вернул жреца за пелену тумана, и яростный звериный рев заставил содрогнуться стены храма.

За плотной завесой kloчущего облака уже едва угадывались смутные очертания человеческой фигуры, раздираемой на куски незримыми крючьями. Ослепительные белые молнии рассыпались по сторонам, сокрушая стены и потолочные перекрытия. Конан упал на холодный пол, прикрыв руками голову, и лежал до тех пор, пока его не привел в себя громкий крик Ремины.

Киммериец оторвал взгляд от серой пыльной кладки плит и огляделся. Ноги сами его подбросили, меч, словно по волшебству оказался в руках.

То, что было когда-то жрецом, превратилось в ужасного монстра, лишенного всяких человеческих черт. Опираясь на четыре могучие лапы с огромными саблевидными когтями, он стоял над распростертыми на мраморе Реминой и герцогом, разинув пасть с кинжалами острых клыков. Тягучая слюна из смрадной глотки чудовища заливала дрожащих от страха людей, ленивыми струями скатываясь по длинному раздвоенному языку. Гибкий, подвижный хвост, с грозными костяными шипами на конце, нервно бился о впалые бока твари. Ренальд пытался своим те-

лом прикрыть сжавшуюся в комок девушку, но чувствовал себя абсолютно беспомощным перед лицом неминуемой гибели.

— Эй, кем бы ты ни был, оставь их! — громко крикнул Конан, но голос его предательски сорвался. Глубоко вздохнув, варвар заставил говорить себя громко и внятно: — Сперва попробуй сожри меня, если сможешь. Клянусь, что аппетит-то ты точно нагуляешь.

Тварь резко повернулась к нему и с невероятной быстротой для такого громоздкого и неуклюжего с виду тела бросилась на киммерийца.

Меч застонал в руках Конана, описав полный круг. Варвар отпрянул в сторону, пропуская монстра, и клинок с хрустом вспорол бок чудовища. Тошнотворная белесая жидкость, напоминающая гной, словно нехотя засочилась из раны. Рев боли и ярости из глотки твари сотряс подземелье, так что каменная крошка посыпалась с потолка, и пламя факелов пустилось в пляс.

— По крайней мере, ты из плоти и крови, какой бы паршивой она не была, — процедил Конан сквозь зубы, готовясь к отражению новой атаки.

Но здесь громоподобный удар потряс до основания весь замок, и бронзовые ворота храма жалобно заскрежетали. Воины герцога, услышав странный шум за стеной, почувствовали что-то неладное и теперь спешили на помощь своему господину. Но не так-то просто оказалось высадить массивную дверь, опечатанную магическим замком. Створки вздрогнули, сопротивляясь, и

остались незыблемы. За первым ударом последовал второй. Тварь недовольно затрубила, и вновь обратила все свое внимание на киммерийца.

Чудовище обогнуло алтарь, за которым пытался укрыться варвар, и остановилось напротив Конана, скребя когтями мрамор плит, и оставляя на камне глубокие борозды. Затем стремительно атаковало, загребая передними лапами пространство перед собой. Конан едва успел ускользнуть из-под ощеренной пасти чудовища и в два прыжка оказался вне поля его досягаемости. Но и меч киммерийца, со свистом рассекший воздух, лишь чиркнул по шкуре монстра, оставив неглубокую царапину. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, варвар перебежал на другой конец зала, так, чтобы алтарь снова встал преградой на пути твари. За один стук сердца чудовище покрыло расстояние, отделяющее его от жертвенника, ухватило камень могучими, перевитыми узлами мышц передними лапами, легко оторвало плиту от земли, и подняло над головой, задев за низкий потолок.

Словно выпущенный из пращи монолитный осколок скалы полетел в киммерийца, и замешкайся тот хоть на миг, тяжеловесная плита размазала бы его по стене. Камень с такой силой врезался в стену, что разлетелся в мелкий щебень, и Конана осыпало шквалом осколков, до крови рассекающих кожу.

Варвар размазал кровь по щеке, и тут, спиной почувствовал какое-то движение позади себя. Он, не раздумывая, прыгнул вперед и резко развер-

нулся, размахивая клинком. Меч чуть не вырвало из его рук. С оглушительным лязгом железо столкнулось с камнем. Оживший барельеф свирепого монстра пытался сцанать киммерийца сучковатыми лапами.

Конан огляделся по сторонам: повсюду оживали настенные лики чудовищ, созданные большим воображением неизвестного автора, клацали зубами и шарили лапами в пустоте. Киммериец не задавался вопросом — какая злая магия привела их в действие.

Сейчас ему важнее было другое: пространство зала сократилось на треть, и будет трудно ускользнуть от клыков чудовища. Хвала светлым богам, что каменные монстры лишь раскачивались на стенах, беззвучно разевали пасти, но вниз спуститься не могли. Зато главный враг киммерийца не дремал. Тварь двигалась к Конану боком, стараясь загнать его в угол зала.

Маневр удался, и Конан почувствовал, как по спине его потекли тонкие струйки пота, когда путь к отступлению был отрезан.

Чудовище издевательски зашипело, пахнув на киммерийца гнилостным запахом из разверзшегося колодца пасти. И тогда Конан атаковал первым, пытаясь дотянуться мечом до мерзкой морды. Монстр встретил его могучим ударом длинного хвоста, утыканного костяными шипами. В последний момент варвар высоко подпрыгнул, и смертоносное оружие твари пронеслось под ним, оставив глубокую борозду в мраморе. Вновь обретя под ногами опору, Конан ринулся на новый

штурм. Тварь рывком поднялась на дыбы, отмахиваясь от человека передними лапами с серпами когтей. Зал заполнился металлическим скрежетом, словно когти монстра были отлиты из стали.

Клинок киммерийца разил без промаха, калеча и ранил чудовище, захлебывающееся яростным ревом. Но и острые когти твари порой дотягивались до человека, словно истлевшую ткань, раздирая кожаную куртку и плоть. Кровь заливала обоих, но ни один не желал отступить.

Искусством ловко уходить от смерти, с визгом вспарывающей воздух над его головой, Конан не уступал площадным акробатам, а сноровкой находить слабые места в защите противника мог поспорить с стигийскими мудрецами, устраивающими публичные словесные поединки.

Он, словно опытный взломщик, закрутив карусель мечом, прорвался сквозь стальную стену мелькающих когтей и распорол податливое брюхо чудовища.

Монстр заскулил, завертелся волчком, путаясь в собственных внутренностях. Громадный хвост сбил киммерийца с ног, и Конан полетел на плиты пола. Меч выскользнул из его рук. Тварь неуклюже завалилась на бок, загребая задними лапами. Киммериец попытался подняться, но поскользнулся в луже крови и снова упал. Чудовище выпростало из-под себя одну из передних лап и с победным ревом потянулось к человеку. Перехватив ужасную длань в полете, варвар пополз в сторону, силясь добраться до меча. Но монстр,

несмотря на смертельную рану, оказался настолько силен, что Конану понадобились обе руки, чтобы сдержать чудовище. Уже через миг мышцы спины и рук у него онемели от неимоверного напряжения, пот, смешиваясь с кровью, разъедал глаза, а монстр продолжал давить и напирать.

Забившись в угол зала, Ремина и Ренальд, затаив дыхание, наблюдали за ходом поединка. Герцог крепко обнял девушку за вздрагивающие от беззвучных рыданий плечи и нежно гладил светлые шелковистые волосы, поклявшись защищать ее до последнего вздоха.

— Боги, помогите ему! — в отчаянии воскликнула Ремина, когда киммериец насмерть схватился с издыхающим монстром на залитом кровью полу.

Сама не заметив, она достала свой кухонный нож и, крепко стиснув рукоять, прижала его к груди. Но это не укрылось от герцога, поглощенного зрелищем схватки, и в зеленых глазах воина вспыхнуло яростное пламя. Мягко, но настойчиво он отобрал оружие у баронессы и ободряюще улыбнулся.

— По-моему, нас боги не слышат. Придется нам самим потрудиться немного.

И такой уверенностью и спокойствием повеяло от его слов, что Ремина перестала дрожать, и с благодарностью взглянула на Ренальда.

«Что если он сейчас погибнет?! — мелькнула ужасающая мысль в ее голове. — Ведь он погибнет из-за меня! Спасая меня... Нет, этого не дол-

жно случиться!» — Девушка порывисто вцепилась в тунику герцога, словно хотела его удержать.

Ренальд с печальной улыбкой пожал ее руку и с легкостью кочевника, вскакивающего в седло, поднялся на ноги. Сердце Ремины сжалось от тревоги и боли, и если бы кто-то сейчас ей сказал, что это и есть любовь, она бы, не задумываясь, отказалась от своих прежних мыслей, предпочтя ей ужасную смерть, какой бы мучительной она не была.

Занятая борьбой с киммерийцем тварь не сразу почувствовала, как герцог вспрыгнул ей на спину и с яростью обрушил нож на шею чудовища, кромсая толстую шкуру.

Нож поднимался и опускался раз за разом. Ренальд трудился с упорством копателей корней черного лотоса в диких лесах Вендии, словно в него вселился демон. Но вот лезвие ножа коснулось чувствительной плоти, и чудовище вздрогнуло. А уже через миг назойливое человеческое насекомое на спине превратилось в досадное бедствие. Превозмогая боль, монстр неуклюже заворочался, пытаясь стряхнуть с себя человека. Но герцог намертво вцепился рукой в рваный край раны, другой — продолжал наносить и наносить жестокие болезненные удары. Тварь содрогнулась всем телом — Ренальд держался крепко. Чудовище взмахнуло хвостом. Герцог ловко пригнулся, и грозное оружие монстра, едва не смахнув человека, пронеслось над его головой. Увенчанный костяными шипами хвост описал полукруг, и

пошел на новый заход, теперь гораздо ниже. На этот раз человек не сумел уклониться и попал под удар.

Герцога отшвырнуло шагов на двадцать. Он упал безжизненной кучей тряпья, и под его неподвижным телом стало расползаться большое красное пятно.

— Ренальд! — с громким отчаянным криком Ремина бросилась к своему герою.

На краткий миг, пока чудовище сражалось с герцогом, оно ослабило свою хватку, и Конан своего шанса не упустил.

Насколько было возможно, он выбросил в сторону руку и с ликованием почувствовал кончиками пальцев грубую кожу ремня на рукоятке клинка, еще хранившую тепло его ладони. Завладев мечом, варвар, без промедления, с силой опустил его на голову монстра.

Тварь, хоть и раненая, отшатнулась, взревев так, что киммерийца протащило по полу потоком вырвавшегося из ее глотки воздуха. Мгновением позже чуть не задохнувшийся в зловонном дыхании Конан был уже на ногах, обрушив сокрушительный удар на шею чудовища. Тварь захрипела, захлебнувшись собственной кровью, а следующий удар киммерийца завершил начатое им дело: голова монстра с глухим стуком покадилась по мрамору. Ужасные когти в агонии еще царапали плиты, но варвар уже повернулся спиной к чудовищу.

Однако убить эту тварь оказалось не так-то просто. Уже через несколько мгновений, даже

будучи без головы, она поднялась на ноги и накинута на киммерийца. Конан снова взялся за меч, осыпав обезглавленное тело ураганом ударов.

Ремина, наблюдавшая за этой фантастической схваткой, не решалась оставить герцога, чтобы хоть чем-нибудь помочь киммерийцу.

Взгляд девушки случайно натолкнулся на какой-то странный предмет в нескольких шагах от нее. Размером с крысу, девушке сперва так и показалось, что это маленький мерзкий зверек, но приглядевшись, она поняла свою ошибку. Баронесса решительно поднялась...

Еще дважды Конан повергал своего противника, но того, казалось, невозможно было убить.

— «Сердце Змея»! — прошептала Ремина, разглядывая свою ужасную находку. — И оно живет! О, боги, подскажите, что мне делать!

Сморщенный коричневый комок плоти пульсировал в такт с неизвестной человечеству жизнью. Повинуясь непонятному ей самой порыву, девушка наступила ногой на этот осколок из бездны, и безжалостно раздавила.

Откуда-то из земных недр раздался душераздирающий стон, словно по спинам тысяч и тысяч несчастных рабов гулял кнут жестокого палача, и Ремина упала на пол, закрывая руками уши.

А следом наступила тишина...

Придя немного в себя, девушка наощупь нашла тело Ренальда и положила его голову к себе на колени.

Конан устало отер лицо рваным рукавом и последний раз посмотрел на еще дергающееся в агонии тело чудовища. Он подошел к рыдающей Ремине и опустил ей руку на плечо.

Девушка на миг оторвала полные слез глаза от побелевшего лица возлюбленного и обернулась к киммерийцу. Конан дышал тяжело, грудь его высоко вздымалась, куртка вся задубела от крови, взгляд был мрачный, усталый.

— Он был настоящим мужчиной, — глухо сказал северянин и виновато отвел взгляд. — Я обязан ему жизнью... Только чем я смогу теперь отплатить ему?

— Но почему же был? — Ремина взяла киммерийца за руку и с трудом улыбнулась сквозь слезы, видя, как просветлел лицом варвар. — Он жив, но истекает кровью. Мне нужна помощь... Нам всем сейчас нужна помощь, Конан.

И тут, словно боги наконец вняли ее мольбе, храмовые ворота не выдержали и рухнули внутрь зала вместе с массивным косяком.

В зал ворвались солдаты во главе с Кабралем, перекошенное от ярости лицо которого распугало бы целую армию демонов. Со смертью пришедшей из бездны твари, растаял и магический замок Яхм-Коаха, а монстры на стенах вновь обратились в камень, повиснув словно омертвевшие корни деревьев.

Увидев окровавленного киммерийца с огромным мечом в руках и неподвижное тело своего господина, безжизненно распростершееся у его ног, в глазах воинов засверкала холодная реши-

мость. Мечи и копья нацелились в грудь варвара. Солдаты рассыпались по залу, окружая киммерийца кольцом. Напрасно Ремина взывала к ним, умоляла и заламывала руки. Кабраль и воины будто не слышали ее слов.

Конан приготовился к последней битве...

Но здесь произошло еще одно чудо.

Гремя железными цепями, в храм ворвался какой-то зверь, и только приглядевшись внимательно, в нем с трудом можно было распознать человека, все тело которого покрывали нарывы и язвы от перенесенных пыток.

— Отец! — закричала Ремина, бросившись на шею этому оборванцу и что-то горячо ему шепча на ухо.

Появление незнакомца и странное поведение баронессы лишило солдат уверенности, и они в нерешительности остановились, поглядывая на своего командира, тоже шокированного этой сценой. Но оружие не опустили.

— Что все это значит?! — с озадаченным видом потребовал объяснений Кабраль.

— Скорее! Помогите же своему господину, он смертельно ранен! — ответила ему Ремина.

Дважды ей повторять не пришлось: солдаты бросились к герцогу и бережно подняли его на руки.

— Живей несите к лекарю! — распорядился Кабраль, проводил воинов до лестницы и вернулся обратно. — Я должен взять под стражу этого варвара, пока мой господин не придет в себя и не расскажет, что здесь случилось.

— В этих мерах нет надобности, — мягко отстранив от себя Ремину, шагнул к нему недавний оборванец. — Этот варвар спас жизнь герцогу и моей дочери... Но можно сказать и больше — все мы обязаны ему жизнью.

Незнакомец говорил тихо, его едва можно было расслышать, но в голосе чувствовалась уверенность и твердость человека, привыкшего повелевать.

— Кто ты такой, Сет тебя проглотил? — взвился Кабраль, потеряв терпение. Он и так не мог понять, почему послушался этого незнакомца и не отдал приказа разделаться с варваром. Поэтому сейчас он решил не уступать. — Куда исчез старый жрец? Мне нужно его видеть!

— С вашего позволения, барон Сантос Орландо, — человек в лохмотьях с достоинством поклонился, насколько позволял его наряд. Цепи на руках мелодично звякнули.

— Э-э... — только и нашелся сказать Кабраль, прикрыв ладонью не желающий закрываться рот.

— Это правда, господин Кабраль, — вступила в разговор Ремина, прижавшись к плечу барона. — В самом деле, это и есть мой отец. А если вы хотите видеть Яхм-Коаха — вон все, что от него осталось.

— Мое почтение, господин барон, — с глуповатым видом ответил Кабраль, и обернулся в сторону, куда указывала ему девушка.

Глаза воина округлились и едва не вылезли из орбит. В вонючей гнойной луже, растекшейся по

полу, лежало огромное серое тело какого-то мерзкого зверя, что мог родиться лишь в горячем бреду безумца.

Страшные когти все еще царапали мрамор, хотя движения и стали заметно медленнее. Солдаты окружили тварь и с опаской тыкали в останки чудовища древками копий.

— Я ничего не понимаю...— покрутил головой Кабраль, разгоняя жуткое видение, но оно продолжало стоять у него перед глазами. А про себя он подумал: «Определенно, в этом замке все, как видно, сошли с ума. Презанятные достались герцогу родственники!..»

— Я все вам объясню, но после. Сперва, прикажите своим воинам проводить этого варвара до ворот. Дайте ему умыться, и пусть лекарь осмотрит раны. О чистой одежде я сам позабочусь, но если у вас есть кошелек, отдайте его ему, я верну вам деньги. Мой кошелек, к сожалению, сейчас не при мне. Поверьте, этот человек заслуживает большей награды,— попросил барон.

Кабраль послушно отвязал от пояса кошелек, протянул ухмыляющемуся киммерийцу и пошел отдавать необходимые распоряжения.

— Чем еще я мог бы отблагодарить тебя? — обратился старый Сантос к северянину.

— Всего одна просьба, господин,— скромно ответил киммериец.

— Говори же, я выполню все, что захочешь, если только то в моих силах.

— Мне нужен большой кусок свежего мяса.— Конан никогда не давал пустых обещаний, а

зверь из замкового рва, должно быть, с нетерпением ждет его возвращения.

— Ты голоден? Останься с нами на ночь, ведь свадебный пир никто не отменял.

— Благодарю,— засмеялся варвар,— но я бы предпочел взять мясо с собой.

— Что ж, ты получишь его,— благосклонно кивнул барон.

— Расскажи, как ты сумел выбраться из темницы, отец? — расспрашивала старика Ремина.

— Золото отпирает любые замки,— со значением хмыкнул Сантос.— Я подкупил своего стража, вернее, он сам предложил мне сделку. Ужасно жадный коротышка.

— Коротышка? Уж не Козимом ли его звали?! — в сердцах вырвалось у Ремины.

— Именно так,— подтвердил барон.— Ты с ним знакома?

— Да, верно, можно так сказать,— ответила девушка и с улыбкой посмотрела на киммерийца.

Конан взвесил в руке кошелек Кабралья, подмигнул Ремине, а потом не выдержал и расхохотался.

* * *

Солнце ярко светило в небе, лаская цветущую долину животворным теплом. Высоко в синеве парили гордые орлы, а здесь, в лесу, разливались соловьиные трели и убаюкивающе шелестела листва. По залитой солнцем лесной дороге бодро трусил серый мул. Козим, удобно устроившись

на его спине, нежно поглаживал большие туго набитые мешки, притороченные к седлу, где весело позвякивали золотые монеты, и что-то мурлыкал себе под нос.

Заключив сделку с бароном, он поспешил убратись из замка, справедливо полагая, что поглощенный черными делами Яхм-Коах не скоро хватится его и пустит по следу своих гончих псов.

Он с легким сердцем и чистой совестью предал своего господина, от всей души надеясь, что месть барона настигнет мага раньше, чем длинные руки последнего дотянутся до его, Козима, хрупкой шеи. Все же карлику было тревожно. И если бы не золото в мешках, Козим бы на предательство никогда не решился. Но уж слишком сладостен звон монет для тонкого слуха коротышки, питавшего неодолимую слабость к этому благородному металлу.

Карлик твердо решил покинуть Зингару и податься в южные страны. А там, покончив с старой жизнью, можно и дело свое открыть: торговлей, например, заняться, или нет, лучше ювелирную лавку купить.

Так строил планы и мечтал Козим, позволив Удаче вольно бежать, куда глаза глядят. Дорога повернула к мосту. Карлик так резко натянул повод, что чуть не вылетел из седла. Под ложечкой у него неприятно засосало, и холодок прокрался по спине. Безмятежно развалиясь на обочине, Конан лениво жевал травинку и, прищурившись от яркого солнца, с ухмылкой глядел на карлика. Черный как вороново крыло жере-

бец пасся неподалеку. Первым желанием Козима было провалиться сквозь землю, но он счел его неосуществимым.

«О, Митра! Откуда только свалился на мою голову этот варвар. Заметил он меня или нет?»

Второе желание — повернуться и дать мулу шпоры, показалось коротышке более выполнимым. Он уже стал было заворачивать Удачу, когда Конан громко окликнул его:

— Ты верно в замке что-то забыл, а, Козим?

— Ага,— вяло откликнулся карлик с упавшим сердцем.— Попрошаться с бароном.

— Ну, так я за тебя с ним простился,— хохотнул киммериец, легко поднимаясь на ноги.— Будет тебе дрожать, поезжай сюда!

Тяжело вздохнув, будто отдавая себя в руки палача, карлик повиновался, страшась поднять глаза на варвара.

— Я зла на тебя не держу, Козим,— успокоил его Конан.— Знал, что встречу тебя. Думал, нам по пути. Ты же в Овражек едешь?

— Нет, мне в Месантию надо, по делу,— буркнул коротышка в ответ. Несмотря на миролюбивый тон киммерийца, на душе у карлика легче не стало.

— Да ладно тебе! — Варвар потрепал мула по загривку.— что в Аквилонию, что в Аргос дорога все равно идет через Овражек. Вдвоем оно же веселее, и скрасим путь за доброй беседой.

— О чем? — обреченно бросил Козим.— Хорошо, бери мое золото, но оставь мне хоть половину!

— Да оставь ты его себе! — взорвался Конан.— Разве, вот, вином угостишь в таверне.

Карлик недоверчиво покосился на варвара, но не нашел в его глазах ни капли лжи. Физиономия Козима просияла, но тут же снова омрачилась, и он сказал, нахмутив брови:

— Нельзя мне в Овражке задерживаться, и тебе не советую. Есть у нас перед магом должок, коего он ни за что не простит.

— Ты это о жреце говоришь? — неподдельно удивился Конан.— А я-то считал, что для тебя нету тайн, и все-то ты знаешь за день до того, как что-нибудь случится. Так ведь нет больше Яхм-Коаха, забрал Сет его черную душу.

Варвар говорил так искренне, что у Козима даже мысли не возникло усомниться в правдивости его слов.

— И кто же помог ему в этом? Уж не ты ли, а Конан?! — обрадовано вскричал коротышка.

— Ну, разве только чуть-чуть,— рассмеялся варвар.

— Да за такую весть, три дня гулять будем за мой счет, разумеется. Едем скорее, друг-киммериец, мне не терпится услышать всю историю целиком.

— О, уже друг! Звучит обнадеживающе,— развеселился варвар.— Что ж, едем. Клянусь, я без сожаления покидаю эту долину.

Глава первая

Великая вещь, этот маленький гирканский лук!.. Первая стрела ушла точно в цель — вонзилась в горло сухопарому бородачу в косматой безрукавке, который как раз занес меч над караванщиком. Испуганный торговец едва успел юркнуть под повозку, как труп разбойника рухнул перед ним, сбрызнув кровью дорожную пыль. Вторая стрела сорвалась «в молоко» — проклятая кобыла не вовремя затанцевала под всадницей, и рука дрогнула. Зато третий и четвертый выстрелы сделали бы честь нумалийской школе лучников — еще двое грабителей повалились в грязь, стоная и сыпля проклятиями, и опомнившиеся караванные стражи подоспели как раз вовремя, чтобы перерезать обоим глотки.

Теперь бой шел на равных: десять на десять. Мечи сшибались в россыпях синих искр, лязг стали мешался с воплями раненых и ржанием испуганных лошадей.

...А, трусил, проклятый ублюдок?! Безжалостной рукой Палома послала пятую стрелу в спину спасавшегося бегством разбойника. В гущу схватки стрелять она опасалась — могла случайно задеть кого-то из своих; однако, выбрав момент, сумела подранить еще двоих противников. Караванщики успешно довершили начатое.

Как и следовало ожидать, эпицентром боя оставалась могучая фигура ее спутника, первым поспешившего на помощь торговцам. Не для него — бой на расстоянии, луки и арбалеты... Нет, киммерийцу подавай схватку лицом к лицу, чтобы видеть глаза противника, чуют его ужас перед неминуемой гибелью, вдыхать запах свежeproлитой крови, слышать, как с хрустом входит клинок в незащищенную плоть, рассекая сухожилия и ломая кости... Варвар был в своей стихии!

Теперь, когда исход сражения не вызывал сомнений, Палома наслаждалась, наблюдая за ним. В Бельверусе и Тарантии не увидишь такой манеры боя — дикой, отчаянной пляски Смерти, клокочущей и яростной, как вырвавшийся на свободу поток. Цивилизация возвела игру мечей в ранг искусства, одновременно выхолостив из нее жизнь, иссушив и оторвав от корней. Наблюдать за поединком двух вельмож было все равно что смотреть на бальный танец, весь из церемонных поклонов, разворотов и кукольных шажков. Видеть, как сражается киммериец, означало приобщиться к некоей древней, могучей Силе, припасть к самым истокам Бытия, неразрывно связанного с Разрушением...

Меч в его руках летал, точно стрижиное крыло — невидимый, лишь свистом обозначая свое смертоносное присутствие; он разил, рассекал, колол и рубил, одновременно отражая атаки троих негодяев... но даже навалившись толпой, они ничего не могли противопоставить звериной мощи, бешенству и ловкости варвара. Казалось, он забавляется поединком: зубы щерились в оскальченной усмешке, с уст срывался хриплый хохот... И когда последний нападавший рухнул к ногам победителя, тот едва ли не с сожалением бросил меч в ножны, алчущим взором оглядываясь по сторонам — не осталось ли еще врагов?

Не желая оставлять за своим спутником последнее слово, наемница, изловчившись, послала стрелу в грудь разбойнику, одолевавшему молоденького светловолосого купца — надо же помочь парню! Остальные торговцы и четверо их стражей были людьми многоопытными, с оружием знакомыми не понаслышке, и сумели совладать со своими противниками самостоятельно.

На дороге осталось лежать без малого два десятка трупов — караванщики и грабители вперемишку. Дорожная грязь стала липкой и бурой от крови. Лошади, храпя, жались к обочине, увлекая за собой повозки и путая постромки. Долгое время слышалось лишь тяжелое дыхание оборонявшихся; кто-то бесконечно, не смолкая, сыпал ругательствами, монотонно, вполголоса, словно читая молитву.

Неспешным шагом, ведя в поводу двух запасных лошадей, Палома подъехала к каравану.

— Как ты?

Ее спутник пожал широченными плечами.

— Едва размяться успел... Хилый нынче разбойник пошел! Никакого удовольствия... — Он зло оскалился, озирая мертвецов, над которыми уже начали свой зудящий танец мошकारа и мухи.

Пронзительно свистнув, он подозвал своего жеребца, провел ладонью по взмокшей шкуре.

— Досталось тебе, бедняга...

Действительно. Те пол-лиги, что отделяли путников от каравана, подвергшегося нападению «лесных братьев», скакун киммерийца пролетел, как птица, безжалостно понукаемый жаждущим схватки всадником, и бока его до сих пор ходили ходуном, а с мягких губ падали хлопья пены. Паломе никогда прежде не доводилось видеть такой скачки. Но, хвала богам, Конан подоспел вовремя — и принял основную тяжесть боя на себя.

Торговцы, похоже, также осознали это. Старший в пояс поклонился северянину.

— Благодарим тебя, отважный воин. Честь и слава вам обоим — отрадно видеть, что на свете еще остались люди, готовые прийти на помощь ближнему! Если бы не вы — не знаю, что и стало бы с нами!

— Чего тут знать... — Конан хмуро покосился на трупы караванщиков, зарубленных разбойниками — именно их отчаянные крики, слышные издали, заставили Палому и ее спутника броситься на подмогу купцам.

Старший вновь согнулся в поклоне.

— Не угодно ли благородным господам отдохнуть у огня, пока мы предадим земле наших товарищей... Почтем за честь, если вы разделите наше скромное угощение — а потом мы сможем поговорить.

Двое купцов отвели повозки и лошадей в сторону от дороги, чтобы не оставаться рядом с мертвецами, и принялись раскладывать костер. Остальные же начали оттаскивать погибших на обочину. Разбойников так и бросили там — во устрашение их собратьям, а своих людей похоронили в неглубоком овражке. Охранники каравана, заметила Паломе, не погнушались обшарить и тех, и других; купцы благоразумно закрыли на это глаза.

Наконец, умывшись в ручье, все собрались у костра. Из седельных сумок были извлечены припасы, кувшины призывно забулькали вином.

Четверо охранников и пятеро купцов — от небольшого каравана уцелело чуть больше половины...

Однако таковы превратности торговых путей. Погибших помянули, воскурили в их память ветки можжевельника и окропили огонь вином и маслом, — и предали забвению. Через седмицудругую истошно заголасит, получив дурные вести, чья-то мать или жена, заревут осиротевшие дети... но те, кто уцелели, ныне праздновали победу над Смертью, стараясь не думать, что могли бы сейчас и сами покоиться в земле, скованные ее ледяной тяжестью. Они были живы — и это все, что имело значение!

Старший караванщик, туранец по имени Тамгай, оказался щедрым и гостеприимным хозяином, и угощение своим спасителям выставил на славу. Вино было явно из тех припасов, что он вез на продажу богачам — либо на подкуп чиновников в Бельверусе... а эти пиявки уж в винах-то разбирались неплохо! Палома смаковала каждый глоток.

На ее спутнике, впрочем, купец вполне мог бы и сэкономить, усмехнулась она про себя, наблюдая, как киммериец опрокидывает в бездонную глотку кружку за кружкой, даже не замечая, что за нектар он пьет.

— А славная была драка! — утирая рот ладнью, обратился он к наемнице. — Ты ведь меня еще ни разу в деле не видела... Как я справился, а?

Несмотря на весь свой суровый вид и воинственность, в душе он оставался мальчишкой, которому не терпелось похвалиться удачным боем. Палома насмешливо скривилась.

— Да как мясник топором — чем там любоваться?!

Он ничуть не обиделся, напротив, словно этого и ждал. Расхохотался, запрокидывая гривастую голову.

— Кто бы говорил! Трусливая девчонка, которая и близко-то подойти побоялась! Только и знала, что мазать из лука. Хотя бы раз попала, а, скажи?

Караванщики с широко раскрытыми глазами внимали этой перепалке: повидав обоих бойцов

в деле, они, должно быть, опасались, как бы те, не ровен час, не набросились друг на друга. Решив поугубить их еще немного, Палома потянулась за кинжалом.

— Спорим, попаду по мишени ловчее тебя!

В глазах киммерийца сверкнул — и тут же пропал — огонек. Он вспомнил, как уже имел несчастье принять подобный вызов два дня назад на постоялом дворе. Повторять не хотелось.

— То-то же. — Наемница назидательно подняла палец. — Мечом махать — это для таких безголовых варваров, как ты. Те, у кого мозги работают вперед кулаков, умеют выигрывать бой на расстоянии.

— Господа, господа, прошу вас! — всполошился туранец. — Это был славный бой, и вы оба в нем отличились. Мы все обязаны вам жизнью!.. Не угодно ли сказать, какую награду вы желаете за сей беспримерный подвиг?

Хитрый лис точно знал, как предотвратить кровопролитие! Хотя ему и невдомек было, что подобные перебранки для Конана с Паломой были просто способом провести время. Однако сработало: киммериец тут же забыл о споре.

— Награду, говоришь?

Караванщик торопливо закивал.

— Считете ли вы сумму в сто немедийских золотых достаточной?

— Сто золотых?

— На каждого, на каждого, разумеется!

Конан широко ухмыльнулся и кивнул в сторону своей спутницы:

— Ей, пожалуй, хватит и пятидесяти!

Не удержавшись, Палома прыснула в кулак. Нет, ну каков, а!.. Вслед за ней облегченно засмеялись и остальные купцы. Охранники, до сих пор насупленно молчавшие — опасаясь, должно быть, законных обвинений в трусости, ибо позорно спасовали перед «лесными братьями», — тоже присоединились ко всеобщему веселью.

Ночь завершилась пьяно и весело. Орали песни, покуда не распугали все зверье на пять лиг в округности. Шатры для ночлега пытались возвести трижды, всей толпой, и всякий раз кто-то перетягивал веревку в свою сторону, или колышки вырывались из земли, криво вбитые нетвердой рукой... так что под конец, плюнув на все, путники улеглись под открытым небом, завернувшись в походные одеяла — благо ночь была ясная и теплая.

Уже проваливаясь в сон, Палома подумала, что забыла спросить киммерийца — обратил ли тот внимание, как странно поглядывал на них младший из купцов, светловолосый паренек лет восемнадцати, в простом черном одеянии... единственный, кто за весь вечер не проронил ни слова. Они даже не узнали, как его зовут. Взгляд у парня был странный — оценивающий и молящий одновременно, — словно ему очень хотелось попросить о чем-то новых знакомых, но он никак не мог решиться.

Ладно, сказала она себе, завтра утром все разъяснится.

Подождем до утра...

* * *

На рассвете, когда наемница открыла глаза, бодрствовал лишь единственный охранник, коринфиец, которому по жребию выпала утренняя стража.

— Поспи чуток, если хочешь, — добродушно бросила ему Палома, видя, как слипаются покрасневшие от давешних возлияний глаза парня. — Остальные, держу пари, продрыхнут до полудня — а я пока посижу, подежурю...

Тот с благодарностью кивнул, не тратя лишних слов, и завернулся в одеяло. Вскоре в стройный хор храпящих влился еще один мощный бас.

Девушка хрустко потянулась, всей кожей впитывая прохладный утренний воздух, золотисторозовый в рассветных лучах, пробивающихся сквозь полог листвы, и влажный от росы. Та-ак... Что может быть приятнее после ночной попойки, чем окунуться в ледяной ручей и погонять себя, упражняясь до седьмого пота — ну, будет, пожалуй, на сегодня!.. Если честно, то приятнее такого времяпрепровождения может быть очень многое — хотя бы выспаться досыта... вон, как Конан дрыхнет, и ничего его не берет, медведя киммерийского. Проснется свежий, как младенец, готовый и к подвигам, и к новым пирушкам! Но последовать его примеру для Паломы означало бы преступную списходительность к самой себе, а этого она никак не могла позволить. Больше того, ей словно хотелось наказать себя за что-то...

За что? В чем она была виновата?

Донесшийся из-за спины шорох помешал дальнейшему самокопанию — и слава Митре! Наемница резко обернулась, вскидывая в руке нож.

— Никогда так не подкрадывайся к людям, если хочешь дожить до старости!

Паренек смущенно покраснел — даже макушка зарделась под жидкими светлыми волосами, а веснушки проступили ярко-белыми пятнышками.

— Я... прошу простить меня, медина, я не хотел вас напугать...

— Ты меня не напугал. — Про себя девушка отметила это старомодное обращение — медина — сохранившееся ныне лишь в придворном лэйо. Похоже, она заблуждалась на его счет, и мальчик вовсе не купец. Тогда что он делает с караваном? Она выжидательно уперлась взглядом в парня, предоставляя ему инициативу в разговоре. Хотя... похоже, она догадывалась, о чем он собирается просить ее.

Он растерянно похлопал белесыми ресницами, шевеля губами, словно собирал рассыпавшиеся слова — и наконец выпалил:

— А скажите, *медина*, вы действительно направляетесь в Бельверус?

Конан вчера сказал об этом торговцам. Те тоже ехали туда — на ежегодную ярмарку, с грузом туранских благовоний, шелков и вендийского серебра; однако на предложение сопровождать караван киммериец ответил вежливым отказом. *Увы, месьеры, мы слишком спешим, хотя, нет слов,*

плата щедрая, и мы были бы рады услужить почтенному Таргаю... Соблазн был велик, но тут он наткнулся на угрожающий взгляд Паломы и покачал головой решительно, хотя и не без сожаления. Нет, честное слово, ничего не получится. Может, в другой раз, если судьба еще столкнет нас на торговых путях...

Туранец принял отказ достойно, да, похоже, не слишком и надеялся на согласие. К тому же, по счастью, до немедийской границы оставалось не больше дня пути, а там дорога куда безопаснее.

Палома внимательно посмотрела на мальчишку. Лет семнадцать, не больше. Одежда простая, поношенная, никаких украшений. Судя по всему, отпрыск благородного, но обедневшего рода, решивший попытать счастья в столице... Она пожалала плечами.

— Да, мы едем в Бельверус. У тебя там родственники?

Он уже открыл рот для ответа — но неожиданно, словно опомнившись, закаменел лицом, вздернув длинный нос, отчего сразу стал похож на нахохлившуюся белую птицу.

— Это мое дело, медина. Я просто хотел просить вас об одолжении... Однако если непременным условием этого является моя откровенность — увы, но мне остается лишь просить прощения, что отнял у вас время...

О, Митра! Его счастье, что он выбрал для разговора именно ее, а не Конана. Тот на подобную витиеватость речи, скорее всего, ответил бы доб-

рой оплеухой — и был бы совершенно прав!.. Пряча улыбку, Палома отозвалась:

— Твоя откровенность никого не интересует, я просто пыталась быть вежливой. Остальное — твоя забота. Но если ты хочешь ехать с нами — это будет не бесплатно. Ведь тебе нужны охранники, а не друзья, я правильно понимаю? А услуги такого рода положено оплачивать!

Так. Может, хоть это утешит киммерийца...

Юнец выпятил подбородок с видом глубочайшего презрения к этой продажной породе — наемникам. И снисходительно уронил:

— Разумеется, я и не предполагал иного. Пусть медина назовет цену. Или об этом мне лучше поговорить с твоим спутником?

Ага — он уже стал обращаться к ней на «ты»! Маленький спесивый щенок... Палома не знала, чего ей хочется больше — расхохотаться или отшлепать его. Пожалуй, в наказание, его и впрямь стоило бы отправить торговаться с Конаном — уж северянин содрал бы с бедняги, три шкуры. Но сопляка было жалко. Кого-то он ей безудержно напоминал, кого-то из далекой, далекой юности...

— Двадцати золотых будет достаточно. — Боги, Конан ее убьет!.. — И мы отправляемся в путь сразу после завтрака. Так что иди, собирай вещи.

— Мне нечего собирать, в этот раз я путешествую налегке... — Парень отчаянно пытался произвести на нее впечатление; а на самом деле, наивное, нищ, как болотный отшельник — ведь даже и слуги-то при нем нет!

— Ладно, тогда пойдем будить моего спутника. Сообщим ему приятные вести...

Судя по тому, как мальчишка раздулся от гордости, — иронии в словах Паломы он не уловил.

* * *

— И на кой, скажи на милость, он тебе понадобился? — Поутру киммериец являл собой образчик дурного настроения, и известие о том, что у них появился новый спутник, воспринял без восторга. — Нянчиться с ним еще... Он и меч-то в руках держать не может!

Поразительно! Палома была уверена, что в пылу боя Конан не видел ничего вокруг себя — но наблюдательности варвара мог бы позавидовать самый опытный соглядатай Вертрауэна. Впрочем, наемница давно уже убедилась, что ее спутник далеко не так прост, как желает казаться, и каждый новый день лишь укреплял девушку в этом мнении, усиливая ее восхищение сыном далекой Киммерии.

— Не злись! — Она успокаивающе потрепала его по руке. — До Бельверуса пять дней пути, конь у парня добрый... Не так уж он нас и обременит.

— Но зачем? Ты можешь мне объяснить?

Палома передернула плечами.

— Отнесем на женский каприз. Устроит? — Но северянин упрямо потряс головой, и ей пришлось со вздохом пояснить: — Интуиция. Слышал такое слово?

Явно слышал — потому что насунился еще больше.

— Моя интуиция подсказывает, что ничего, кроме неприятностей, мы от этого не получим. Наглый, высокомерный паршивец! Представь, он полдня раздумывал, когда я спросил, как его зовут — удостоить меня ответом или нет.

— И что же?

— Месьор Теренций — извольте любить и жаловать... Ненавижу этих книжников!

— Книжников?

— А кем еще может быть парень из благородных, если драться не обучен, а выражается так, словно явился ко двору короля Нимеда? И пальцы у него в чернилах...

Надо же! А она и не заметила. Ай да киммериец, ай да варвар!

— Ладно. Я уже взяла у него деньги. Пойдем лучше простимся с Таргаем.

Они отыскиали купца среди повозок — тот проверял, не слишком ли пострадал товар во время вчерашнего налета разбойников, и прикрикивал на охранников, чтобы как следует натянули сверху рогожу... в некоторых графствах Немедии до сих пор действовал закон, по которому любой предмет, упавший на дорогу, считался собственностью местного владыки.

Туранец тепло простился со своими спасителями.

— Жаль, конечно, что вы не можете сопроводить нас до Бельверуса. Однако, если будет на то милость Эрлика, надеюсь увидеть вас на ярмарке. Конан — ты непременно должен свести меня в тот дом утех, о котором говорил на-

кануне! Так что... доброй вам дороги, друзья, и — до скорой встречи.

— Доброго пути и тебе. Пусть будут боги благосклонны и позволят довести товары в целости и самим добраться в добром здравии...

— Они уже явили свою благосклонность, послав мне вчера вас, друзья! И хотя вы лишаете меня одного из спутников — надеюсь, это будет последняя потеря!

Паломе хотелось порасспросить караванщика, что тот знает о Теренции — но мальчишка, как назло, маячил за спиной, и от этого пришлось отказаться... Пора было трогаться в путь!

* * *

Даже вино, которым их снабдил признательный караванщик, не смягчило дурного настроения Конана. Едва они выехали на тракт, он погнал коня во весь опор — словно стараясь оставить позади обоих своих спутников. Паломе без всякого труда удавалось держаться рядом, но Теренций, она была уверена, должен безнадежно отстать.

Каково же было ее изумление, когда, оглянувшись, сквозь густую завесу волос, упавшую на глаза, она увидела паренька, упрямо скакавшего вслед за ними. Лицо его, и без того бледное, было мелово-белым, по прокушенной нижней губе текла струйка крови, пальцы вцепились в луку седла, точно когти — но он не отступал.

Паломе, выросшая среди лошадей, искренне не понимала, как для кого-то езда верхом может

быть проблемой — но упорство Теренция вызывало уважение. Именно потому она не стала просить Конана сбавить темп. Пусть мальчишка гордится собой!

Она не знала, что заставляет ее потакать этому избалованному, самолюбивому дворянчику, который на них с киммерийцем смотрел свысока — если подобное применимо к гиганту-северянину! — цедил слова сквозь зубы и всячески подчеркивал свое несуществующее превосходство. Но какую-то струнку он задел в душе Паломы, глубоко спрятанную, и оттого еще более трепетную. Когда она смотрела на Теренция, губы ее помимо воли растягивала улыбка.

...В пути они остановились лишь один раз, для короткого привала вскоре после полудня. Глядя, как кулем сползает мальчишка с седла, наемница лишь покачала головой и выразительно покосилась на своего спутника. Тот беззаботно пожал плечами. Парень ему не нравился — и Конан не собирался этого скрывать. «Ты с ним связалась — ты и возись», — ясно говорил его взгляд.

Однако и Палома не собиралась разыгрывать заботливую нянюшку. Молча поставила перед Теренцием его долю — лепешку, сыр и вино, — и так же молча удалилась. Если нужна помощь — пусть проглотит свою гордость и попросит сам!

Парень молчал.

Ну и ладно. Оседлав запасных лошадей, дальше поехали на них, давая первой смене отдохнуть, и Палома в который раз про себя возблагодарила щедрость Грациана. Если бы не он, их

путь отнял бы втрое больше времени. Неужели ему и впрямь хочется, чтобы они скорее вернулись?..

Об этом, и о многом другом, она размышляла всю дорогу до вечерней стоянки... хотя прежде и давала себе зарок не вспоминать то, что было в Коршене. *Не думать. Не загадывать. Не строить планов на будущее.* Но разве властен человек над своими мыслями? Все равно что заставлять себя не думать о белых верблюдах — будут табунами топтаться в голове и плевать в душу, насмехаясь над людской наивностью... О, к Нергалу это все!

Они заночевали под открытым небом, ибо, как назло, ни единого постоянного двора не попалось по пути, и Палома попросила себе вторую стражу, надеясь, что сон разгонит нежеланные мысли. Тщетно, разумеется. О, к Нергалу!

* * *

Вечер третьего дня наконец подарил им крышу над головой. Путники уже вступили в пределы Немедии, и первым городом на пути стал захолустный Церваль, столица Церского графства.

С местным владельцем, графом Бергардом, Палома была знакома, хоть и не слишком близко. Встречались на приемах в Бельверусе, да и прежде — старик пару раз гостил в Торе у барона Гундера, отца Амальрика.

Когда она рассказала об этом Конану — хвала богам, его дурное настроение продлилось недо-

лго, и жизнелюбивый киммериец вновь был весел и полон энергии,— глаза его загорелись.

— Так он тоже из этого твоего... Ордена Кречета?

— Во-первых, не моего...— Палома жестом велела северянину говорить потише, а то его зычный голос разносился по всей таверне, и она уже заметила, как в их сторону оборачиваются удивленные посетители.— И не поминай Орден при посторонних. Не то чтобы это запретная тема, но...

— Как скажешь.— Варвар равнодушно пожал плечами, щедро накладывая себе мяса из общей миски, которую поставил перед ними повар. Его не слишком интересовали немедийские дела, в свое время он уже впутался в них по самую шею — едва голову удержал на плечах, так что больше — спасибо, не хочется. И вообще, Грациан отрядил его только проводить Палому до Бельверуса и обратно, чтобы с ней чего не приключилось по пути. Остальное его не касается.

Наемница так и не поняла, насколько он серьезен. Но спрашивать бесполезно: уж если Конан решил держать рот на замке, силой его говорить не заставишь. И пусть в душе Палома была уверена, что Месьор возложил на него отнюдь не только обязанности простого стража — ей этого никогда не узнать наверняка.

Ну и пусть. Может, она вообще раздумает возвращаться в Коринфию. Тогда — что ей за дело до коршенских интриг!

В это время Теренций, сидевший тихо, как мышка на другом конце стола, вдруг поднял го-

лову. Палома чуть с лавки не свалилась. Она и забыла, что тот умеет говорить! За последние три дня парень не сказал со своими спутниками и десятка слов...

— Медина. Месьор. Прошу простить, если вопрос мой покажется вам оскорбительным, или я злоупотреблю вашим вниманием, но... вы упомянули Черного Кречета...

— И что с того? — Конан без особой симпатии, хотя и — хвала Небу! — уже без открытой враждебности воззрился на мальчишку.

— Могу ли я осведомиться, какое отношение имеете вы к этому Ордену?

Киммериец уже было открыл рот для ответа, но Палома пнула его ногой под столом. Теренций спросил о Черном Кречете, хотя варвар не упоминал полного названия. Само по себе это мало что значит — в Немедии об Ордене знали почти все, однако... Чутье призывало ее к осторожности.

— Никакого отношения,— отрезала она сухо, чтобы не давать повода к дальнейшим расспросам.— Просто слышали случайно, что такой существует.— Поколебавшись, она выстрелила наугад: — А ты?

— Я? — Мальчишка, казалось, был испуган.— Нет-нет, я просто так спросил. Простите, месьор и медина...— И закрылся кружкой, как щитом.

Ну, она и не рассчитывала на большее. Поймав взгляд северянина, Палома выразительно повела глазами в сторону их спутника. Но лицо киммерийца выражало лишь всепоглощающую

скуку. Он явно давал ей понять, что все эти тайны его не интересуют.

За вечер Теренций больше не проронил ни слова и ни разу не поднял взора от стола. Ни танцы двух молоденьких туранок, на которых так любовался Конан, ни вспыхнувшая в обеденном зале ссора — впрочем, быстро погашенная хозяином, — не привлекли его внимания. Расправившись с ужином, он коротко поклонился своим спутникам и, с трудом переставляя негнувшиеся ноги (сказывались три дня непрерывной скачки!), двинулся к выходу из таверны.

— Куда это он? — лениво полюбопытствовал варвар. Все его внимание сейчас приковывала танцовщица, вилявшая бедрами в нескольких шагах от их стола и призывно сверкавшая глазами в сторону красавчика-киммерийца.

— Откуда мне знать? — Палома неприязненно покосилась на туранку. — Ты не забыл, приятель, что хозяин отвел нам только одну комнату на троих?!

Удивленный тем, как язвительно-зло звучал голос спутницы, Конан широко ухмыльнулся.

— Не беспокойся... Найду, где устроиться.

— Не сомневаюсь, — пробурчала наемница. Не то чтобы она ревновала, нет, конечно, но следует же соблюдать какие-то приличия!.. — Ладно. Утром увидимся. Желаю повеселиться!

— И тебе... приятных сновидений!

Нергал бы откусил ему ядовитый язык! О том, что сновидения могут быть приятными, Палома забыла много дней назад...

* * *

Первый раз в эту ночь ее разбудил скрип отворившейся двери.

— Кто? — она вскинулась мгновенно, выхватывая кинжал.

— Простите, это я, медина. — Хвала Митре, всего лишь Теренций! Явился наконец...

Повозившись немного, парень устроился на тюфяке в углу и скоро засвистел носом. Палома вновь погрузилась в сон.

Второй раз...

Шум. Какая-то возня. Сдавленный крик.

— Конан, ты что ли?

Молчание. Шорох.

Она вскочила, отчаянно сясь разглядеть хоть что-то в кромешной тьме.

— Конан?!

Тень метнулась к ней. Она скорее почуяла, чем увидела ее приближение. Почуяла враждебность. Жажду убийства.

Считается, что сталь лишена запаха — но Палома ощущала ее... носом, кожей, не имеет значения!

Нападавший был уже совсем рядом. Она метнулась, пригнувшись — затем в сторону, чтобы избежать удара. Наугад полоснула ножом. Мимо!

Он тоже промахнулся. Клинок просвистел в волосах.

— На помощь! — Сейчас было не до гордости. — На по...

Он сшиб ее с ног, наемница покатила по полу, больно ударившись плечом. Едва успела пе-

ревернуться — меч ударил в то место, где она только что была.

Прыжок. Она постаралась оказаться за спиной убийцы. Выпад!

— На помощь!..

Он вскрикнул, сдавленно выругался. Кажется, ей удалось его зацепить. Но тут же жгучая боль раскаленным прутом полоснула по предплечью. Проклятье!

Он был ловок. Очень ловок!

Отчаявшись дозваться подмоги, Палома больше не кричала, берегла дыхание, целиком сосредоточившись на бое. Выпад. Отскок. В сторону. Еще. Нергалов ублюдок словно видел в темноте, он следовал за ней по пятам. А у нее перед глазами была ало-черная завеса, и боль в раненой руке отнимала все силы...

Внезапно по глазам ударил свет. И громовой бас: «Что тут творится, Нергал вас побери?!» показался ей гласом Небес.

— Конан! — выдохнула она, в очередной раз парируя удар меча своим кинжалом.

Киммериец ринулся на помощь.

Но... У проклятой твари было больше трюков в рукаве, чем у балаганного фокусника!

На полушаге варвар споткнулся и закашлялся, отчаянно ругаясь, затем принялся тереть глаза руками.

А убийца, точно кошка, метнулся прочь. Палома бросилась следом, пытаясь ухватить край короткого плаща — но пальцы сжали пустоту.

Треск отрываемого ставня...

На фоне звездного неба мелькнула гибкая черная фигура...

И пустота.

Подбежав к окну, наемница успела увидеть, как человек перелетел через каменный забор — и тут же раздался стук копыт. Со вздохом она опустила руки. Кидаться в погоню было бессмысленно...

— Конан, эй, что он с тобой сделал?!

Из потока проклятий Палома смогла вычленишь лишь одно слово: *перец*.

— Не трогай лицо! Слышишь, сказано тебе — не трогай! — По счастью, в пылу драки кувшин с водой для умывания уцелел. Девушка промыла глаза своему спутнику. Затем зажгла лампу.

При неярком свете ночника воители смерили друг друга взглядами. Физиономии у обоих были кислые, почти траурные.

— М-да, давненько мне не доводилось так оплошать, — протянул киммериец.

— Да и я тоже хороша... — И вдруг вскинулась: — *Теренций!*

В пылу драки она совсем забыла про мальчишку. Ох, и перетрусил же он, наверное!

— Теренций!

Она подошла ближе, опустилась на колени, трянула его за плечо.

Он повалился на спину, рука упала на пол с глухим стуком. Голова запрокинулась, глаза незряче уперлись в потолок.

...Кинжал вошел точнехонько между третьим и четвертым ребром, безошибочно отыскав серд-

це. Кровь тонкой струйкой сочилась из уголка губ — черная полоска на белой, белой коже.

Помедлив мгновение, Палома протянула руку и с бесконечной нежностью опустила веки мертвецу.

* * *

Несколько мгновений Конан и Палома молча смотрели друг на друга.

— Что будем делать? — наконец выдавила она.

Но ответил ей чужой голос — из дверей комнаты.

— Если благородные господа соизволят принять добрый совет...

Наемница поднялась навстречу владельцу постоялого двора.

— А ты, любезный друг, где был со своими советами, пока нас тут чуть не поубивали? Я звала на помощь...

С фальшивым раскаянием тот развел руками.

— Не гневайтесь, госпожа, с детства туг на ухо!

Злой запал ее еще не остыл после боя. Палома потянулась за кинжалом.

— А вот я тебе сейчас уши отрежу — раз это все равно бесполезное украшение, что тогда?! — Ухватив толстяка за ворот, она рывком подтянула его к себе, глядя в округлившиеся от страха глаза. — Говори — кого впустил ночью? Кто здесь был?!

Хозяин рухнул на колени.

— Госпожа... госпожа! Не виноват ни в чем, Небом клянусь! Это же постоянный двор... кто при-

ходит, кто уходит, за всеми разве уследишь?! На ночь мы не запираем. А я на кухне был с женой... никого не видели, Митра свидетель!

Возможно он говорил правду... или лгал. Как узнать? Палома отпустила беднягу, и тот поспешно, не вставая с колен, отполз в сторону, косясь на свирепую наемницу затравленными глазами.

— Госпожа, не считите за дерзость, но совет я дам хороший...

— Говори.

— Уезжайте. Прямо сейчас. До утра недалеко, скоро городские ворота откроют. Уезжайте. Я стражников позже позову, к пятому колоколу, когда служанка в комнатах убирать придет. Скажу, ничего не знаю, ночью ничего не слышал, никого не видел...

— Да, это у тебя отлично получается, — мрачно констатировала Палома. Однако резон в словах хозяина все же был, она не могла этого не признать.

— А чего нам бояться? — подал голос Конан, все еще стоявший рядом с трупом. — Не мы же его прикончили, в конце концов!

— Ага. Только графская стража разбираться не станет. — Девушка поморщилась, вспомнив, как ее саму всего одну луну назад задержали точно также, над мертвецом, которого она не убивала. — Немедийские порядки еще похуже коршенских. Если есть подозреваемые — в лепешку расшибутся, чтобы нас до плахи довести. А так... виновных нет, значит, никто и доискиваться не будет. Похоронят по-тихому, и все.

— Истинно так,— затряс головой толстяк.— Госпожа — просто светоч мудрости! И опять же, историю замнут, и мне никакого убытка. А если вас схватят — по всему Церу пойдет слух, что в «Золотой короне» постояльцев режут...

— Убедил.— Киммериец, похоже, склонен был, как и Палома, согласиться с доводами хозяина.— Вещи соберем — и в путь. Ты там распорядись пока, чтобы лошадей нам оседлали.

— Сам! Сам займись! И поесть в дорогу соберу...— И дробные шажки застучали по лестнице. Толстяк только что не приплясывал от облегчения.

Затворив дверь, Палома обернулась к своему спутнику. Тот уже неторопливо укладывал их скудные пожитки. Взгляд наемницы задержался на мертвце.

— Бедняга... надо бы обыскать его напоследок...

Северянин закашлялся — девушке показалось, чтобы скрыть смех.

Пробурчав: «Не вижу ничего забавного», она склонилась над Теренцием. Ловкими, опытными руками прошла по одежде в поисках потайных карманов. Не обнаружив ничего, перешла к личным вещам. С собой у парня был сундучок и седельная сумка, в которой обнаружилась лишь смена одежды и немного съестных припасов.

Сундучок же оказался открыт — крышка отвалилась, едва лишь наемница тронула ее кинжалом. Пусто! Лишь теперь она поняла...

— И когда ты успел? — в гневе обернулась она к варвару. Подумать только — любитесь, как

она шарит у мертвеца по карманам, и хоть бы слово сказал!

Довольный собой, Конан развел руками.

— Меньше надо было хозяину глазки строить!

Раздосадованная, она немедленно парировала:

— А тебе меньше с танцовщицами кувыркаться!.. Тогда, может, мальчишка бы жив остался.

Стрела попала в цель. Киммериец помрачнел.

— Правда. Моя оплошность.— И неожиданно выдал совсем ему несвойственное: — Извини...

— Да ладно, не казни себя.— Палома смягчилась.— Я тоже показала себя не с лучшей стороны.

Только сейчас она вспомнила про раненую левую руку. Странно, как отступает боль, когда голова занята другим. Впрочем, быстрый осмотр уверил ее, что это простая царапина. Ничего серьезного. Конан помог ей перевязать предплечье, пообещав бодро:

— Даже шрама не останется!

— И слава Митре! Шрамы красят только мужчин, мне они ни к чему.

В молчании они собрали оставшиеся вещи. И наконец Палома задала вопрос, который жег ей язык все это время:

— Ладно, выкладывай. Что это было?

— Ты о чем? — Он прикинулся, будто не понимает.

— О том, что вез с собой Теренций. И я не о золоте...

— Да там и было-то всего ничего. Полсотни монет.

— Зубы мне не заговаривай! — На сей раз она разозлилась всерьез. — У парня было с собой что-то ценное. Где оно?

Без слов, киммериец запустил руку в недра своей торбы и извлек на свет завернутый в промасленную кожу сверток.

— Это все?

Теперь уже рассердился северянин.

— Слушай, ты за кого меня принимаешь? Я у своих не ворую! На первой же стоянке все бы тебе отдал!

— До того, как сам бы проверил — или все же после?

Конан пожал плечами.

— Тебе бы дознавателем быть в этом твоём Вертрауэне. Глаза, как кинжалы. И язык — как топор палача.

— Отвратительное сравнение. Вернемся в Коршен, продай Силенцию, он охоч до таких вывертов. — Бездарность придворного поэта графа Лаварро давно вошла в присловье. — Ладно, давай проверим, ничего мы здесь не забыли?

Пряча сверток Теренция под плащ, она обвела взглядом полутемную комнату. Глаза ее остановились на мертвце. Странное ощущение, что она не может уйти — просто так. Как будто нужно сделать еще что-то... Но что?!

Не обращая внимания на спутника, который, досадуя на женскую медлительность, призывал ее поторапливаться, Палома вернулась к трупу и вновь опустилась перед ним на колени. Что же она могла пропустить?

— Слушай, а плащ ты проверила? — внезапно спохватился Конан.

Верно. Плащ юноша подложил под голову, вместо подушки. Она и не заметила! Ругая себя за невнимательность, Палома встряхнула накидку, и была вознаграждена... свернутый лист пергамента покотился по полу.

Нагнувшись, киммериец подобрал послание. Спрятал к себе.

Все?

И лишь теперь — только теперь! — наемница обратила внимание на кинжал, которым был убит несчастный Теренций.

Еще не веря собственным глазам, извлекла оружие из раны, вертя его в руках, чтобы свет упал на рукоять...

— Ну, что там еще?! — Северянин навис над ней. Она отмахнулась.

— Отойди, мешаешь!

Наконец, увидев все, что хотела, она направилась к двери, но пути нетерпеливо окликающая своего спутника:

— Что ты там застрял? Ждешь пока городская стража появится? Давай, шевелись!

Конан поперхнулся ругательством.

Лишь оказавшись на конюшне, где, как и обещал хозяин, их уже ждали оседланные лошади, Палома сжалась над сгорающим от любопытства северянином. Опасаясь, помимо прочего, и за собственную жизнь: ей показалось, что если она станет и дальше играть в молчанку, он ту-маками выбьет из нее признание.

— Этот кинжал... — замолчав, она огляделась по сторонам — не подслушивает ли кто.

— Да скажешь ты наконец, в чем дело?!

— Там птица на рукояти. Не просто для украшения. Я видела такие в Торе. Это символ Ордена Черного Кречета!

* * *

Полдень в Бельверусе. По утрам осень уже чувствуется, деревья зябнут под ее дыханием, но днем в сад возвращается лето. Громада королевского дворца за спиной, такая мрачная в другое время, сейчас кажется янтарно-прозрачной, словно вот-вот растает, медовой лужицей растечется под лучами солнца.

Посыпанные желтым песком дорожки золотыми ручейками разбегаются от поляны, стремясь поскорее добраться до самых дальних окраин сада. Они уносят влюбленные пары, стайки хохочущих придворных дам, стражников в доспехах, сверкающих на солнце, точно ожившие медные статуи.

На поляне пусто. Человек, сидящий на вздыбленном корне древнего вяза — его, по легенде, посадил сам Брагорас Первый, дав начало королевскому саду, — неподвижен, как само дерево, к стволу которого он прислонился спиной. Его черный наряд почти сливается с потемневшей корой.

Но вот вдалеке слышится детский смех — словно ручеек бежит, стремится, приближается... Человек оживает. Точнее, движутся только его руки. Они достают из кармана какой-то небольшой предмет. Деревянную игрушку. Два соединенных кружка; на стержне между ними намотана тонкая бе-

чева. Если резко бросить вперед — веревка разматывается... а затем неумолимо притягивает игрушку обратно. Деревяшка ложится в ладонь человека, тычется доверчивым щенком. Он делает новый бросок — теперь с замысловатой петлей в конце полета. И все повторяется.

Дети замирают на краю дорожки, толкают друг дружку локтями, не решаясь переступить границу поляны.

— Смотри, смотри, он опять здесь!

— Что это такое?

— Вот так штуковина!

— И как у него это получается?!

— Смотри!..

— Смотри...

Не обращая на ребятню никакого внимания, мужчина вновь отпускает игрушку. Подскакивая, она бежит по дорожке, насколько хватает бечевы — и возвращается. Всегда возвращается.

Пять пар округлившись глазенок смотрят на это чудо.

Наконец самый смелый делает шаг вперед. Ему лет семь на вид. Белокурый, в аккуратном бархатном костюмчике, с крохотным мечом в золоченых ножнах. Маленькая рука тянется повелительно.

— Дай!

Человек безмолвно протягивает игрушку.

Ребенок бросает. Деревяшка беспомощно падает на землю. Остальные дети хихикают. Голосок — капризный, но требовательный:

— Как ты это делаешь? Покажи!

Человек пожимает плечами...

* * *

На привале, который путники сделали лишь ближе к вечеру — убедившись, что достаточно удалились от негостеприимного Церваля, — Палома была сумрачна и печальна. Приняв из рук киммерийца кружку с вином, половину пролила в костер, что-то тихо шепча при этом.

— Щенка этого что ли поминаешь? — Варвар посмотрел на нее с легким презрением, какое ему всегда внушала женская чувствительность. — И дался же он тебе?! Видит Митра — я только взглянул на него и сразу понял: не жилец... Если уж хочешь так высоко нос задирать, должен уметь и меч в руках держать, чтобы отбиться от тех, кто захочет этот нос подрезать! А у нашего петушка, кроме гонора, ничего за душой не было...

— Не скажи. Ты самого главного-то и не разглядел.

Это задело северянина не на шутку.

— О чем ты, скажи на милость?

— Да о том, что парень-то он был неплохой. Книжник, ты верно подметил, и в обычной жизни, наверняка, тихий и скромный — мухи не обидит.

— Чего же он тогда перед нами выставлялся?

— Не перед нами. То есть — не лично в нас дело. Просто у него была некая миссия. Кто-то поручил ему дело необычайной важности. Пареньку показалось — он взлетел в какие-то заоблачные сферы, вот и раздулся от гордости. Я заметила, как он то и дело косился на свой сундук. Посмотрит украдкой — и тут же плечи рас-

правит, зубы стиснет, ну просто сам Эрменальда Отважный перед гирканской ордой... Так что и уважения он требовал не к себе лично — а к своему поручению. К тому, что он вез с собой. К тем людям, кто ему это доверил...

— И что же это было? Ты смотрела сверток?

— Разумеется. — Кожаную оболочку Палома срезала, едва они выехали за городские ворота. Тогда же прочитала и письмо, найденное в плаще Теренция. Вот только что это ей дало? — На, полюбуюсь.

На пергамент Конан едва взглянул; хотя наемнице было известно, что ее спутник учен грамоте, однако читать он явно не слишком любил. Ладно, Паломе не составляло труда пересказать ему послание.

— Там, как видишь, нет имени адресата. И, вообще, никаких подробностей. Просто какой-то Марцелий рекомендует отрока Теренция вниманию некоего сиятельного местьора... Упомянут также скромный дар, что отрок везет с собой, но все туманно, намеками... потому он, должно быть, и хранил письмо на виду, оно явно ни для кого не представляет интереса.

— Плевать. Ты главное давай. Сверток, что я у него из сундучка выудил.

Что ж, пусть позабавится. Может, грубая мужская сила преуспеет там, где спасовал женский ум?

Плоская коробочка размером чуть поболее ладони и толщиной в два пальца была закрыта наглухо. Хуже того, не было ни щелки, ни намек

на петли или замок — хоть что-то, что помогло бы ее открыть.

Поверхность, идеально гладкая, тоже не несла никаких зацепок. Ни рисунка, ни вырезанного узора, ни надписей...

— Слушай! — Конан, повертев странный предмет и так, и эдак, наконец сдался. — Похоже, это обычная деревяшка. Не знаю, конечно, на кой она парню понадобилась, но, согласись...

Наемница упрямо покачала головой.

— Если мы не способны разгадать секрет, это еще не значит, что секрета не существует. Потряси ларец — и прислушайся.

С выражением недовольства и сомнения варвар повиновался... и брови его поползли вверх.

— Там что-то шуршит! Или гремит... не пойму. В общем, что-то там есть внутри!

— Об этом я тебе и толкую.

— Так может — рубануть разок мечом, и дело с концом?! — Глаза его загорелись охотничьим азартом. Благословенная натура, искренне уверенная в том, что доброму клинку под силу решить любые проблемы!..

— Давай подождем пока, — осторожно возразила Палома, от греха забирая у своего спутника таинственную вещь. — Сдается мне, здесь без магии не обошлось, тогда на ларец вполне могли наложить чары уничтожения. Если коробку попытаются открыть силой, содержимое просто сгорит, или еще что-нибудь...

— Может и так, — неохотно согласился Конан, провожая смурным взглядом деревянную шка-

тулку, которую Палома убрала на самое дно своего мешка. — Слыхал я о таких заклятиях... Придется что ли к колдунам идти?

Девушка пожалала плечами. Она была уверена, что в Вертрауэне найдутся мастера и такого рода, но заранее говорить об этом не хотелось. Доберемся до Бельверуса — посмотрим!

* * *

Столица Немедии встретила путников проливным дождем; узкие улочки древнего города сделались почти непроходимыми; редкие прохожие, проклиная все на свете, крались под самыми стенами домов, вжимаясь в каменную кладку, когда проезжающий всадник или экипаж норовили окатить их грязной водой из лужи.

У Паломы не было своего дома в Бельверусе: содержать что-то приличное выходило слишком накладно, а селиться в трущобах она не желала. Да и не так уж много времени она проводила в городе, бесконечные разъезды давно сделались частью ее жизни. Однако хозяйка «Спящего единорога», постоялого двора в квартале виноделов, всегда готова была сдать девушке комнату, а в ее отсутствие за небольшую плату хранила скудные пожитки гости...

Конану место это пришлось по душе — в особенности огромное количество винных лавочек поблизости.

— Вот откуда ты так разбираешься в вине! — расхохотался он, когда они подъезжали к постоялому двору. — Редкий талант для женщины!

На самом деле, это была память от отца — у того был знатный погреб, и он беспрестанно пополнял его лучшими сортами со всей Хайбории; по осени из самых дальних концов Немедии к нему съезжались знакомые, дабы отведать каких-нибудь новых редкостей... Но она не стала вдаваться в объяснения.

— Здесь чисто, отличная кухня и очень тихо,— заметила она, вводя своего спутника в обеденный зал «Единорога». — По крайней мере, так было прежде, потому просьба не устраивать дебошей и не портить мою репутацию...

С показным смирением гигант-киммериец кивнул, но, судя по озорному огоньку, блеснувшему в синих глазах, едва ли он намеревался сдержать слово. Придется присматривать за ним, со вздохом сказала себе Палома. Опыт их стоянок в пути заставил ее свыкнуться с любовью северянина к кутежам...

Лиланда, хозяйка заведения, едва завидев гостей, бросилась девушке на шею, при этом с любопытством косясь на ее товарища.

Хрупкая, крохотная женщина, она отнюдь не производила впечатление особы, способной справиться с таким непростым делом, как содержание постоялого двора. Сколько знала ее Палома, она не уставала этому поражаться: под детской, кукольной внешностью скрывалась нестигаемая воля и стальной характер.

Еще довольно молодая, Лиланда уже пять лет как похоронила мужа и решительно отвергала притязания многочисленных ухажеров, горевших

желанием помочь очаровательной вдовушке управлять заведением. Она предпочитала быть сама себе хозяйкой и в открытую заявляла об этом — что в суровой патриархальной Немедии требовало от женщины немалого мужества. Впрочем, это отнюдь не мешало ей интересоваться мужчинами. По крайней мере, суровый спутник Паломы сразу пришелся ей по сердцу. Выразительно стрельнув глазами, она безмолвно задала той вопрос — и получила такой же молчаливый ответ: «путь свободен». Наемница отнюдь не собиралась претендовать на то, чтобы единолично завладеть вниманием киммерийца. К тому же она рассчитывала, что будет очень занята в ближайшие дни — так уж пусть лучше варвар находится под надежным присмотром!

Обрадованная, Лиланда тут же принялась хлопотать вокруг Конана, предлагая ему перекусить и освежиться с дороги, осыпая тысячей вопросов о том, как прошло их путешествие, и впервые ли он в Бельверусе, и не нуждается ли в помощи — так что даже избалованный женским вниманием северянин почувствовал себя польщенным.

Хозяйка отвела им две соседние комнаты — причем, как с улыбкой отметила Палома, собственные покои Лиланды находились через стену от киммерийца. Вот и славно... Сославшись на усталость, она удалилась к себе, пообещав, что спустится к ужину и попросив нагреть для нее воды в купальне.

Ей необходимо было побыть в одиночестве, собраться с мыслями перед свиданием с Рингой.

* * *

Человек в королевском саду по-прежнему, словно на троне, восседает на корне вяза. Каждый день его можно найти здесь. Он молод, у него кинжально-острое лицо, темные волосы зачесаны назад и перехвачены в хвост, — прическа, каких в столице уже лет двадцать не носят. Губы и глаза, бесцветные, почти не выделяются на фоне бледной кожи, отчего все лицо кажется словно замороженным в лед.

Он по-прежнему играет с фаруком. Бросок — и деревяшка, описав причудливую петлю, возвращается в ладонь. Еще бросок — человек приотпускает веревку, и игрушка мячиком скачет по земле... чтобы в конце концов опять найти руку хозяина. Человек смотрит на фарук едва ли не с нежностью.

Заслышав дробный топоток, он, как обычно, не поднимает головы, всецело поглощенный своим занятием. Дети приходят ежедневно... Но сегодня есть одно отличие. Следом за крохотными башмачками с серебряными пряжками печатают шаг мужские сапоги. Тонкая алая кожа, узкие черные каблуки.

Человек неспешно прячет игрушку под плащ, поворачивает голову, начинает подниматься с места... Но пронзительный голосок останавливает его:

— Нет! Не убирай! Я нарочно папу привел — покажи ему, как ты это делаешь!..

Глава вторая

а назначенную встречу Ринга не пришла. Разглядывая человека, что уселся напротив нее в условленный час, в таверне «Энгер-рыбак», Палома пыталась вспомнить, где же она могла его видеть, но тщетно. Слишком уж незапоминающаяся внешность оказалась у того, кто назвал себя Марициусом. Лет сорок пять на вид, с залысинами, носом-луковкой и отвисшей нижней губой — ни дать, ни взять мастерской из предместий, а уж никак не помощник грозного начальника тайной службы Немедийского королевства.

Госпожа Ринга изволила отбыть из города по делам службы, пояснил он наемнице. И поспешил уточнить, что вполне полномочен выслушать ее доклад.

Месьюр Марициус не нравился ей. Своим самоуверенным видом, тем, как нагло, по-хозяйски уселся, отодвинув в сторону ее кружку, как смотрел на нее, точно гадая, кто она такая и по-

чему он вынужден терять с ней время... Но больше всего Палому выводила из себя подспудная нотка тревожности, которую она ощущала в этом человеке всякий раз, когда смотрела ему в глаза. Нервозность эта не имела отношения к ней лично, и он старательно ее скрывал — однако наемница была слишком опытна, чтобы упустить даже неочевидные признаки. То, как подрагивают у собеседника крылья носа, как он кривит губы, прежде чем заговорить, как мелко перетирает пальцами, словно стряхивая налипшую муку... все это говорило ей больше, чем слова.

...В этот час — а было время шестого колокола — в «Рыбаке» было довольно многолюдно, но в отличие от развеселой вечерней толпы, любопытной и жадной до развлечений, полуденные посетители мало интересовались тем, что творится вокруг.

Они забежали сюда наскоро перекусить, прежде чем вернуться в свои лавки, меняльные конторы или мастерские, и глотали пищу жадно, торопливо, не поднимая глаз от миски.

Чтобы не выделяться, Палома заказала себе вина и тушеных овощей с рыбой — они с Рингой всегда делали так, — но Марициус лишь брезгливо повел носом, тщательно вытирая платком стол, прежде чем поставить на него локти, и раздраженным жестом прогнал парнишку, который тут же подскочил к гостю с дощечкой для заказов.

Митра, что за странного типа мне прислали! — только и могла подивиться наемница. Однако

это, увы, не повод, чтобы не дать ему полный отчет о поездке.

— Итак, вы были в Коринфии, — начал ее собеседник.

— Да, в Коршене. Вам известно, зачем меня посылали туда?

Столь явно выраженное недоверие, казалось, ничуть не задело Марициуса. Он лишь как-то странно задергал губами, словно собирался сплюнуть, но в последний момент вспомнил, что сидит в помещении.

— Прекрасно известно. Убрать с дороги барона Скавро. Я сам передал госпоже Ринге это поручение, выбор посланца был оставлен на ее усмотрение. Некоторым... особам не нравилось, что барон зачастил в южные края. В этом усматривали нежелательные... кхм-м... возможности...

Можно сказать и так. Покосившись из-под ресниц на обеденный зал и убедившись, что никто по-прежнему не проявляет интереса к их разговору, Палома отозвалась:

— Он готовил заговор для Черного Кречета. Подкупал ключевые фигуры в обороне города, чтобы облегчить захват графства войсками Ордена. Мне удалось найти список заговорщиков, ими займутся... надежные люди. — Ей не хотелось упоминать имя Грациана.

Выпуклые глаза Марициуса затянулись тонкими веками-перепонками. Он принялся выстукивать на столешнице какой-то затейливый ритм.

— Кречет хотел посадить на трон кого-то из своих, или...

— Или. У нынешнего графа коршенского пятеро родных детей и еще пасынок. Официально наследник до сих пор не провозглашен, и я уверена, что кто-то из шестерых принял участие в заговоре, чтобы воссесть на трон. По-видимому, власть, даже полученная из рук немедийцев и ограниченная их волей, показалась подлому изменнику предпочтительнее мук неизвестности.

— Судя по вашей горячности, вы приняли это дело близко к сердцу...

Совершенно невинное замечание — но почему у Паломы возникло впечатление, что ей было предложено испытание... и она только что с позором провалилась?! Ринга — где же ты?.. С вызовом она взглянула на собеседника.

— Да, это так. На то были причины. Поступая к вам на службу, я не давала клятвы отказаться от личной жизни!

Она тут же пожалела о своей откровенности. Многие не раз говорили ей, что дерзкие выходки ее погубят. Сейчас был именно такой случай.

Она одним глотком допила вино.

— У вас есть ко мне еще вопросы, месьор?

Тот словно и не заметил, что ей не терпится уйти. Сидел себе молча, с преувеличенной тщательностью разглаживая складочку на рукаве. Наконец соизволил подать голос:

— Разумеется, есть. Имя предателя?

— Мне оно неведомо. Я как раз хотела посоветоваться, сумеет ли тайная служба выяснить его здесь? Собственными возможностями.

— Что вы имеете в виду?

Марициус не скрывал неудовольствия — нижняя губа отвисла еще сильнее, белесые брови насупились.

— Не мне вас учить вашей работе... — С показной скромностью, Палома опустила глаза; на самом деле, опасаясь, чтобы собеседник не заметил вспыхнувшего в них бешенства.

— Тогда ответ — нет, — отчеканил тот. — Мы больше не собираемся тратить время на такие мелочи. В конце концов, это забота Коршена, а не наша. Мы устранили проблему в лице Скавро. Остальное нас не интересует.

— Но ведь Орден Кречета может повторить свою попытку!..

— Повторяю, моя госпожа, вас слишком уж интересуют коршенские дела, это излишне! Куда опаснее вред, который Орден может принести здесь, в Бельверусе. Именно это должно бы стать вашей первой заботой.

— Моей? Но какое отношение это имеет ко мне лично?

— А вы не знаете? — Марициус старательно изобразил иронию. Вышло несколько тяжеловесно. — Разве вы не уроженка Торы — одного из основных Гнезд Кречета?!

Какого демона?.. Этот ублюдок что — ставит это ей в вину?! Вне себя от ярости, она процедила:

— Я родом из Торы, да, но не была дома уже восемь лет, с тех пор как сбежала оттуда...

— После несостоявшейся свадьбы с Амальриком, сыном Гундера Торского?

Палома поперхнулась. Положительно, этот тип был уж слишком осведомлен о ее личных обстоятельствах. В такие подробности она не посвящала в Бельверусе никого, кроме разве что Ринги, но с трудом могла себе представить, чтобы та стала сплетничать об этом с Марициусом. Так откуда...

Прочитать ее мысли в этот момент было несложно, и потому она даже не вздрогнула, когда собеседник невозмутимо пояснил:

— На самом деле, наш интерес изначально привлекла отнюдь не ваша персона. Ваше имя всплыло случайно, когда мы стали интересоваться молодым Амальриком...

— Амальриком? — против воли она заволновалась. — А что стряслось? Что он натворил?

Марициус внимательно смотрел на нее, словно оценивая, насколько искренно ее волнение и что скрывается за ним — любопытство, злорадство, тревога?.. И лишь придя к каким-то своим выводам, счел возможным продолжить:

— Для этого вы нам и нужны — чтобы выяснить это.

Утопив в водах безмолвия вопросы, теснившиеся на языке, Палома погрузилась в молчание. На протяжении всей встречи собеседник оказывал на нее неоскутимое, но явное давление — уже одним тем, что был ей антипатичен. Возможно, подумалось ей, это тоже оружие, и он использует его сознательно. Занятная мысль — хотя сама она едва ли когда сумеет воспользоваться таким приемом.

У нее свои сильные стороны! И, помнится, острый ум она всегда считала одной из них. Время проверить это...

— Ладно. Кажется я понимаю. Поправьте меня, если ошибусь, но... Вас, похоже, беспокоит нечто, связанное с Амальриком, — изрекла она наконец, когда в сознании стали проступать контуры общей конструкции. — Однако, судя по всему, то, что он делает, не связано напрямую с интересами Ордена — и вы не можете через своих осведомителей в рядах Черного Кречета выведать, что происходит. Насколько я знаю Амальрика... Да, конечно, — спохватилась она. Встала на место последняя деталь. — Поэтому я и понадобилась Вертрауэну. Кто-то, знакомый с бароном не по Ордену — и одновременно верный вам. Боюсь, вы ошиблись с выбором: мы слишком давно не встречались, и между нами нет никаких теплых чувств, однако... Расскажите мне все от начала и до конца. Я подумаю, что можно сделать.

Впервые с начала разговора, Палома чувствовала удовлетворение: ей наконец удалось перехватить инициативу. Марициусу, напротив, это не слишком пришлось по вкусу. Он смотрел на нее с легким страхом и брезгливостью — как смотрят слабые мужчины на слишком умных и сильных женщин.

Однако ему нужна была ее помощь! И, преодолев себя, соглядатай выдавил:

— Он *играет*.

— Он... что?! — Дурацкая манера — говорить загадками!

— Играет...— Это слово, как видно, вызывало у Марициуса крайнюю степень отвращения. К тому же, при любом упоминании об Амальрике он кривился, как от большого зуба. Впрочем, уж это Палома могла понять. Юный наследник Торы у многих людей вызывал подобные чувства.— Каждый день является в королевский сад, садится у вяза Брагораса и забавляется с какой-то деревянной штуковиной.

Палома молча взирала на собеседника в ожидании продолжения. Когда ничего не последовало, не удержалась:

— И это — все?!

— Все. Но нас это тревожит.

— Так запретите ему приходить туда!

— Невозможно. Сад открыт для публики особым указом его величества! Понимаете, я сознаю, что обвинение... гм... сомнительное. Однако, как бы то ни было, в его поведении есть нечто странное. Представьте. Изо дня в день. Взрослый мужчина. С игрушкой...— Каждое слово давалось ему тяжелее предыдущего.— Зная его прошлое — это должно что-то означать!

— Его прошлое?! О чем это вы? — В последний раз они с Амальриком встречались восемь лет назад, когда он вручил ей деньги — чтобы Палома сбежала из Торы и избавила его от необходимости жениться на ней. С тех пор она потеряла несостоявшегося жениха из виду и ничего не знала о его судьбе.

— О, молодой барон Торский одно время был приметным персонажем на политической арене...

— Барон? Но разве его отец...

— Семь лет назад скончался и передал сыну титул. Однако Амальрик не остался в Торе и не посвятил себя мирным радостям сельского труда...— Марициус хмыкнул.— Вы, полагаю, помните, как силен был Орден Кречета при короле Гариане? Тот пользовался его услугами для самых разных... поручений. И юный барон прославился тем, что брался за самые шекотливые — не буду утомлять вас подробностями. Облавы на чернокнижников в Фарцвале, смерть бритунского посланника, беспорядки в Офире — это лишь то, что мы знаем наверняка... Но при Нимеде он остался не у дел. У молодого короля, как известно, иной взгляд на все эти вещи... что порой прискорбно сказывается и на нашей службе... Как бы то ни было — на время Амальрик исчез из нашего поля зрения и объявился вновь три седмицы назад. В королевском саду.

— Так он не делает ничего противозаконного?

— Нет. Я же сказал — играет! — Марициус негодующе скривился.— Согласен, это звучит странно. Но моя обязанность перед Коронай — замечать такие странности. И действовать!

Палома передернула плечами. Лично ей казалось, что столичные чиновники, похоже, окончательно взбесились от безделья. Столько шума из-за такой нелепицы! Ну, хочется человеку сидеть в саду... О, Митра, кому повторить — засмеют!

Видимо, что-то из этих мыслей отразилось у нее на лице, потому что Марициус сделался совсем мрачен.

— Именно так все и реагируют. Но я знаю, что здесь что-то неладно. И боюсь, что когда пойму в чем дело — уже не сумею...

— Ну, так принимайте меры! — Наемница не скрывала раздражения. Надо же — этот тип вздумал свести ее с Амальриком!.. — Отошлите его из столицы под удобным предлогом. Да хоть в тюрьму бросьте, в конце концов! Не мне вас учить...

Вдох Марициуса был подобен стенанию тяжеловоза, который едва доволоч до места неподъемную повозку.

— Поздно. Его высочество наследник престола изволил проявить интерес к игрушке. А потом привел в сад отца. Я... — Ему было нелегко признаться, но он все же выдавил: — Я не знаю, о чем они говорили. Но король поднял меня на смех, когда я поделился с ним своими опасениями. Он пожелал принять барона Торского лично, представил его королеве, ввел в Малый Круг... Я боюсь даже подумать, что будет завтра!

— Так может, предоставим его величеству решать, опасен Амальрик или нет? — ядовито осведомилась Палома.

Марициус сокрушенно развел руками.

— Король впечатлителен и обожает новых людей, при этом совершенно не думая об осторожности. Впрочем, для этого и существую я... мы. — К тому же, — он строго посмотрел на наемницу, — не ваше дело, госпожа, обсуждать приказы. Тайная служба его величества поручает вам тайно и в кратчайшие сроки разобраться в этой загадке. Извольте соответствовать!

Ладно, это был кнут. А где же пряник?

— Это задание не похоже на обычные поручения...

— Зато оплата будет обычной. Пятьдесят золотых, если справитесь за одну седмицу. Не уложите — тогда вполровину меньше. Это срочно!

Палома кивнула. Если бы она имела дело с Рингой, то, по правде сказать, согласилась бы и бесплатно, просто из любопытства. В самом деле, забавно будет увидеть Амальрика спустя столько лет. Да и разобраться в этой загадке... Но Марициус ей не нравился, так что от денег она не отказалась. Хотя все же не удержалась бросить на прощание:

— По мне, так вы зря тратите золото казны. Больше чем уверена, во всем этом нет ничего зловещего. Каким бы человеком ни был барон Торский, но он всегда останется преданным слугой Немедии и никогда не нанесет вреда своему королю!

— Да услышит Митра ваши слова! — Марициус неожиданно улыбнулся. — Если это действительно так, и вы сумеете мне это доказать — клянусь, моя госпожа, я выплачу вам еще тридцать монет из собственных денег — как личную благодарность за то, что вы снимете с моей души этот груз. Видите ли... — Уголки его рта печально обвисли. — Если и есть что-то на свете, что я ненавижу — так это необъяснимые вещи!

— Тут мы с вами не сходимся, — засмеялась Палома. — Это именно то, без чего я не могу жить!..

* * *

К вечернему выходу из дома наемница готовилась особенно тщательно.

Это было для нее привычным ритуалом: заново знакомиться с городом, всякий раз, когда она возвращалась в Бельверус после долгой отлучки. Конан, заскучавший за целый день на постоялом дворе, вызвался ее сопровождать.

— Очень уж ты хороша сегодня. Смотри, украдут...

— Я всегда хороша, — отшутилась наемница, незаметно проверяя, хорошо ли закреплен кинжал на предплечье, скрытый под пышным рукавом платья. В рукаве, неприметные для глаза, имелись разрезы, через которые до оружия было легко дотянуться: женский наряд имеет свои преимущества... Второй кинжал висел в узорчатых ножнах на поясе, рядом с зеркальцем и веером.

Паланкин, нанятый вместе с носильщиками у соседа-винодела, уже дожидался на улице.

...Привычный маршрут. От Южных ворот, где, несмотря на вечерний час, царила обычная суета, они направились в ремесленные кварталы... Здесь торговля постепенно затихала. Женщины созывали к ужину ребятишек, заигравшихся на улице; торговцы сворачивали палатки, наглухо закрывались двери лавок и мастерских. Ароматы пищи мешались с запахами отходов. Из-за заборов таверн доносился нестройный гул, хохот, пьяные выкрики — уставшие за день мужчины торопились просадить заработанные в поте лица деньги на скверное вино и уродливых шлюх.

На пересечении улицы Кожевников и какого-то безымянного проулка, несмотря на царившую здесь вонь (ибо для выделки кож использовалась лошадиная моча), Палома велела рабам приостановиться и какое-то время они с Конаном, вместе с толпой, наблюдали за собачьими боями. Два здоровенных серых кобеля в шипастых ошейниках бросались друг на друга, уже даже не лая, а заходясь истощным воем, норовя дотянуться до горла или до брюха противника. Судя по крикам, ставки делались немалые. Северянин, азартный, как все варвары, тут же изъявил желание поставить на одного из псов — но Палома тоном, не терпящим возражений, велела рабам трогаться в путь.

— Здесь дурно пахнет...

— Мне доводилось жить и в еще более скверных местах, — пожал плечами киммериец.

— Мне тоже. Именно поэтому я всякий раз начинаю прогулку отсюда — чтобы вспомнить. И именно поэтому никогда не задерживаюсь надолго.

Узкие улочки ремесленных кварталом, петляющие, запутанные, точно пряжа швеи-неумехи, вывели путников в торговый квартал. Здесь было куда просторнее; перекрестки же представляли собой небольшие площади, сплошь окруженные лавками и столами менял. Некоторые из них трудились до зари, готовые услужить закутившим иноземцам, у которых не хватит добрых немедийских золотых, чтобы закончить пирушку. Над их палатками, на высоких шестах были ук-

реплены деревянные короны — ибо так же в простонародье именовались монеты.

Большая рыночная площадь, опустевшая в сей поздний час, служила границей между Верхним и Нижним городом. Сейчас, хотя время торговли уже миновало, она была по-прежнему запружена народом: прямо посреди площади стояли фургоны, крытые повозки, какие-то люди ставили шатры. Это были купцы, приехавшие на летнюю ярмарку, и не нашедшие места на постоянном дворе. Здесь городская стража тоже взимала мзду за право ночлега — но это обходилось несравненно дешевле.

Вообще, большая ярмарка была событием примечательным: на нее съезжался торговый люд со всей Хайбории. Престижнее считалась лишь ярмарка тарантийская, но ее время наступит лишь в середине осени, через две луны.

— Таргая надо бы навестить, — пробормотал Конан, вспомнив купца, которого им посчастливилось избавить от разбойников на пути в Бельверус.

Это напомнило Паломе о другом их спутнике.

— Не придумал, что делать со шкатулкой Теренция?

Конан покачал головой.

— Крутил ее весь день — и хоть бы что! Придется, видно, и впрямь к колдунам обращаться. Но у меня таких знакомых нет. Надеюсь, Ринга с Мораддином посоветуют...

— Ринги нет в городе, — огорчила его наемница. — Насчет твоего друга — не знаю. Но чародея

могла бы порекомендовать Лиланда. Завтра спрошу у нее.

— Только пойдешь сама. Я эту их колдовскую породу на дух не выношу!

Палома рассмеялась.

— Вот так всегда — самую грязную и опасную работу сваливают на женские плечи!

...Киммериец не расспрашивал ее о том, как прошла сегодняшняя встреча, и она не стала ему ничего рассказывать, в том числе и о новом поручении, которое ей дали. Точно также, как она ни слова не сказала Марициусу об истории с Теренцием. Почему промолчала, Палома не знала, но у нее давно вошло в привычку не делиться без нужды тем, что ей известно, даже с самыми близкими людьми. Знание может стать оружием, а оружием она не привыкла пренебрегать.

Тем временем стало стремительно темнеть, и рабы закрепили два факела в боковых скобах паланкина. Окруженные облаком красноватого света, путники пересекли наконец ярмарочную площадь — и оказались в квартале купцов.

Тут с каждой улицей дома становились все богаче, заборы все выше, и стражники на воротах провожали носилки все более подозрительными взглядами. Конан без стеснения вертел головой по сторонам, выглядывая то в одно окошко, то в другое, и время от времени довольно хмыкал. Похоже, эти места были ему знакомы. Но Палома не стала его ни о чем расспрашивать.

Здесь дороги были мощеными, в отличие от Нижнего города, где улицы с легкостью переходили

дили в сточные канавы. А ближе к королевскому дворцу, окруженному особняками вельмож, булыжник сменили ровные, гладкие плиты, пригнанные так плотно, что в стыки не вошло бы и лезвие ножа. Насколько было известно наемнице, имелись даже особые рабы, в чьи обязанности входило регулярно обходить эти улицы, безжалостно выдирая случайные травинки, имевшие дерзость прорасти сквозь мостовую...

Дорога, по которой они следовали, сделалась так широка, что на ней без труда смогли бы разъехаться четыре кареты. Дворцы знати виднелись из-за каменных заборов темными громадами, окруженные ухоженными садами. Вместо галла и многоголосья Нижнего города, здесь единственными звуками, нарушавшими тишину, был лишь топот ночной стражи, стук копыт и скрип колес — это спешили по своим делам вельможи, для которых жизнь начиналась лишь с закатом солнца. Пиршества, балы, дружеские попойки — все это были развлечения, подвластные лишь госпоже Ночи. Скромный паланкин винодела здесь выглядел едва ли не дерзким вызовом — и рабы-носильщики пробирались по самой обочине, опасаясь случайно заступить дорогу кому-то из высороджененных.

Широкой дугой обогнув королевский дворец — мрачное серое строение, некогда очень строгое, суровой архитектуры, превратившееся, благодаря многочисленным пристройкам, башням и галереям в бесформенный каменный лабиринт, — путники оказались у входа в сад. Палома хотела

было попросить рабов, чтобы они доставили их к вязу Брагораса... но передумала. Лучше она придет сюда завтра пешком и осмотрит все при свете дня.

— Возвращаемся, — объявила она, и носильщики послушно потрусили обратно.

Конан всем своим видом выражал недоумение.

— И в чем был смысл этой прогулки? Я думаю, мы по кабакам пройдемся, промочим горло... Можно было бы хоть в кости сыграть или пометать ножи...

— Я тебя не удерживаю. — Палома пожала плечами. Объяснять не хотелось. Однако она забыла, как настойчив может быть варвар. А сейчас он явно хотел получить ответ на свой вопрос.

— Ладно, — скрепя сердце начала она. — Я ведь предупреждала — тебе со мной будет неинтересно... Просто для меня это своего рода ритуал, понимаешь? Через Южные Ворота я в свое время вошла в Бельверус. Денег у меня было всего ничего, а из имущества — только меч, доспехи и лошадь. Пока не нашла способ заработать, ютилась в самых бедных кварталах... ну, ты видел. Потом появилась возможность зажить побогаче. Однако я боюсь забыть, с чего начинала. Когда предаешь свою память, рано или поздно она может предать тебя.

Северянин понимающе кивнул.

— Если бы я все время жил в одном месте, то, наверное, делал бы нечто похожее. Но ты высоко метишь, подруга!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, заканчивается-то твоя прогулка у королевского двора...

Она засмеялась. И правда... Однако в этом не было никакого скрытого смысла.

— Королевой я быть не собираюсь. Тем паче, наш король давно женат!

— Что не мешает ему развлекаться на стороне...

— А тебе-то откуда это известно? — Тайные похождения Нимеда отнюдь не были достоянием широкой публики. Однако Конан лишь выразительно поднял брови и ничего не сказал в ответ, что лишний раз утвердило Палому во мнении, что приятель ее далеко не так прост, как желает казаться.

Даже Грациан, надменный и донельзя придиричивый в выборе своего окружения, приблизил к себе киммерийца после того, как тот пару месяцев прослужил у него — настолько, что они стали почти друзьями... а это говорило о многом.

А здесь, в Бельверусе, Конан как-то упоминал Лаваррона, главу тайной службы — причем в таком тоне, что не оставалось сомнений: он знаком с грозным герцогом лично! Так почему бы и не с королем?

Сама Палома не имела чести быть представленной верховному сюзерену. Для нее это были высоты почти недостижимые. Суровые порядки в Немедии строжайше разграничивали сословия, которые внутри себя делились еще на множество рангов, уровней и слоев. Каждый существовал отдельно от остальных, и возможностей нару-

шить установленный порядок у обычного человека почти не было. Кем ты родился, кем был твой отец — это раз и навсегда, до самой смерти предопределяло твое существование.

Конечно, саму наемницу едва ли можно было отнести к обычным людям. Какие-то барьеры ей удалось сломать — но гораздо больше их оставалось нетронутыми, и едва ли когда-нибудь ей выпадет шанс...

Хотя вот Амальрику, похоже, это удалось.

Вспомнив о нем, Палома помрачнела. Странная история — и надо же было случиться, чтобы заняться этим поручили именно ей! Что, в Вертрауэне мало подходящих людей? Одного круга с бароном Торским?

Митра свидетель, подобраться к нему будет нелегко, ведь ее бывший суженый остановился даже не на постоялом дворе; нет, как сообщил всеведущий Марициус, в Бельверусе барона приютил сам советник Гертран, один из приближенных Нимеда и, по слухам, казначей Ордена Черного Кречета. Слишком влиятельное лицо, чтобы Палома могла вот так запросто заявиться к его воротам и потребовать пропустить ее к гостю советника. Да ее просто выставят вон, не станут даже и слушать!..

Конан, заметив, как внезапно нахмурилась его спутница, вопросительно покосился на нее.

А почему бы и нет, собственно? Уж если кто и сможет дать ей дельный совет...

Не называя имен и не влезая в суть дела, наемница коротко обрисовала свою проблему.

Судя по пренебрежительному хмыканию, задача представлялась киммерийцу пустяшной.

— Когда-нибудь он должен выходить из дворца. Подкарауль его на улице.

— В этом квартале богачей? Да меня первая же стража схватит, если я начну там крутиться без дела!

— Ну, так придумай дело! Хоть бродячей торговкой нарядись, что ли?

— Здесь их нет. Ты забываешь — мы в Бельверусе! Тут покой знати охраняют, как королевскую сокровищницу...

— А по-моему, ты ломаешь себе голову на пустом месте. Перелезь через забор — и дело с концом!

Ох уж эти ей воровские замашки...

По счастью, в этот миг показались ворота их постоянного двора, и язвительная отповедь замерла на языке.

— Ладно, ты как хочешь, а я еще прогуляюсь,— объявил ей Конан.— Поищу, может, встречу кого из старых приятелей... А то так и от тоски загнуться недолго! — И, не дожидаясь ответа, на ходу выпрыгнул из паланкина и исчез в лабиринте темных улиц.

Палома проводила его взглядом.

Сама она, как ни странно, чувствовала себя куда более усталой, чем если бы провела весь день в седле. Нужно лечь пораньше, сказала она себе.

Это был самый лучший способ больше ни о чем не думать...

* * *

Наутро она наконец осознала, что за мысль подспудно мучила ее все это время, небольшое, но важное упущение, не дававшее покоя растрепанному мозгу.

— Тебе придется вернуться в Церваль,— без околичностей сообщила она Конану за завтраком.

Тот поглядел на нее мрачно — злой, несправившийся после ночного кутежа, недовольный тем, что его подняли чуть свет... а тут еще такие новости!

— Шутишь? — неприятно осведомился он.

Палома стойко выдержала его взгляд.

— И не думала. Видишь ли, мы должны разобратся со смертью Теренция. Хотя бы потому что он нанял нас, заплатил деньги, чтобы мы доставили его в Бельверус — а мы оплошали. На нас долг чести.

Она знала, на какой струне сыграть. Эти слова были близки и понятны варвару; несмотря на дурное настроение, он приосанился, и теперь смотрел на свою спутницу даже с некоторым подобием слабого интереса.

— У нас есть несколько ниточек, которые могут привести нас к разгадке. Одна из них — это то, что он вез с собой. Шкатулка и письмо. За ними и приходил убийца...

— Но,— Конан нахмурился,— ведь он знает, что теперь это все у нас. Почему же не пытается украсть?

— О! — Наемница беззаботно рассмеялась.— Вчера, пока нас не было, он обшарил наши ком-

наты. Я нарочно дала ему такую возможность... Разумеется, вещи Теренция были у меня с собой.

— Предупреждать надо! — Киммериец был возмущен, но Палома отмахнулась.

— Это не важно. Когда ты уедешь, он осмелеет и повторит попытку. Я буду наготове — и попробую схватить его.

Ее спутник покачал головой, осуждая столь безрассудный план, но девушка стояла на своем.

— Со мной все будет в порядке. Я знаю, чего ждать — он меня врасплох не застанет! А тебе действительно нужно вернуться в Цер, я это придумала отнюдь не для того, чтобы отослать из города!

— Для чего же?

— Понимаешь, я только сегодня поняла. Парнишку-то ведь убили именно после того, как он отлучился с постоялого двора. Он с кем-то встретился, рассказал о своем поручении — и тут же поплатился за доверчивость. Мы должны выяснить, кто это был.

— Каким образом? Надеюсь, ты не забыла, что нас с тобой в Цервале ищет стража?

— Помню. Но, во-первых, ты будешь один, а они ищут мужчину и женщину. Во-вторых, прошла уже целая седмица, за это время все должно было утихнуть. Кому какое дело до убитого приезжего, нищего и никому не известного?! Так что если ты будешь осторожен...

— Рога Нергала! Я все равно не могу понять, как ты хочешь, чтобы я нашел, к кому он ходил! По запаху разве что?!

Палома засмеялась. Это было так очевидно — но и ей самой понадобилось семь дней, чтобы понять...

— Он ушел, когда стемнело. Значит, с ним должен был пойти факельщик. Скорее всего, один из тех, у постоялого двора. В конце концов, это их работа — провожать гостей. Факельщик должен помнить дом, куда ходил Теренций. Ты выяснишь имя того, кто там живет — но только сразу же возвращайся! Ни в коем случае не пытайся сам встретиться с ним.

— Почему? — Столь явное недоверие не на шутку задело варвара. — Неужели ты мне даже такой пустяк поручить не можешь, как вытрясти из какого-то ублюдка, зачем он велел прирезать парнишку?!

Палома покачала головой.

— Не в том дело. Сперва я должна выяснить, кто этот человек. Если он принадлежит Кречету — это одно. Если нет...

— Какое там — нет?! Ты же сама говорила, кинжал...

— Для этого может быть тысяча объяснений. Ну... точнее, три, но этого достаточно. Кинжал мог принадлежать убийце, и тот действительно член Ордена. Кинжал мог принадлежать убийце, но Кречет здесь ни при чем, а убийца желал бросить тень на Орден. И, наконец, кинжал принадлежал самому Теренцию, вор вытащил его из ножен у парня на поясе. Ножны, кстати, были пусты, я это заметила... Так что, пока я не буду знать наверняка...

— Ладно, ладно, убедила.— С тяжким вздохом варвар тряхнул черноволосой головой.— Кром, до чего же я не люблю трогаться в путь сразу после попойки... Ну, хоть ветер голову продует!.. — Он пристально посмотрел на Палому.— Ты это, Оса... поосторожней тут без меня. А то что я Месью скажу?..

Растроганная, наемница, изменив всем своим принципам, попросила Лиланду принести им кувшин вина и, несмотря на раннее утро, с удовольствием опустошила его с северянином на пару.

...Когда ворота постоянного двора закрылись за Конаном, и стук копыт его жеребца затих за поворотом, Палома вернулась в обеденную залу и отыскивала хозяйку.

— Мне нужна твоя помощь, Лиланда.

— Для тебя — все что угодно, дорогая! — отозвалась та, вытирая о передник испачканные в муке руки.— Хотя, по правде, за то что ты отослала своего красавчика-друга, тебя удушить мало! И так у бедной вдовы немного радостей в жизни, а тут норовят лишить последней...

Девушка сочувственно обняла подругу.

— Он вернется, не горюй.

— Ладно,— со смехом отстранилась та.— Не подлизывайся. Говори, что я могу для тебя сделать?

— Мне нужен неплохой колдун, не шарлатан, а настоящий, которому под силу было бы разобраться с магической задачей. Не подыщешь ли ты кого?

Лиланда нахмурила белесые брови.

— Сложная задача. Сама знаешь, как их племя травят в Немедии в последние годы. Жгут на кострах, в казематы бросают, топят в реке... В общем, подумать надо. Посоветоваться кое с кем. К вечеру, если что выясню, скажу. Что-то еще?

— Да. Это проще. Нужен мальчуган, смысленный и глазастый, чтобы пару дней незаметно побегал за одним человеком и проследил, куда тот ходит.

— Ну, вот это и впрямь проще некуда. Погоди...— Неожиданно, хрупкая миловидная женщина по-разбойничьи заложила пальцы в рот и свистнула так пронзительно, что у Паломы заложило уши. Не прошло и мгновения, как в дверь просунулась лопухая, веснушчатая физиономия.— Поди сюда, Сетрик, негодник.— Она бесцеремонно втащила его на кухню за рыжие вихры.

Мальчишка, приняв покаянный вид, тут же занял:

— Это не я, тетушка Лил! Митрой клянусь, не я кувшин со сливками опрокинул! И лошадей не я пугал! И...

— Ой, молчи лучше! — всплеснула руками хозяйка,— А то мне и впрямь придется тебе уши оборвать. Вот, познакомься лучше — это госпожа Палома. Ей нужно, чтобы ты кое-что сделал для нее. Справишься?

Переход от слез к горделиво-снисходительному виду был молниеносен. Паренек подбоченился.

— Еще бы не справиться! А денег-то заплатит твоя подруга?

Палома с трудом скрыла улыбку.

— Посмотрим... Сперва заработай!

Она вкратце объяснила Сетрику, что от него требуется. И не успела бы сосчитать до трех — как сорванца уже не было в кухне. Только пыль вихрилась крохотными смерчками на том месте, где он только что стоял.

* * *

Следующий день, точнее, утро его, проведенное в безделье и бессмысленном ожидании, принесло с собой решение, которому суждено было стать роковым — что ни понимай под словом «рок».

Сетрик с раннего утра отправился, как и было велено, следить за Амальриком, а значит, появиться с донесением должен был лишь ночью. К вечеру же Лиланда клятвенно обещала разузнать адрес толкового колдуна. Так чем же занять бесконечный день?

Странно, раньше Палома никогда не скучала в Бельверусе, никогда не испытывала такого томительного ощущения, будто зря теряет время, тогда как ей давно надлежало бы быть совсем в другом месте... Право слово, хоть скачи вслед за Конаном в Цервалы!

Навещать знакомых не было настроения, да и не завела она себе особых друзей в столице, если не считать Ринги и Лиланды.

Соваться в королевский сад, к вязу Брагораса, было рановато: если Амальрик там, она только спугнет его. Он слишком проницателен, что-

бы не догадаться об истинной подоплеке такой «случайной» встречи...

Поразмыслив, наемница приняла единственно возможное решение. К Вертагену! Там ей всегда рады — и это самое подходящее место, чтобы немного развеяться и сбросить сковавшее ее напряжение.

Нарядившись в мужскую одежду, ставшую ей едва ли не более привычной, чем женское платье, Палома заплела свои длинные белоснежные волосы в косу, спрятала их под модную барету, приладила на пояс ножны с мечом — узкий, не слишком длинный клинок-волчок, гордость Торских оружейников со знаменитым клеймом в виде скалящейся волчьей пасти, — закрепила на предплечье и в голенище метательные кинжалы, а на воротах — тонкую и гибкую терцию — нож убийц без гарды, с лезвием-прутом, и вышла из дома, чувствуя себя готовой к любым неожиданностям.

Слишком самонадеянно, как оказалось...

До улицы Оружейников, где Вертаген держал свой тренировочный зал, Палома добралась не так скоро, как хотелось бы: сказывалась близость торговой площади, где в разгаре была летняя ярмарка. Все прилегающие кварталы кишели народом, пробираться между груженными повозками, среди храпящих лошадей и ругающихся возниц, оказалось сущим мучением.

Пару раз наемница едва удерживалась, чтобы не пустить в ход оружие. Но вот, наконец, вырвалась на свободу...

Уф-ф! Теперь можно и отдышаться. Отсюда до Вертагена рукой подать...

Как вдруг кто-то схватил ее за полу накидки.

— Эй, госпожа Палома, ты что ли? Я тебя не сразу и признал! Зачем так вырядилась?

Сетрик! Девушка сдвинула брови.

— Если мне не изменяет память, кому-то поручали следить за бароном Амальриком... А кто-то вместо этого, похоже, прохлаждается на ярмарке!

Мальчишка обиженно выпятил нижнюю губу.

— Если бы я прохлаждался — стал бы я тебя окликать?! Он там, твой барон...— Сетрик ткнул пальцем в ворота, над которыми красовалась вывеска с грубо намалеванным кувшином.— С приятелями пьют.

В этом притоне? Палома поморщила переносицу. Вот уж совсем непохоже на Амальрика. Он, помнится, на дух не переносил дешевых забегаловок, да и вообще, всего дешевого, второсортного. Конечно, за восемь лет вкусы меняются...

— А что за приятели?

— Да двое каких-то хлыщей. Они вместе из оружейного зала вышли!

Вот так новости!

— Случайно не из того, что вниз по улице, там еще дуб растет у забора, и щит прибит на воротах?..

— Вот-вот,— обрадовался мальчишка.— Сказали, что перекусят, и опять туда вернуться...

Не в силах поверить в неожиданную удачу, Палома бросила своему рыжему согладату се-

ребряную монету; тот ловко поймал ее на лету и мгновенно спрятал за щеку.

— Тогда на сегодня — все. Беги домой. Вечером увидимся — скажу, что дальше делать.

Обрадованный, постреленок бросился прочь, не тратя времени на прощания — видно, боялся, что щедрая нанимательница может и передумать. Огненные вихры мелькнули в проулке, ведущем на рыночную площадь — и только она его и видела. Ну, пусть развлекается! Он это заслужил.

Ничем не выдавая охватившего ее возбуждения, Палома заспешила к дому Вертагена.

Странное совпадение. Почему из всех оружейных залов, которых немало в столице, Амальрика угораздило выбрать именно этот? Хотя, если задуматься... Ведь и она сама впервые пришла сюда не просто так: об этом месте еще в Торе ей рассказывал старый Байкан, обучавший девочку основам фехтования. А ведь он был наставником и сына барона Гундера!

...Вертаген, как обычно, встретил наемницу восторженно, стиснув ее в медвежьих объятиях и не выпуская, покуда она не запросила пощады.

— Нет, ты глянь, живая,— басил он, оглядывая ее с ног до головы.— И не прирезали в темном переулке... И даже похорошела как будто...

Довольная, она засмеялась.

— И ты до сих пор не разорился, старый мошенник. И притон твой не сожгли... Как тут, свободно сегодня?

Фехтовальщик кивнул.

— Для тебя — всегда. — Он знал, как она не любит тренироваться при посторонних.

Почему-то вид женщины с оружием вызывал у большинства мужчин странную реакцию. Либо беспричинную агрессию и насмешки, либо желание срочно затащить ее в постель... и то, и другое слишком отвлекало от дела.

Аккуратно сложив оружие на особой подставке при входе в Малый зал, Палома с наслаждением отдалась разогревающим упражнениям, чувствуя, как с каждым мгновением становятся все более гибкими мышцы, и кровь быстрее течет по жилам. Все это время Вертаген пристально наблюдал за ней, порою строго прикрикивая, когда ему казалось, что ученица готова дать себе поблажку.

— Гнись, гнись сильнее! Не ленись, ты, соплячка! — гудел его бас, и в иные моменты Палома готова была вскочить и задушить его собственными руками. Куда уж сильнее-то?! Ей и без того казалось, что спина вот-вот переломится...

Потом он заставил ее попотеть с тяжестями, и наконец вывел в сад для своих знаменитых «кругов». Бегать Палома всегда любила — но после того, как безжалостный надзиратель наконец смилостивился над ней и оставил умирать у пруда с золотыми рыбками, она готова была дать себе зарок, что впредь будет передвигаться исключительно в паланкине!

— Да, совсем ты скисла, — критически окинул ее взглядом Вертаген. — Я всегда говорил — тебе веретено нужно, а не меч. Девчонка!..

От злости она даже позабыла об усталости, о ноющих мышцах.

— Я тебе покажу — девчонка! Сам-то когда в последний раз клинок в руках держал? А ну, пошли!..

Зычно хохоча, мастер-фехтовальщик устремился в Большой зал, где, собственно, и происходили основные тренировки. Подхватив по пути свое оружие, Палома последовала за ним. У входа в зал, как положено, поклонилась медному изваянию, держащему по кривой сабле в каждой из четырех рук — сколько ходит сюда, постоянно забывает спросить у хозяина, что же это за бог такой! — и окинула взглядом зал. Вертаген призывно помахал ей, подзывая поближе.

Кроме них двоих, в зале оказалось еще несколько учеников. Давая наемнице время перевести дух, оружейник обошел их, по очереди что-то подсказывая каждому.

Двое — совсем молодые ребята в одних набедренных повязках — сражались в углу на деревянных мечах. Один, проворный и гибкий, теснил своего более мощного, но неповоротливого напарника к стене, наступал угрожающе, нанося быстрые, обидные удары по бокам и по бедрам. Палома не слышала, что сказал им Вертаген, со своей всегдашней ухмылочкой, но после его реплики у здоровяка заполохали уши, и он заработал мечом с утроенной силой.

Еще один парень, чуть постарше самой наемницы, изнывал в неравной борьбе с деревянной куклой, которую ученики фехтовальщика окрес-

тили не иначе как Палачом. Это устройство, похожее скорее на толстую колоду с торчащими шестами с укрепленными на концах лезвиями, короткими и длинными, было насажено на подвижное основание таким образом, что вертелось после каждого удара, норовя нанести удар другой «рукой» с самой неожиданной стороны.

Клинки были заточены на славу, без дураков, так что к Палачу Вертаген подпускал лишь самых умелых — и то немало шрамов оставили безжалостные лезвия ученикам на добрую память... а с ними и науку уворачиваться от самых невероятных атак и всегда оставаться настороже. Глядя, как пыхтит черноволосый крепыш, прыгая вокруг деревянного чурбана, Палома невольно сочувственно поморщилась. Ее сегодня тоже ожидает это удовольствие.

Еще один ученик был занят сравнительно приятным делом — медленно кружился у закрепленного на стене огромного медного зеркала, оттачивая основные движения боя. Для него безжалостный наставник нашел больше всего язвительных слов. Парень даже остановился, принялся обиженно возражать — но в ответ получил увесистую затрещину... и вернулся к работе.

Наконец Вертаген приблизился к последнему гостю, устало сидевшему на скамеечке в углу. Он был самый старший из присутствующих — ровесник самого оружейника. Кажется, припомнила Палома, она уже встречала его здесь. Гортах его зовут, или что-то в этом роде. Ветеран многих сражений, он приходил в тренировочный зал

скорее поболтать с приятелями, поглядеть на молодых, изводя их насмешками и придирками... На Палому он прежде не обращал ни малейшего внимания.

Но сегодня, как видно, старый воин скучал, а возможно, прочие юнцы уже успели ему приесться в качестве мишени для издевок.

— Эй, Верт, ты что, решил превратить свой зал в дом свиданий? Что тут делает эта патлатая?

Палома стиснула челюсти. Сталкиваться с подобной реакцией ей доводилось нередко, и обычно первым порывом было вызвать насмешника на поединок — после чего вопрос, зачем она носит на поясе меч, отпадал сам собой. Однако не драться же со стариком... А пререкаться с ним — еще унизительнее!..

Краем глаза она заметила, что остальные мужчины тоже отвлеклись и прекратили тренировку, радуясь возможности позубоскалить.

— Правда, что тут делает эта крошка? — подал голос тот, у зеркала. — Или почтенный Вертаген решил столь необычным образом вознаградить достойнейшего?

К счастью, хозяин зала пришел ей на помощь — а не то Паломе пришлось бы драться со всеми разом.

— Твоих достоинств, Симплициус, не хватит и на локон ее волос! А ты, Горт, помолчал бы лучше. Вспомни хоть ту же Майбену Остроглазую, что воевала с нами в Офире! Разве плохая была рука?!

— Так то когда было,— не желал сдаваться старый воин.— В наши времена...

— Хочешь ее испытать? — прервал его Вертаген с хитрой усмешкой.— Вот и займись делом — а то скоро жиром заплывешь!

Ворча, тот поднялся с места, подошел к Паломе, презрительно меряя ее взглядом.

— Только не на этих твоих деревяшках, Верт. Раз уж явилась сюда — пусть дерется, как мужчина!

Наемница сдержанно поклонилась, не снимая руки с оружия.

— К твоим услугам, почтеннейший. Обещаю сражаться вполсилы — из уважения к твоим сединам!

Тот крикнул от неожиданности — и вдруг раскатино захохотал.

— Ладно, девка, язык у тебя, вижу, острый. Посмотрим, на что ты еще годишься...

Гортах прошелся кругом, разминая мышцы, на ходу скидывая с себя все лишнее, пока не остался в одних штанах и льняной безрукавке.

Шрамы на загорелой коже образовывали причудливый рисунок, словно письма чернокнижника. Палома восхищенно присвистнула. Сколько же этот седоусый ветеран отправил за свою жизнь прохладиться на Серые Равнины?!

Сдержанно поклонившись друг другу, противники встали в боевую стойку. Начинать никто не спешил, каждый пока лишь оценивал соперника. Деревянный пол под босыми ногами был приятно теплым. Это ощущение напомнило девушке о

сотнях тренировочных боев, что довелось ей провести в этом зале. Сегодняшний ничем не отличался от тех, прочих, и все же...

Остальные ученики прервали упражнения и во все глаза следили за происходящим. Обычно Вертаген не позволял пялиться на чужие поединки, но сейчас и сам стоял, руки в боки, ухмыляясь, точно предвкушая какую-то забаву. Над кем он смеялся — над ней, или над своим старым приятелем, девушка не знала.

Ага! Седоусый наконец перешел в наступление. Без предупреждения. Только что стоял, небрежно поглядывая по сторонам — и вот уже клинок его, отличный широкий меч северной работы, просвистел у левого уха соперницы... отразить выпад, впрочем, не составило особого труда. Она парировала и нанесла свой удар. Противник отбил его без усилий, даже не стал отклоняться, уверенный, что у него хватит сил отвести ее клинок.

Теперь опять атаковал он, Палома ускользнула, поднырнув под лезвие. Вскоре ей все стало ясно. Гортах был поклонником старой немедийской школы, которую среди знатоков метко именovali «медвежьей». Здесь не было хитрых финтов с подначкой, никаких подлых ударов, «кинжалов из рукава», чем, к примеру, славились те же аргосские фехтовальщики. Равным образом — и никаких особых красотостей. Сила и действенность — таков был девиз «медведей». Расчет на то, чтобы покончить с противником как можно быстрее и с минимумом усилий. Отлично для

мощных, закаленных бойцов, каким, без сомнения, и являлся седоусый.

...Проклятье! Увлечшись планированием боя, Палома едва не забыла следить за происходящим сейчас. Удар был сильным — рубящий слева; отбить такой у нее не было ни единого шанса.

Спасла лишь гибкость: она прогнулась, сложившись едва ли не вдвое, и тут же покатилась в кувырке вперед, подсекая соперника под лодыжки. Парировать он не успел, вынужден был отскочить... и разразился ругательствами.

— Я тебе не горный козел, девка, чтобы так прыгать! Не можешь биться по-людски — так и скажи, рога Нергала тебе в печень!

Палома расхохоталась. Редко удается так быстро нащупать слабое место соперника.

Впрочем, и он ее раскусил, да это было и несложно. В самом деле, смешно предполагать, что женщина в состоянии на равных состязаться с мужчиной в силе ударов.

Поэтому дальнейший поединок сделался подобен бою медведя с осой — в честь которой Палома и заслужила, кстати, свое прозвище. Он рубил наотмашь, с боков и сверху, да так, что воздух гудел, точно буйволиная кожа на барабане.

Она металась, отскакивала, ныряла под удар, колола и жалила... И первая кровь досталась ей — клинок Паломы рассек кожу на бедре воина. Разозленный, он с оглушительным ревом обрушил меч на то место, где она была только что, с такой мощью, что рассек бы девушку надвое, если бы она не ушла в сторону в стремительном

перекате. И меч Гортаха со стоном вонзился в пол.

Не теряя ни мгновения, она вскочила у него за спиной и приставила лезвие к шее мужчины.

— До первой крови, месьер?

Это было обычаем для подобных поединков, по крайней мере, в зале Вертагена. Даже когда дрались боевым оружием, после первого ранения наступало перемирие... если только один из противников, в злобе и досаде, не объявлял себя оскорбленным и не требовал боя насмерть. На памяти Паломы, такое случалось лишь дважды...

По счастью, сейчас она имела дело не с разъяренным юнцом, который не в силах вынести позора, что его одолела женщина, а с умудренным жизнью воином. Гортах лишь крикнул сердито и с усилием выдернул меч, на добрый сентм вошедший в доски пола.

— Старею, видно...

Подождевший Вертаген хлопнул приятеля по плечу.

— Все мы не молодеем, дружище! Ну-ну, не злись, сам ведь напросился!

Гортах обернулся к Паломе и, не заметив в ее лице ни насмешки, ни презрения, ухмыльнулся и жесткой, замозоленной рукой потрепал ее по щеке.

— Молодец, птаха. Так мне и надо, старому хвостуну. — Он помолчал немного, что-то прикидывая, затем неожиданно подмигнул ей. — А все же держу пари, в другом поединке тебе против меня не устоять. За кувшином вина-то я тебя

одолею! Проверим? — Он кивнул Вертагену. — Давай что ли, раздавим на троих твоего аргосского? Осталось еще то, что я привозил из Месины?

Хозяин фехтовального зала расплылся в улыбке.

— А как же. Только давай чуть погодя — видишь тех лоботрясов? — Он показал на остальных учеников, которые под суровым взглядом наставника неохотно вернулись к тренировке. — Закончу с ними — тогда и выпьем! Да и Оса пусть еще побегает, рано ей праздновать. — Теперь его строгий взгляд уперся в Палому. — Думаешь я не заметил, как ты «поплыла» в начале боя? О чем задумалась, красотка? В зеркало на себя засмотрелась что ли? Решала, куда бантик повязать?! Ты — воин, а не баба, запомни!..

Девушка покаянно потупилась. А она-то вознадеялась, что беспощадный учитель не заметит промашки... не тут-то было!

— Ладно, будет тебе, вон она уже красная вся! — засмеялся седуусый. — Не позорь девку. Разделала меня под орех, так что свой стаканчик вина заслужила! — Он устремил взгляд поверх плеча Паломы и приветственно помахал кому-то рукой. — А, привет, парень! Видал, как меня тут сейчас распахали?!.

Ей ни к чему было оборачиваться. От звука шагов кожа на спине пошла мурашками. А голос вызвал знакомую сосущую пустоту внутри.

— Застал самый конец. Печатающе. Кто же сей юный талант, Вертаген? Один из твоих питомцев?

Он не узнал ее! Паломе стоило больших усилий поднять глаза, чтобы спокойно встретиться с ним взором.

— Так это жен... Палома?!

— Здравствуй, Амальрик. Или я должна говорить — месьор барон?

Он не ответил. Молча смотрел на нее своим странным взглядом, то ли поглощая ее целиком, то ли не видя вовсе.

Гортах тряхнул его за руку.

— Девушка! Нет, ты можешь поверить?! Девушка сделала меня, точно щенка! До сих пор не могу прийти в себя!

Он не слушал. Все так же не сводя с нее глаз, медленно, в растяжку повторил, словно пробуя имя на вкус:

— Па-ло-ма...

На лице Вертагена зияла хитрая ухмылочка.

— Так вы с Осой знакомы? Вот уж денек сюрпризов! За это, пожалуй, и впрямь стоит выпить!

Амальрик уже пришел в себя от удивления, мгновенно переходя к радушной, доброжелательной любезности, такой придворно-безукоризненной... и насквозь фальшивой:

— О, разумеется, мы знакомы с госпожой Паломой. Давние друзья, если позволите, медуна... — Он склонился над ее рукой. — Счастлив вновь видеть вас, моя госпожа. Жаль, что не могу задержаться, чтобы насладиться беседой...

— Э, нет, не пойдет! — негодуя прервал его Вертаген. — Я уже обещал Горту выставить

кувшин аргосского. Неужели ты бросишь старых приятелей в трудный час?!

Лицо барона Торского не выражало ничего, кроме самого искреннего сожаления.

— Увы, увy, Верт, но я зашел лишь попроситься, никак не могу задержаться. Рад бы, поверь, но...

Он больше не смотрел на Палому. Куда угодно — только не на нее. Она мысленно поморщилась. И с чего она взяла, что стоит им с Амальриком увидаться — и главная проблема будет решена, он примет ее также легко и свободно, как в старые добрые времена. Но здесь не Тора, и они больше не те беззаботные сорвиголовы, не знавшие ничего, кроме своих проказ и шалостей. Амальрик отнюдь не готов был броситься ей на шею при первой же встрече и не горел желанием поделиться со старой подругой всеми своими секретами, как десять лет назад. Напротив, ему, похоже, не терпелось оказаться от нее подальше!

Что же делать? К такому повороту Палома отнюдь не была готова. Что ей теперь — преследовать Амальрика по всему городу? Но его это едва ли приведет в восторг...

По счастью, Вертаген, со свойственным ему упрямством, и не думал сдаваться.

— Что ты несешь, мальчишка?! Скользкий, точно угорь, полюбуйтеcь-ка на него! Куда ты собрался, скажи на милость?! За встречу-то мы должны выпить непременно! Я тебя, шалолая, больше года не видел, Горт, вон, тоже забрел на огонек впервые за три луны, да и Оса только вер-

нулась... откуда, девочка? — Он повернулся к Паломе. — Где тебя носило? Ты говорила перед отъездом, да я запомнил...

Амальрик, безупречный в своем черном наряде — он всегда предпочитал этот цвет, — нетерпеливо переминался с ноги на ногу, явно дожидаясь первой же возможности сбежать, не слушая ни слова из добродушной воркотни Вертагена. Палома, глядя на него, почувствовала, как угасает последняя искра надежды.

Ну, и наплевать, неожиданно обозлилась она. Плевать и на Вертрауэн — ну, не выполнит она их задания, так пусть катятся куда подальше со своими загадками! — и на самого Амальрика! Подумаешь, старый друг... Она-то, по крайней мере, была искренне рада его повидать, с удовольствием, и даже без всякой задней мысли, расспросила бы о жите-бытье... Но его, похоже, их встреча совершенно не воодушевила. Яснее это показать было невозможно! Так и пошел он к Нергалу!

Она повернулась к Вертагену, демонстративно не обращая больше никакого внимания на барона.

— В Коринфии я была. В Коршене.

— Славное местечко, — неожиданно воскликнул Гортах. — Доводилось мне там бывать. Служил у графа Лаварро — знаешь его?

— Познакомились, — кивнула девушка. Воспоминания подступили, нахлынули, будто только и дожидались удобного мига. Она прикрыла глаза, пытаясь справиться с не вовремя накатившими

эмоциями. И потому не сразу осознала, что обращаются к ней.

— Коршен? Ты была в Коршене?!

Она даже не узнала голос Амальрика. Он звенел, точно готовая лопнуть струна.

Палома подняла глаза на барона.

— Три дня как оттуда.

Он смотрел на нее не отрываясь. Впервые за все время — смотрел так, словно *видел* ее.

Уловив перемену настроения, хотя и не вполне понимая ее смысл, старый воин обрадовано пророкотал, подхватывая молодых людей под локоть:

— Вот и славно, за вином обо всем и поговорим. Давайте, давайте, аргосское ждать не любит!..

Гортах тем временем, по-хозяйски распоряжаясь в зале, уже разгонял припозднившихся учеников. Те, впрочем, уже догадавшись, что наставнику не до них, сами принялись складывать оружие и доспехи и вскоре, почтительно откланявшись, исчезли за порогом.

Амальрик же — о, Паломе не так часто доводилось видеть его растерянным! — переводил взгляд с нее на Вертагена, затем на дверь...

— Мне, право, нужно идти, меня ждут в другом месте...

Но если уж у Верта какая навязчивая мысль застревала в голове, ее оттуда было не изгнать. И сейчас он был настроен выпить с приятелями — о чем без обиняков и заявил барону Торскому.

— Я тебя не отпущу, парень, так и знай! Или, может, хочешь силой попробовать уйти? — Он хитро покосился на молодого человека, зловеще разминая пальцы.

В общем, Амальрику ничего не оставалось, как сдаться.

...И вот уже они вчетвером расположились на открытой террасе, напротив пруда. Заходящее солнце киноварью окрашивает воду, алым поблескивают в его лучах резвящиеся рыбешки... Алым отсвечивает вино в хрустальных бокалах. Гудит и рокочет ветер, запутавшийся в кроне платанов, окруживших беседку. Гудят и рокочут голоса боевых товарищей, с хриплым смехом вспоминающих свои давние похождения. Гортах рассказывает Вертагену о каких-то новобранцах, которых обучал ратному делу на службе у коршенского графа. Тот хохочет.

— Вот так недотепы! Неужели до тебя некому было им показать, с какой стороны лук натягивают?! Скажи, Оса, они там по-прежнему такие недоумки?

Она не слышала ни единого слова из рассказа Гортаха. Улыбается.

— Не знаю. Кровников Месьора я бы недоумками не назвала...

Ей не хотелось этого говорить. Не хотелось, вообще, открывать рот. Но она просто не может удержаться. Она думает о Конане. О Грациане. Она не может промолчать.

— Кровники? Это еще что за птицы?

Вместо нее отвечает Гортах:

— Так называли парней, которые служили прежним графам коршенским. Лаварро, когда пришел к власти, был вынужден нанимать новых людей, кровники отказались ему служить. Поэтому нас и наняли — обучить этих деревенщин хоть чему-то...

Он продолжает со смехом рассказывать о своих «деревенщинах». Столько лет прошло — но, как подобает отличному командиру, он их всех помнит по именам. Поднимает бокал за их здоровье.

Палома тоже пьет. Залпом. За тех, чьи имена ей не хочется произносить вслух. За тех, о ком сейчас все ее мысли.

Поднимает бокал и Амальрик, при этом не сводит с нее взгляда, словно напоминает о некоей тайне, известной лишь им двоим. После того, как он спросил Палому о Коршене, он не сказал ей ни единого слова.

— Тебя-то где носило все это время? — обращившись к барону хозяин дома. — Все по дальним странам? Привез какие-нибудь диковины? — Он поясняет, специально для Паломы и Гортаха: — В жизни такой коллекции, как у этого молодца, не видывал. Откуда он только берет все эти штуки?! Булавы какие-то на бычьих жилах, звезды железные, кинжалы с тремя лезвиями...

— О таких слышал, — оживляется седоусый. — Зингарская придумка! Они ими ловко управляют, эти подлецы-южане!

— Подлецы, верно сказано! — Вертаген негодуяше трясет головой. — По мне, так ничего луч-

ше старого доброго двуручника нет и быть не может! Хотя... — Он заговорщицки подмигивает Паломе, — не для всякой руки он годится. Могу понять, что женщине иное оружие привычнее. Что, Оса, терцию-то свою по-прежнему под воротом прячешь?..

В любой другой компании она сочла бы подобный вопрос оскорблением — возможно даже поводом для поединка. У убийцы не спрашивают, где он носит орудия ремесла... однако наставник, похоже, желал показать ей, что бесконечно доверяет всем тем, кто сидит с ними за столом. А она? Доверяет ли им она?

Палома покосилась на Гортаха, сосредоточенно разглядывающего свой бокал.

— Вторую — да, — отозвалась она сдержанно.

Одобрительный хохот — мужчины оценили ответ.

— Вот за что я люблю эту красотку! — Верт обнял ученицу за плечи. — Ум ее так же остер, как язык, и быстр, как клинок.

— Забыл еще добавить, что глазами она стреляет, как гирканец из лука! — Гортах, похоже, окончательно простил ей свой проигрыш.

И лишь Амальрик по-прежнему молчит, не поддерживая разговор. Вертаген, однако, не отстает:

— Так откуда ты на сей раз, молодчик? Что-то подозрительное затишье в мире наступило, ничего интересного купцы уже сто лет не доносят. Не могу поверить, что ты за весь год нигде не заварил какой-нибудь каши!

Барон Торский пожимает плечами с очаровательной улыбкой пойманного с поличным сорванца. О, это наивно-невинное выражение хорошо знакомо Паломе...

— Ты хочешь очернить меня в глазах своих друзей? Верт, это непростительно! Тебя послушать, так без меня ни одна заваруха не обходится, будь то в Нордхейме, или в Черных королевствах...

— А разве не так?

— Митра свидетель, нет на свете более мирного человека, нежели твой покорный слуга. И лучшим свидетельством тому — то, что весь год я безвылазно просидел в Торском замке. Занимался хозяйством, как подобает рачительному земледельцу. Проверял счета. Даже торговал. Поверишь ли, нам удалось найти серебро в старых рудниках...

— О, избавь нас от подробностей! — взмолился фехтовальщик. — Не позорь эти стены столь невероятными рассказами...

— И вместе с тем, это чистая правда!

Глаза Вертагена округлились от ужаса. Он поспешил доверху наполнить бокал гостя.

— Тогда лучше пей. Пей до дна, только замолчи! Если ты примешься рассказывать, сколько овец и за какую цену продал на ярмарке, я велю Паломе тебя зарезать. И это будет угодное богам деяние! Воину лучше принять смерть, чем превратиться в торгаша!

Амальрик внезапно оборачивается к девушке:

— Таково и ваше мнение, медина?

Ей хочется отшутиться — сейчас не время для серьезных разговоров! — но под его напряженным, совсем не насмешливым взглядом она неожиданно теряется, и готовая сорваться с уст острота льдинкой тает на языке.

— Рожденные в Торе — воины, и никогда не примут иного. Они приходят в мир с мечом в руке — и с ним же уходят!

Кровь говорит за нее. Истина впитанная с молоком матери. Блеск клинка — первое, что видит младенец в их краях. Это то, что роднит их с Амальриком. То, о чем нет нужды напоминать. Их наследие. Их проклятие.

Барон, однако, смотрит на нее едва ли не с жалостью.

— Служение... Вечное Служение, да? Трону. Истине. Богам. Кому угодно — лишь бы служить... Ты до сих пор льешь кровь на этот алтарь, Палома?

Что она может ответить? Когда-то это было для нее бесспорным. Опорой, единственной и самой надежной, на которой покоилось все ее существование. Время заставило многое подвергнуть сомнению. Но сейчас она не готова решить. Пока не готова...

Палома отпивает вина, наслаждаясь терпким, насыщенным вкусом. Затем, осознавая пустоту вокруг себя, это жадное, ищущее молчание, понимает, что не сможет уйти от ответа. Не только Амальрику. Вертаген тоже ждет, и даже Гортах. Почему-то им, кажется, очень важно услышать, что она скажет. Они смотрят на нее. Ждут.

— Истина недоступна смертным. Боги недоступимы. Трон занимают люди, и трон — не алтарь...— Слова выходят медленно, словно бредущие на ощупь слепцы.— Мы — воины, все четверо, сидящие здесь. Воина отличает от наемника то, что воин всегда служит Высшему... даже если за службу ему платят золотом, но это лишь внешняя сторона. Всегда есть нечто сверх того. У каждого свое. И у всех — одно. Может быть... честь?

Вертаген смотрит задумчиво. Гортах — торжествующе. Похоже, она сказала именно то, что он жаждал услышать. Старый вояка счастлив, что молодежь не свернула с пути, который ему представляется истинным. Он наполняет бокалы, возглашая здравицу за доблесть и веру.

Лицо барона Амальрика на миг принимает разочарованный вид — и тут же становится непроницаемым.

Что он таит в себе? Палома видит, как сильно изменили его эти годы... однако пока она не в силах постичь сути перемен. Во что он верит теперь? К чему стремится? Ясно одно — перед ней человек, не имеющий ничего общего с товарищем ее детских игр, бессменным спутником и защитником. Кем же он стал, барон Торский?

Словно ощутив давление ее мыслей, Амальрик наклоняется к ней и, воспользовавшись тем, что двое других собеседников увлеклись каким-то своим разговором, произносит негромко:

— Ты тоже изменилась, Палома, теперь я вижу это.

Она не желает этой доверительности. Только не сейчас! И пробует отшутиться:

— Ты об этом? — Указывает на меч в ножнах.— Но ведь я всегда предпочитала штаны юбке, а клинок — куклам, разве не так?

Но еще не закончив фразы, она осознает, что укрыться за шуткой не удастся. Так бывало и прежде — он всегда отыскивал ее, как бы хорошо она ни пряталась. Ей никогда не удавалось сбежать...

Амальрик чуть заметно улыбается, одними губами, глаза при этом остаются холодны, как черные агаты.

— Ты плохо лжешь, Палома. Никогда не умела лгать. Даже самой себе.

Ладно. По крайней мере, уроки фехтования не прошли даром, Верт был хорошим учителем. Она тотчас парирует, ловко переводя разговор в иное русло:

— Как ты, должно быть, рад, что я не стала твоей женой!

Смех. Вертаген с Гортахом тоже хохочут о чем-то своем, и со стороны могло бы показаться, что все трое веселятся над какой-то общей шуткой... Палома отмечает про себя деликатность старых вояк — они почувствовали, что молодым людям есть о чем поговорить и незаметно предоставили их самим себе...

— Напротив, порой я раскаиваюсь в этом,— неожиданно замечает Амальрик.— возможно, то была самая большая глупость в моей жизни! Горькость молодости, что поделаешь...

Он хорошо заплатил ей, чтобы она исчезла с горизонта, когда его отец стал подводить наследника к разговорам о женитьбе... Как ни странно, Паломе это вовсе не казалось оскорбительным, хотя мало кто понял бы ее точку зрения. Но они с Амальриком всегда были *иными*. Возможно, это единственное, что роднило их между собой. И по сей день, несмотря ни на что, Палома ощущала это родство. С ним она чувствовала себя свободнее, чем с кем бы то ни было.

Тем более странно, что на сегодняшний день у нее не было врага опаснее, чем барон Торский. И дело даже не в поручении, переданном посланцем Вертрауэна. Его принадлежность к Ордену Кречета... Странная реакция на упоминание о Коршене... вот, где крылась основная угроза! Но пока что Палома чувствовала, что не готова разобратся в этом.

Однако ее друг детства слишком проницателен и слишком настойчив в своих стремлениях. А она и без того дала ему слишком явное преимущество над собой.

Нет уж! Довольно на сегодня. Порой отступление бывает самой выгодной тактикой.

Поднявшись с кресла, девушка танцующей походкой подошла к хозяину дома, тронула рукой за плечо.

— Ты должен простить меня, Верт, но мне пора. Спасибо за этот прекрасный вечер, за вино... Была счастлива познакомиться с тобой, Гортах. Надеюсь, ты не откажешь мне в чести скрестить мечи еще раз — это великолепная школа! — Ста-

рый воин расплылся в улыбке. — Однако теперь я должна идти. Меня ждут...

— Как?! — Вертаген схватил ее за руку. — Мы же и не поболтали толком! Ты даже не рассказывала о своей поездке, а я обещал тебе показать новые ножи, что мне привезли из Ларгоша...

Она виновато улыбнулась.

— Не в последний раз видимся. Митра свидетель, неужто ты думаешь, что теперь, пока я в столице, ты так легко от меня отделаешься?! Не надейся!

— Вот они женщины! Ветреные изменницы! — С сожалением он отпустил ее запястье. — Ладно, ступай восвояси, демонова дочь. Да смотри, возвращайся, я скучаю, когда тебя долго не вижу!

Она засмеялась.

Амальрик, единственный, вызвался проводить ее до порога. И, едва оказался вне слышимости для оставшихся на террасе, сказал именно то, чего она ожидала:

— Сбегаешь?

Она уверенно встретила его взгляд, не думая отрицать очевидное.

— Даю себе пространство для маневра.

Барон усмехнулся.

— Завидная уверенность в себе. Ты, похоже, не сомневаешься, что мы еще встретимся?

На это у нее тоже был готов ответ:

— Конечно, нет. А ты?

И все же следующим своим вопросом он поставил ее в тупик. Впрочем, именно эта непредсказуемость всегда и привлекала ее:

— Зависит от кое-каких деталей. К примеру... есть ли платья в твоём гардеробе? Или ты окончательно перешла на мужскую одежду?

Против воли ей вспомнился наряд, в котором она была на балу у графа Коршенского. Это диковинное одеяние по моде полувековой давности, странная задумка Грациана... Боги! Ну почему мужчины всегда так стремятся играть ею — когда сама она всю жизнь пыталась быть независимой от них?!

Однако в поединке с бароном Торским Палом чувствовала себя не в пример увереннее, чем с коринфийским Месьором. Здесь она хотя бы знала, на какой струне сыграть...

Привстав на цыпочки, она взлохматила безупречно уложенные волосы Амальрика.

— В моем гардеробе найдется все. Даже свадебный наряд.

— И неизменная терция за воротом?

— Да. *Вторая*.

— Тогда я буду считать часы до нашей встречи.

Склонившись, он коснулся прохладными губами запястья девушки. Маленькая месть за ее недавнюю фамильярность?

...Однако проводить ее до дома Амальрик не предложил. Означало ли это, что он предлагал Паломе первой сделать следующий шаг? В таком случае, считать часы до новой встречи ему придется бесконечно долго!..

И все же — всю дорогу до постоялого двора она улыбалась. Сама не зная почему. Просто глу-

пая счастливая улыбка никак не желала сходить с ее уст.

* * *

Назавтра ей пришлось отправиться в путешествие.

Как и обещала, Лиланда развела адрес какого-то колдуна, о котором отзывались как о парне вполне способном, бывшем ученике кого-то из вендийских магов. Чернокнижник обитал где-то на окраине Шенорского леса, лигах в пятинадцати от Бельверуса.

...Жилище Агамо — так звали мага — она отыскала без труда. Очень скромное, чистенькое, оно ничем не напоминало мрачную пещеру, в которой, по представлению Паломы, надлежало бы обретаться человеку его ремесла. Да и сам колдун, еще довольно молодой, лет тридцати пяти, темноволосый, бледный, напоминал скорее жреца-книжника и выглядел совершенно безобидно. Впрочем, строго напомнила себе девушка, внешность может быть обманчива.

— Кунец Гаршель посоветовал обратиться к тебе, — сказала она вместо приветствия, как ей велела Лиланда. — Ты помог ему прошлой весной — возможно, сумеешь помочь и мне.

— Возможно, — настороженно согласился маг. — Смотря в чем.

Внезапно колдун переменялся в лице. Вскочил. Наклонился к наемнице, словно приносиваясь...

Она удивленно раскрыла глаза. Что это с ним такое?!

— Ты... Ты одна из них, да? Вы таки нашли меня?!

Он был совершенно не в себе, побледнел, по лбу покатались капли пота, глаза забежали, словно он отчаянно пытался отыскать укрытие.

— Ну — где же они? Где?! — Он почти кричал.

Паломе пришлось отвесить ему хорошую затрещину, чтобы хоть чуть-чуть привести в чувство.

— Слушай, парень,— процедила она сквозь зубы. Еще только чокнутых волшебников ей не хватало! — Я пришла к тебе за помощью и готова за это заплатить. Золотом. Если тебе это ни к чему и ты вознамерился биться тут в корчах — так и скажи. Я пойду к кому-то другому...

Мало-помалу взгляд мага принял осмысленное выражение. Кажется, смысл ее слов дошел до него.

— Ты не обманываешь? Ты и правду не с ними?

— Да о чем ты, Нергал тебя раздери?

— О них. Об убийцах. Охотниках на магов!

Митра! Что за бред?

Успокаивающе, ласково, словно говоря с душевнобольным, она отозвалась:

— Конечно, нет. Я — обычная наемница. Ни к жрецам, ни к королевской службе никакого касательства не имею.— Тут она слегка кривила душой, но — неважно.— С чего ты решил...

— Я чую их запах. Ты... Может, ты встречалась с кем-то из них. Совсем недавно. Ты могла

навести их на мой след! — Голос мага вновь сорвался на крик.

Амальрик... Марициус ведь говорил, что барон Торский был причастен к процессам над чернокнижниками! Но вслух Паломе сказала только:

— Я ничего не знаю об этом. Если кто мне и встретился случайно — я никому не говорила о тебе. Клянусь! Мне просто нужна твоя помощь.

Должно быть, она была достаточно убедительна. Маг поверил ей. Успокоившись, он опустился в кресло и наконец предложил место госте.

— Тогда расскажи мне, что тебе нужно. Только побыстрее — и уходи.

Вежливый парень, ничего не скажешь! Но привередничать не приходилось: другого колдуна под рукой все равно не было. Со вздохом Паломе извлекла из-под плаща загадочную деревянную коробочку.

— Вот. Мне нужно, чтобы ты открыл ее. Судя по всему, она заперта с помощью магии...

Чернокнижник протянул руку за шкатулкой, повертел ее в бледных тонких пальцах, поднес к лицу, обнюхивая все углы, и наконец, поджав губы, произнес:

— Это будет нелегко. Тебе придется оставить ее мне на пару дней. Я читаю книги, спрошу совета у духов...

Набивает цену? Или коробочка и впрямь так непроста?

Но выбора не было.

— Смотри,— только и предупредила мага наемница,— Я доверяю тебе, но постарайся мое до-

верие не обмануть. Иначе я тебя из-под земли достану, и ни духи не спасут, ни демоны!

Агамо с достоинством вскинул голову.

— Я никогда не обманываю клиентов. Задаток — десять золотых. Где тебя найти в городе?

Она сказала ему. Затем отсчитала монеты.

— Постарайся управиться побыстрее.

Он пожал плечами.

— Постараюсь. А ты — отыщи своего Охотника. И держись от него подальше. Это черные люди. Плохие. От них никому не бывает добра...

Спасибо за предупреждение, хотела сказать Палома, только оно запоздало.

От бодрого расположения духа, в котором она пребывала утром, не осталось и следа.

Чтобы развеяться хоть немного, вернувшись в Бельверус, надо будет отправиться на ярмарку! Покупки всегда улучшали ей настроение...

Глава третья

Портшез покачивался, подобно лодке, на могучих плечах рабов-кушитов — очередная любезность соседа-винодела. Впрочем, любезность далеко не бесплатная: Палома пришла в немой ужас, мысленно подсчитывая траты последних дней, куда, если не считать уплаченного чернокнижнику, вошла покупка нескольких платьев — непростительная роскошь, но после Коринфии она не смогла устоять перед искушением... — три кувшина умопомрачительно дорогого пуантенского вина, чтобы отпраздновать возвращение, починка дорожной амуниции и новый набор метательных кинжалов, специально для любимой клиентки прибереженный Амосом с улицы Меченосцев.

В общем, ближайшие дни будем ходить пешком и питаться сухими лепешками, строго сказала себе Палома, поуютнее устраиваясь на мягких подушках портшеза. Хвала Небу, если что, Лил поверит ей в долг — не привыкать! Но, боги

всеведущие, куда же она умудряется девать деньги? На что тратит свои — немалые, в общем-то, заработки?! Рачительная Лиланда не уставала пенять подруге на мотовство, но Палома бессильна была что-либо изменить. Чародея попрошу, мрачно пообещала она самой себе, пусть снадобье даст, или кошель какой-нибудь особый, чтобы золото в нем не переводилось... иначе так недолго и по миру пойти. Тем более, что, похоже, последнее задание Вертрауэна она все же провалит...

Еще пару дней назад будущее виделось ей в куда более светлых тонах. Она не сомневалась, что самое сложное — это отыскать Амальрика и подстроить «случайную» встречу... а дальше все произойдет естественно, само собой, дружески и весело, к полному удовлетворению всех заинтересованных сторон.

Как бы не так!

Ей вспомнилось хищное лицо барона Торско-го, его рассеянный и одновременно слишком про-ницательный взгляд, и эта обескураживающая манера с отсутствующим видом задавать вопро-сы, вызывающие острое чувство неловкости у со-беседника... где он только научился такому?!

Впрочем, он ведь считался одним из доверен-ных лиц короля Гариана, а сейчас, похоже, был готов на все, чтобы занять подобное положение и при Нимеде Первом — более того, отчасти уже преуспел в этом начинании. При дворе и не та-кому научишься. Сильные мира сего... все они одинаковы — а ей было с чем сравнивать!

Однако подобный ход мыслей заводил слиш-ком далеко, вновь устремляя поток воспомина-ний в привычное русло Коршениских событий, и Палома, привычным усилием ума, поспешила воздвигнуть плотину на этом пагубном пути.

Тем временем, рабы уже миновали рыночную площадь, устало затихающую с наступлением ве-чера, и начали подниматься на Холм Мучеников, где, собственно, и располагался квартал винотог-ровцев и постоялый двор Лиланды.

У ворот они остановились как раз в тот миг, когда последний лучик заходящего солнца про-щально мазнул по конькам островерхих крыш, рассыпая золотые блики по черепице. Легко выс-кочив из портшеза, Палома вручила каждому из рабов по серебряной монете — в довершение к тому, что уже было заплачено их хозяину, — и поспешила в дом.

В обеденной зале густо, домашне пахло мяс-ной похлебкой и остро, колюче — какими-то ди-ковинными приправами.

— Была на ярмарке, да? — поприветствовала девушка хозяйку.

Та улыбнулась, гордая собой.

— Фэньлу-ань, помнишь его, старичок такой, на печеный каштан похожий... Привез пряности из Вендии, Кхитая, даже с самих Радужных Ост-ровов... Я нарочно ждала до последнего дня, и правильно сделала! Перед отъездом остатки впол-цены распродал — только забирай, да еще вот какую прелесть в подарок! — Она с гордостью продемонстрировала подруге ожерелье из круп-

ных розоватых камней, украсившее ее высокую грудь.

— Ох, не равнодушен он к тебе! — засмеялась Палома. — Смотри, зазеваешься — а он тут как тут! В окно заберется, в ковер тебя завернет, и — поминай, как звали! Очнешься только в Китае...

— Не трепись, болтушка!

По знаку Лиланды мальчишка-поваренок уже накрывал стол для Паломы, слева от большого очага, тащил миску с похлебкой, лепешки с сыром, тушеное мясо, вино. Девушка облизнулась, глядя на все это великолепие, и поспешила вооружиться ложкой.

Хозяйка постоялого двора присела напротив, задумчиво отщипывая кусочки лепешки.

— Кстати, чуть не забыла, уж если говорить об ухажах... — вдруг всплеснула она руками. — Ты-то себе какого красавчика отыскала! Везет же некоторым... То этот варвар-северянин, то теперь настоящий нобиль... Откуда ты их берешь, открой секрет?

Палома застыла, не донеся ложку до рта.

— Какой нобиль, ты о чем?

— Ну как же? Приходил в полдень. Темноволосый такой, весь в черном. Я сперва испугалась — уж больно на убийцу похож... А оказался такой любезный, просто лапочка, мед со сливками...

Хм-м. Впервые на памяти Паломы кто-то назвал Амальрика «лапочкой». Похоже, искусство очаровывать женщин — еще одна сторона при-

дворного обучения, с которой она не была знакома. Забавно то, что ради Лиланды он, судя по всему, расстарался, а вот на нее, Палому, не считал нужным тратить усилия... Интересно, что ему было нужно?

— Он тебя расспрашивал обо мне?

— Нет. Никаких вопросов не задавал — да я бы и не ответила, ты же меня знаешь. — Чистая правда! Несмотря на все свое дружелюбие и болтливость, секреты постояльцев Лиланда блюла свято. — Наоборот, сам рассказал. Что вы с ним росли вместе, а потом потерялись и только недавно встретились... — Хозяйка со вздохом закатила глаза. — Ну, прямо как в «Песне о Розе и Рыцаре в Белом»...

Палома, против воли, почувствовала прилив раздражения.

— А чего он все-таки хотел?

— С тобой повидаться, чего же еще? — Лил была поражена несообразительностью подруги.

— Не застал — и ушел, так что ли?

— Ну, да. А — письмо еще оставил!

— Что ж ты сразу не сказала? Давай.

— Оно наверху, у тебя. Он попросил, чтобы я его в твою комнату сразу отнесла. Ну а мне что, сложно?... — Лиланда встревоженно покосилась на Палому. — Что? Я что-то сделала не так?

Та успокаивающе отмахнулась, с наслаждением принявшись за жаркое. Если Амальрику что-то было нужно выведать, он сделал бы это тем или иным образом, и никто не сумел бы ему помешать.

— Это было до того, как ты отправилась на рынок, или после? — только и спросила девушка.

— До того. Я как раз одевалась на выход, когда он появился. — Теперь Лил забеспокоилась не на шутку. — Да в чем дело, Палома, скажи?! Кто этот человек? Он не друг тебе, да? Что-то плохое случилось?

Как могла, она успокоила подругу, хотя сама отнюдь не чувствовала себя спокойной. В конце концов, Амальрик все же не был ей врагом... по крайней мере, ей хотелось в это верить. Однако теперь ей не терпелось покончить с ужином и подняться к себе. Однако Палома заставила себя доест, не торопясь; она допила вино и щедро расхвалила стряпню хозяйки — и лишь после этого, запалив масляный светильник, двинулась к лестнице, ведущей к жилым комнатам.

...Письмо ожидало ее — свернутый в трубочку пергамент, словно затаившийся хищный зверек, прыгнул ей в руку, едва она поставила лампу на крышку сундука, служившую также и столом.

Палома развернула послание, расправила пергамент под самым светильником, чтобы легче было разобрать убористый, причудливый почерк. Перечитала текст письма дважды, затем поднялась с места, откинула крышку сундука, где хранился ее женский гардероб, ощупала углы, вытащила верхнее платье, внимательно проверяя, как оно уложено... Со стороны все эти действия могли бы показаться верным признаком безумия —

однако Палома, когда вновь под села к столу, выглядела куда более спокойной, почти умиротворенной. Да, собственно, так оно и было. Покой и умиротворение — это именно то, что она испытывала всякий раз, когда удавалось разгадать очередную загадку, подброшенную жизнью.

Уже без всякого страха и внутреннего трепета, она вновь взяла в руки письмо Амальрика и перечитала его в третий раз, вновь поражаясь витиеватости стиля, еще более разительной по контрасту с простотой мысли, кою сей стиль призван был выразить.

«Драгоценная Палома! — гласило послание. — По размышлении, я пришел ко встревожившей меня мысли о том, что давешняя наша встреча могла оставить у тебя совершенно превратное представление обо мне и даже внушить ложное впечатление, будто я не рад вновь свидеться с тобой. Ничто не могло бы быть более ошибочным, уверяю тебя! Как никак, столь давние узы как те, что связывают нас с тобой, невозможно порвать, и даже всемогущему Времени не под силу совладать с путами памяти.

Мне радостно было вновь увидеть тебя после долгой разлуки, радостно встретить человека — одного из немногих! — с кем я могу быть самим собой, изъясняться начистоту и идти прямо к цели.

Возможно даже, во имя старой дружбы, ты позволишь мне пренебречь несколькими обязательными в нашем случае «танцевальными па» — я подразумеваю под этим пару-тройку ненароком подстроенных встреч, обмен ничего не значащими и двусмысленными любезностями — ради того, чтобы

напрямую обратиться к тебе с просьбой... ибо сегодня я и впрямь нуждаюсь в твоей помощи.

Так сложилось, что сейчас мне необходима спутница, которая согласилась бы вытерпеть мое общество в ближайшую седмицу или две... при том, что от нее не потребуется ничего, кроме как быть рядом, да изредка любезно улыбаться окружающим. Я был бы счастлив, если бы ты, Палома, согласилась сыграть эту роль.

Разумеется, дерзость моя не простирается так далеко, чтобы, злоупотребив твоим добрым ко мне отношением (надеюсь, оно еще живо в твоей душе), потребовать столь значительных жертв, ничего не предложив взамен. Вознаграждение будет достаточным, даже по твоим меркам — столичной дамы, привыкшей, как я успел заметить, к роскоши и неге.

Если ты дашь согласие — уповаю на это! — советник Гертран, в чьем доме я остановился, будет счастлив видеть тебя своей гостьей на ближайшие дни.

Любящий тебя, Амальрик

Со вздохом, Палома отложила письмо.

Теперь, на третий раз, оно не вызвало в ней той первоначальной злости. В предложении барона Торского оплатить ее услуги не было, в общем-то, намеренного желания оскорбить... хотя это тоже нельзя сбрасывать со счета. Тут было нечто иное.

Она была нужна ему. Очень нужна.

Иначе Амальрик никогда не пренебрег бы тем, что он с деланным презрением именовал в сво-

ем послании «танцевальными па» — он слишком любил интриги и хитроумные комбинации, чтобы лишний раз не опробовать свои умения. Так что, судя по всему, время его здорово поджимало.

Учитывая интерес барона к ее гардеробу, Палома даже догадывалась, чем была вызвана такая спешка.

Так что обидное предложение оплатить ее услуги, словно какой-нибудь девице из веселого квартала, было, по сути, тоже ходом в игре. Он словно говорил ей: «Вот, я открылся, я говорю честно, что нуждаюсь в тебе. Но докажи, что и я тебе небезразличен. Если сочтешь нужным переступить через оскорбление, значит, признаешь тем самым, что нуждаешься во мне не меньше...»

Готова ли она была сыграть по тем правилам, что он предлагал?

Да. Готова.

Интересно все же, почему Амальрик так уверен, что она пойдет на это? Он ведь не может знать о поручении, данном Паломе тайной службой короля. Скорее уж, уповает на девичью сентиментальность, на романтический флер прошлого. Может быть, даже льстит себя мыслью, что подруга детства до сих пор к нему равнодушна... кто знает?

Пусть так. Пока он не догадывается об истинных причинах ее интереса к нему, Амальрик Торский для нее не опасен. А с ним — и Орден Кречета, к тайнам которого так удобно будет подобраться в доме советника Гертрана...

Воистину, все это выглядело даром богов.

Палома была бы счастлива, если бы не застала привычка опасаться милости Небес. На ее памяти, подобное везение чаще всего оборачивалось самыми черными провалами...

* * *

Утро, вместо ожидаемой возможности поваляться в постели, понежиться в купальне и прогуляться по модным лавкам — забыт обет бережливости! — обрушилось вихрем тревог и суеты. Первой вестницей стала Лиланда, ни свет, ни заря постучавшаяся к Паломе:

— Подъем, красавица! Трубачи дали сигнал к бою!

— Что... Что такое?!

В чем мать родила, она вскочила с постели, распахнула дверь. Хозяйка постоялого двора захихикала в ладошку:

— Ну, ты даешь! А если бы со мной были посторонние?

Небрежно пожав плечами, Палома пропустила ее вовнутрь.

— А что, могли бы? Кто-то явился ко мне?

— А то! — От возбуждения Лиланда вся раскраснелась, глаза ее сияли, как два самоцвета. Больше всего на свете молодая вдовушка обожала таинственные приключения, и в этом смысле Палома была ее любимицей: жить с ней рядом было так же захватывающе, как смотреть на представление комедиантов, никогда не знаешь, что случится в следующий миг! — Паланкин присла-

ли, с ума сойти, богатый... Это кто же тебя в гости ждет? Уж не вчерашний ли красавчик?

Неопределенно фыркнув, Палома выглянула в окно. Точно, у ворот постоялого двора стояли пышные носилки, украшенные султанами страусиных перьев; чернокожие носильщики застыли рядом, подобные каменным изваяниям. Причем их было ровно вдвое больше, чем нужно, чтобы нести паланкин, а значит, предполагалось, что сундуки с одеждой отправятся следом, без задержки. Амальрик явно решил ее поторопить...

Мгновенно приняв решение, Палома обернулась к хозяйке постоялого двора:

— Лил, будь душкой... Распорядись мне насчет завтрака. И еще — я бы хотела до отъезда переговорить с Сетриком. Он здесь?

— Да куда же он денется, демоненок?! Внизу, на кухне крутится...

...И завтрак, и юный посыльный уже ожидали Палому, когда она, наскоро собравшись, спустилась в обеденную залу. Мальчуган вытянул шею в предвкушении. Выполнять необременительные и денежные поручения молодой наемницы явно пришлось ему по душе.

— За кем-то еще побегать? — заговорщицким шепотом прошипел он.

Палома улыбнулась, принимаясь за завтрак и дав знак пареньку присоединиться к ней. Тот обрадованно запихал в рот горячую лепешку, не сводя глаз с девушки.

— Бегать не надо. Дом советника Гертрана знаешь? — Тот кивнул. — Так вот... Я буду жить там

ближайшую седмицу или больше. Мне нужно, чтобы ты все время незаметно крутился там поблизости, и если увидишь, что я вышла на улицу одна, иди следом и незаметно подойди, когда отойдем подальше. Возможно, мне нужно будет тебя кое о чем попросить, но я не хочу, чтобы кто-то нас заметил.

— Понял. Сделаю.

— А по вечерам будешь возвращаться сюда, к Лил, узнавать новости. Скажешь мне, когда вернется киммериец. Помнишь, здоровый такой парень, со мной был?

— Еще бы! — При упоминании о Конане Сетрик пришел в восторг. — Вот уж кто силен мечом махать!.. Это все?

— Посмотрим. — Палома надеялась также, что через пару дней придут известия от чародея, но об этом пока говорить было рано. Внезапно ей пришла в голову еще одна мысль. — А скажи, — обратилась она к парнишке, — нет ли у тебя приятеля постарше, кто был бы не прочь уехать на пару дней из города?

— Куда?

— В баронство Тора, это на юге, знаешь? Хочу, чтобы там втихую выяснили все, что возможно, о нынешнем бароне, Амальрике. Только без лишнего шума, не привлекая внимания. Послушать, что в тавернах болтают, в лавках... Есть кто-нибудь на примете?

Поразмыслив немного, мальчуган кивнул.

— Темро Длиннорукий. Он как раз говорил вчера, что не мешало бы проветриться немного.

Ярмарка ведь была, они там кое-кого пощипали... ну, в общем, он согласится. И много не попросит.

— Лиланда с ним расплатится. Пусть зайдет к ней сегодня. Скажешь ему?

— Не сомневайся!

— Вот и славно...

Разом покончив, таким образом, и с делами, и с завтраком, Палома вышла во двор. Чернокожий раб тут же с поклоном приблизился к ней.

— Милостивая госпожа, нас прислал советник Гертран. Окажете ли вы месьору честь стать его гостей?

Палома с достоинством кивнула.

— С удовольствием. Я так понимаю, вы готовы забрать и мои вещи?

— Да, милостивая госпожа. Если, конечно, двоих рабов хватит для этого? — Голос его выражал легкое сомнение, как видно, он не привык к дамам, путешествующим налегке. Однако Амальрику-то было прекрасно известно, что у нее всего два сундука... не зря же этот хитрый лис вчера после ухода Лиланды пробрался в комнату Палома; так что количество носильщиков он определил точно...

И вскоре процессия тронулась в путь.

* * *

Резиденция месьора советника оказалась именно такова, какой ее и ожидала увидеть Палома, — тем более, что во время недавней прогулки с Конаном у нее уже была возможность краем глаза

рассмотреть это величественное здание, сделавшее бы честь и самому королю.

...На придворном языке «лэйо», которым Паломы хоть и не в совершенстве, но владела, имелось подходящее слово — *реанн*, то есть «дракон» — что означало высшую точку совершенства, изысканный вкус, отличительная черта коего — достаточность и полнота без малейших излишеств.

Реанн могла быть речь человека, его манеры, одежда... *Реанн-маогри*, то есть «обителью дракона» был этот особняк.

Он был в меру старым, чтобы показать, что хозяин не из недавно разбогатевших купчишек, но ухоженным, демонстрируя достаток владельца. В меру большим, чтобы произвести впечатление, но не настолько, чтобы подавлять гостей...

Выстроенный в форме подковы, с изящными колоннадами, облицованный серым гароннским мрамором, он притягивал взор строгостью форм и гармонией линий. Прямая, как стрела, дорога вела от главных ворот ко входу, под конец делая широкую петлю для разворота экипажей.

Выйдя из паланкина, девушка невольно замерла, прежде чем подняться по ступеням, ведущим к дверям, охваченная странным чувством нереальности происходящего.

Если не считать ее и чернокожих носильщиков, вокруг не было ни души. Не сновали слуги, не было слышно привычного для больших усадеб гомона. Даже ветер как будто притих, смущенный всем этим великолепием. Как это было непохоже на баронское владение в Торе — там

древний замок из черного камня напоминал скорее утес, превращенный грубыми руками великанов в некое подобие человеческого жилища. Интересно, как чувствует себя здесь Амальрик? Или за эти годы он успел привыкнуть к роскоши?..

Тем временем, один из рабов, обогнавший Палому на ступенях, с почтительным поклоном распахнул перед гостьей тяжелые двери. Ей ничего не оставалось, как войти.

Внутреннее убранство дома ни в чем не противоречило внешнему впечатлению. Девушка оказалась в просторном холле, где пол был выложен каменными плитами; белые стены не имели иных украшений, кроме двух гобеленов справа и слева от входа и родового герба семейства над огромным камином, жарко полыхавшим в глубине залы. Огонь невольно манил к себе, к тому же, в этой мертвенной тишине и неподвижности Паломы внезапно сделалось зябко, и она поспешила пересечь холл, протягивая руки к пламени.

Так она простояла какое-то время — пока за спиной не раздались легкие шаги, и она обернулась, полагая увидеть служанку, которая отведет ее к хозяевам дома.

Но это была не служанка.

Навстречу Паломе, спустившись по винтовой лестнице, скрывавшейся в левом углу залы, шла женщина... о, наемница не сразу нашла бы слова, чтобы описать ее достоинства. Пожалуй, тут спасовал бы и искушенный в лести придворный

поэт... Очень высокая, на полголовы выше гости, она отнюдь не страдала от затаенной неловкости, свойственной большинству женщин, привыкших смотреть на окружающих сверху вниз. Статная, величественная, не стесняющаяся подчеркнуть свой рост сложной башенной прической, она двигалась с изяществом и грацией, какие чаще встретишь у танцовщиц. Фиалковые глаза в пол-лица смотрели приветливо-снисходительно, чистый лоб и правильный тонкий нос с небольшой горбинкой довершали впечатление нездешней чистоты форм.

Она вся была... *реанн*. И других слов здесь было не нужно!

На хозяйке дома — а в том, что перед ней супруга Гертрана, Паломы не сомневалась, — было облегающее домашнее темно-синее платье, отороченное белоснежным мехом. На шее красовалась подвеска-слеза: огромный, оправленный в серебро сапфир. Такой же камень был и на указательном пальце женщины — иных украшений она не носила.

...Паломы поймала себя на том, что пялится бесстыдно, точно деревенщина. Покраснев, она поклонилась, презирая собственное смущение, и все же стыдясь своего простенького дорожного наряда, небрежно заплетенной косы, огрубевших рук с мозолями от меча.

Голос женщины также был безупречен — богато-звучный, с чуть заметной хрипотцой и переливами интонаций, каким бы позавидовала и флейта.

— Добро пожаловать в наш скромный дом, мейдина. Надеюсь, вам будет здесь уютно. Я — Аргивальда, супруга советника Гертрана.

Паломы представилась.

Несколько мгновений женщины молча смотрели друг на друга. Наконец губы хозяйки сложились в улыбку.

— Муж досадовал, что не сможет приветствовать вас лично, однако вы задерживались, а им с Амальриком было пора уходить. Слуги уже перенесли вещи в отведенные вам покои. Это в правом крыле, на втором этаже. Не желаете ли взглянуть?

Разумеется. Хотя больше всего сейчас Паломой владело малодушное желание сбежать обратно к Лил, в уют и тепло.

И ведь не то чтобы ее смущало богатство и роскошь, нет! Ей не так уж редко доводилось бывать в домах знати. Даже на балу у графа Коршенского, среди враждебной толпы придворных она чувствовала себя, как рыба в воде... но здесь было нечто совсем другое. Подавляющее. Гнетущее. Несмотря на все свое совершенство этот дом производил впечатление ледяной пещеры. Ей было зябко. Она с тоской оглянулась на пылающий в камине огонь — но даже языки пламени показались внезапно нереальными, холодными, словно нарисованные.

Следом за Аргивальдой она поднялась по винтовой лестнице и двинулась по коридору, ведущему в боковое крыло. Хозяйка, не замедляя шага, покосилась на гостью сверху вниз.

— Значит, вот вы какая, подруга Амальрика... Странно, я представляла вас иной.

Паломы подняла брови.

— Он говорил обо мне?

— Ну, конечно. Мы давно советовали ему... как бы точнее сказать... подыскать себе кого-нибудь на эту роль. Женщины, которая могла бы сопровождать его повсюду. Особенно теперь, когда он стал бывать при дворе.— Она засмеялась низким грудным смехом.— Вы же знаете нашего короля... О, у Нимеда столько странных предрассудков! Точнее, я думаю, это Рэлея настраивает его. С тех пор, как она вновь забеременела, ей не нравится видеть холостяков среди тех, с кем водит дружбу ее венценосный супруг. Опасается дурного влияния, я полагаю...

Наемница молча ожидала, что будет дальше. Ей уже многое становилось ясно.

Она не ошиблась.

Приняв молчание гостьи за робость, хозяйка дома продолжила, уже не скрывая насмешки:

— Как бы то ни было, если наш милый Амальрик желает преуспеть, он должен явить двору даму сердца. Разумеется, заводить с кем-то серьезные отношения ему бы и в голову не пришло, ну а я...— Она вновь переливчато засмеялась...— В конце концов, я же не могу сопровождать их с мужем — обоим, это могло бы быть понято превратно, не так ли? — Она лукаво покосилась на Палому, словно желая убедиться, что до той дошел смысл прозрачных намеков. Каменное лицо девушки как будто воодушевило ее.— Так нам и

пришла мысль, что он должен нанять кого-то со стороны. Но, разумеется, не тех девиц, которые обычно выполняют услуги за деньги, ведь здесь потребно и надлежащее воспитание, и умение вести себя в обществе... В общем, вы, дорогая моя, оказались идеальным вариантом.— Ее испытующий взор уперся в лицо Паломы. Как видно, затянувшееся молчание гостьи все же нервировало Аргивальду.

В ответ девушка растянула губы в улыбке:

— Я тоже рада, что все так устроилось, медуна. Помочь другу детства — для меня удовольствие. А немного подзаработать никогда не мешает. Я благодарна вам, что вы так любезно приняли меня...

Эта тирада стоила ей большого труда, ибо во все не в характере наемницы было покорно сносить дерзости, а хозяйка дома, ничуть того не стесняясь, пыталась унижить ее, поставить гостью на место. Обычной реакцией Паломы было бы срезать ее парой колкостей, на которые она была такой мастерицей — ибо прозвище «Оса» она заслужила не только благодаря остроте клинка... но сейчас ситуация призывала к благоразумию.

Пусть лучше Аргивальда считает ее безобидной деревенской дурочкой, онемевшей от благоговения пред ликом сильных мира сего. У нее еще будет время свести счеты с этой злоязыкой красоткой...

Мысленно дав себе зарок не покидать этого дома, не поквитавшись за все оскорбления, которых, судя по всему, ее еще немало ждет в пере-

ди, Палома молча продолжила путь. Хозяйка дома, осознав, как видно, что ее ядовитые стрелы не достигают цели, также погрузилась в молчание.

Интересно, правда ли, как она намекала, между ней и Амальриком что-то есть — или она выдает желаемое за действительное? Едва ли барон стал бы вести такие игры за спиной советника, от которого во многом зависит, — для этого он слишком осторожен... С другой стороны, Палома не могла себе представить, как бы ему удалось избежать ее чар, если Аргивальда всерьез задалась целью соблазнить молодого человека.

...Но вот, наконец, поднявшись на второй этаж, они остановились перед дверью в самом конце коридора.

— Ваши покои, медина, — указала хозяйка. — Наши с мужем апартаменты в северном крыле, если вам что-то понадобится. Там же и комнаты Амальрика... но впрочем, это едва ли имеет значение?..

— Ровным счетом никакого, — любезно подтвердила Палома. — Но осмелюсь спросить: мне показалось, в доме совершенно пусто... Ни слуг, ни гостей... Или так только в этом крыле?

— О, нет! — Аргивальда засмеялась. — Конечно, эта часть дома сейчас пустует, тут живет лишь наш писец, двое домашних жрецов и мой лютнист — все этажом ниже... но что касается прислуги, вы совершенно правы. Им запрещено попадаться на глаза господам, куда их не позовут. Если и есть что-то, чего я не выношу, так

это бессмысленной толкотни челядинцев. Вид черни утомляет, вы согласитесь со мной?

К пресловутой черни она, разумеется, относилась саму Палому, равно как и упомянутых жрецов, писцов и кого там еще... И даже не пыталась скрыть презрения, в упор глядя на Палому своими огромными темно-фиалковыми глазами.

Если Амальрик и впрямь был столь глуп, чтобы завести интрижку с этой коброй, — то так ему и надо. Радости ему это явно не принесет! Девушка мстительно улыбнулась.

— Медина слишком добра... Надеюсь, в вашей жизни будет как можно меньше того, что вызывает ваше неодобрение!

— Приятное пожелание, благодарю! — Голос Аргивальды звучал снисходительно, она слегка оттаяла: как видно, сперва сомневаясь, к какой категории отнести нежеланную гостью, и оттого провоцируя ссору, теперь убедилась в ее полной безобидности и успокоилась, решив, что Палома не представляет для нее опасности. Она даже могла позволить себе быть доброй. — Сейчас я покину вас ненадолго. Устраивайтесь, располагайтесь и не стесняйтесь позвать слуг, если вам хоть что-то понадобится. Они предупреждены и готовы будут исполнить любую вашу прихоть. Да-да... — Глаза ее лукаво сверкнули. — Любую — я не шушу. Ведь вечерами девушке порой бывает одиноко... Уж мне ли этого не знать!

На это у Паломы было готово сорваться с языка несколько возможных ответов, от утонченно-издевательских, до таких, от которых завяли бы

уши у прожженных наемников из хоршемишских казарм... но она лишь стиснула кулаки, так, что ногти впились в ладони, и заставила себя улыбнуться.

— Медина слишком любезна... Для меня большая честь быть вашей гостьей!

Тыфу! Надо будет прополоскать рот, как только она останется одна. И лучше всего — крепким вином, чтобы смыть привкус желчи!

Аргивальда, удовлетворенная, наконец оставила ее, пообещав, что слуги придут проводить гостью в трапезную, когда настанет время обеда.

Запершись в своих покоях, Палома, как была, даже не разувааясь, рухнула на постель, содрогааясь сперва от душающей ярости — а затем от дикого, неудержимого хохота.

* * *

Вскорости, однако, ею овладело странное нетерпение. Дрожь возбуждения, не позволяющая усидеть на месте. Возникла даже неблагоприятная мысль отправиться побродить по дому, однако хозяйка явственно дала понять, что это не будет приветствоваться, а идти на конфликт немедленно по прибытии Паломе не хотелось.

К тому же, ей пришла в голову куда лучшая мысль.

Позвонив в колокольчик, она сообщила подоспевшей на зов служанке, что желала бы привести себя в порядок, принять ванну и сделать прическу. Неизвестно, что сыграло тут свою роль — давящее величие дома советника и высо-

комерие восхитительной Аргивальды, желание доказать, что и она, скромная наемница, может выглядеть достойной подобного окружения... или куда более прозаическое намерение поболтать со слугами и выведать у них побольше о хозяевах дворца... Однако если в первом Палома вполне преуспела, благодаря умелым рукам вышколенных горничных, то во втором, увы, потерпела неудачу.

Нигде и никогда прежде ей не доводилось видеть, чтобы челядь была настолько замкнутой и молчаливой. Даже совсем юная девочка, наполнявшая горячую ванну, лишь глупо тарасилась на гостью и заученно улыбалась в ответ на любые вопросы. Чему, впрочем, Палома вскоре нашла объяснение, заметив у той на руках странные красноватые следы — то ли от ударов хлыстом, то ли от ожогов — и поджившие, и совсем, совсем свежие...

Да, Аргивальда, похоже, не стеснялась в средствах обучения!

Наемница все же вознаградила каждую из женщин серебряной монетой, удостоившись в ответ все той же неживой улыбки, и осталась наконец одна, наряженная, причесанная, благоухающая, точно роза... и напряженная, как тетива боевого лука.

Ждать ей, впрочем, пришлось недолго.

...Стук в дверь — и еще одна, незнакомая, служанка склонилась в поклоне перед гостьей.

— Госпожа, за вами прибыл экипаж. Собирайтесь отправляться.

— Что-о?

Паломы подняла брови, не зная, как реагировать на столь вызывающий приказ, лишь едва прикрытый церемонной вежливостью. Но уже следующие слова женщины развеяли гнев.

— Госпожа, это карета из дворца. Вас приглашает король!

* * *

Как оказалось, служанка была не совсем точна. Его величество Нимед Первый, скорее всего, слыхом не слыхивал о госте советника Гертрана. Приглашение исходило от королевы.

...Под своды Лазурных Покоев, как именовалось крыло дворца, отведенное Ее величеству, Паломы входила во власти сложных чувств. От столь стремительного вознесения ей было слегка не по себе: дочь скромного торского дворянина едва ли могла когда-либо надеяться даже просто побывать на Большом Выходе, куда приглашали всю знать королевства, и удостоиться лицезрения монаршей четы на расстоянии хоть в сотню шагов; теперь же ей предстояло войти в Малый Круг и, может быть, даже лично беседовать с королевой Рэлеей,— стоит ли удивляться ее волнению!

Лишь мысленные упражнения для достижения сосредоточения перед боем, привычные Паломы куда больше, чем придворные реверансы, помогли ей преодолеть мерзкую дрожь в коленях и выровнять дыхание, когда двери внутренних покоев наконец распахнулись перед ней.

Однако помимо благоговейного трепета была еще и злость. Да что злость — жгучая ярость! Амальрик, будь он тысячу раз проклят!.. Как он мог так бездумно бросить ее в самое пекло, ни о чем не предупредив, не соблаговоллив даже встретить, объяснить что к чему?! Она даже не знала, чего он ждет от нее — и что ждет ее саму. Что он рассказал во дворце о ней, об их отношениях?.. Ведь ей придется говорить с придворными, отвечать на какие-то вопросы... Боги! Что же делать?!

Впрочем, бешенство всегда помогало Паломе взять себя в руки. Если она ляпнет что-то лишнее — пусть Амальрик и расхлебывает, зло усмехнулась она, приседая в низком поклоне на пороге комнаты. Цепкий взор наемницы мгновенно охватил всю картину.

Просторная светлая зала, вся в цветах, стены обитые голубым шелком, синие ковры на полу. Дамы — не меньше двух дюжин, тесным кружком сидят вокруг одной-единственной, в пышном белоснежном платье, с распущенными волосами, убранными под золотую сетку.

Рэлей.

При появлении госты она обернулась, и лишь когда дворецкий зычно объявил имя новопривывшей, коротко кивнула, но тут же подала знак фрейлине, сидевшей у ног госпожи на низенькой скамеечке с пергаментным свитком в руках. И та немедленно возобновила чтение какой-то поэмы. Другая дама, чуть поодаль, принялась наигрывать на лютне, аккомпанируя чтению.

Задержавшись на мгновение в дверях, но не дождавшись ни от кого подсказки, что ей надлежит делать дальше, Палома, мысленно пожав плечами, спокойно прошла в центр зала и, заметив чуть поодаль от основной группы свободный табурет, обитый синим бархатом, осторожно уселась, расправляя платье, а затем исподтишка принялась разглядывать присутствующих.

Странно, что Аргивальды здесь нет. Госпожа советница не входит в число приближенных королевы? Или сегодняшний день — исключение?

Остальные фрейлины заметно уступали супруге месьора Гертрана и красотой и, хвала Небу, надменностью. Палома отметила несколько очень милых, живых лиц и подумала даже, что с такими девушками ей было бы приятно поболтать немного... если, конечно, они примут ее в свой круг. Ибо не следовало все же забывать, кто они — и кто она.

Не то чтобы ее скромное происхождение как-то унижало Палому, о нет! Она привыкла чувствовать себя свободно с людьми как самого низкого, так и самого высокого происхождения — благо, меч в руках — это великий уравнитель. Но сословные границы и предрассудки существовали, и забывать об этом было бы глупо!

Что касается самой Рэлей, то, как ни странно, королева показалась наемнице простушкой, каким бы неподходящим ни было это определение. У нее были круглые, чуть навывкате, карие глаза, добрые, но какие-то пустоватые, а улыбка — одновременно рассеянная и чуть капризная. В

манерах ее не было ни особой властности, ни достоинства, каких стоило бы ожидать от повелительницы могущественной державы.

Впрочем, напомнила себе Палома, королева ведь в тягости, а это состояние сильно меняет женщин...

Задумавшись, она едва не пропустила момент, когда чтение закончилось, — и вздрогнула от неожиданности, ибо Рэлей внезапно повернулась к ней.

— Как вам понравились стихи Ринальдо, Палома? Простите, что не поприветствовала вас сразу, как вы вошли, но я так люблю этого аквилонца... мне непременно хотелось дослушать!

Если бы она еще слышала хоть строчку!

Наемница склонила голову.

— Ваше величество! Эти стихи прекрасны, но для меня еще большую прелесть придает им то, что я имела честь наслаждаться ими здесь, рядом с вами... — Она могла лишь надеяться, что это прозвучит достаточно «придворно».

И, похоже, не промахнулась. Заметив, как заулыбались одобрительно фрейлины, Палома поздравила себя с удачным выстрелом.

— Не сидите же там в стороне, идите сюда! — Королева указала госте на место неподалеку от себя. — Мы все так хотели познакомиться с вами! Право, ваш нареченный был слишком суров, лишая нас общества такой красавицы!

Нареченный, ну надо же! Палома стиснула зубы, не переставая улыбаться. Убью подлеца, когда увижу!..

Она грациозно опустилась на указанное ей место.

— Амальрик не виноват, ваше величество, не судите его слишком строго. Я не так давно вернулась в столицу...

— Да, он говорил, вы были в отъезде, — вмешалась в разговор пожилая дама, сидевшая одесную от королевы. Взгляд у нее был любезным, но остро-цепким, пронзающим, и наемница мгновенно почувствовала себя неуютно, словно ее уличили в самозванстве. — Разве приличествует молодой даме разъезжать одной, без мужа?

От допроса с пристрастием Палому спасли две молоденькие, похожие, как два бутона с одного стебля, блондиночки, захихикавшие и замахавшие руками на пожилую блюстительницу нравов:

— О, госпожа Масена, как вы можете быть так суровы?! И ведь он еще не муж ей... — Они доверительно прошептали, обращаясь к Паломе: — Ведь правда? И если вы передумаете за него выходить, скажите сразу нам! Он такая прелесть, ваш Амальрик! Мы...

— Девочки! Девочки! — Королева попыталась быть строгой, но против воли и сама залилась смехом. Чувствуя милостивое настроение Рэлеи, остальные юные особы также развеселились. На Палому градом посыпались вопросы. Где они с Амальриком познакомились? Как ей удалось окрутить такого завидного жениха? Давно ли они вместе? Будут ли жить в Бельверусе после свадьбы, или вернутся в Тору?... Последнее предполо-

жение привело фрейлин в ужас, и Палому заставили дать торжественную клятву, что она не посмеет лишить двор столь чудного кавалера.

...Поначалу она смущалась, стараясь отвечать как можно более уклончиво и кратко, но постепенно всеобщее дружелюбие растопило панцирь настороженности, и наемница неожиданно почувствовала себя в этом девичнике свободно, почти как с Лиландой или с Рингой. Даже местные ревнительницы приличий, такие как дама Масена, видя благожелательность королевы к госте, сменили гнев на милость.

На зов Рэлеи откликнулись слуги, принесшие кувшины с вином, фрукты и сладости. Паломе, у которой с раннего утра не было во рту ни крошки, предпочла бы угощение посущественнее... однако вино было превосходным, и она отдала должное напитку, охлажденному как раз в должной мере.

Постепенно интерес к госте иссяк, фрейлины принялись болтать между собой. Королева вполголоса обсуждала что-то с девушкой, читавшей стихи Ринальдо; лютнистка вновь стала громко наигрывать незатейливую мелодию, и Паломе уже начала гадать про себя, когда ей прилично будет откланяться... Неожиданно кто-то тронул ее за локоть:

— Так вы тоже остановились в доме советника Гертрана?

Обернувшись, она увидела, что к ней обращается молодая женщина ее лет, темноволосая, в роскошном платье цвета спелой вишни, пожа-

луй, слишком открытым и вызывающем для этого женского сборища.

— Да.— Мгновенно, Палома перешла от благодушной расслабленности к настороженности. От этой собеседницы исходила едва уловимая угроза.

Та растянула губы в улыбке.

— Так, стало быть, вы знаете, когда возвращается Зервальд?

Наемница покачала головой.

— Я даже не знаю, кто это такой.

— Вот как?..— Женщина надолго замолчала. И неожиданно усмехнулась, весьма многозначительно: — Что же, буду рада просветить вас. Это брат милейшей Аргивальды — они очень... дружны с вашим Амальриком. На вашем месте, я бы, пожалуй, даже начала ревновать... Им было очень неплохо вместе — и я что-то не замечала, чтобы Амальрик чересчур скучал по своей невесте. Это не тревожит вас, моя дорогая?

Ого!

Когда она меньше всего была к этому готова,— такая внезапная и злая атака...

Все еще намереваясь свести разговор к пустой болтовне, Палома мирно отозвалась:

— У Амальрика много друзей.

Но красotka не унималась. Чего она добивается, интересно знать? Движет ли этой мегерой обычная зависть и злоба — или она преследует какую-то цель своими грязными намеками?

— Да, друзей, это вы верно подметили. Женщины его привлекают куда меньше!

Ах, стерва! Глядя той прямо в глаза, Палома медоточиво улыбнулась.

— Амальрика привлекает лишь одна женщина — и это я. По мне, так этого вполне достаточно!

Черноволосая, похоже, намеревалась добавить что-то еще... но, похоже, передумала. Неспешно поднялась с места и, на прощание одарив наемницу таким взглядом, от которого и молоко бы скисло, царственно удалилась.

Ошеломленная, Палома еще некоторое время смотрела ей вслед, пока негромкий мелодичный смех не вернул ее к действительности:

— Чего хотела от вас эта кобра?

Одна из девочек-бутонок смотрела на наемницы широко раскрытыми голубыми глазами; в них не было ни тени злобы, лишь веселое любопытство. Палома с благодарностью улыбнулась в ответ:

— Сама не знаю. Кажется, хотела мне напомнить, что мир — отнюдь не столь гостеприимное место, как мне на миг показалось.

Девушка захихикала.

— О, Маргели, она такая! Не обращайтесь внимания, она просто злюка. К тому же, она с первого дня положила глаз на вашего жениха, а он на нее — никакого внимания. Ну,— она заговорщически подмигнула Паломе,— Теперь-то, увидев вас, мы поняли, почему!..

Столь неприкрытое восхищение поразило наемницу. Меньше всего она готова была встретить такую искреннюю доброту здесь, при дворе. Чуть

смягчив выражения, она сказала об этом своей собеседнице. Та понимающе кивнула:

— Конечно, в Большом Дворце все иначе. Там интриги, вся эта грязь... Но королева старается оградить нас от этого. Сюда, в Лазурные Покои, приглашают не по благородству рождения, а по личным достоинствам, только тех, кто приятен Ее величеству. Думаю, Маргели доживает среди нас свои последние дни! А вот вас мы все были бы рады видеть чаще!

Палома развела руками.

— Это зависит не от меня.

— О, неправда! Вы понравились королеве, я это сразу заметила. И раз вы невеста Амальрика — вам всегда будут рады во дворце!

Вот это было Паломе совершенно непонятно. Похоже, ее «жениха» тут все хорошо знали и — что особенно поразительно, учитывая непростой нрав барона Торского — искренне любили! Но когда он успел завоевать сердца всех этих дам? Он всего одну луну в Бельверусе, а прежде король Нимед отнюдь не благоволил к молодому вельможе...

После нескольких очень осторожных вопросов она узнала ответ — и не могла не поразиться проныцательности и расчетливому уму своего друга детства. Теперь ее не удивляло то, что рассказывал о прошлых похождениях Амальрика Марициус. Все вполне сходилось...

Барон отыскал самый короткий и верный путь к сердцу королевы — через ее сына. Заинтересовав юного наследника и его друзей с помощью

нехитрой игрушки, он в считанные дни сделался в Малом Дворце самым желанным гостем.

Затем принц привел отца познакомиться со своим новым другом — нечего и сомневаться, что Амальрик сумел очаровать и короля. И теперь он стал при дворе своим человеком.

Быстрый, безошибочный способ. Блестящий замысел — и превосходно реализованный!

Однако вопрос, который задал Паломе Марициус, оставался по-прежнему без ответа. Зачем ему все это?!

Но об этом не мог сказать никто, кроме самого Амальрика.

Что же. Значит, ей придется спросить напрямую. Как-никак, он у нее в долгу после сегодняшнего...

* * *

Ждать возможности для расспросов долго не пришлось. Пожилой слуга с поклоном явился в покои королевы, чтобы сообщить госпоже Паломе, что ее ожидает жених. Рэлея отпустила гостью с видимой неохотой, взяв с нее обещание бывать во дворце почаще, и наемница ничуть не кривила душой, когда пообещала ей это.

Но когда она вышла из Лазурных Покоев на свежий воздух и торопливо зашагала вслед за слугой по извилистым дорожкам сада, она была собрана и готова к бою. И, завидев вдалеке невозмутимо ожидавшего ее Амальрика, с трудом заставила себя потерпеть до того момента, когда они наконец останутся одни.

— Ну, ты со мной не скоро расплатишься! —
Таковы были ее первые слова.

Барон Торский, однако, не обратил никакого внимания на это шипение рассерженной кошки. Ласково улыбаясь, он приобнял Палому за плечи.

— Я знал, что ты отлично справишься, дорогая!

Но ее было не так легко умиловить.

— Дорогая!.. Верно, тебе это очень дорого обойдется!

— Ну...— Он засмеялся, обнажая белоснежные зубы.— Что за меркантильность? Я, право, ожидал от тебя иного!

Палома саркастически подняла брови.

— Чего же? Что я буду руки тебе целовать за то, что ты ввел меня в столь возвышенное общество? Ах, какая честь, право!

На холеном лице барона мелькнула тень досады. Он отпустил ее плечи.

— Не надо сцен, прошу. Это совсем на тебя не похоже. Тем более, ты же не думаешь, что я намеренно подверг тебя такому испытанию. Это не в моих интересах, прежде всего. Честно говоря, я извелся за это время — что там с тобой, о чем тебя спрашивают, что ты отвечаешь...

— Не ляпну ли какой глупости...— в тон ему подсказала Палома.

— И это тоже. Хотя, конечно, если бы я не полагался на тебя, то никогда бы не рискнул таким образом. И... я очень благодарен тебе, Пал. Веришь?

Неожиданно для самой себя, Палома обнаружила, что они разговаривают совсем как когда-то раньше, лет десять назад, без всей этой враждебной настороженности, что возникла при недавней встрече. И он даже назвал ее тем, прежним именем... На сердце у нее потеплело. Она положила руку Амальрику на локоть, и они неспешно двинулись по дорожке.

— Ладно, я уже не злюсь. Если честно, я просто перепугалась до смерти. Видит Митра, это хуже, чем драться одной против троих... Но,— тут же добавила она воинственно,— все равно это не означает, что мы в расчете. Ты задолжал мне кое-какие объяснения. И, клянусь Небом, я не шевельну больше ради тебя и пальцем, пока ты не расскажешь, что замыслил и ради чего понадобился весь этот маскарад!

...Она думала, он не ответит. Амальрик молчал долго, сосредоточенно уставившись куда-то вдаль, на едва тронутые осенним увяданием деревья сада. В тишине слышно было натужное гудение жуков в траве, далекие женские голоса, смех, звонкие детские выкрики,— должно быть, фрейлины вывели на прогулку юного принца и его друзей по играм.

И когда ее спутник наконец подал голос, это было совсем не то, чего ожидала услышать Палома.

— Нас всю жизнь, с самого первого мига, готовили к служению,— таковы были первые слова Амальрика.— Служить Кречету, Митре, Королю... Из нас растили цепных псов, которые гор-

дились бы своим ошейником.— Он горестно усмехнулся.— Посмотри на себя, Пал. Ты, женщина, посмотри на себя!.. Тебя тоже не миновала эта отравка!

Наемница сморщилась презрительно.

— О, только не заводи мне эту старую песню о доброй женоушке с выводком детишек. Я сама выбрала свой путь — и не будем больше об этом!

Но Амальрик не стал спорить. Похоже, о Паломе он сейчас думал меньше всего. Лицо его стало далеким, отстраненным, словно он взирал на нечто недоступное окружающим. А когда он заговорил вновь, голос его прозвучал неожиданно глухо, искаженно, как будто каждое слово барон выдавливал из себя ценой огромных усилий.

— Отец отдал им Тору, Пал!

— Что-о? Кому отдал?

— Ордену Кречета, кому же еще. Передал им все права на владение баронством.

— Но... зачем?

Его усмешка была едко-многозначительной.

— Чтобы его возлюбленного отпрыска мысли о земном и бренном не отвлекали от Великого Служения, вот зачем. Воин не должен думать о богатстве, ему не нужно ничего, кроме меча и Великой Цели,— так он сказал в своем завещании! Прекрасные слова! Пустые и бессмысленные — как тот баронский титул, что мне остался!

— Я помню, деньги никогда тебя особенно не интересовали,— неосторожно заметила наемница. Амальрик взглянул на нее так, словно готов был ударить.

— Боги, да причем тут деньги?! Разве ты не понимаешь, как это унижительно? Он лишил меня всего, что было моим по праву — как пса морят голодом, чтобы усерднее сторожил дом. Будто у меня нет ни разума, ни воли, ни собственных желаний...

Паломе растерянно взирала на своего давнего товарища, не зная, что сказать. Слов нет, старый барон Гундер был человеком со странностями. Суровый, неприступный, как скала, за всю жизнь она ни разу не видела, чтобы он улыбнулся, не слышала, чтобы сказал сыну хоть одно ласковое слово. До сих пор Паломе помнила, как убивался Амальрик, тогда еще совсем мальчишка, когда отец с лядей велели ему собственноручно прикончить любимого щенка — только потому что мальчик слишком привязался к питомцу. Митра свидетель, у барона были странные методы воспитания. И эта последняя выходка оказалась вполне в его стиле... Наемница сочувственно поглядела на Амальрика.

— И что ты сделал?

Он пожал плечами, словно говоря: «А что, собственно, я мог сделать?»

— Служил. Что же еще? — Он помолчал, погрузившись в воспоминания.— Пока был жив Гариан, все было неплохо. У короля был непростой характер, но мы ладили. Я стал при нем человеком для особых поручений — точнее, при советнике Донале Оге,— и меня это устраивало. Неплохая жизнь... На службе я нашел применение своим способностям, мне казалось, я приношу

пользу и Короне, и Ордену, и все было в порядке, и утрата Торы почти не тяготила меня...

Но потом Гариана сменил Нимед, и все разом кончилось. Палома не была знакома лично с Доном Огом, о котором говорил Амальрик, но знала, что тот был давним соперником герцога Лаваррона, который ныне заведовал тайной службой короля. А Лаваррон был человеком Нимеда. Который, придя к власти, поспешил отдать своему верному слуге все привилегии. Донал Ог остался не у дел — а с ним и все бывшие фавориты Гариана; Лаваррон всех их заменил своими людьми и добился, чтобы нигде при дворе никому из них не нашлось места. Большинство, включая и самого советника, отправились по своим имениям, почти как в ссылку... и лишь одному Амальрику оказалось некуда возвращаться.

— То есть, конечно, я мог по-прежнему жить в Торе. И даже добился от Ордена права принимать кое-какие решения по управлению баронством... согласовывая предварительно каждое со Старейшинами. — Глаза его стали злыми, рот искривился в гримасе ненависти. — Ты не понимаешь, что это такое, Пал — стать беспомощным чужаком на своей собственной земле. Нищим. Никому не нужным. После того, как король высвирнул меня, словно мусор...

— Но ты все же вернулся?

— О, да. Я провел в Торе больше года. А до того мотался по белу свету, по поручениям Кречета. Желание служить, — оно в нас неистребимо, не правда ли? — Он засмеялся, почти закашлялся.

ся. — Это наша страсть. Единственная... Но я все же уехал в Тору. Хотел побыть один, поразмыслить, разобраться для себя кое в чем... Я думал, обо мне давно все позабыли... Как вдруг, совершенно неожиданно, почти две луны назад, прибыл гонец от Ордена. Ты не поверишь — сам Естасиус требовал моего возвращения в Бельверус.

— Мейстер Ес... — Палома поперхнулась. Естасиус был главой Черного Кречета. Фигурой почти мифической — его никто и никогда не видел в лицо, кроме самых высших чинов Ордена. Говорили, он живет как монах-отшельник, погруженный в мистическое созерцание, совершенно отрекшийся от земных забот... И вдруг — послание Амальрику! Пораженная, она воззрилась на своего друга детства, словно видела его в первый раз. — И чего он от тебя хотел?

— Гонец не сказал ничего конкретного. Лишь то, что Долг призывает меня в столицу. — Барон покачал головой. — А здесь меня встретил Гертран — и все изменилось.

— Что ты хочешь сказать? Гертран ведь тоже член Ордена?

— Да, но... Когда ты познакомишься с ним, увидишь сама. Он совсем не такой, как мой отец. Даже не как твой. И он на многое открыл мне глаза. То есть... — Амальрик с трудом подыскивал слова, пытаясь выразить какую-то особенно важную для него мысль. — Все то, о чем я думал, когда сидел один в Торе, часами тупо пялясь в огонь... то, что казалось мне кощунственным, почти преступным... Гертран говорил о том же са-

мом, но очень просто и без напыщенных, высоких слов. Он говорил так, что я сумел понять: то служение, которое навязывалось нам с рождения, — это лишь уродливая форма рабства. В нем нет ни чести, ни гордости, ни истинной красоты. Служение ценно лишь когда оно — добровольный дар свободного человека. А мы были рабами в оковах!

— Не могу сказать, что до конца понимаю, о чем ты, но... — Палом задумчиво закусила губу. — Ты прав. Отец не имел права принуждать тебя таким жестоким образом. У человека всегда должен быть выбор.

Относились ли эти слова и к ней самой?

Амальрик одобрительно кивнул.

— В общем, Гертран заставил меня на многие вещи взглянуть по-иному... Понимаешь, Пал, когда король вышвырнул меня, я разом стал неинтересен и Ордену, меня использовали лишь для мелких поручений, почти как простого гонца... Это было так унижительно — я утратил веру в себя. Мне стало казаться, что я и в самом деле ничтожный человек, не оправдавший ожиданий отца, Старейших... и даже своих собственных. Я презирал себя за слабость и беспомощность! — Он яростно тряхнул головой, отгоняя призраки былого. И злость его была так велика, что Палом не осмелилась предложить ему свою жалость — да Амальрик и не нуждался в сочувствии. — И лишь здесь, в Бельверусе, я осознал, насколько я заблуждался. То, что я стал жертвой интриг, чужой игры, которая никак не касалась меня лич-

но, это ничего не значит. Человек — это не только сумма его обязательств перед кем бы то ни было, даже перед богами. Человек — это то, чего он сам желает и добивается.

— И чего желаешь ты?

— О... — Амальрик хищно улыбнулся. — Многого. Так сразу и не расскажешь. Всего того, чего я был лишен с рождения — а это очень немало! Но для начала я должен занять место при дворе, принадлежащее мне по праву. Причем именно мне — а не каким-то великодушным покровителям, которым вздумалось бы взять меня под свое крылышко! Ибо отныне покровители мне не нужны!

— Но... Как же Орден?

Барон Торский повел плечами.

— Орден использовал меня, я использую его. Если наши цели будут совпадать, я готов служить ему. Если же нет... Я — свободный человек, Палом, — с неожиданной силой воскликнул он.

Та покачала головой.

— Мне с трудом верится, чтобы советник Гертран мог внушить тебе все эти мысли. Человек не может так быстро, за каких-то пару седмиц, отречься от всего, что впитал с молоком матери.

Амальрик кивнул.

— Гертран лишь помог мне осознать до конца то, что мучило меня долгие годы. Причина не в нем — а во мне самом.

— Но чего же ты все-таки добиваешься?

— А разве ты не видишь сама? — Широким жестом барон обвел рукой вокруг, словно вклю-

чая сюда и этот прекрасный, залитый солнцем сад, и дворец... и весь мир.

— Власть? Положение? Любовь красавиц? — Помимо воли, в ее голосе прозвучала насмешка. Но Амальрик остался серьезен.

— Почему бы и нет. Я честолюбив. И мне претит мысль окончить свои дни нищим, никому не нужным приживалой. Что в том дурного?

— Ничего. Но в том, как ты попал ко двору... Этот обман... — Она красноречиво указала на него и на себя.

Неожиданно Амальрик улыбнулся ей по-мальчишески чарующе и открыто.

— Я, кстати, забыл сказать тебе, как восхитительно ты выглядишь!

— О, нет! — Она негодуя отмахнулась. — Не пытайся лестью подкупить меня, Амальрик Торский! Я знаю все твои штучки наизусть!

— Нет, правда, Пал. Ты... словно расцвела за эти годы. Признаюсь, я был поражен.

В глубине души эти слова были ей приятны. Но она не позволила себя отвлечь.

— И все же...

Барон пожал плечами.

— Обратить на себя внимание их величеств не так-то просто. Ежедневно толпы людей пытаются достичь этого!

— Но советник...

— О, Гертран сделал для меня все, что мог. На другой же день по приезду в столицу, он привел меня во дворец к Малому Выходу, представил королю... Тот скользнул по мне взглядом, от-

делался парой пустых фраз. И забыл мое имя, едва отошел на десять шагов. Мне нужно было найти иной путь!

— Через наследника?

— А, так ты узнала об этом?! — Амальрик лукаво подмигнул наемнице. — Неплохо придумано, согласишься?

— Великолепно. — Это трудно было отрицать.

— Мне лишь неловко, что пришлось втянуть в это и тебя — но не тревожься. Через пару седмиц королева успокоится на мой счет, поймет, что я добропорядочный вельможа, который отнюдь не собирается сбивать с пути истинного ее легкомысленного супруга... Тогда моей невесте можно будет спокойно отбыть из столицы — а там видно будет. Все, чего я прошу, это чтобы ты согласилась какое-то время играть эту роль. Это не слишком много?

— Это так важно для тебя?

— Да, — с нажимом отозвался Амальрик. — Очень важно. Если королева не будет мне доверять — я никогда ничего не добьюсь при дворе. А она не выносит холостяков и каких-либо намеков на флирт или любовные истории. Все должно быть строго и благочинно...

При этих словах барон соорудил такую постную гримасу, что Паллома против воли засмеялась. Однако у нее были еще вопросы. Насчет Аргивальды, Гертрана — и главное...

— Но зачем все-таки Естасиус вызвал тебя в Бельверус? Ведь не затем же, чтобы ты блистал при дворе!

— Ах, это...— Амальрик помрачнел и вдруг долго замолчал, словно сомневаясь, вправе ли он открыться Паломе до конца. Затаив дыхание, та ожидала ответа, чувствуя, что сейчас может узнать нечто действительно очень важное...

Как вдруг — незнакомый голос окликнул их с другого конца тропинки.

— А, голубки! Рэля сказала мне, что вы где-то в саду. Амальрик! Не представишь ли меня своей очаровательной подруге?

— Советник Гертран! — Барон обернулся к спешащему навстречу человеку средних лет, в богатой одежде, коротко стриженному по последней придворной моде.— Позвольте представить вам медину Палому...

Наемница едва не взвыла от разочарования. Ну надо же было ему появиться в столь неподходящий момент!

...Ибо то выражение облегчения, что тенью скользнуло по лицу Амальрика, когда советник прервал их разговор, яснее ясного сказал Паломе, что он уже сожалеет о своей откровенности, и, стало быть, разговор их едва ли получит продолжение.

Она уже стояла на пороге какой-то тайны — но дверь захлопнулась прямо у нее перед носом! Тысяча проклятий!

С любезной улыбкой Паломе присела в поклоне перед советником.

— Счастлива познакомиться с вами, месьюр!

Глава четвертая

Советник Гертрана имел немного шансов понравиться Паломе. Если даже не брать в расчет его супругу, то, что рассказывал о нем Амальрик, вызывало в воображении прожженного циника, интригана-царедворца, озабоченного лишь властью и богатством... Тем более удивительно, что он с первого взгляда вызвал у наемницы симпатию.

Некрасивый, низкорослый, со слишком большой головой для столь тщедушного тела, советник, тем не менее, был наделен обаянием и жизнелюбием, а также поразительной способностью слушать людей с таким заинтересованным видом, словно в этот миг для него на свете не было ничего увлекательнее. Несмотря на ауру значимости и достоинства, которую нельзя было не ощутить, общаясь с ним, Гертран держался с людьми запросто, без тени снисхождения или высокомерия, однако и не запанибратски... Поболтав с ним совсем недолго, в карете, что везла их до-

мой, Палома оказалась совершенно очарована и теперь понимала, как удалось этому человеку за столь короткий срок произвести впечатление даже на Амальрика, обычно весьма сдержанного в своих чувствах.

В его присутствии сама Аргивальда утратила всякую надменность и вела себя с гостями мило и любезно, словно Палома была ее лучшей подругой. Наемница, впрочем, не строила себе никаких иллюзий по этому поводу. Глаза хозяйки дома смотрели по-прежнему хищно и оценивающе...

Главной темой всех разговоров стал, разумеется, визит Паломы во дворец. Ее заставили во всех подробностях пересказать, о чем спрашивала ее королева и прочие дамы, что она им отвечала, кто как на нее смотрел, кто улыбался, а кто был холоден... в общем, к концу этого допроса наемнице показалось, что ее выжали, точно свежевystиранное белье — и повесили сушиться.

В своем рассказе она постаралась не упускать никаких деталей... если не считать грязных намеков дамы Маргели: повторять ее слова вслух при Амальрике было бы неловко. В общем и в целом, Гертран, да и сам барон Торский остались довольны.

— Вы отлично справились, дорогая, — одобрительно улыбнулся советник, подливая девушке вина. — Теперь дела Амальрика, несомненно пойдут на лад. Вы оказали ему неоценимую услугу...

При этих словах Аргивальда многозначительно повела плечами, ясно давая понять, что она справилась бы куда лучше, и лишь такая про-

стушка как Палома может гордиться столь скудными успехами... но вслух, разумеется, ничего не сказала.

* * *

Если в первые дни Палома все еще недоумевала, почему наличие жены или невесты так важно для успешного продвижения вельможи при дворе, то, чем ближе она узнавала царившие там нравы, тем больше понимала, что у Амальрика попросту не было иного выхода — если, конечно, он не вознамерился бы жениться по-настоящему.

Королева Рэлея, милая и невозмутимая, совершенно преображалась, пылая яростным гневом, стоило ей уловить хоть намек на возможную интрижку среди придворных. Целомудрие и супружеская верность были основными темами бесед, на эту тему специально приглашенные комедианты ставили спектакли, а поэты складывали возвышенные вирши.

Несомненно, все это не лучшим образом сказывалось на атмосфере двора, фрейлины чахли, лишенные возможности пококотничать с кавалерами, а тем приходилось проявлять чудеса изворотливости в поисках сладостных утех... Как это терпел король — сам отнюдь не образчик добродетели — оставалось для Паломы загадкой, и объяснением тому могло быть лишь положение королевы. Покуда Рэлея была в тягости, супруг считал своим долгом потакать ей во всем; когда же она наконец разрешится от бремени... о, со-

мнений нет, при дворе наступят совсем иные времена! Но до этого оставалось еще четыре луны.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы во дворце не развлекались. За всю седмицу у Паломы едва ли выдался хоть один свободный вечер: она успела съездить на охоту, дважды была приглашена на представления мимов и жонглеров, и даже на Большой Бал.

Ради такого случая пришлось заказать новое платье — на это ушли все деньги, полученные от Марициуса...

С помощником Лаваррона Палома встретилась, как только смогла, в самом лестном свете выставив то, что успела узнать о планах Амальрика. Честолюбивый юноша, избравший пусть несколько необычный путь, дабы быть замеченным при дворе, но никакой опасности для Короны, Митра свидетель!.. Все, чего он желает, это служить королю и быть у него на виду. Ничего более. В этом нет ничего противоестественного, ведь правда? Так что совершенно нет нужды подозревать барона Торского в недобрых помышлениях. Вертрауэн вполне может посвятить себя истинно значительным задачам, не отвлекаясь на пустяки...

Марициус, похоже, встретил этот отчет с облегчением. Он сполна расплатился с наемницей, присовокупив, что спустя какое-то время, возможно, отыщет ее для нового задания. Палома в ответ пробормотала что-то неразборчивое, хотя про себя уже решила, что работать на месьора Марициуса больше не станет. С Рингой было все

по-другому, но... Впрочем, она не стала спрашивать его о Ринге. И это тоже о чем-то говорило.

Кажется, вне зависимости от желания самой Паломы, какой-то важный отрезок ее жизни подошел к концу... Но пока она предпочитала не думать об этом — равно как и о том, что принесет ей будущее.

...Больше ни с кем из старых знакомых она не общалась. Видела только Сетрика — тот передал вести от паренька, посланного в Тору.

Амальрик говорил правду о том, что больше не владеет ничем из того, что некогда принадлежало его роду. В остальном же о молодом бароне в его вотчине мало что могли рассказать. Ходили, правда, какие-то странные слухи о чернокнижии — но не подтвердить, ни опровергнуть их было невозможно.

От Конана пока не было известий, и Палома против воли начинала уже тревожиться. Киммерийцу пора было бы уже вернуться из Цера... Она дала себе зарок выждать еще два дня — после чего следовало решить, что предпринять.

Но, в общем и в целом, пока все шло неплохо. Наемница от души развлекалась, погружившись в непривычный круговорот беззаботной придворной жизни. Единственное, что ее смущало — это отношения с Амальриком.

Все опять изменилось, к чему она совершенно не была готова после их задушевной беседы в саду.

О, разумеется, на людях он был с ней неизменно любезен. Во дворце, когда они появлялись

там вместе, или сталкивались случайно, он уделял своей «невесте» ровно столько внимания, чтобы никто не мог упрекнуть его в небрежении... Но теплота и искренность вновь остались в прошлом.

Похоже, барон сожалел о своей откровенности, о том, что допустил Палому в святая святых своей души. В доме Гертрана он держался прохладно, дистанционно, всеми способами уходя от любых расспросов.

Мысленно Палома усмехалась, что еще немного — и, чтобы окончательно поставить ее на место, он, пожалуй, еще напомним ей, что нанял ее на роль суженой за деньги... так что пусть не думает возомнить о себе невеста что!

Такое отношение немало задевало девушку. Ей о многом хотелось бы еще расспросить Амальрика: об Ордене, о Гертране и Аргивальде, даже о том, почему он так дернулся, когда в день их самой первой встречи она помянула Коршен... Но барон словно чувствовал это и всячески избегал оставаться с девушкой наедине.

В конце концов она махнула на него рукой. В конце концов, в жизни есть вещи и поинтереснее, чем тайны барона Торского!..

Тем более, что однажды поутру, когда Палома по обыкновению вышла на прогулку, ее вновь отыскал вихрастый гонец. Задыхаясь от нетерпения, Сетрик сообщил, что на рассвете у Лиланды объявился новый гость.

Колдун Агамо просил наемницу встретиться с ним как можно скорее.

* * *

Как ни торопилась Палома, но за юрким мальчуганом она поспевала лишь с огромным трудом — а всему виною проклятые юбки; ведь теперь мужская одежда была для нее под запретом. В конце концов пришлось, плюнув на самолюбие, попросить Сетрика идти помедленнее. И все же она совсем запыхалась, когда ворота постоянного двора наконец показали впереди.

«Все тебе пирушки, да танцульки, красotka! — строго заметила себе наемница. — Вот кончится весь этот маскарад — попрошу Вертагена, чтобы погонял меня как следует. А то так недолго и совсем жиром заплыть!»

...Агамо она отыскала в малой обеденной зале, куда Лил пускала лишь самых близких друзей: боязливый маг, похоже, не хотел лишний раз появляться на людях.

Перед ним стоял кувшин вина и бокал — нетронутый. Похоже, он так нервничал в ожидании, что даже пить не мог. Глаза горели лихорадочным блеском, руки постоянно суетились на столешнице, словно встревоженные зверьки. При виде Паломы он испустил вздох облегчения.

— Ну, наконец-то!

Девушка опустила за стол напротив, предвзительно оглянувшись, нет ли поблизости посторонних. Но они были в зале одни.

— К чему такая спешка, скажи на милость? То от тебя целую седмицу ни слуху, ни духу, а то...

Колдун замотал головой.

— Молчи! Ты не знаешь, о чем говоришь!

Да, чернокнижник явно был не в себе. От напряжения лицо покрылось потом, и он даже начал косить.

— Да что стряслось, наконец? Разобрался ты с нашей шкатулкой?

В ответ маг лишь забормотал нечто неразборчивое — не то молитвы, не то проклятия, и Палома совсем растерялась.

— Забери! — сумела разобрать она наконец. — Приезжай, забери ее!

Она недоверчиво распахнула глаза.

— Так ты ее не привез с собой? Нергал тебя побери, что за ерунда?!

Руки-зверьки заметались пуще прежнего, складывая дрожащие пальцы в знаки, отвращающие зло.

— Будь ты неладна, женщина, что втравила меня во все это! И не смей поминать Темных Богов! Довольно ты мне уже зла причинила!

— Я — тебе?! — Теперь она уже всерьез разозлилась. Взять бы этого трясущегося недомерка — да приложить физиономией об стол! — Слушай, парень, похоже, ты зря тратишь мое время! Объясни, в чем дело — и хватит юлить!

Агамо вцепился в бокал, расплескивая, подтянул к губам, опустошил, налил еще вина, выпил и его. И наконец сумел выдать:

— Ты должна срочно поехать со мной и забрать свою шкатулку. Я ее не открыл — и больше пытаться не намерен. И рядом с ней не останусь! Так что давай...

— Погоди,— осекла его Палома.— Раскомандовался... Ты можешь толком рассказать, что произошло? Какие-то неприятности?

— Неприятности? — Маг аж захлебнулся в ярости.— Да ты чуть не убила меня с этой своей штуковиной! Видела бы ты...

— Что?

Но колдун неожиданно замолк, словно язык проглотил. Глаза остекленели, точно видение некоего недавно пережитого ужаса вновь встало перед его внутренним взором. Как ни билась Палома, но ничего, кроме сдавленного «Забери ее!» так и не услышала.

Недоуменно покачав головой, наемница предложила:

— Послушай, сейчас я никак не могу поехать. Путь все же неблизкий...— Сегодня вечером ее ждали в Лазурных Покоях, да и завтра, скорее всего, будет не вырваться. У мага же, как ни крути, а шкатулка в большей безопасности, чем в доме Гертрана.— Давай через пару дней, а?

Агамо взирал на нее с немим ужасом. Палома развела руками.

— Ты сам виноват. Привез бы ее с собой — не было бы никаких проблем. А так придется подождать. Но... если ты ее не будешь трогать — ничего ведь страшного не случится, правда? — Ей было любопытно узнать, что же произошло, когда маг пытался открыть шкатулку... однако, стоило лишь поглядеть на его искаженное лицо, и всякое желание задавать вопросы пропадало. Видит Небо, иногда простым смертным лучше

ничего не знать о делах колдунов! И — проклятье! — она так рассчитывала, что Агамо сумеет разобраться с этой загадкой! А теперь... она терялась, что предпринять. — Так что возвращайся и жди меня...

Но маг в ответ яростно замотал головой.

— Не поеду, пока она там! И не проси!

Видно было, что ни уговоры, ни угрозы здесь не помогут. Агамо был слишком напуган.

— А если ее украдут?

На миг к колдуну вернулась тень его бывшего высокомерия.

— Никто не войдет в мой дом без моего дозволения! Твоя... вещь там в безопасности, можешь мне поверить.

— О-о.— Палома с сомнением поморщилась.— Я уже один раз тебе доверилась. Когда ты клялся, что разберешься с этой загадкой за вечер. С закрытыми глазами, так ты, кажется, говорил?..

— Да,— кивнул маг. И неожиданно пробормотал: — Лучше бы и впрямь глаза мои были закрыты...

Боги, ну и дела!

Что же вез с собой Теренций? Кому — и зачем?! И почему Палому не оставляло чувство, что Орден Кречета как-то связан со всей этой историей?

Может быть посоветоваться с Амальриком? В конце концов, ему доводилось иметь дело с чернокнижием... но она тут же отвергла эту идею. Последние дни Амальрик выказал себя не лучшим собеседником.

Хоть бы скорее возвращался Конан!

Где же ты, киммериец — сейчас, когда ей так нужна помощь?!

Взяв с Лиланды обещание присмотреть за колдуном и известить ее немедленно, как только объявится Конан, Палома вернулась во дворец советника Гертрана.

Где ее ожидал новый сюрприз.

* * *

Непривычная суета во дворе...

За все время, что она гостила здесь, Палома почти не видела никого из слуг, особняк вечно казался таким же вымершим, как и в тот памятный первый день. Нынче же челядь роилась у ворот, перетаскивая какие-то сундуки, скобя и без того безупречно чистые дорожки, то и дело без всякой нужды кланяясь всем проходящим... Наемница лишь широко раскрыла глаза. Неужто сам король приехал? Да и тогда бы, наверное, не было бы ничего подобного! Разве что объявились одновременно с визитом монархи Аквилонии, Кофа, Турана, да еще, пожалуй, Вендии в придачу!

В большой парадный зал она входила с опаской, словно и впрямь ожидая увидеть там череду венценосцев, прибывших почтить своим присутствием скромное жилище бельверусского советника. И была поражена.

В почтительных позах сам Гертран, его супруга, Амальрик и еще кто-то из домочадцев, застыли полукругом у огромного кресла, в котором,

теряясь в необъятных пышных глубинах, восседала крохотная фигурка, одетая в черное.

Палома сперва подумала, что это ребенок. Но тут же осознала свою ошибку, при виде седой бороды. Перед ней был глубокий старик.

И лишь теперь она поняла — кто это такой!

Ее появление не осталось незамеченным. И когда все взоры обратились к ней, Палома сделала несколько шагов по направлению к неподвижно сидящему человеку, помимо воли ощущая трепет и благоговение, сковывающие все члены. Ей стоило огромного труда присесть в поклоне, и еще большего — вновь выпрямиться. И она с трудом узнала свой голос:

— Мейстер Естасиус... Мое имя — Палома. Я дочь Иртана из Торы, пятого фалоньера Ордена. Примите мою службу, мейстер.

Сухая, точно щепка, рука поднялась гостю навстречу.

— Подойди ближе, дитя.

Черные глаза на этом старческом лице словно жили своей отдельной жизнью. Они оценивали, измеряли, проникали как будто под кожу и еще глубже, и у Паломы на миг возникло ощущение, будто Старейшина Ордена видит ее насквозь, за всеми жалкими покровами — видит самую ее душу, без малейших прикрас. Впрочем, он, будто сознавая свою силу, тут же отвел взор — и жуткое чувство отступило... хотя и не исчезло до конца.

— Так это и есть твоя... подруга? — обратился старец к Амальрику. Тот молча кивнул.

Осмелившись исподтишка оглядеться, Палома заметила, что и все остальные робеют в присутствии Естасиуса не меньше ее самой. Даже Аргивальда словно бы сгорбилась, притихла и казалась сейчас похожей на робкую девочку, впервые попавшую в свет. Советник пытался сохранять свою обычную невозмутимость, но ему это давалось с трудом. Что же до барона Торского, то на лице его застыло странное выражение, истолковать которое Паломе было не под силу.

— Что ж, рад видеть, что у Иртана такая славная дочь. Ты ведь не осрамила отца, девочка?

Что она могла ответить на это? Отец... Палома глубоко вздохнула.

— Память о нем — факел в моем сердце, мейстер.

Тот одобрительно кивнул.

— Хорошо, ступай. Вечером мы поговорим с тобой. — Старик повел головой. — Впрочем, ступайте все. Останься только ты, Гертран. Я хочу узнать все новости о... — Он не договорил, выжидательно уставившись на присутствующих.

Все поспешили откланяться.

Палома так и не узнала, о чем собирался беседовать с королевским советником Старейшина Ордена Кречета.

* * *

Из дворца она вернулась довольно поздно — королева нынче устроила для своих дам что-то вроде женского рыцарского турнира, с бросанием колец, метанием дротиков и стрельбой из лу-

ка... Паломе ценой невероятных усилий удалось, дабы не привлекать к себе ненужного внимания, занять «почетное» пятнадцатое место...

Однако нескончаемая суета этого дня, под завязку наполненного событиями, вызывала у девушки единственное желание — поскорее остаться одной. Нужно было еще придумать, под каким предлогом она сможет на полдня покинуть дом советника, чтобы съездить к Агамо за таинственной шкатулкой, и к тому же решить, что, собственно, теперь с этой шкатулкой делать.

На этот счет у Паломы не было никаких идей. Мелькнула даже шальная мысль вручить ее Марициусу — пусть вертрауэнские мастера ломают голову, но... обидно для самолюбия. Ладно. Сперва забрать ларец — а там видно будет!

Особняк Гертрана, как обычно, казался вымершим. Утренняя беготня челядинцев мнилась теперь чем-то нереальным, словно морок. Может, и не было никакого гостя? Уж очень невероятное дело — чтобы сам Великий Мастер, Старейшина Ордена, которого еще именовали Небесным Старцем спустился из своей горной обители и приехал сюда, в столицу, почти без эскорта, без всякого предупреждения... Хм-м. Скорее Солнцеликий Митра заглянет в один из своих храмов распить по кувшину вина со жрецами — даже это было бы не столь удивительно. На памяти Паломы, Естасиус последние лет двадцать не покидал уединения Тангарских отрогов.

...Неожиданно пожилой слуга окликнул девушку, спешившую по коридору в свои покои.

— Госпожа, вас просили дождаться в Парадном Зале. С вами желали поговорить...

Он не сказал — кто. Да в этом и не было нужды. Благоговейный тон ясно указывал, от кого исходило приглашение. Паломе и в голову не пришло ослушаться.

— А там найдется для меня бокал вина? — спросила она слугу. Тот склонил голову.

— Я принесу, госпожа.

— Тогда подогрей и добавь специй. Вечер нынче зябкий...

С горячей кружкой в руках она переступила порог, озираясь; гулкое эхо разнесло звук шагов по пустынному залу. Нет, пока ее еще никто не ждал. Тут не было ни души. У камина по правую руку стояли несколько кресел и низенький табурет — похоже, не столь давно кто-то был здесь. И, значит, скоро вернутся.

Но занимать чужое место Паломе не хотелось. Оглядевшись, она пересекла огромный зал.

...Дом Гертрана, похоже, выстроили не меньше трехсот лет назад — по крайней мере, эту, центральную его часть. Как и во всех подобных замках, стены здесь были очень толстыми, не меньше шести локтей, и в оконных проемах помещались уютные скамеечки — самое замечательное место для человека, которому хочется посидеть в одиночестве, предаваясь своим мыслям за бокалом горячего вина и наслаждаясь видом суверен, окутывавших город.

Там, снаружи, было очень тихо, лишь порой доносились шаги запоздалых прохожих и городс-

кой стражи, да стучали копыта по мощеной улице. Ни тебе истошных воплей возмущенных жен, ни перебранки, ни пьяной драки, как в бедных кварталах... она наслаждалась спокойствием. И в то же время оно раздражало ее. Живя здесь, в этом роскошном дворце, легче легкого позабыть о том, что есть настоящая жизнь!..

...Неожиданно для себя самой, Палома задремала. День все же выдался хлопотный, да еще вино на голодный желудок... Разбудили ее мужские голоса.

—...Во имя Митры, мой господин! Этот дом — ваш, и всякий человек здесь — ваш покорный слуга; вам нет нужды объяснять...

— Так ли, Гертран? А может, ты просто предпочел бы не знать? Мои объяснения могут оказаться опасны, нарушить твой покой, течение твоей такой славной размеренной жизни? — Голос Естасиуса звучал сварливо, но не зло; так мог бы наставник распекавать любимого, но слишком своевольного ученика. — К хорошему быстро привыкаешь, не правда ли? И когда к тебе приходят напомнить о старых долгах...

— Мейстер! — Гертран был преисполнен праведного возмущения. — Разве я когда-либо давал повод усомниться...

Ого... Палома ощутила острую неловкость. Она совершенно не собиралась подслушивать. Если ее обнаружат — это будет позор до конца жизни! Но, с другой стороны, показаться им сейчас — и Гертран никогда ей не простит, что она слышала, как отчитывает его Естасиус.

И пока наемница пыталась решить, как быть, мужчины продолжали вести разговор на повышенных тонах.

— Молодым всегда кажется, будто только им открылась Истина, доселе недоступная никому из смертных, — ворчливо говорил Старейшина Ордена. — Вы только и знаете что твердить: «Ах, мейстер, времена изменились! Ах, нынче все иначе, не так, как в ваши времена!..» Вам кажется, только вы знаете — как надо! На самом же деле, времена всегда одинаковы. Не меняется ни-че-го. Но лишь на пороге вечности понимаешь это...

— Да простят меня боги, но это все мистика и красивые слова, мой господин, — упрямо возражал советник. — Вам не хуже моего известно, что сейчас положение Ордена совсем иное, чем десять лет назад. Не говоря уж о временах более давних... Тогда мы были в силе. Вербовщики принимали в войска командерий лишь каждого третьего из желающих — больше не было возможности разместить в казармах. Монастыри и школы Кречета не знали отбою от послушников. Наши отряды были ядром немедийской армии, главнокомандующими также всегда назначались сыны Ордена. — Он вздохнул. — Что говорить... я и сам в детстве грезил подвигами Санториуса и Майнара.

— И что же изменилось?

— О, мейстер, вы смеетесь надо мной? Или...

— Нет, Гертран, вести в мою горную обитель доходят исправно. И все же я спрашиваю тебя: что изменилось с тех пор?

Наступило долгое молчание. Палома никак не могла понять, чего старец добивается от советника и чем он так недоволен. Все, что говорил Гертран, было совершенно логично и не нуждалось в комментариях. Лишь слепой мог не видеть, что нынче Орден жил лишь старыми заслугами. При дворе его потеснили иные влиятельные группировки, и Вертрауэн — не последний среди них. Большинство командерий закрылись, школы пустовали. Младшие сыновья даже самых бедных дворянских родов скорее готовы были идти в наемники или в городскую стражу, чем в орденские отряды...

Конечно, это не означало, что Кречету совершенно подрезали крылья. Нет, ветераны еще крепко держали оборону. Вот только не было притока юных сил — а это означало неминуемый крах Ордена лет через тридцать, когда вымрет старшее поколение, ныне составляющее костяк организации.

Понятно, что все это не по душе Естасиусу — но глупо отрицать очевидные вещи!

Примерно то же самое повторил старику и Гертран. Тот возмущенно закашлялся.

— Да. Именно так рассуждаете вы все. А отсюда — логичный следующий шаг. Довольно с нас всей этой седой старины, забудем возвышенные слова, клятвы отцов, пролитую кровь... Пора жить в свое удовольствие! Этому научила тебя твоя молодая жена, Гертран? Или это пост советника помог тебе обрести столь утонченную мудрость?!

С грохотом упал стул — видимо, Гертран вскочил с места.

— Я... Мой господин, так оскорблять меня... я всегда был верен, вы не вправе... — Он задыхался.

Но старик словно и не обращал на него внимания.

— А что думает юное поколение, а, Амальрик? — Так значит, барон Торский тоже с ними?! — Не удивлюсь, если ты мне скажешь сейчас: «Кречет? Какой еще Кречет? Я и думать забыл о таком!»

Неприятно, что в словах этих была своя правда. Как же Амальрик выпутается? От волнения Палома прикусила губу. Ее больше не тревожил скандал, если ее обнаружат. Никогда прежде она не предполагала, что это так интересно — подслушивать!

Голос барона звучал холодно и рассудительно:

— Мейстер Естасиус, я не готов стать гласом поколения и говорю лишь за себя самого... Орден заменил мне отца и мать, ибо матери я никогда не знал, а отец мой и был для меня воплощением Ордена! — Лишь Палома могла оценить двусмысленную, горькую иронию в этих словах. — И если бы меня спросили, что надлежит делать сегодня, я ответил бы так: Кречет должен взять все то, что подвластно его когтям и клюву. Если это власть — пусть будет власть. Золото — пусть будет золото. Знания — пусть будут знания... Все, что доступно, мы должны сделать своим! Мы можем действовать открыто — но можем и тайно, ибо есть время хищнику охотиться

— и есть время планировать охоту. Если Орден не воюет сегодня с открытым забралом — значит, он копит силы, чтобы выступить завтра. И потому правы и вы, мейстер, ибо времена всегда одни и те же, но прав и мой друг Гертран, ибо ныне единое время повернулось к нам ночной стороной...

Он перевел дыхание. Паломы лишь покачала головой, ибо в том, что провозглашал Амальрик она услышала больше, чем он, возможно, желал. И это сравнение с хищником не пришлось ей по душе. Ведь барон говорил, на самом деле, не об Ордене. Он говорил о себе самом!

А ведь когда-то они вместе были детьми, и он плакал у нее на плече из-за убитого щенка...

На Естасиуса, однако, слова молодого человека произвели совсем иное впечатление.

— Отлично! Отлично сказано, мой юный ученик! Ночной стороной... О, да! Нам выпала нелегкая доля жить в Темные времена — но это и огромное счастье, друзья. Ибо именно нам с вами доведется увидеть рассвет!

— Мудрейший, о чем вы?.. — начал было Гертран. Старик засмеялся в ответ.

— Неужели ты думаешь, я сорвался с места и устремился сюда лишь из простой прихоти, чтобы проверить, как идут у вас дела в столице? Или чтобы отчитать слишком много возомнивших о себе юнцов? Мне было... знамение, дети мои. Я узрел Реликвию, что возвращается к нам!

— Ре... реликвию... — Советник от волнения начал заикаться. — Неужели мы наконец...

— Да, да, — торжествующе перебил его Естасиус. — Не знаю, как это произошло, ибо вам известно не хуже меня, что Марцеллий умер, не успев отправиться в путь, а наш посланец не сумел отыскать наследника... Однако священная реликвия ныне ближе к нам, чем за все эти двадцать лет. Она совсем рядом — я чувствую это! — Старческий голос дрожал от волнения. У Паломы что-то екнуло внутри. Она могла бы поспорить на тысячу золотых, что именно по этой реликвии ее добрый друг Конан пару седмиц назад бодро предлагал рубануть мечом... Откуда такая уверенность, она не имела понятия, но сомнений не было ни тени. У нее в руках оказалось именно то, за чем охотился Орден Кречета!.. А Естасиус продолжал: — Когда Глаз займет свое место, все изменится. Вы еще увидите это!

— Вы... — Гертран запнулся, в голосе его слышался страх. — Так вы хотите поднять Меч, чтобы вновь вести Кречета на битву?

Старец долго молчал, прежде чем дать ответ.

— Ты о Коринфии? — неожиданно спросил он. — Верно ли я понял, что тебя тревожит именно это? Ведь ты возражал еще пять лет назад, когда туда впервые отправился Амальрик. Винцан доносил мне, как вы с ним спорили об этом. И насчет Скавро... я отлично помню, что ты говорил в прошлом году. Тебе ведь все это не по душе, миротворец? Ты предпочел бы достигать своей цели только с помощью сладких словес и золота? — Тон его был исполнен ядовитого презрения. Но советник возразил неожиданно твердо:

— А что в том дурного? Сколько можно проливать кровь, калечить невинные души — и во имя чего? Пустых идеалов? Тех самых сладких словес, в которых вы упрекаете меня?! А разве эта ваша Реликвия — не прекрасная сказка? Только вот умирать за нее вы предлагаете вполне реальным людям!

Палома ожидала, что Естасиус взорвется от ярости — но он ответил неожиданно спокойно, почти ласково:

— Я не гневаюсь на тебя, мой друг, ибо знаю, что миг твоего прозрения близок. Кречет сам отверзнет тебе очи... Я не глупец и не пустой мечтатель, и даже не выживший из ума старик, каким бы тебе хотелось меня видеть. Гертран! Реликвия — это единственная реальность. Что же касается коршенских планов... не знаю. Поход на Восток через Коринфию — это была идея Винцана, ты знаешь, с каким жаром он отстаивал ее. По мне же, теперь, когда наше сокровище вернулось в Немедию, захватывать Коршен больше нет нужды. У нас и правда недостает сейчас сил для большой войны... Я буду говорить об этом с Винцаном, возможно, он согласится со мной.

— Но он твой преемник...

— Да. И когда меня не станет — вы будете делать то, что он велит, — жестко отрезал старик. — и довольно об этом! Теперь я хотел бы узнать вот что...

...Дальнейший разговор не представлял интереса для Паломы, поскольку она ничего не знала о тех людях и событиях, что обсуждали муж-

чины. Впрочем, беседа их не затянулась надолго. Вскоре Естасиус сказал Гертрану:

— На сегодня хватит, день был долгим, и я очень устал.

— Конечно, мой господин. Позвольте, я провожу вас в ваши покои?

— Нет. Амальрик проводит меня. А ты ступай, Гертран, оставь нас ненадолго. Мы продолжим завтра поутру.

Когда тяжелые двери парадного зала затворились за советником, воцарилось долгое молчание. Палома облегченно вздохнула: похоже, скоро у нее будет шанс незамеченной ускользнуть отсюда. Хвала Митре!..

Однако любопытно, о чем Старейшина Ордена собирался говорить с бароном Торским?!

Амальрик до сих пор хранил совершенно необъяснимое молчание... Совершенно на него не похоже!

Однако этому нашлось еще более поразительное объяснение.

— Благодарю тебя, сын мой, — мягким голосом, совершенно непохожим на тот раздраженно-воинственный тон, каким он говорил с Гертраном, произнес старик. — Ты верно понял мою просьбу — и не стал принимать участие в этом разговоре. Я всегда отдавал должное твоему уму, но всякий раз ты еще более вырастаешь в моих глазах. Спасибо. Ты помог мне исполнить задуманное наилучшим образом.

— Могу ли я узнать — что именно? — почтительно осведомился молодой человек.

Естасиус сухо засмеялся.

— Окажи мне высшее доверие, не задавай вопросов. Тем более, скоро ты и сам сумеешь все понять. Обещаю, что не буду долго томить тебя неведением. Ты — не Гертран, мне нет нужды лукавить с тобой.

— Гертран... — В голосе Амальрика слышалось сомнение. — Вы как будто недолюбливаете его, мастер, однако... Он умный человек. И предан Ордену, несмотря на то, что его взгляды не всегда совпадают с вашими.

— О, да! Умный — это верно, мне и в голову не пришло бы отрицать очевидное! Однако он умен... и одновременно *прост*. В отличие от тебя, сын мой. Именно поэтому, несмотря на то, что, как тебе кажется, твои взгляды расходятся с моими еще сильнее... О, не отпирайся, молю, не надо этого оскорбленного вида, мальчик!.. Все это лишь иллюзия, когда-нибудь ты поймешь... Так вот, несмотря на все это, именно ты — истинный Сын Кречета. Как птенец, едва оперившись, ты стремишься вылететь из гнезда — но непременно вернешься, рано или поздно. Что же касается твоего столичного друга, такого умного и такого *простого*, он всегда останется лишь солдатом. Тем, кто исполняет приказы. И невысказанную волю тех, кто эти приказы отдает. Как бы он сам ни был уверен в обратном...

— А я, значит...

— А ты сейчас останешься здесь. Я уйду — а ты останешься ненадолго. Чтобы проводить твою подругу, которая, сдаётся мне, уже устала от

наших заумных разговоров. Но она слышала все, что я желал, чтобы она услышала. И на сегодня этого довольно. Доброй ночи, мой мальчик. Доброй ночи...

Послышался шум отодвигаемого кресла. Шорох шагов. Скрип затворяемой двери.

Палом сидела не шелохнувшись — даже когда затянута в черное фигура Амальрика выросла перед ней.

— Так ты была здесь — все это время?!

Она подняла на него глаза.

— Ну да. Ты же не думаешь, что я влезла в окно к концу вашего разговора.

Барон Торский коротко засмеялся.

— Зачем он это устроил?

— Я думала, ты мне скажешь об этом! — Палома в изумлении тряхнула головой. — Боги, а я то думала, он просто усталый, выживший из ума старик...

Амальрик пожал плечами.

— Так думали многие. И жестоко раскаялись в своей ошибке.

Она не стала больше спрашивать его ни о чем, поскольку спросить хотелось только об одном — о Коршене, пять лет назад, — но почему-то она была уверена, что он не ответит.

В молчании он проводил девушку до дверей ее покоев, и лишь у самого порога внезапно произнес:

— Все это... странно. Как будто что-то ведет нас. Какая-то сторонняя сила. И я не уверен, что она желает нам добра...

С этим трудно было не согласиться. Вот уже который день Палому мучило то же ощущение, и для нее облегчением было узнать, что она не одна.

— Каждый из нас выбрал по жизни извилистую тропу — не мудрено, что на ней кружится голова. Порой я сожалею о прямых путях...

Он кивнул с пониманием и сочувствием. Но сказал лишь:

— А я — никогда.

И, не дожидаясь ответа, зашагал прочь по коридору.

* * *

Следующий день преподнес негаданный — и одновременно столь долгожданный! — подарок. В Бельверус наконец вернулся Конан.

Палома встретила с ним у Лиланды.

Усталый, похудевший, с волчьим блеском в глазах, северянин с жадностью расправлялся с огромным куском мяса, запивая вином из лучших запасов гостеприимной хозяйки. Завидев наемницу, он пристал ей навстречу и стиснул девушку в объятиях.

— Ох, отпусти! — засмеялась она. — Ну, как ты? Я уж начала беспокоиться.

— Не спрашивай лучше, — отмахнулся он. — На обратном пути повстречал старых приятелей, встряли в одну заварушку...

Только сейчас она заметила свежий шрам у него на предплечье, вопросительно подняла брови. Но киммериец, похоже, был не расположен

посвящать ее в свои дела, и она почла за благо не настаивать.

После недолгой болтовни о том, о сем, Палома наконец перешла к главному:

— Ну, выяснил ты что-нибудь в Цере?

— Еще бы, — хмыкнул варвар.

План наемницы сработал на ура. Теренций и в самом деле пользовался услугами факельщика, которому пара монет без труда развязали язык. Он отвел северянина к дому, куда ходил незадачливый парнишка накануне своей гибели, и поклялся, что больше тот ни с кем не встречался — а стало быть, там и следовало искать убийцу.

Дальше, однако, начиналось самое интересное.

Хозяином дома оказался некий Бестон, почтенный старец лет семидесяти, бывший жрец, ушедший на покой. Проживал он там один, как перст, если не считать нескольких слуг, не менее преклонного возраста.

— Как же так?! — Палома была потрясена.

— Вот и я ничего не мог понять, — согласился киммериец. — Честно скажу, мне не терпелось забраться туда и потолковать с этой развалиной по душам — но ты просила этого не делать, и я решил не портить тебе игру. И тут мне повезло.

Утомившись от бесцельной беготни по городу, северянин заглянул в таверну по соседству с домом месьора Бестона — и не преминул поговорить с тамошней служанкой. Она-то и рассказала киммерийцу о гостях старика.

— Ей это запомнилось, потому что жрец всегда держался особняком, никого не принимал, да

и сам носу из дома не казал. А тут явился, вина у хозяина купить самого лучшего. Мол, для столичного гостя ничего не жалко... Причем важный такой, от гордости раздулся. Конечно, девчонкам любопытно стало. И одна этого самого гостя прекрасно разглядела.

— Столичного?

— Вот-вот. Стоит ли говорить, что явился он дня за три до нашего приезда — а уехал ровнехонько на следующий день, как Теренций отдал Митре душу...

Палома затаила дыхание.

— Твоя подружка сказала, как его звали?

— Нет. Этого они не узнали. Но описала в подробностях. Лет сорока, невысокий, почти коротышка, а голова крупная, с залысинами. Одет скромно, весь в черном, но видно, что к власти привык. Губы тонкие, улыбается все время, но взгляд острый, холодный. И самое главное — на левой руке нет мизинца. Вот так-то.

Палома молчала так долго, что под конец, не выдержав, варвар тряхнул ее за плечо.

— Эй, что с тобой.

— Все в порядке.— Она постаралась, чтобы голос ее звучал нормально. Гертран!..

Знал ли Гертран все это время, что она — это она? И как ей теперь поступить? Хватать таинственную шкатулку и уносить поскорее ноги?

Ну уж, нет, жестко сказала себе наемница. От опасности она никогда не бегала! И пока не разберется во всей этой истории — с места не сдвинется!

Однако теперь возникла новая угроза. Если советник видел ее, то видел и Конана, а это означает, что киммериец в опасности. К ней самой ему будет не так просто подступиться, а вот у северянина нет никаких высоких покровителей; с его-то возможностями Гертрану не составит труда добиться, чтобы Конана схватили, бросили в темницу, пытали, да и вообще... страшно подумывать, на что он способен, если решит, что это может помочь ему добыть драгоценную Реликвию.

Вот только для Ордена ли он старался? Палома в этом сомневалась. Ведь, самое главное, он ни слова не сказал Естасиусу!

Наемницу охватило пугающее ощущение, что отпущенное им с Конаном время утекает стремительно, точно песок сквозь пальцы. Досадно, что не удастся отправиться за шкатулкой вдвоем — она-то рассчитывала на помощь киммерийца, — но ничего не поделаешь. Она справится и в одиночку. Сейчас самое главное — вывести друга из-под удара.

— Ну, и что теперь? — В голосе северянина звучала тревога, он явно почуял неладное.

Палома замешкалась с ответом. Ей очень не хотелось произносить эти слова, ибо знала, какая реакция последует — и все-таки выбора не было.

— Ты должен немедленно вернуться в Коршен.

— Что-о? Скажи мне, что я ослышался! А как же ты?

— С мной все будет в порядке.

— Но Грациан — что я должен передать ему?!

Такого она не ожидала — точнее, старалась не думать об этом. Однако сейчас, чтобы он поверил и сделал то, что необходимо, придется быть резкой. Даже солгать. Притвориться. Лишь бы он поверил — и согласился уехать.

И еще... Эта мысль причинила ей боль, но — на этой струне также придется сыграть. У Конана слишком развито чувство долга. Он никогда не бросит товарища, если решит, что тому грозит опасность. Значит придется выступить совсем в иной роли — чтобы он решил, что ничем не обязан Паломе!

— С чего ты взял, что должен что-то передавать? Грациану до меня дела нет. Он мне никто — как и я ему!

— Вот как? — Он процедил это сквозь зубы; получилось зловеще, Палому невольно передернуло, но она заставила себя смотреть северянину в глаза. В конце концов, она пошла на это сознательно. Хотя боль от этого не стала меньше...

— Да. Так.

Тот несколько мгновений молчал, словно силился сказать что-то но слова не шли с языка. И наконец треснул кулаком по столешнице, едва не разломив надвое.

— Кр-ром! А я-то смотрел на тебя и думал — вот, бывают женщины, непохожие на других, такие, о которых мужчина может только мечтать. Годные не только в постели развлекаться, но и в бою прикрыть спину, и на пирушке здравицу

поднять, и... А, да что говорить! Ты оказалась такой же, как все остальные!

Вот оскорблять себя она ему права не давала! Чтобы успокоиться, Паломе стиснула рукоять кинжала.

— Кто — позволил — тебе — судить — меня?

— А что тут судить? — Он отмахнулся. — Ты можешь себе это объяснять как угодно, придумывать тысячи возвышенных причин, как это водится у вас, в цивилизованных краях... Но от правды никуда не денешься. Ты струсила. Тебе не нужен калека, увечный. Куда лучше найти молодого, здорового... Да, не прячь глаза, Лил мне уже нашептала, что ты тут зря времени не теряла!

Наемница скрежетнула зубами. Это надо было так все вывернуть наизнанку! Ей что — оправдываться теперь?.. Она испугалась, что в своей игре зашла слишком далеко. Но было слишком поздно что-то менять. Придется пройти этот путь до конца.

— Ты мне не нянька, и Лиланда — тем более. А с Амальриком — это совсем другое... — Неожиданно резкая боль обожгла пальцы — вместо рукояти она схватилась за лезвие ножа! Но была слишком распалена, чтобы обращать внимание на такие мелочи, даже на кровь, струйкой стекающую по руке. — Конан, ты, как верный пес, готов встать на защиту своего друга. Но, скажи, ты не задумывался — почему он послал тебя со мной?

— Зубы-то не заговаривай! Охранять тебя, ты-сячу раз повторял...

— Нет, я не о том. Почему именно тебя, не кого-то из кровников?

— Ну?

Палома попыталась усмехнуться, но улыбка получилась скорее похожей на оскал. Не в первый раз она, благодаря остроте ума, проникала в хитросплетения замыслов Грациана — но впервые это не вызывало у нее никакой гордости.

— Он выбрал самого привлекательного. В надежде, что за время путешествия либо ты соблазнишь меня, либо я сама в тебя влюблюсь. — Она засмеялась. — Согласись, это решило бы все проблемы!

Киммериец покачал головой. И после долгого молчания вдруг заговорил бесцветным, невыразительным голосом. Совершенно о другом.

— Я никогда не рассказывал, как мы с ним познакомились? Нет? Это было почти десять лет назад, в Арэнджуне. Я там промышлял воровством и однажды забрался пошарить в вещах богатого коринфийца — хозяин постоянного двора меня навел. Вытащил кое-чего из украшений... Прокутили все, как водится... А через два дня он ко мне пришел. Сам, в одиночку. Говорит, хочу познакомиться с парнем, который впервые в жизни меня перехитрил. Он-то думал, его охрану не обойти, и комнату не взломать... ну, не на того напал, я ему так сразу и заявил. — Не глядя, северянин налил себе вина и одним глотком осушил всю кружку. Налил еще — и выпил вторую. — Короче, я драки ожидал, что он потребует золото вернуть — но нет. Это надо знать Грациа-

на. Гудели мы с ним еще добрую седмицу, все кабаки аренджунские обошли. Ох, веселые деньки были! Он на прощание только попросил показать, как же я сумел замки вскрыть... чтобы кровники запомнили наперед. Показал, что таиться...

— А дальше?

— Дальше... в прошлом году случайно встретил знакомого — он наемником в Кофе был, Жгут звали. И он мне рассказал, что лет пять назад был в Коршене, свел знакомство с Месьором. И тот, когда узнал, что Жгут — мой приятель, просил, чтобы меня отыскал. Якобы, беда у него какая-то, беспокойство. И я мог бы помочь.

— Это еще до того, как...

— Да. Жгут меня не нашел. Может, забыл, может, не сумел. Я не знал ничего. А потом проездом был в Коринфии, оказался не у дел, дай, думаю, загляну по старой памяти к Грациану... А он уже без ног. Какой-то подлец его из арбалета ранил, вскоре после того как он Жгута за мной отправил. Так что...

— Но ты не виноват! Откуда тебе было знать? Конан пожал плечами.

— Виноват — не виноват... Не в том дело. Просто Грациан мне как брат. Я сам ему зла никогда не сделаю — и другим не позволю!

Палому это поразило. Северянин всегда казался ей натурой хоть и открытой, но грубоватой, не склонной к проявлениям чувств, однако... Кто бы еще смог поведать такую историю с тем же достоинством и простотой?

— Ты не понимаешь,— наконец произнесла она.— Это именно то, чего я хочу — не причинять ему боли. И он сам хочет того же. Поэтому и дал мне уехать. Он знал, что я не вернусь.

— Знать... и надеяться — разные вещи.

Еще немного, и она сломается. Паломе сорвалась:

— Да кто ты такой, чтобы говорить от его имени?! Почему мнишь себя вправе решать за других?.. Уезжай, Конан, прошу. Я... я дам тебе письмо для Месьора. А на словах — скажи, я прогнала тебя. Можешь рассказать про Амальрика... про что хочешь. Это не имеет значения.

Северянин поднялся с места. Он смотрел теперь на нее, как на пустое место, и острая боль потери ожгла сердце наемницы — сильнее, чем порез кинжала на ладони, с которой все еще капала на пол кровь.

Что я натворила?! — билась в голове безумная мысль.— Боги, что же я натворила?!

В своей попытке защитить друга от опасности, она потеряла его — и не только его одного. Но поворачивать вспять было слишком поздно.

Тем временем, киммериец, все так же глядя сквозь нее, процедил:

— Что ж, воля твоя, женщина.— И, развернувшись на каблуках, стремительно вышел прочь.

Мгновение Паломе хотелось броситься следом, закричать, что все это ложь, что она никогда... но вместо этого она уронила голову на руки — и зарыдала. Так горько, как не плакала с десяти лет, когда умерла ее мать.

Глава пятая

основной лес поутру, залитый розоватым солнечным светом, с его прямыми, янтарными стволами-колоннами, недостижимо высокими изумрудными кронами, раскинувшимися, точно купол, с пронзительными голосами птиц, торжествующих, оттого что вновь солнцу, их божеству и кумиру, удалось выиграть схватку со зловещей ночной тьмой,— любого путника это зрелище настроило бы на возвышенно-поэтический лад. Любого, но не Палому.

Ее взор отмечал лишь признаки увядания и распада. Там — болотце с гниющей ржавой водой; там — трухлявый пенёк, облепленный поганками; там — рой мошкар над трупиком белки... Большой же частью взгляд ее просто скользил, ни на чем не задерживаясь, и упирался в никуда. Она смотрела — и не видела. Внимала — и не слышала. И даже интуиция отказала ей в этот день, ибо пусто было сердце, и терялся в пустоте его голос.

А ведь Агамо тоже пытался предупредить ее! Колдун, разнежившийся под крылышком у Лиланды, не выказал никакого желания отправиться восвояси. Паломе потребовалось чуть не за шиворот волоочь его на конюшню и бросать в седло. И то он еще всю дорогу ныл и жаловался, не переставая. Наемница под конец пути уже начала искренне сочувствовать делу охотников за магами — по крайней мере, одного из этой братии она сейчас с превеликим удовольствием поджарила на костре. Без всякого сострадания!

Когда они прибыли на место, ворча и стеля, Агамо вручил наконец девушке заветную шкатулку; та внимательно осмотрела ее, но коробочка выглядела в точности как две седмицы назад — гладкая, целехонькая и нетронутая. С видимым облегчением чернокнижник проводил гостью до порога. Впрочем, она не ушла, пока он не исполнил еще одну, последнюю просьбу.

Это обошлось ей в пять золотых монет — и немного времени. «На сдачу» Агамо выдал ей:

— Я же предупреждал: не якшайся с охотниками! Но женщины никогда не слушают, все норовят сделать по-своему. Так что не вини меня потом... Они совсем рядом!

Но Палома не обратила на эти слова ни малейшего внимания.

...И вспомнила о них лишь чуть позже, в лесу, по дороге обратно в город. В тот самый момент, когда от пронзительного, заливистого свиста жеребец ее взметнулся на дыбы — а затем внезапно рухнул, как сраженный стрелой. И сама она,

вылетев из седла, почувствовала, что не в состоянии даже рукой двинуть, чтобы подняться с земли... как будто незримые липкие путы сковали все ее тело.

Двое мужчин — она не могла их видеть, только слышала шаги и тяжелое дыхание, — приблизились сзади. Подняли Палому за плечи. Третий, споро и ловко обшарив седельные сумы, подошел и ухватил девушку под колени. Совершенно незнакомое лицо. Наемник, судя по одежде.

— Давайте, пошевеливайтесь! — окликнул знакомый голос. — В охотничий домик все! А ты, Байлаг, присмотри за лошадей. Сейчас она оклемается — и сразу веди ее за нами.

Сейчас оклемается... От возбуждения Палома даже не уделила внимания говорившему. Ведь это означало, что колдовство, которым ее свалили — а это несомненно было колдовство! — очень краткого действия. И тут уж следовало не растеряться!

Она так и сделала. Едва только ощутила, как покалывают мурашками занемевшие ступни и ладони — тут же извернулась, как кошка, вырываясь из лап пленителей, попутно лягая одного в физиономию, другому полоснув по щеке когтями...

Еще миг — и она уже в боевой стойке. В руке зажат кинжал, который эти недотепы и не подумали забрать у беспомощной жертвы...

Она не тратила времени на предупреждения. Наемники еще только приходили в себя от изумления — и вот один из них уже рухнул на тра-

ву, захлебываясь кровью, чтобы уже больше никогда не подняться... чем-чем, а метательными ножами Палома всегда владела на славу.

Второй вояка кинулся на пленницу с мечом; она встретила его кинжалом — и терцией в другой руке. Это было уже посложнее — но она не сомневалась, что справится, так велика была ее ярость!

Где-то на периферии зрения мелькнула фигура остолбеневшего советника Гертрана, явно не ожидавшего такой прыти от беспомощной пленницы. Ну, ничего, с ним она еще потолкует, как только разделается с этим...

— Остановись и взгляни сюда! — прозвучал внезапно повелительный голос. — Ты слышишь меня, Палома?

Ее соперник, воспользовавшись передышкой, поспешил отскочить подальше — явно сознавая, что против этой взбешенной фурии у него нет шансов. Против воли, девушка подняла глаза... и уперлась взором в острие болта взведенного арбалета. Помешкала еще мгновение, чтобы оценить свои шансы — и со вздохом бросила наземь оружие.

— Если бы на твоем месте был мужчина, Аргивальда, я бы еще подумала. Но ты-то выстрелишь, я не сомневаюсь.

Женщина оскалилась.

— Это верно. Моя рука не дрогнет! — и, обращаясь к мужу и наемникам, повелительно бросила. — Ну, что застыли? Уведите ее, живо! Митра свидетель, ни на что без меня не способны!

...Охотничий домик оказался в двух шагах: место для засады явно было выбрано именно с расчетом на это. Здесь Палому связали и примотали веревками к столбу, поддерживавшему крышу. После чего трое оставшихся в живых вояк убрались за дверь — а с пленницей остались лишь советник и его супруга.

Гертран молча взирал на девушку. Наконец бросил отрывисто:

— Ну, и где же она?

— И не унижай нас вопросами: «что?» или «какая еще шкатулка?» — ты прекрасно знаешь, о чем идет речь, иначе не повезла бы ее к этому своему магу-недоучке! — презрительно добавила Аргивальда.

— И подумать только, — сокрушенно заметила Палома, — что все это время первоклассная колдунья была у меня под носом! А я-то думала, что ты обычная ведьма...

Губы статной женщины презрительно скривились. Она уже намеревалась ответить какой-то резкостью, но тут советник предупреждающе поднял руку.

— Помолчи, Аргивальда. Ты еще успеешь побеседовать с нашей... гостьей, после того как она отдаст нам Реликвию. Итак, я повторяю вопрос, медин. Где она?

Если бы Палома могла развести руками, она бы сделала это. Она ведь и вправду не знала! Так она и сказала Гертрану.

— Впрочем, я могла бы помочь вам в поисках, если бы поняла, о чем идет речь!

И прежде, чем муж успел остановить ее, Аргивальда прошипела:

— О короне, дуручка! Речь идет о короне, не больше и не меньше, и я говорю тебе это, чтобы ты поняла: мы шутить не расположены. Если надо, я сама буду вырывать тебе ногти, чтобы добиться ответа!

— Не сомневаюсь, тебе это доставит наслаждение!

— И еще какое!..

Палома широко раскрыла глаза.

— Но как корона может поместиться в такой махонькой коробочке?

На сей раз ответил Гертран:

— А ты не боишься? Слишком многое знание — верный путь к ранней могиле.

— А как многое знал Теренций? — ответила она вопросом на вопрос.

— Достаточно. Ведь это его отец украл Реликвию у Ордена — а потом двадцать лет прятался в коринфийских горах в надежде, что там Естасиус его не достанет. Бедняге было невдомек, что собственный отпрыск предаст его — чтобы лично вручить Кречету похищенное.

— Только ты встал у него на пути, да, Гертран?

Советник кивнул. Агривальда самодовольно усмехнулась, блеснув белоснежными зубами.

— Потому что он разумный человек — а не выживший из ума мистик, как этот ваш Старейшина! И если от камешка может быть реальная польза — то какое старик имеет право запирать

его в своих сундуках во имя какого-то призрачного «величия Немедии»?!

— Реликвия, именуемая также Глазом Кречета, это один из рубинов, укравших рукоять Солнечного Меча, — пояснил советник. — Нелепое, никому не нужное украшение, которое достают раз в сто лет для напыщенных орденских церемоний. — Он с горечью засмеялся. — И эти дряхлые развалины, растерявшие остатки мозгов, воображают, будто своими песнопениями, молитвами и жертвенными агнцами обеспечат процветание страны! Митра, какие глупцы!

— Ну, а какая же от него «реальная польза»? Продать и на вырученные деньги вооружить войско?

Гертран покачал головой. В отличие от Аргивальды, он смотрел на наемницу без враждебности, почти дружески. Она вдруг вспомнила, как симпатичен ей казался этот человек все то время, что она жила в его доме; и он, похоже, питал к ней те же чувства. Но он убил Теренция и чуть не прикончил их с Конаном!.. Боги, как же все запуталось! И во имя чего?!

— Послушай, — обратился к девушке советник. — Я хочу, чтобы ты поняла. Мне не доставит удовольствия твоя смерть — и я рад, что сегодня с тобой не оказалось этого твоего дружка-варвара, потому что уж его-то Аргивальда непременно уничтожила бы на месте, у нее было припасено на этот случай особое заклинание... — Палома вздохнула с облегчением! Значит, все было не напрасно, и ее ложь спасла Конана! — Но

ты — дочь Ордена, ты можешь понять... У тебя есть шанс — если встанешь на нашу сторону!

Они предлагают ей это только потому, что не сумели отыскать шкатулку, догадалась Палома. Искали — и не нашли! Хотя явно следили за ней от самого Бельверуса и знают, что Агамо отдал ей Реликвию. Поэтому и пытаются торговаться...

— Так объясни! — потребовала она. — Может быть, мы сумеем договориться!

— Еще торгуется, вот мерзавка! — голос Аргивальды сочился ядом. — Послушай, дорогой, не будем терять время — дай я займусь ею, клянусь, она запоет, как птичка! — Глаза ее алчно блеснули. Но Гертран помотал головой.

— Прошу тебя, погоди. Я же говорил, что не хочу лишней крови. И потом — она же подруга Амальрика, а барон...

— Барон куда больше интересуется моим братцем, чем этой «невестой»! — засмеялась жена советника.

— Все равно. Твое колдовство оказалось бесполезно отыскать шкатулку. Теперь дай шанс мне. Я уверен, Палома — разумная девушка, она поймет. — Он обернулся к пленнице. — Глаз Кречета бесполезен только в руках этих старых болванов вроде Естасиуса. Отец Теренция первым открыл его тайну, но не сумел воспользоваться... Дело в том, что Реликвия обладает силой притягивать милость богов. В любом деле, где возможно божественное вмешательство.

— Даже при игре в кости? — против воли, немница хмыкнула. Все это время, незаметно для

своих пленителей, она пыталась за спиной растянуть узел, стягивающий запястья. Еще чуть-чуть — и она сможет добраться до той терции, что спрятана в рукаве...

— И в этом тоже, — серьезно кивнул Гертран. — Но не только. Помнишь ли ты, какие дела в суде решают Весы Богов?

Палома на миг задумалась, затем отчеканила:

— Обвинения в убийстве для знати, наследство, вступление в должность для жрецов и... — Она осеклась, вспомнив еще один случай, очень редкий, когда верховные жрецы королевства призывали на помощь божественное правосудие.

— Именно так, — усмехнулся советник. — Когда выбирают нового правителя, если прежний не оставил наследника, или тот еще не вошел в возраст, а имеются другие претенденты, с не менее чистой кровью.

— И ты...

— Да, — с гордостью вмешалась Аргивальда. — В его жилах — кровь немедийских владык. Его отец был родным братом Гариана, и у моего мужа не меньше прав на престол, чем у этого выскочки Нимеда!

Так вот отчего Аргивальда так редко бывала при дворе — ее душила злобы при виде всей этой власти и богатства, которые ей не достались!..

Паломе с трудом удавалось сохранить серьезный вид.

— Но это не сказки? Вы же сами говорили, что Реликвия...

Гертран покачал головой.

— Отец Теренция был живым доказательством. Глаз Кречета помог ему избежать казни за убийство, когда все улики были против него. Рубин наделен силой — и я хочу получить его... теперь ты понимаешь, насколько сильно!

И как далеко ради этого способен зайти, в общем-то, порядочный человек... Паломе вспомнилось, как мейстер Естасиус упрекал Гертрана в том, что жена внушила ему опасные мысли. Старик и не подозревал, насколько он был прав!

— Ну, что? — потребовал уставший ждать советник. — Клянусь, если ты ничего не скажешь нам добром, я попрошу Аргивальду заняться тобой, как бы мне это ни претило.

Проклятье! Совсем немного онемевшие пальцы не доставали до оружия... Она ничего не могла поделаться! Палома с ненавистью взглянула на советника и его жену, застывших над ней, точно стервятники, жаждущие поживы.

— Королева Рэлея была добра ко мне, — вымолвила она наконец. — А Амальрик, бедняга, так много сил потратил, чтобы понравиться Нимеду... Боюсь, я ничем не смогу вам помочь, мои дорогие. Я, правда, не знаю, куда подевалась эта ваша Реликвия. Я попросила Агамо заколдовать ее и спрятать в моих вещах так, чтобы даже я не смогла найти ее раньше, чем через седмицу. Словно чувствовала недоброе, Митра свидетель! — Она засмеялась. — Надеюсь, у вас хватит припасов. Ожидание предстоит долгое!

— Ах, ты!.. — Аргивальда рванулась к пленнице, изо всех сил ударив ее по щеке. Равнодушно

подняв брови, Палома плюнула ей в лицо. Женщина завизжала, осыпая наемницу проклятиями.

Это было забавно само по себе... и к тому же отвлекало властолюбивую парочку от подозрительного шума за окном, где остались сторожить трое солдат. Счастье, что у Паломы слух куда более тонкий, чем у советника!

...Наконец, когда она уже начала терять надежду — и выдержку, под сыплющимися градом ударами Аргивальды — дверь охотничьего домика распахнулась, со страшной силой ударившись о стену и едва не слетев с петель.

— Всем стоять! — раздался громовой бас.

От радости Палома ухитрилась все же отчаянным рывком вытащить из рукава проклятую терцию, полоснула по веревке, второпях оцарапав запястье... Миг — и она уже на свободе.

— Конан! — торопливо выкрикнула она своему спасителю. — Женщина — колдунья, будь с ней поосторожнее!

Коротко кивнув, северянин рванул Аргивальду за локоть, и та, уже начавшая было с грозными завываниями размахивать руками, читая какое-то заклятье, бессильно повалилась на пол. Палома, не теряя времени, приставила нож к горлу советника.

...Веревки хватило на обоих пленников. А то, что варвар оставил от троих стражников, в пути не нуждалось. Пора было возвращаться в город.

Паломе стоило немалого труда уговорить Конана вновь расстаться с ней — теперь уже нена-

долго. Однако кому-то ведь следовало остаться с советником и его супругой в охотничьем домике: они никак не сумели бы провезти такие «трофеи» через городские ворота.

Конан долго противился, предлагая простейший, по его мнению, выход: прирезать обоих — но Палома была неумолима.

— Убивать их ни к чему,— увещевала она приятеля.— В обмен на их жизни я сумею кое-чего добиться от Старейшины — но только если приеду к нему одна! Вся эта история — внутреннее дело Ордена Кречета. Мое вмешательство они еще простят, и я сумею получить от них то, что хочу. Но ты — чужак. За одно то, что ты видел лицо мастера Естасиуса, в их глазах, ты будешь повинен смерти. Тебе что, нужно чтобы за тобой гонялись пять тысяч безумцев с мечами в руках?

Северянин презрительно фыркнул, показывая, как невысоко ставит силы Ордена, однако Палома все же удалось уломать его.

— Мне ничто не угрожает, ведь Гертран изменил Ордену — а я спасла их реликвию. Так что я буду вправе с ними поторговаться...

— Думаешь, они тебе назовут имя предателя в Коршене?

— Ничего не хочу обещать — но надеюсь. Иначе ради чего бы я все это затеяла?!

* * *

И вот она вновь здесь, в таком знакомом доме, все больше напоминающем величественный склеп... Не колеблясь ни мгновения, минуя вы-

росших на пути слуг, Палома прошла в парадный зал особняка. Там ее, разумеется, ждали.

Мейстер Естасиус, восседая в огромном кресле, слишком просторном для его ссохшегося старческого тела, казалось, не ощущал никакой неловкости и казался самодержцем, принимающим послов дружеской державы. Амальрик, переминавшийся с ноги на ногу за спинкой «трона», чувствовал себя куда более скверно. Палома сразу же определила, что он пнятия не имеет о том, что должно сейчас произойти.

Помимо этих двоих в зале оказалось еще полно незнакомцев — дюжины три мужчин, в основном зрелых лет и совсем пожилых, неподвижно застывших в две шеренги по обе стороны от Старейшины. Все они были одеты в черное, не в униформе, но неуловимо похожие, точно братья... Тайная гвардия Ордена Кречета! Палома невольно замедлила шаг и лишь усилием воли заставила себя выглядеть также невозмутимо и с достоинством, как все они. Так что из присутствующих явно нервничал один только Амальрик. Почему, интересно?

Под напряженными, враждебными взглядами мужчин, чеканя шаг, она прошла через весь зал, для храбрости представляя, будто рядом с нею бок о бок идут все те, кто мог бы поддержать ее в трудную минуту. Отец. Вертаген. Гортах... Все это было до ужаса торжественно и церемонно...

И только подойдя к самому возвышению, на котором стояло кресло Естасиуса, она все же сорвалась, не удержавшись от зубоскальства.

— Мейстер,— веселым, небрежным тоном, будто к доброму знакомому, обратилась она к нему.— Тут у меня случайно затерялась одна странная вещичка... По-моему, вам она будет полезнее, чем мне!

Деревянная коробочка лежала на ладони уютно, точно желтый зверек... Но когда Естасиус протянул руку — шкатулку словно сама прыгнула к нему. По залу прокатился затаенный вздох. И лишь тогда старец разомкнул губы:

— Мы ждали не тебя, дитя.

Палома вмиг ошетибилась. Ей и без того было неуютно под всеми этими колючими взглядами — а тут еще, вместо благодарности...

— Что, разочарованы?

Старейшина неожиданно усмехнулся.

— Я — отнюдь. А вот они,— он подбородком указал на застывших мужчин,— возможно. Они рассчитывали на добрую драку.

— Так я всегда к их услугам.— Теперь засмеялись еще несколько человек. Палома резко обернулась к ним.— Что, желаете проверить?

Но Естасиус умиротворяюще поднял руку.

— Тихо, тихо, дитя. Мы ожидали возвращения изменника Гертрана — и готовили ему достойную встречу. Никто не мог и предположить, что ты опередишь нас и сама вручишь мне священную Реликвию. Ты — достойная дочь своего отца, теперь я вижу это. И, поверь, Орден не забудет той великой услуги, что ты оказала ему. За это тебе будет оказана честь, немыслимая для непосвященных...

По знаку старца, к нему приблизился мужчина лет сорока, чисто выбритый и стриженный по-солдатски коротко. В руках его был некий длинный, завернутый в черный шелк предмет. Он откинул ткань — и благоговейный возглас вырвался из трех дюжин глоток.

Огромный золотой меч-двуручник полыхнул, озарив весь зал, вплоть до самых укромных уголков. Преклонив колена, мужчина поднес оружие Старейшине Ордена.

Лишь теперь Палома заметила, что рукоять меча украшали самоцветы. Их было не меньше десятка — больших и малых, алых, синих, зеленых... — и лишь центральное гнездо зияло пустотой.

Ни мгновения не колеблясь, Естасиус провел рукой над деревянной коробочкой — и та рассыпалась в труху, золотистым облачком опав к его ногам. На сморщенной ладони остался лежать огромный сверкающий рубин. Бесконечно бережно старик поднес его к рукояти меча, вставил на место...

Если до этого Паломе казалось, что от меча исходит сияние, то теперь... клинок вспыхнул так ослепительно, что свет этот, должно быть, озарил весь особняк. Еще темного, и соседи кинутся с ведрами тушить пожар, с юмором подумала девушка. Сполохи пламени метались по стенам, выдергивая из полумрака то одну, то другую фигуру, застывшую в ужасе и восторге. Суровые воины не стеснялись слез, катившихся по щекам. И это был не только свет... Палома не сумела бы

объяснить — но в эти мгновения всех их охватило невероятное ощущение горнего могущества, высшей милости... как будто некое бесконечно благое и могущественное божество объяло их своим крылом, а затем вознесло на сияющую высоту, недоступную простым смертным. И каждый готов был положить жизнь, чтобы оказаться достойным такого величия.

И вдруг все кончилось. Свет померк, оставив в душе пустоту, но не тягостно-гнетущую, а какую-то чистую, радостную. словно крохотная искорка осталась жить в душе каждого из свидетелей этого чуда.

Скрипучий голос старца разорвал путы очарования.

— Вы *видели*,— сухо произнес он.— И будете помнить.

Мужчины в черном покорно склонили головы. Тот, что держал меч, вновь завернул его в ткань и отошел на свое место. Должно быть, это тот самый Винцан, наследник мастера, догадалась Палома. Тот самый, что готовил коршенский мятеж... И сразу вернулись воспоминания, и тяжкий гнет лег на сердце. словно почувствовав это, старик обратился к ней:

— Ты совершила чудо, дитя мое. Я и не чаял узреть Меч целым при жизни... От своего имени и от лица всех наших братьев — благодарю тебя.

Однако Палома не собиралась присваивать себе чужих заслуг.

— Теренций вез его Ордену. Если бы не Гертран, он давно уже вручил Реликвию вам...

— Теренций? Сын Мартигора? — Старейшина вздохнул.— Это печальная история, дитя мое. Его отец был предателем. Хранитель Реликвии, он похитил ее, чтобы избежать наказания за убийство — но это не принесло ему счастья. Опасаясь мести Ордена, он укрылся от нас в неприступном замке в горах Коринфии в надежде, что мы не сумеем там добраться до него. Это было непростое. Силой нам, и правда, было его не взять, хотя подобные планы также существовали, и пять лет назад твой друг Амальрик немало сделал для этого... Но он потерпел неудачу, и я избрал иной путь. Марцеллий, мой друг и сподвижник, проник в замок под видом жреца и стал наставником юноши. С годами ему удалось наставить отрока на путь истинный и внушить тому, что Реликвия должна быть возвращена Ордену. К несчастью, лихорадка скосила его до времени, и Теренций отправился в путь в одиночку. Его некому было защитить от предательства...

Палома опустила голову.

— Мы были с ним, но... Он никому не сказал ни слова. Я не сумела спасти его!

— Никто тебя не винит, дитя.— Голос Естасиуса был мягок.— Мы сами казним себя, что не разглядели змею в своих рядах... Гертран был с самого начала в курсе поисков — и теперь я понимаю, что он ждал лишь удобного момента, чтобы похитить Глаз Кречета.

— Он и вправду хотел стать королем с его помощью?

Старейшина кивнул.

— Возможно. У него были права на престол — а камень даровал бы ему милость богов на Испытании. Эта ведьма, его жена, должно быть, собиралась погубить Нимеда и наследника...

И Рэлею, которая носит во чреве второго младенца! О, Боги... Как женщина может дойти до такого?!

— Кстати, могу ли я узнать, что стало с этими предателями? Ты...

— Нет. Они живы. Мой друг охраняет их в охотничьем домике, по северной дороге. Потом я объясню кому-нибудь, как их найти. Но что вы сделаете с ними?

Она ожидала кровожадного описания мучений и казни — но старец лишь засмеялся в ответ, словно прочитав ее мысли.

— Мы гораздо более жестоки, чем ты могла бы подумать. Никто их и пальцем не тронет — просто Гертрану более не быть казначеем Ордена, а значит, он потеряет доступ к неограниченным богатствам, которыми прежде распоряжался с такой легкостью. Его собственная супруга станет для него пыткой куда худшей, чем любая мука, что мы могли бы измыслить!

Представив себе будущую жизнь советника, Палома хмыкнула и даже невольно пожалела беднягу. Честолюбие сгубило его — а ведь он был неплохим человеком! Неглупым, но... слишком простым, как верно заметил однажды Естасиус.

— Но — довольно о наказаниях, поговорим о наградах, — заметил тем временем Старейшина. — Здесь, в присутствии всех высших лиц Ордена, я

говорю тебе: проси, и мы исполним любое твоё желание... и все равно останемся в долгу, ибо тот дар, что ты принесла нам, воистину неоценим. Не только для Ордена, но и для всей Немедии, ибо Орден — слуга Короны, и Меч наш всегда на защите державы!

Палома подняла голову. С уст ее уже готовы были сорваться давно заготовленные слова — но язык внезапно словно прилип к гортани. Она посмотрела на старца, сидящего в кресле, такого хрупкого, дряхлого, доживающего уже, как видно, свои последние дни в подлунном мире... возможно, лишь поиски священной Реликвии удерживали его среди смертных. Затем она перевела взор на Винцана, застывшего с мечом в руках, наследника Старейшины, вдохновителя коршениского заговора... и наконец остановилась на фигуре Амальрика, по-прежнему стоящего за спиной у Естасиуса. И звенящим от напряжения голосом объявила:

— Мейстер, у меня есть одна просьба к Ордену, хотя то, что я сделала — было не ради награды. Но я прошу вас оказать мне такую честь.

— Говори, дитя. Чего ты хочешь?

— Чтобы Амальрику, барону Торскому, вернуть владения, что должны принадлежать ему по праву. Орден в долгу и перед ним. Это будет справедливо.

Изумленный вздох пронесся по рядам. Старец вскинул седые брови.

— Ты уверена? И ты ничего не хочешь — для себя?

Глаза Амальрика превратились в черные щели, лицо — в гипсовую маску. Палома кивнула.

— Это все, чего я прошу от вас.

— Тогда твое желание будет исполнено.

...Вот и все. У Паломы сохранились лишь смутные воспоминания о том, что было сказано и сделано дальше. Члены Ордена по одному покинули парадный зал. Ушел, тяжело горбясь и волоча ноги, словно смертельно усталый человек, и сам мейстер Естасиус. Они с Амальриком остались одни.

Он молчал очень долго. А затем произнес ту фразу, которую она и ожидала от него услышать:

— Я не стану ни благодарить тебя, ни спрашивать, зачем ты сделала это.

— И не надо. И ты все равно не обязан отвечать на мой вопрос...

— Задай его.

— Что было в Коршене — пять лет назад?

По большому счету, она могла бы и не спрашивать. Когда Старейшина упомянул об этом, все части головоломки встали на свои места: реакция Амальрика в день их первой встречи, намеки Аргивальды, слова Естасиуса, рассказ Конана... Но она хотела услышать об этом от него самого!

И Амальрик заговорил, с трудом, как пловец, плывущий против течения.

— Там остался один человек... Он... моя незаживающая рана. Я готовил заговор против местного правителя и прочил его на роль ключевой фигуры... Ордену это было необходимо, чтобы получить свободу действий в горах и добраться на-

конец до замка, где Мартигор укрыл Глаз Кречета. Иного пути не было — крепость слишком хорошо охранялась... Этот человек — мой друг — когда я посвятил его в детали заговора... Он не просто отказался принять в этом участие, нет, он пригрозил, что выложит все графу коршенскому... И когда я доложил об этом Ордену — мне приказали убить его.

Палома медленно кивнула, пробормотав едва слышно:

— Я всегда знала, что лишь один человек на всем свете способен так ловко управляться с арбалетом...

Амальрика словно и не удивили ее слова. Напротив, на лице его отразилось облегчение, как будто он радовался возможности хоть с кем-то разделить эту ношу.

— Я не мог убить его. Это было сильнее меня. Но не мог и не подчиниться приказу — тем более, что тогда Орден попросту прислал бы другого убийцу!

— И ты подстерег его на охоте — и послал стрелу так, чтобы только ранить... и сделать его калеккой. Твой лучший выстрел, да? Ты должен гордиться!

Барон Торский ничего не ответил. Глаза его затуманились — и если бы Палома не знала его так хорошо, она решила бы, что это слезы.

О, Грациан, что же такое есть в тебе — что ты внушаешь людям такую любовь... и такую ненависть! Знаешь ли ты, кто стал причиной твоего увечья? Вынашиваешь ли втайне планы мес-

ти? Или прощение давно нашло дорогу в твое сердце?

И — что теперь делать ей?

— Я уезжаю в Коршен на рассвете, — промолвила Палома, не глядя на Амальрика. — Если хочешь, я...

— Ни к чему. — он покачал головой. — Ты заставила меня увидеть то, что я так долго скрывал от себя самого. Рано или поздно я должен вернуться туда!

Не надо, — хотелось ей выкрикнуть. Не смей! Не мучай его больше!

Но вместо этого она сказала лишь то, что, она точно знала, было истиной:

— Грациан будет рад вновь увидеть тебя.

Эпилог

они шли ровно, по залитой солнцем дороге, разворачивавшейся под копытами, точно желтая лента. Давно уже скрылись из вида башни Бельверуса, но Палома не обернулась взглянуть на них в последний раз.

Ее спутник молчал уже очень долго — с того самого момента, как она закончила свой рассказ. Там было все — кроме того, что касалось Амальрика. И Грациана. Она не сомневалась, что киммериец знает: она что-то скрыла от него. Но была уверена, что он не станет допытываться, уважая ее тайны.

— Я все время подозревал, что без какого-то колдовства здесь не обошлось, — задумчиво молвил наконец Конан. — Столько совпадений — все эти люди, как в хороводе, сошлись в одном месте. Ты. Я. Теренций. Гертран. Этот твой Старейшина... Будто кто-то насильно свел всех воедино!

Забавно, что, похоже, Естасиус знал это с самого начала... На нее он точно обратил внимание

еще в самый первый день, и потом осторожно подталкивал, указывал путь. Но и он был лишь слугой сверкающего рубина. Палома вспомнила чудесное видение, явившееся им, когда камень наконец обрел свое место в рукояти Меча...

— Глаз Кречета, и правда, обладает Силой. Я почувствовала это, когда увидела... — Она не знала, как объяснить, но северянин и без того все понял. — Реликвия должна была стать целой — а мы оказались вроде марионеток, исполнявших ее волю. Но... я не ощущаю досады. Естасиус не позволит использовать Меч во зло! Он — мудрый человек. И он сделал лишь то, что полагал правильным, даже если и использовал нас помимо нашей воли.

— Так он все же колдун?

— Не знаю. Но он общается с богами... Ему многое открыто — даже то, что мы стараемся скрыть от самих себя. — Она вспомнила подслушанный разговор в особняке, когда Естасиус приоткрыл ей истинные цели Гертрана — и предоставил выбор, на чью сторону встать в этом споре. И тайна Амальрика — он знал и об этом тоже! — Возможно даже, он хотел помочь нам всем.

Конан пожал могучими плечами.

— Слишком мудрено для меня. И было бы куда лучше, если бы ты все же узнала имя предателя в Коршене! В конце концов, разве мы не за этим приезжали?!

Нет, не за этим. Грациан бы понял — но навряд ли кто-нибудь еще. Она и сама не понимала до конца.

— Это было слишком опасно. Орден не любит, когда его секреты узнают посторонние. Если бы мы с Естасиусом говорили наедине — все было бы возможно. Но там было еще тридцать шесть человек. И среди них — Винцан и прочие друзья Скавро, те, кто очень хотел бы рассчитаться за его гибель. Они попросту не выпустили бы меня из замка живой, если бы решили, что я представляю для них угрозу. — Она помолчала. — Можешь считать, я испугалась. Это и в самом деле так.

Северянин не ответил. Соглашался ли он с ее резонами? Упрекал ли в душе за трусость? Вслух он сказал лишь только:

— Ладно, ерунда. Приедем в Коршен — там и разберемся. Этот подлец от нас не уйдет!

Чтобы уйти от этой тягостной темы, она заговорила о другом:

— Как все же получилось, что ты нашел меня там, в лесу? Я была уверена, что ты давно уехал!

Неожиданно киммериец расхохотался громовым басом. Смеялся он долго — а когда успокоился, объяснил... и тогда начала смеяться Палома. Смеяться, пока горошины-слезы не покатались по щекам...

— Я был очень зол на тебя, — сказал ей северянин. — Так зол, что готов был убить. И уже у самых городских ворот вдруг вспомнил, что говорил мне Грациан, когда отправлял с тобой в Немедию. «Эта женщина безумна, как кошка, — так он мне сказал. — Она будет отдавать тебе приказы, которые будут порой казаться нелепыми

или странными... Если это случится, тогда поступай в точности, как она говорит. Но если однажды она велит тебе что-то такое, что приведет тебя в смертельную ярость — тогда сделай все наоборот!» Именно так я и поступил. Вернулся. И поехал за тобой следом...

Она смеялась. Потому что смеяться было легче всего.

Скажет ли она когда-нибудь правду Конану? Скажет ли Грациану? Палома не знала.

Всей правды не знала и она сама.

СОДЕРЖАНИЕ

Патрик Корриган
ЗАКОН СТАИ

7

Норман Хьюз, Натали О'Найт
ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ

309

Литературно-художественное издание

Корриган Патрик
О'Найт Натали
Хьюз Норман

Конан и обитель драконов

Руководитель проекта Д. Ивахинов
Составитель Н. Баулина
Художественный редактор И. Богданов
Верстка: И. Федорова
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.12.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 10 000 экз. Заказ 522.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение № 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155 — 1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН
КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САЖА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45	КОНАН И ТНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОСЛАНИЕ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕИ 51	КОНАН И ЖЕЛТЫЙ ОКЕАН 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СТИШИЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗЕМЛИ ШАДДЕБАРА 56
КОНАН И ОАЕС ХАОСА 57	КОНАН И ПЕЧЕТЬ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТАЯ ПЕЧАТЬ 59	КОНАН И ПОСЛАНИЕ КОСЛИЯ 60	КОНАН И ТИТРА ХАЙБОНИИ 61	КОНАН И ВОЛАН БУРИ 62	КОНАН И СКА ИСТОМНА 63
КОНАН И САКА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИС ЗВЕРЯ 65					
КОНАН И ОБИТЕЛИ ДРАКОНОВ 66						

KOHAN

ISBN 5-17-005603-9

9 785170 058037